Последняя зима

Алексей Федорович Федоров

SHOUT
SHARE
IT

- Федоров Алексей Федорович
  - ○

Федоров Алексей Федорович
Последняя зима

Алексей Федорович ФЕДОРОВ
Дважды герой Советского Союза
ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА
Литературная запись Е. Шатрова
СОДЕРЖАНИЕ:
От автора
У стен Лесограда
Трудная судьба
Наступление минеров
Дублеры из Словатичей
Митя, "телка" и мост
По ту сторону Буга
Партизанская фамилия
Людям нужна правда
Рыцарь Красного Креста
Яринина могила
Новогодняя елка
Операция "Семечки"
Коридор через фронт
Когда не было тола...
Выродок
Луцкие подпольщики
Особое задание
Мариан становится солдатом
На Ковель!
Смытое пятно
Армия рядом
Документы разоблачают
Секретная кнопка
Новые рубежи
Много лет спустя
= =
Книга дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова
"Последняя зима" как бы продолжает его книгу "Подпольный обком
действует".
В "Последней зиме" автор размышляет о тактике и формах
партизанской борьбы, раскрывает организаторскую деятельность

партии в годы Великой Отечественной войны, рассказывает о борьбе, жизни и быте народа в последнюю партизанскую военную зиму.

= = = =

зрения как командира соединения и секретаря подпольного Волынского обкома партии, но и многое другое, я использовал воспоминания некоторых моих товарищей-партизан (Ф. Лысенко, С. Газинского, В. Павлова, В. Кременицкого, Д. Резуто, В. Клокова, И. Самарченко, Т. Гнедаша и других). Сердечно благодарю их за помощь в работе.

Впервые эта книга вышла в 1965 году. В настоящее издание внесены некоторые дополнения и уточнения.

У СТЕН ЛЕСОГРАДА

Города строят на века. Наш лесной партизанский город мы тоже строили надолго, по крайней мере на целую зиму. Он не был похож на то становища из шалашей и маленьких, наспех вырытых землянок, в которых приходилось жить партизанам два года назад. Но ведь и многое, очень многое изменилось за это время!

Тогда, в первую военную осень, фронт был под Москвой, затем он приблизился к Волге, а теперь фронт у Киева, на Днепре. Тогда главным оружием народа были его мужество, любовь к Родине, готовность выстоять перед внезапно навалившейся вражеской силой. Теперь вместе с мужеством, патриотизмом, волей к победе есть у советских людей и могучая военная техника, и колоссальный боевой опыт. За два года в тылу фашистских армий из отдельных, сразу же вспыхнувших очагов разгорелось всенародным пожарищем яркое пламя партизанской борьбы. И наш отряд, как немало других, вырос в крупное соединение.

Весной сорок третьего, выполняя приказ, мы прошли с боями около тысячи километров из Черниговской области на Волынь и остановились у западной границы Советского Союза. Вместе с партизанскими батальонами прибыл сюда и подпольный Волынский обком партии, секретарем которого я был утвержден.

Нашему соединению - иначе воинской части No 0015 - предписывалось систематическими диверсиями парализовать работу железных дорог Ковельского узла. Это задание было выполнено. Только в августе мы подорвали 209 вражеских эшелонов. Еще никогда и нигде партизанские минеры Ее достигали такой "производительности". Важнейшие коммуникации противника, находившиеся под нашей "опекой", фактически вышли из строя. Поезда ходили здесь изредка, да и то с черепашьей скоростью. Гитлеровцам пришлось отправлять подкрепления в район Курской дуги не напрямик, через Ковель Киев, а в объезд, что удлиняло путь на сотни километров.

Наступила осень. Нам предстояло закрепить летний успех, не давать противнику и дальше пользоваться всеми шестью дорогами Ковельского узла. Надо было выполнять на Волыни и

другие поставленные перед соединением и подпольным обкомом задачи. Вот почему мы собирались провести зиму неподалеку от Ковеля, в лесах между реками Стоход и Стырь. Строительству нашего центрального лагеря мы отдали много труда.

Лагерь этот и в самом деле напоминал город.

На небольшой площади-поляне находился наш штаб. Как описать постройку, в которой работали и жили штабисты? Не землянка, но и не дом, а скорее нечто среднее. Вырыли котлован. Опустили туда на три четверти сруб избы, реквизированный у какого-то фашистского прихвостня и доставленный в лагерь. Оконные проемы удлинили, чтобы поднять повыше застекленные рамы. Кровли не полагалось. Потолочное перекрытие присыпали грунтом, сверху наложили дерн, понатыкали для маскировки елочек. Ну что получилось? По-моему, изба-землянка, хата-землянка. Были у нас в Лесограде и землянки типа бараков, обшитые изнутри досками или хорошо подогнанными бревнами.

Почти рядом со штабом находились хаты - моя и комиссара соединения Владимира Николаевича Дружинина. Тут же поблизости расквартировались комендантская и диверсионная роты, отдел пропаганды штаба, редакция и типография, столовая, баня, парикмахерская. Имелось даже кинофотоателье, как называли партизаны землянку оператора Михаила Глидера. Чуть подальше стоял кавалерийский эскадрон.

Высоко подняты над ельником антенны узла связи. Оттуда всегда доносится попискивание аппаратов, стук телеграфного ключа... Проходя мимо, я не раз вспоминал, сколько усилий стоило нам отправить в начале января 1942 года первую мою радиограмму Центральному Комитету Коммунистической партии Украины, состоявшую всего из девятнадцати слов.

Рация тогда у нас уже была, но отсутствовало для нее питание. Партизаны собрали десяток аккумуляторов с разбитых немецких автомашин и три дня заряжали их с помощью привода от конной молотилки, гоняя по кругу лошадей. Теперь мы имеем несколько радиолиний, связывающих штаб с Большой землей и с нашими отрядами-батальонами, действующими на железных дорогах. Весь лагерь радиофицирован. Партизаны слушают последние известия, концерты из Москвы, наши местные передачи. Походная электростанция связистов не только обеспечивает энергией радиоаппаратуру, но и дает свет в ближайшие землянки.

Метрах в пятидесяти от Штабной площади пролегает широкая просека, но и за ней продолжается Лесоград. По ту сторону просеки дислоцируются разведывательная рота, артиллерийско-минометный батальон, склад боеприпасов,

дальше среди молодого ельника располагаются бараки-землянки медицинской части.

В конце 1941 года первую серьезную хирургическую операцию сделал у нас за неимением врача старшина медвзвода Георгий Иванович Горобец, пароходный механик по специальности и директор Черниговских судоремонтных мастерских по своей последней мирной должности. Раненому партизану грозила гибель от гангрены. Необходимо было ампутировать омертвевшую руку. Наш молоденький фельдшер не решался это сделать, да и не имел нужного инструмента. Вот тогда-то Георгий Иванович наточил и продезинфицировал обыкновенную слесарную ножовку и с ее помощью произвел операцию. Надо лишь добавить, что боец остался жив, выздоровел и до сих пор называет Горобца своим спасителем.

Сейчас в нашем госпитале опытные хирурги, имеется просторная операционная, потолок и стены которой затянуты парашютным шелком, есть хирургическая палата, инфекционное отделение, изолятор и даже зубоврачебный кабинет. Когда мы шли на Волынь, в одном белорусском местечке попросилась в отряд медицинской сестрой зубной врач Ольга Александровна Сычевская. Но почему сестрой? Разве у партизан никогда не болят зубы? Мы взяли Ольгу в медчасть вместе с ее клеенчатым креслом, бормашиной и страшными никелированными щипцами, приводившими в трепет даже самых отчаянных разведчиков и минеров.

Неподалеку от медицинской части раскинула свои владения хозяйственная рота. Тут склады и множество предприятий. У нас работают хлебозавод и колбасная фабрика, мастерские портняжная и белошвейная, сапожная и шапочная, обозная и свечная. Недавно мы начали выпускать к зиме лыжи собственного производства. Теперь у хозяйственников всегда есть запас продуктов, свое стадо коров, а ведь в прошлом нам случалось питаться и конинкой без соли, и подмороженным сырым бураком, случалось и сутками ничего не брать в рот, кроме кружки березового сока.

Как всякий город, Лесоград имел свои дальние и ближние слободы. В этих слободах, представляющих собой тоже хорошо, добротно построенные небольшие лагеря, расквартировалась часть наших отрядов-батальонов. Дальше всего от штаба - в семи километрах - находился так называемый гражданский лагерь, где мы разместили бежавших от преследования фашистов мирных жителей, главным образом стариков, женщин и детей. Они целиком на нашем попечении. Мы охраняем их, снабжаем продовольствием.

Ранним утром 20 октября 1943 года, выйдя из своей хаты, я осмотрелся вокруг. Еще не рассвело, но можно разглядеть, что стволы ближних сосен и опавшая листва под ногами покрыты инеем... Да, скоро зима! И неужели придется покинуть наш Лесоград? Словно отвечая мне, где-то в стороне Любешова грохнули один за другим два отдаленных разрыва. "Батальонные минометы!" - автоматически отметило сознание.

В полутьме показался силуэт Дружинина. Мы обменялись с комиссаром рукопожатием. Помолчав, он сказал:

- Постреливают! Ни свет ни заря начали... Что день грядущий нам готовит?

- Сейчас узнаем.

Прошли в штабную землянку и попросили начальника штаба Дмитрия Ивановича Рванова доложить обстановку. Новости были неутешительные.

- Противник по-прежнему ведет наступление с юга и запада, а на востоке накапливает силы, - сказал капитан Рванов. - В западном направлении мы удерживаем Чапчи, занимаем оборону по окраинам леса у Железницы и Березичей. Несем потери, хотя и небольшие. В Любешов, по данным разведки, вчера вечером прибыло еще десять автомашин с пехотой. На юге удерживаем Лобну и Серхов, однако ночью в Маневичи доставлены из Ковеля два немецких батальона с бронетранспортерами и танками... Наверное, сегодня поднапрут! Надо ждать.

- Что слышно у Балицкого? - спросил я.

- Вчера провел бой с украинскими националистами в селе Берестяны. У противника до сотни убитых, семьдесят сдались в плен, взяты трофеи - шесть ручных пулеметов, продовольственный обоз... Но все равно Балицкому пришлось затем отойти в глубь леса, ведь батальон у него неполный, одна рота здесь...

- А сколько же там набралось бандеровцев? - поинтересовался Дружинин.

- Три "куреня", считайте, семьсот пятьдесят штыков. Потеряли они сто семьдесят. Часть оставшихся Балицкий оттягивает на себя, остальные, по его сообщению, ушли в направлении Маневичей.

- Опять сюда! - сказал я, глядя на карту. - Значит, главный удар собираются нанести с юга?

- Пожалуй, с юга и с запада в одинаковой мере, а на востоке хотят помешать нам перейти Стырь. Конечная цель - выжать партизан на север, в белорусские болота.

- Не выйдет! Но обстановка тяжелая... Нельзя дальше ждать. А ты как считаешь, Владимир Николаевич?

- Нельзя. Придется уходить, - ответил Дружинин, по своему обыкновению чуть склонив голову к левому плечу.

- Ваше мнение? - обратился я к Рванову.

- Позиционная война - не партизанское дело. Пора уходить!

- Ну тогда подниматься лучше сегодня, чем завтра, - решил я. - В план выхода на марш вносить изменения нет необходимости. На девять ноль-ноль соберите командиров и политработников... А сейчас давайте подпишем приказ!

Рванов достал заготовленный приказ, и мы подписали его все трое.

Итак, сегодня в 16.00 соединение двинется в новый поход с таким расчетом, чтобы ночью форсировать реку Стырь. Пусть фашисты войдут в покинутый нами лес, пусть втянутся поглубже в его чащу, пусть рыщут там, где нас уже не будет. Конечно, позже они смогут броситься по нашему следу. Что ж, побродим вместе в лесах за Стырью, там просторнее, поманеврируем! Тактика маневра и коротких, изматывающих врага схваток всегда сподручнее для партизан. В конце-то концов мы вернемся в наш Лесоград. Но вот когда? И в каком найдем его виде?..

О готовящейся против нас экспедиции мы узнали заблаговременно, еще в первых числах октября. Не совсем ясны были ее масштабы и конечные цели. Поначалу казалось, что противник намерен лишь выбить партизан из сел, где мы расположили свои гарнизоны-заставы, и блокировать наше соединение в междуречье, отрезав ему выходы к железным дорогам. Однако и после того, как мы оставили с боями несколько населенных пунктов, противник продолжал наступать, перешел на западе через Стоход и вклинился в лес, не прекращая подтягивать довольно крупные силы. Вражеский замысел стал очевидным: фашисты хотят оттеснить партизан к северу, чтобы дать возможность Ковельскому узлу работать нормальнее.

Но мы не пойдем на север! И немцам не удастся наладить работу важной для них коммуникации. Марш-маневр будет совершать не все наше соединение, а только часть его во главе со штатом. Четыре отряда-батальона останутся у дорог Ковель - Брест, Ковель - Хельм, Ковель - Луцк, чтобы продолжать там диверсионную работу.

В ходе боев определилось, что оккупанты наступают вместе с украинскими националистами по единому, явно согласованному плану. Убеждал в этом и сегодняшний доклад начальника штаба.

- Просто не понимаю, как бандеровцы до сих пор могут утверждать, что они воюют против немцев! - сказал мне Владимир Николаевич, когда мы сели завтракать.

- И будут утверждать, пока здесь останется хоть один

гитлеровец. Ничего удивительного! Они же знают, что народ ненавидит оккупантов, что для народа фашистский солдат - злейший враг. Вот бандеровцы и кричат, что и они против немцев.

- Почему кричат - ясно! Я не о том... Но ведь всякая агитация должна опираться хотя бы на минимум фактов. Мы здесь несколько месяцев, и не было случая, чтобы националисты разгромили немецкий гарнизон или хотя бы паршивый полицейский участок, сбросили под откос эшелон, убили бы хоть одного фашиста.

- Говорят, что не пришел час, накапливают силы... Ты же знаешь! И потом, они всегда могут повернуть дело Так, что именно ни этом участке и в данный момент нельзя было по тактическим соображениям нападать на оккупантов, а в другом месте они будто бы напали. Демагогия! Наглая брехня! Ну что ты от них хочешь?!

- Обожди, пытаюсь добраться до одной истины. Ну, допустим, бандеровцам удавалось до поры до времени скрывать от населения, что они мешают нам, партизанам, бить немцев. Минирование наших подходов к железным дорогам, засады - все это можно было как-то скрывать. Но ведь теперь дело у них дошло до крупных, совместных с оккупантами операций против нас! Вот, пожалуйста, прибыли в Маневичи немцы с танками, и туда же прутся бандеровцы. У Железницы и Березичей бандеровцы, а на подмогу им прикатила в Любешов немецкая пехота.

- И все-таки бандеровцы и немцы в одной цепи не пойдут! Со стороны может выглядеть, что и те и эти воюют с партизанами совершенно самостоятельно. Координация осуществляется где-то выше, главарями.

- Вот-вот... К этому и веду! - сказал Дружинин. - У меня такое впечатление, что, пока Бандера играет в оппозицию к гитлеровцам и говорит всякие пышные слова, здешний фюрер украинских националистов Степан Боровец успел договориться с оккупантами о совместной борьбе против партизан. Заключил этакое сепаратное соглашение!

- Вполне возможно, - согласился я. - Но все тайное со временем становится явным. Связи с немцами Боровцу будет трудно скрыть от собственной же рядовщинки. Это нам на руку! Убедительнее можно показывать людям, кому служат буржуазные националисты, куда толкают своих приверженцев. Для разложения, нейтрализации рядовых бандеровцев мы уже кое-что сделали. Разве случайно вчера Грише Балицкому сдались сразу семьдесят националистов? И в других местах переходят!

- О том, что надо нейтрализовать бандеровцев, нам еще в Москве, в Цека, говорили... Не всегда, к сожалению, это у нас получается. Кстати, не мешает напомнить разведчикам и работникам особого отдела, чтобы все документальные данные о связях Боровца с оккупантами не пропускали мимо рук. Прекрасный материал для пропагандистов!

- На совещании напомним.

Степан Боровец, о котором шла речь, был местным, ровенско-волынским, главарем украинских националистов. В недалеком прошлом владелец каменного карьера и мастерской надгробных памятников, он после вторжения гитлеровцев в Советский Союз начал активно сотрудничать с ними и сколотил из всяческого сброда подобие войска, которое именовал "Полесской сечью". Себя Боровец объявил сечевым атаманом, присвоив для пущей важности псевдоним "Тарас Бульба". Поэтому-то находившихся под его командованием бандитов партизаны, да и многие местные крестьяне презрительно называли бульбашами, бульбовцами.

Вскоре Боровец для виду поссорился с немцами, распустил "сечь", остатки которой влились в так называемую Украинскую повстанческую армию, или сокращенно УПА, организованную националистами. Обманом, принуждением они втянули в УПА и немало честных, но темных, политически совершенно безграмотных людей. Открывать глаза этим людям, помогать им освобождаться от влияния своих атаманов входило в задачи партизан и подпольного Волынского обкома.

Торговали народными интересами буржуазные украинские националисты с давних пор. Как известно, еще в годы первой мировой войны они выступали за отделение Украины от России, проповедовали создание самостоятельного Украинского государства, самостоятельного, разумеется, только формально, а по существу ратовали за превращение Украины в колонию германского империализма и австро-венгерской монархии. Шли годы, менялись вывески прозябавших за рубежом украинских националистических партий, менялись вожди "самостийников", а программа их становилась все реакционнее. Действовавшая в годы Великой Отечественной войны Организация украинских националистов (ОУН) во главе с новым ее руководителем Степаном Бандерой представляла собой партию уже явно фашистского типа.

Бандеровцы, стремясь к отделению Украины от Советского Союза, не гнушались в этих целях сотрудничать с Гитлером, были готовы принять немецкий протекторат над внешне "самостийной" державой. Националисты не стеснялись в средствах. Террор,

предательство, разбой, разжигание национальной вражды - все шло в дело. Сам Бандера, став платным агентом абвера - военной разведки гитлеровского вермахта, числился в списках ее тайных агентов под кличкой Серый.

Конечно, всерьез считаться с Бандерой и удовлетворять его претензии немецкие фашисты не собирались. А вот использовать и бандеровцев, и бульбовцев, и мельниковцев, любую националистическую погань для борьбы с советскими партизанами - это можно, это оккупанты делали охотно. Атаманы украинских националистов вечно грызлись между собой, но в одном-то они всегда сходились с редкостным единодушием. Все они люто, по-звериному злобно ненавидели Советскую власть, и поэтому-то любые воинские формирования националистов оккупанты могли использовать в своих целях.

Вот и сейчас впереди выступивших против нас карателей шли бандеровцы и бульбаши, поддерживаемые гитлеровской техникой. Красноречивое, хотя еще и не вполне официальное содружество! Пройдет совсем немного времени, и бандеровцев очень точно будут называть украинско-немецкими националистами. Такими они были уже теперь. Что ж, повоюем и с украинско-немецкими, и просто с немецкими фашистами! Нам не впервые. Сегодня начнется новый поход, а пока надо потолковать с вызванными в штаб командирами и политработниками.

Совещание длилось недолго. Порядок выхода на марш, места подразделений в колонне, их задачи, способы связи, сигнализации, пароли все было предусмотрено приказом. Нам с Владимиром Николаевичем оставалось только напомнить о прописных истинах, касающихся дисциплины, бдительности, сбережения оружия, о чем сказать лишний раз никогда не мешает. Напомнили и о необходимости заняться выяснением формальной стороны нынешних взаимоотношений УПА с гитлеровцами. Потом ответили на возникшие у собравшихся вопросы. Наконец, как и положено, сверили часы.

Отпустив всех, мы задержали на несколько минут комиссара недавно созданной польской бригады Виктора Кременицкого, высокого, серьезного, всегда чем-то озабоченного человека.

- Вашим людям, Виктор, будет труднее других, - сказал я. - Знаю, что народ у вас необстрелянный, почти все новички... Поэтому с посланных к вам в бригаду старых партизан двойной спрос.

- Ясно, Алексей Федорович! Ветераны покажут пример, - заверил Кременицкий.

- Пример примером, но пусть и помогают полякам... Бывалый

новичку в походе, в бою многим может помочь! И советом, и поддержкой, и выручкой. Паники не допускайте при обстрелах. Туда, где потруднее, где слабина, наших коммунистов и комсомольцев бросайте!

- Есть! Сделаем!

- Ну, идите... Наведываться к вам буду в пути.

Вскоре весь лагерь, как говорится в таких случаях, пришел в движение. Не знаю, быть может, в польской бригаде имени Ванды Василевской и не обошлось без нервозности, суеты, вполне простительных для новичков, но во всех других подразделениях партизаны собирались в путь спокойно, деловито и сноровисто. Виден у людей опыт, приобретенный во многих походах. Если грузят подводу, то так плотно, что ничего с нее не упадет и на самом крутом повороте. Если чистят оружие, то до зеркального блеска, так его отполируют, что ни винтовка, ни автомат, ни пулемет никогда в бою не откажут. Если переобувается человек, то с таким старанием, без единой складочки обернет портянкой ногу, что в сапоге ей и тепло и просторно. Если укладывает вещи в мешок, то пару белья отправит вниз, а сухари, кусок сальца положит сверху, да еще и надрежет сальце.

Но не все в Лесограде и его окрестностях готовились в поход. Мы не могли взять с собой обитателей гражданского лагеря. Поэтому мирных жителей пришлось эвакуировать в глубь леса. Помогли им сделать там временные землянки и шалаши, замаскировали все подходы, предварительно отвезли туда двухнедельный запас продуктов.

Не шел с нами, хотя и поднялся из своей "слободы", и 5-й батальон, или, как его еще называли, отряд имени Кирова. Ему предстояло выполнить сложную и ответственную задачу. Во-первых, заменить мелкими заслонами те взводы и роты выступающих в поход батальонов, которые держат сейчас оборону по окраинам леса, у дорог. Во-вторых, после нашего отхода за Стырь оттянуть эти заслоны, впустить фашистов в лес и как следует их здесь помытарить, увлекая из стороны в сторону и не допуская к временному гражданскому лагерю. В-третьих, кировцы должны выслать к железной дороге Ковель - Сарны мелкие, по принятой у нас терминологии, "москитные" группы минеров для подрыва проходящих поездов. В-четвертых, батальону приказано поддерживать со штабом соединения радиосвязь и сообщать обо всем, что будет происходить в районе междуречья.

Нелегкие выпали на долю батальона деда! Но 5-й - это один из лучших, в нем много закаленных ветеранов-черниговцев. Командир батальона Николай Николенко - опытный боевой офицер, комиссар Иван Караваев - отличный политработник. Не

сомневаюсь, что кировцы свою задачу выполнят.

Сначала мы хотели освободить батальон от выходов на минирование, направив к дороге Ковель - Сарны людей из какого-нибудь другого подразделения, но кировцы запротестовали.

- Нам по лесу лазить, а кто-то на нашем участке будет себе эшелоны набирать! Где же справедливость?! - говорил Караваев. - Мы по числу подорванных эшелонов и так отстали! Вот у первого дело уже к сотне идет... Нет, нет, мы и на дороге, и в лесу справимся. Эшелоны счет любят!

Пришлось уступить...

В середине дня Дружинин поехал взглянуть, как готовятся к выходу на марш поляки, а я отправился в госпиталь к раненым. Медики кончали погрузку имущества, но раненые были еще в палатах. Захожу прежде всего к героям недавних оборонительных боев.

На крайнем топчане лежит комсомолец Миша Страхолет. Это совсем еще молоденький паренек с худеньким, наивным, почти детским лицом. Он проявил настоящее мужество, когда бандеровцы подошли к селу Серхов.

Был там у нас только один взвод с приданным ему отделением пулеметчиков. Бульбаши наступали в составе "куреня", то есть батальона. Почти по десятку бандитов приходилось на каждого нашего бойца. Но отдать им село - значило пропустить их на дорогу, ведущую к центральному лагерю. Партизаны заняли оборону.

Миша со своим "дегтярем" окопался на высотке у школы. Он хладнокровно бил по цепям подбиравшихся к селу националистов. Меняя диск, пулеметчик чуть приподнялся, и в ту же секунду пуля навылет пробила ему грудь. Говорят, что сначала Миша очень испугался и с ужасом глядел на залившую его кровь. Но после перевязки сразу повеселел, снова взялся за пулемет и продолжал расстреливать бандитов.

Перевязала Страхолета медицинская сестра Аня Гапонова, которую потом ранило в обе ноги. Придя в себя, Аня взяла карабин и тоже начала стрелять по наступавшим. С такой же самоотверженностью сражались в Серхове все партизаны взвода Василия Азаренко, пока не подоспел к ним на выручку кавалерийский эскадрон.

Комсомолка Аня Гапонова лежит сейчас неподалеку от Страхолета и дремлет. Этой красивой, скромной, смелой девушке нет и восемнадцати лет, а в партизанах она уже второй год. Пришла к нам в Климовских лесах вместе с подругой, тоже ставшей хорошей медицинской сестрой. Анин отец во время гражданской войны партизанил в отрядах Николая Щорса, дрался

с петлюровцами, предшественниками сегодняшних бандеровцев и бульбашей.

Аня дремлет, а Миша Страхолет, воспользовавшись моим приходом, спешит пожаловаться на врачей:

- Товарищ генерал Алексей Федорович! Они меня в тыл хотят сплавить... Что я там не видел, на Большой земле? Или у нас госпиталя нет? Я на Большую землю после войны поеду...

- После войны, Миша, никакой Большой земли не будет. И Малой не будет. Вся советская земля - одна, и без фашистов! А насчет отправки в тыл давай так решим... Самолетов пока нет, погода их к нам не пускает. А к приемке первого же самолета ты постарайся выздороветь! Тогда и спорить с врачами не придется. Идет?

Миша соглашается. Обхожу раненых, разговариваю с ними, потом спрашиваю главного хирурга Тимофея Константиновича Гнедаша, получила ли медсанчасть из хозяйственной роты двух дойных коров.

- Да! И хороших подобрали, - отвечает Гнедаш. - Каждая литров по пятнадцать дает. На всех-то раненых этого, конечно, маловато.

- Ничего не поделаешь, доктор. Больше брать с собой нельзя. За Стырью еще вам достанем. Да и население будет приносить молоко. Вот увидите!

После госпиталя побывал у артиллеристов и разведчиков. Все в порядке. Люди кончали обедать. Возвращаюсь к себе, чтобы тоже поесть горяченького. Наверно, в ближайшие дни питаться будем всухомятку.

Когда я, окончательно собравшись в путь, вышел из хаты, возле штаба и ближайших землянок уже хлопотали минеры. Навстречу попался высокий, кудрявый, вечно улыбающийся Володя Павлов, москвич, до войны студент, а теперь один из самых знаменитых наших подрывников.

- У вашей хатки, Алексей Федорович, хочу заложить посерьезней, с двойным зарядом. Жилище командира нам дороже всего! - говорит Павлов.

- Не надо двойную! Она так грохнет, что от жилища ничего не останется... И об экономии тола забыл, что ли? Поставь что-нибудь помельче.

- Можно и помельче. У меня широкий ассортимент! - усмехается Володя.

Этот парень уже столько подорвал эшелонов, столько исковеркал паровозов и вагонов, что его, как я шутя любил говорить, не примут после войны обратно в институт инженеров железнодорожного транспорта, где он раньше учился.

У нагруженных подвод стоит с пустым мешком в руках старшина штаба Семен Михайлович Тихоновский и манит к себе козочку Зойку. По дороге на Волынь, когда мы стояли на реке Уборть, партизаны поймали в лесу двух новорожденных диких косуль, козленка и козочку, стали выкармливать, приучать к людям. Козленок все-таки убежал, а козочка, названная Зойкой, быстро одомашнилась, привыкла к нам и стала Любимицей комендантской роты.

Вот посаженная в мешок Зойка привычно высунула наружу голову через сделанную для этого прорезь и с высоты телеги Тихоновского смело поглядывает по сторонам.

Зойка погрузилась, минеры работают, значит - конец сборам, значит можно выступать.

С западной стороны по-прежнему время от времени доносятся глухие разрывы.

* * *

Ровно в 16.00 колонна двинулась по узкой лесной дороге. Впереди идет 7-й батальон Федора Ильича Лысенко, этот же батальон выслал головную походную заставу. Разведка выступила еще раньше.

Командир 7-го батальона по довоенной своей профессии - педагог, историк. Но всякий, кто не знает этого, увидев энергичную, подтянутую фигуру Лысенко, его хорошо подогнанное обмундирование, услышав, как четко и сжато отдает он приказы, обязательно подумает: военная косточка, кадровик! Война быстро меняет людей. Батальон у Лысенко боевой, закаленный, тоже из тех, что сформированы еще на Черниговщине. Федор Ильич - член нашего подпольного обкома.

Начал накрапывать нудный мелкий осенний дождь. Это и хорошо, и плохо. Плохо, что мокро, зябко, труднее двигаться, но зато нет в небе самолетов. Наша колонна растянулась на три километра, но скоро к ней должно еще пристроиться подразделение соседнего партизанского отряда.

Соседей в этом партизанском крае у нас немало. Восточнее и южнее действовали отряды соединения генерал-майора В. А. Бегмы, секретаря подпольного Ровенского обкома партии. Там же находились отряды специального назначения полковника Д. Н. Медведева, подполковников Н. А. Прокопюка, В. А. Карасева и А. П. Бринского. Одно из подразделений Бринского, расположенное по эту сторону Стыри, и должно было пойти с нами.

В каких-то особых, но абсолютно непонятных мне конспиративных целях все командиры у Бринского фигурировали под довольно странными псевдонимами. Сам Антон Петрович именовался "дядей Петей". Его начальника штаба Перевышко

величали "дядей Сашей". Были там и "дядя Ваня", "дядя Миша", "дядя Лева", в общем, все "дяди". Меня эти клички всегда раздражали. Ладно, берите себе псевдонимы, если нравится, хотя время для них и прошло, но не такие, от которых веет чем-то панибратским, отнюдь не воинским. Кстати сказать, как раз партизаны ближайшего к нам "дяди" не отличались особой дисциплинированностью. В этом пришлось сегодня лишний раз убедиться.

Вдруг мне докладывают, что в середину колонны вклинились какие-то повозки с гражданскими людьми, отчего задержалось движение. Поворачиваю своего жеребца Адама и рысью еду к месту происшествия. Вскоре открывается следующая картина.

Из боковой просеки выезжает огромная вереница подвод, пытаясь влиться в нашу колонну. Повозки нагружены домашним скарбом; сверху, на узлах, сидят бабы, ребятишки. Ко многим подводам привязаны коровы, где-то повизгивает поросенок, кудахчут куры. Кто это? Откуда? Но тут я замечаю сопровождающих обоз вооруженных людей с красными ленточками на шапках, вижу восседающего верхом на коне "дядю" и начинаю понимать, что произошло.

Оказывается, соседи двинулись в поход вместе со всеми мирными жителями, группировавшимися вокруг их лагеря. К тому же они хотят занять в колонне совсем не то место, которое им предназначено.

- Почему нарушаете порядок? Зачем с вами гражданские? - спрашиваю я командира.

- А куда их девать?!

- Мы еще три дня назад об этом говорили: спрятать в лесу, дать продуктов, оставить охрану...

- Так обстановка же изменилась!

- При чем тут обстановка? Мы на марше, а не на прогулке за грибами. В любую минуту может начаться встречный бой... Немедленно повернуть гражданских в лес и сделать для них все предусмотренное приказом. Выполняйте!

Сосед подчинился. Но пока делалось то, что надо было сделать заранее, прошло два часа с лишним.

Наконец мы тронулись дальше, однако вскоре опять произошла непредвиденная задержка. Нас догнала повозка-фурманка из дальнего, оставшегося у дороги Ковель - Брест, 9-го батальона. В повозке лежал тяжелобольной партизан. Вздувшаяся на шее флегмона грозила ему смертью от удушья. Требовалась срочная операция.

- Сколько она займет времени? - спросил я Гнедаша.

- Сорок минут.

Это немало, особенно после того как уже потеряли больше двух часов. Но нельзя допустить гибели человека ни за что ни про что, от какого-то паршивого гнойника! Делаем новую остановку.

Только глубокой ночью мы подходим у деревни Млынок к реке. Лес кончился, последние два-три километра двигались по открытой местности. Перебраться через Стырь рассчитываем вброд: разведка донесла, что уровень воды здесь невысок. Первой начала переходить речку головная застава.

Неожиданно тишину нарушили близкие разрывы - один, другой, третий... С противоположного берега бьют по переправе минометы. И почти сразу же заговорил пулемет. Засада! Сможет ли наша рота ее сбить? Снова остервенелый лай пулеметов. Опять близкие разрывы. Мины рвутся в воде, вздымая фонтаны. Вот ухнула пушка, как будто 76-миллиметровая. Наиболее удобное для переправы место оказалось хорошо пристрелянным бандеровцами.

Головной роте перейти Стырь не удалось. Противоположный берег обрывист, крут, поэтому позиция у врага очень выгодная. Одному из батальонов, наверно, придется сделать глубокий обход и ударить по националистам с тыла. А пока надо оттягивать колонну обратно к лесу, ведь огонь могут перенести и на нее. Не так-то легко развернуть примерно пятьсот подвод в темноте, да еще по осенней распутице! К восходу солнца мы все же втянулись в лес, начали рассредоточивать штабное хозяйство по опушке, как вдруг снова загремели выстрелы; теперь трескотня автоматных очередей, вспышки винтовочного огня где-то близко, совсем рядом.

Бандеровцы двигались по нашему следу или подобрались к нам стороной. Конечно, сил у нас достаточно, но вести бой в наши планы сейчас не входит. Все же нам его навязали. Значит, надо не только обороняться, но и оттеснить бандеровцев подальше, как следует их расколотить.

Всякий бой в лесу труден. Но особенно труден он на рассвете, при плохой видимости, и к тому же с националистами, которых по одежде не отличишь сразу от своих. Бандеровцы, как и партизаны, одеты кто во что горазд, и не все носят на шапках кокарды-трезубцы петлюровских времен. Да где уж издали вглядываться в кокарды! Поэтому нередко стороны сближаются настолько, что дело доходит до ожесточенных рукопашных схваток. Так и сегодня. Связной из 7-го батальона, принявшего основной удар бульбашей, докладывает, что там уже дерутся прикладами и кинжалами. Посылаем на подмогу Лысенко два взвода конников.

Мой КП у какой-то телеги. Рядом стоят Дружинин, Рванов,

заместитель по разведке Солоид и еще два-три командира. Обсуждаем, что предпринять дальше. Оставаться в лесу при сложившейся обстановке невыгодно. Бандеровцы наверняка подтянут резервы, снова будут наседать, а мы не сможем пустить в ход ни артиллерию, ни пулеметы. Отойти же к деревне Млынок, что у самой переправы, - значило подставить себя под артиллерийско-минометный огонь с того берега.

Смотрим на карту, прикидываем разные варианты маневра. Решаем занять село Мульчицы, находящееся километрах в шести вниз по течению Стыри. Село большое - можно всем разместиться. Авиация пока не угрожает: погода нелетная. Подходы к Мульчицам открытые, что благоприятствует обороне. Заняв село, надо сразу же искать место для переправы и перейти реку там, где противник нас не ждет.

Пока мы совещаемся, бой на участке 7-го батальона стихает. Бульбашей удалось оттеснить в глубь леса, да и полегло их немало. Многие партизаны проявили в этом бою стойкость, находчивость и отвагу. Одним из героев оказался бывший матрос Степан Знаменщик.

С полсотни националистов окружили командира батальона Лысенко, комиссара Криницкого, командира одной из рот Бовтуна и двух рядовых партизан. Упали, сраженные пулями, Бовтун и рядовые. Отполз куда-то в сторону Криницкий. Легко раненный в руку Федор Лысенко остался один. Бандеровцы смыкали кольцо, чтобы взять комбата живым.

Это увидел Знаменщик. Он бросил подряд четыре гранаты, сделал брешь в кольце и крикнул Федору Ильичу, чтобы тот выбирался из окружения. Не давая бульбашам опомниться, Степан застрочил по ним из автомата. Лысенко был спасен. Подсчитали, что герой моряк уничтожил двадцать восемь националистов.

Жаль Бовтуна! Хороший был командир, скромный и милый человек... Совсем недавно мы приняли его в партию. Сообщают и о других тяжких для нас потерях. Еще ночью у самой реки был опасно ранен алмаатинец Вася Смагин. Выживет ли бедняга?

У нас было два Васи Смагина. Разными путями, но почти в одно время зимой 1942 года - пришли они в отряд. Для того чтобы не путать тезок и однофамильцев, их отличали по названиям городов, откуда они были родом. Один Вася Смагин-Алма-Ата, или алма-атинский, другой Вася Смагин-Киров, кировский.

Кировчанин погиб смертью храбрых этим летом. Вася алма-атинский казался завороженным от пуль. Всегда впереди, всегда жизнерадостный, неунывающий... Он и стихи писал. Многие

знали его "Послание Гитлеру", начинавшееся так: "Адольф, Адольф! Тебя клянут народы, когтями идола скребещешь ты сердца..." Конечно, неизвестно, почему у идола вдруг когти и что это за слово "скребещешь", по стихи партизанам нравились, и, узнав, кто их автор, они еще больше стали уважать Смагина-Алма-Ату. И вот теперь Василий тяжело ранен, вряд ли выживет... Война!

Селом Мульчицы мы овладели в середине дня, перебазировались туда, заняли оборону. Сразу же провели саперную разведку. Поблизости от села места для переправы самые неблагоприятные. Не только восточный, но и западный берег крутой, и река тут глубже, чем у Млынка, вброд ее не перейти. Но ведь это прекрасно известно и бандеровцам. Они, вероятнее всего, предполагают, что партизаны вернутся ночью к Млынку, чтобы снова попытаться там форсировать Стырь. Значит, переходить надо именно здесь, у Мульчиц, а для этого готовить мост-переправу.

И вот, когда после трудной бессонной ночи все старались хоть немного отдохнуть и привести себя в порядок, саперы принялись за работу. Тут же в селе нашли необходимый лесоматериал. Надо заранее сделать козлы-опоры, сколотить звенья настилов, чтобы с наступлением темноты оставалось лишь подтащить их к реке.

Мы не имели отдельного строительного подразделения. Зато все наши подрывники были еще и хорошими плотниками. Попробуйте построить тот же мост без единого гвоздя! Далеко не каждый возьмется... А у нас всё строили без гвоздей. Для партизан самый обыкновенный гвоздь очень дефицитная штука. Где его взять? Не просить же, чтобы прислали с Большой земли! Оттуда лучше получить лишний пуд взрывчатки или патронов. Сначала по десять раз использовали старые, выдергивая их, выпрямляя, но все равно гвоздей всегда не хватало. Пробовали делать их сами из толстой проволоки, но без шляпок они плохо соответствовали своему назначению. В конце концов партизаны отказались от гвоздей и всё, от табуреток до мостов, сколачивали на деревянных шипах и клиньях.

Строителями переправы командовал Алексей Садиленко, человек могучего здоровья и неуемной энергии. Казалось, что Садиленко - один в нескольких лицах. Вот только что он был рядом с Рвановым и требовал выделить в помощь саперам взвод для выравнивания подходов к реке. Проходишь по улице чуть дальше - и снова видишь Алешу, приказывающего старосте собрать в селе все лопаты. Заглянешь в какой-нибудь двор, а Садиленко уже там, машет вовсю топором, проворно и ловко

обтесывая бревна.

Националисты время от времени постреливают из леса, но идти к Мульчицам по открытой местности не решаются. Конечно, никого из жителей мы за село не выпускаем, чтобы бульбаши не дознались о подготовке партизан к переправе. Народ тут неплохой, настроен по-советски, но разве не бывает паршивой овцы и в хорошем стаде?!

Пора бы хоть чего-нибудь поесть!.. У штабной кухни стоит повариха Екатерина Рудая и кормит грудью нашего самого маленького партизана Петьку. Муж Кати, пулеметчик Смирнов, погиб еще до рождения сына. Отослать младенца на Большую землю мать не решается, все боится, как бы его там "не перепутали". Вот Петька и переносит вместе с ней все трудности походной боевой жизни.

- Ну как, не плакал сегодня Петро, когда бульбаши напали? - спрашиваю я повариху.

- Что вы, Алексей Федорович! Да разве он не понимает обстановки! гордо отвечает Екатерина.

Понимает там или не понимает, но факт остается фактом - во время боев Петька не плачет, не хнычет, а молча лежит, спеленатый, под телегой и, говорят, при первых же выстрелах засыпает. Наверно, раньше во время перестрелок Катя до того укачивала младенца, что у него выработался определенный условный рефлекс... Иначе как еще объяснить дисциплинированность и выдержку годовалого партизана?!

Строительство переправы было закончено к трем часам ночи. Садиленко и его вымокшие по самые плечи люди стоят цепочкой вдоль всего моста, готовые, если понадобится, снова прыгнуть в студеную воду, исправить повреждение или даже поддержать настил руками. Но переправа идет благополучно.

Прежде всего вслед за разведкой перебрасываем на другой берег один из батальонов с задачей зайти в тыл поджидающим нас у брода националистам и разгромить их. К рассвету мы узнали, что это удалось, но пока еще не было известно, как нас встретит правый берег. Партизаны готовы ко всему. По шаткому мосту, в кромешной темноте двигались непрерывной колонной люди, кони, повозки. Когда перешел Стырь последний человек, саперы разрушили переправу.

Соединение снова на марше. Сначала идем по каким-то пустошам, затем по незнакомой лесной дороге. Пройдя километров пять, останавливаемся на отдых. Со стороны Мульчиц доносится отдаленный грохот - там рвутся мины. Вероятно, бандеровцы бьют по месту нашей переправы, бьют в пустой след.

* * *

Низко над лесом кружит "юнкерс" с черными крестами на крыльях. Но костров мы не жжем, подводы стоят под деревьями, палатки замаскированы, и фашистский самолет, так и не обнаружив партизан, устремляется к ближайшей деревне, чтобы сбросить на нее бомбы.

Через полчаса "юнкерсы" прилетают опять, рыщут над нами, не могут найти и снова в бессильной злобе бомбят беззащитные селения. Это происходит изо дня в день, едва только прояснится небо. После того как бандеровцы не смогли воспрепятствовать нашему уходу за Стырь, против партизан брошена гитлеровская авиация. Лишний раз подтвердилось, что фашисты немецкие и фашисты украинские действуют заодно.

Мы уже с неделю за Стырью. Когда нет в небе самолетов, двигаемся то в одну сторону, то в другую, стараемся всячески запутать свои следы, не выдать противнику своих намерений. Время от времени сталкиваемся с мелкими бандами националистов, при случае поколачиваем их, но бульбаши чаще всего предпочитают уклоняться от боя. В этом районе, как и повсюду, они воюют главным образом с мирными жителями. В селениях, через которые мы проходим, крестьяне клянут националистов. Натерпелись тут от их бандитских налетов и грабежей.

Зайдешь в хату, а она совершенно пустая, если не считать потемневших икон в углу. Даже рушники - полотенца, украшавшие образа, - сняты хозяевами, спрятаны. Все вынесено в поле, в лес, все закопано, укрыто мебель, утварь, постели, одежда, продукты. В лесу держат крестьяне и скот. Бандеровцы приучили!

А нас жители встречают приветливо, угощают горячей картошкой, молоком, яичницей, просят оставаться подольше. Всех, конечно, интересуют новости с Большой земли. Только от нас узнают здесь, что Красная Армия подошла вплотную к Днепру и вот-вот его форсирует. Есть уже в батальонах и новые партизаны из местных жителей.

Мы мало стоим на месте, все время двигаемся, маневрируем, но на привалах в подразделениях ведется обычная политработа. Отметили 25-летие комсомола. Провели беседы, посвященные этой дате, выпустили специальные номера стенгазет и боевых листков. У нас много молодежи, около пятисот комсомольцев, и о большинстве из них можно сказать доброе слово.

Выпуск боевого листка в любой из наших старых рот - дело обычное, есть и авторы, и редакторы, и материала находится сколько угодно, но в бригаде имени Ванды Василевской листки выпустили впервые, и для поляков это целое событие. Тем более что в одной из заметок досталось на орехи бойцам Станиславу

Соколовскому и Мариану Фалькевичу за то, что они во время последнего марша вели себя недисциплинированно, отлучались из колонны.

Мы с Дружининым постоянно интересуемся, как идут в бригаде дела. В общем, с трудностями первого для них большого и тяжелого похода польские товарищи справляются неплохо. Есть, конечно, и такие, что охают, ноют, кое-кто во время нападения бандеровцев изрядно струхнул, но ведь и нельзя многого требовать от новичков. Ничего, пообстреляются, понабьют мозолей в походах, попривыкнут, подучатся и станут отличными партизанами!

Все время поддерживаем радиосвязь с оставшимся в районе Лесограда 5-м батальоном. Первые сообщения Николенко были не очень-то утешительными: "Противник вошел лес зпт продвигается на север зпт беспокою его засадами...", "Противник щупает лес тчк отвлекаю разных направлениях тчк послал роту на диверсии...", "Противник обнаружил старый лагерь зпт все поломал зпт пожег..."

Старым лагерем Николенко называл тот, в котором последнее время находилось гражданское население. В начале лета мы построили его для себя, для штаба, но потом нашли в семи километрах севернее более удобное место, где и основали Лесоград.

Получив последнюю радиограмму Николенко, мы стали думать-гадать, пойдет ли противник дальше, отыщет ли наш новый лагерь.

- Обязательно дальше попрутся, если уж до середины леса дошли, утверждал командир нашей войсковой разведки Антон Сидорченко. - Все прочистят, просмотрят, будьте уверены!

- Не уверен, далеко не уверен! - возражал ему Дмитрий Рванов. - Зачем им дальше идти, подставлять головы под пули ребят из пятого батальона, когда один лагерь они нашли и разрушили! Откуда бандеровцам знать, что есть где-то второй?..

- Для верности дальше все прощупают, - стоял на своем Сидорченко. Пятый батальон для них не помеха.

- Да они не представляют, сколько там осталось батальонов! Николенко со всех сторон тормошит... У населения уточнить? Но ведь мы знаем, как бульбашам в селах отвечают: пройдет один партизан, скажут, что прошла тысяча, пройдет тысяча, скажут, что прошел один. Нет, вот увидите, будем дома справлять и Октябрьские праздники, и мой день рождения!

Дмитрий Иванович был самым молодым из руководящих работников соединения. Он родился 8 ноября 1917 года, и мы часто называли его ровесником Октября.

Следующая радиограмма Николенко показала, что ровесник Октября как будто и прав: "Противник оттягивается Серхов зпт группируется там". Серхов - это уже не в семи, а в двадцати километрах от Лесограда. Не пора ли нам собираться в обратный путь? Пожалуй, еще не пора... Неизвестно, что будут делать фашисты и бандеровпы в Серхове, надолго ли там задержатся. Обстановка станет яснее в ближайшие день-два, а пока решено провести несколько хозяйственных операций.

Партизаны сами заботятся о хлебе насущном. К хлебу требуется еще и приварок. Значит, добывай и приварок! А кормить в соединении надо ежедневно больше трех тысяч человек, да, кроме того, на нашем довольствии человек триста из гражданского лагеря. Заботы о продовольствии никогда не оставляли нас.

Частично мы питались за счет трофеев. Вот перед нашим уходом на марш командир 1-го батальона сообщил, что в бою с бандеровцами он забрал у них не только пулеметы, пленных, но и продовольственный обоз. Благодаря этому 1-й батальон будет некоторое время обеспечен продуктами, а возможно, кое-что поступит и в общий котел соединения.

Однако надо иметь в виду, что непрерывных боев с оккупантами и бандеровцами мы не вели. Наша главная задача - диверсионная работа на железных дорогах. Правда, с остановленных минами поездов мы тоже иной раз брали продовольствие, но рассчитывать на одни лишь случайные трофеи не приходилось. Надо было проводить и так называемые хозяйственные операции.

Они бывали двух родов. В одном случае, узнав, где у противника есть большой продуктовый склад, мы нападали на этот склад, чтобы пополнить свои запасы. Но далеко не всегда партизаны добывали продукты силой оружия. Часто мы просто обращались за помощью к местным крестьянам, снаряжая в села мирные заготовительные экспедиции. Решено было провести их и здесь, за Стырью.

В этом районе продукты у крестьян имелись. Платить налогопоставки оккупантам народ отказывался, а забрать все и у всех силой немцы и бандеровцы не могли - спрятано, зарыто, попробуй отыщи! Мы же ничего забирать насильно не собирались. Взять у крестьянина без спроса кусок хлеба у нас считалось тягчайшим преступлением. За пять месяцев, что мы пробыли на Волыни, только два наших партизана запятнали себя мародерством. Оба были расстреляны перед строем. К слову, один из них в прошлом полицейский.

Хозяйственные операции, вернее, экспедиции мы провели в

четырех селах. Все они проходили одинаково. Придут наши люди в село, созовут сходку, расскажут крестьянам о положении на фронтах, о партизанской борьбе, о том, что мы нуждаемся в народной поддержке, и просят дать им продуктов кто сколько может и хочет. Мужички скребут затылки, переглядываются, а потом кто-нибудь встанет и бочком-бочком к огороду или к лесу, чтобы вскоре вернуться уже с мешком за плечами... А тут как раз и важен первый пример!

Хороший, опытный агитатор политрук Сергей Вохмяков, ездивший на заготовки в село Привитувку, доставил оттуда 20 голов рогатого скота, 26 овец, 20 пудов муки, 40 пудов зерна, 6 пудов овса, 7 пудов гороха, 11 штук гусей. Примерно по стольку же было привезено из других сел. Мой заместитель по хозяйству Митрофан Степанович Малявко радовался, потирал руки, спешил все взять на учет... Последнее обстоятельство не очень-то по душе участникам продовольственных экспедиций. Вот сдашь Малявко столько добра, а с него что получишь? Норму!

Пока мы пополняли свои запасы, от Николенко не было вестей. Несколько раз искали его в эфире, но он не отвечал. Мы начали нервничать, беспокоиться... Утром 4 ноября из батальона пришла наконец радиограмма. Да еще какая! Вот ее текст:

"Лагерь свободен зпт фашисты погрузились в два эшелона зпт двинулись на восток тчк оба эшелона мною подорваны тчк часть бульбашей отошла направлении Балицкого тчк лагерь полной сохранности зпт можете возвращаться тчк Николенко".

Самое примечательное, что оба эшелона с вражеской техникой и живой силой наткнулись на наши мины, не дошли до фронта. Закономерный финал очередной попытки оккупантов избавиться от партизан! Мы много смеялись по этому поводу и дали Николенко следующую радиограмму: "Молодец тчк продолжай том же духе".

Начались недолгие сборы в обратный путь. Домой! Домой!.. Я и тогда и потом спрашивал себя: почему партизаны так радовались возвращению в Лесоград? Лагерь, конечно, хороший, удобный, но разве только в этом дело? Ну пусть бы лагерные бараки, хаты-землянки и прочий "жилой фонд" оказались разрушенными! Так ведь все можно восстановить или построить заново. И не только на старом месте, можно и в другом.

Нет, ликовали партизаны не потому, что не придется делать лишнюю работу! Каждый понимал, что враги потерпели еще одно поражение, радовался, что фашисты, так и не достигнув своей цели, были вынуждены отступить от незримых стен Лесограда. И поражение враг понес не только моральное. За эти две недели мы потеряли несколько человек, а каратели - несколько сот.

Но, по-моему, к праздничному чувству победы у наших людей примешивалось и еще одно, совсем иное. Многие воевали уже третий год. А ведь человек создан не для этого! Все сильнее тянуло партизан к дому, к домашнему очагу, к родным стенам. Настоящий дом далеко, до него шагать и шагать по военным дорогам. Поэтому приятно сейчас вернуться хотя и в походный, временный дом, но все же знакомый и обжитой.

В тот же день мы перешли вброд Стырь и двинулись дальше на запад. Душевно, приветливо, как старых друзей встречали нас крестьяне в Езерцах, Кухецкой Воле и других, ближайших от лагеря селах. 5 ноября мы достигли Лесограда, и минеры пошли снимать оставленные перед нашим уходом сюрпризы.

И вот я, Дружинин, Рванов, Солоид, Егоров и еще несколько командиров снова сидим в штабной хате-землянке, а давно не бритый, осунувшийся, но веселый Николай Михайлович Николенко рассказывает:

- Они - туда, я - сюда, они - сюда, я - туда! Мотал их по всему лесу... Немцы на просеках, на дорогах, а бульбаши по сторонам рыщут. Как только старый лагерь разрушили, все сразу назад - в Серхов. Там целые сутки сидели, наверно распоряжений из Ковеля ждали... Потом - в Маневичи, на погрузку. А у станции давно наготове наша рота! Тола ребята не пожалели. Все вагоны кувырком! Ну, и огоньку мы, конечно, дали на прикурку!

Всего день оставался до Октябрьского праздника. Этого времени хватило, чтобы снова устроиться на старых квартирах, помыться, почиститься, немного отдохнуть.

К вечеру выпал снег и тут же растаял. Но все равно идет зима, третья наша партизанская зима! Будет она и трудной, и суровой, и радостной. О первом очень большом и радостном событии, пришедшем вместе с наступающей зимой, я сообщил партизанам 7 ноября на нашем параде. Прокатилось "ура", взметнулись вверх шапки, люди, нарушая строй, обнимали и целовали друг друга, столько хорошего, волнующего вместили всего лишь два долгожданных слова:

- Освобожден Киев!

ТРУДНАЯ СУДЬБА

Хмуря широкие брови, комбат Николенко во второй раз доложил, что Петро Скирда непременно хочет меня видеть. Скирда перешел к нам с группой националистов, когда основная часть соединения находилась за Стырью, а в районе Лесограда оставался лишь 5-й батальон.

Переход этот был несколько необычен. Как правило, бандеровцы перебегали к партизанам во время наших удачных операций. Полученный от партизан удар являлся для обманутых,

запуганных людей лишним психологическим толчком, помогающим разобраться, на чьей стороне правда и сила. В данном же случае обстановка была не в нашу пользу. Наступление, причем в крупном масштабе, вели гитлеровцы совместно с бульбашами. И вот в самый неблагоприятный для нас момент, как только фашисты прорвались в лес, тринадцать бандеровских солдат, возглавляемых Петром Скирдой, вдруг по доброй воле складывают оружие перед пятью разведчиками Николенко! К тому же Петр Скирда упорно хочет о чем-то поговорить с командиром соединения.

Конечно, надо его принять. Масса неотложных забот, связанных с возвращением штаба в Лесоград, помешала мне сделать это сразу же. Но теперь время обязательно следует найти.

- Пусть явится завтра утром! - сказал я Николаю Михайловичу.

У дверей комбат обернулся и снова нахмурил брови:

- Только вы с ним поосторожнее, товарищ генерал! Глаз не спускайте. Он на все способен.

- Откуда такие выводы?

- Уж больно бандитская физиономия у Скирды! Сами увидите... Типичный бульбаш!

Пожалуй, внешность явившегося ко мне на следующее утро перебежчика соответствовала такой нелестной характеристике. Петро Скирда оказался черноволосым угрюмым человеком выше среднего роста. Подбородок и щеки заросли многодневной щетиной. Длинные отвислые усы закрывали рот. Одежда грязная и очень рваная. Лет Скирде было, вероятно, за сорок.

Он четко отрапортовал о своем прибытии и попросил разрешения обратиться.

- Успеете обратиться, - сказал я. - А пока садитесь и расскажите о себе. Кто вы такой? Какими судьбами к нам занесло?

Он сел и начал рассказывать, время от времени как-то странно кривя губы.

Родился в Кировоградской области. Из колхозников. Образование низшее. Работал токарем в МТС. В начале войны был мобилизован, но воевать почти не пришлось. Попал в окружение. Контужен разорвавшейся рядом миной. Когда был без сознания, его взяли в плен. Бежал из лагеря, но неудачно, снова попал в руки к немцам. Недавно бежал вторично с четырьмя другими пленными красноармейцами. Двигаясь на восток, перебрались за Буг. В лесу встретили бандеровцев, которых приняли сначала за партизан.

Слушая Скирду, я попутно задал ему несколько вопросов. На

каждый следовали спокойные и обстоятельные ответы. Если он и рассказывал так называемую легенду, то легенда эта была неплохо разработана.

И все же я вскоре почувствовал, что слушаю именно легенду. В ней был серьезный изъян. Напрасно Петр Скирда назвал себя колхозником с низшим образованием. Он говорил, как человек хорошо образованный, интеллигентный, привыкший точно формулировать свои мысли.

Людям не так уж трудно изменить внешность. Гораздо труднее изменить свою речь, манеру выражаться. Я попросил Скирду рассказать, что его больше всего поразило в отряде бандеровцев. И вот он торопливо, взволнованно отвечает:

- Многое, очень многое! Все у них отвратительно, всюду ложь, обман. Но, пожалуй, больше всего возмутил меня один подлый и лицемерный трюк этих бандитов. Бандеровцы говорят, что никого не заставляют насильно у них оставаться. Не хочешь - иди на все четыре стороны, даже дадим тебе на дорогу буханку хлеба и кусок сала. И действительно давали! Сам это видел. Однажды кашевар велел мне отнести хлеб и сало отпущенному домой мужичку. Несу и вдруг замечаю, что снизу буханка вся окровавлена. И черствая она к тому же! Тогда понял, что буханка, да и сало перебывали, наверно, уже в десятках рук. Дадут человеку отойти немного от лагеря, а потом - нож в спину. Какие подлецы!

Я и раньше знал об этом коварном приеме бандеровцев. Но разве такими словами рассказывал бы о нем колхозник! Слушая сидящего передо мной перебежчика, я все чаще внутренне усмехался и думал: кто же он на самом деле? Наверно, эта внутренняя усмешка и донимавший меня вопрос как-то отразились на моем лице и были замечены говорившим. Он вдруг осекся, замолк, скривил под усами губы. Затем, чуть помедлив, сказал:

- Хватит играть в прятки! Я не красноармеец Петр Скирда... Явился к вам доложить, что я советский генерал-майор Сысоев Павел Васильевич, бывший командир тридцать шестого стрелкового корпуса.

Он, по-видимому, хотел продолжать свое неожиданное признание, но тут же уронил на стол голову и глухо зарыдал. Мне с трудом удалось его успокоить.

Отставив в сторону стакан с водой и нервно скривив губы, человек, которого следовало теперь называть не Скирдой, а Сысоевым, возобновил свой рассказ:

- Да, я советский генерал, и вы это, конечно, можете проверить. До войны работал на кафедре тактики Академии

имени Фрунзе. Вскоре после начала войны получил под командование корпус. Осенью в боях под Шепетовкой мой корпус разбили. Пришлось отступать мелкими разрозненными группами. Той группе, с которой я шел, не удалось пробиться к своим. Ее отсекли, обрушили на нее минометный огонь. Помню грохот и слепящий огонь разрыва совсем рядом... Затем провал, темнота... - Сысоев взял стакан и залпом выпил воду. Вздохнув, продолжал: - Очнулся уже в плену. Лежу среди раненых в каком-то сарае. Сам-то был не ранен, а только контужен... Смотрю, на мне красноармейские гимнастерка и брюки. Оказывается, когда я потерял сознание, бойцы переодели меня на случай, если попаду в плен... И вот пригодилась генералу солдатская забота! В плену я смог выдавать себя за рядового Скирду Петра Павловича... Ну, а остальное как уже рассказывал. Два побега, и только второй удачный. Да и не совсем-то удачный! Ведь попал сначала к националистам.

- А скоро ли разобрались, что это националисты? - спросил я.

- Почти сразу! Не так уж трудно было разобраться... На бандеровцев мы наткнулись неподалеку от Буга. Сначала обрадовались! Ведь они назвали себя украинскими партизанами. А по дороге к их штабу спрашиваю одного из конвоиров: с кем им больше воевать приходится, с немцами или с полицией? Он отвечает: "Со всеми понемногу воюем - с немцами, с полицаями, с московскими парашютистами". Тут я и понял, как мне не повезло! Еще от поляков знал, что парашютистами бандеровцы партизан называют... Ну, а затем все до конца стало ясным. Оказалось, что угодили из огня да в полымя!

- Расскажите, Павел Васильевич, как же удалось потом к нам перейти?

Собеседник вдруг прикрыл ладонью глаза, передернулся, вздохнул... Я не понял, что с ним происходит.

- Да так, пустяки! Больше двух лет не слышал собственного имени-отчества... Вы спрашиваете, как удалось перейти? Целая история! И трудная история.

Он рассказал обо всем подробно. Бандеровцы разъединили попавших к ним беглецов из фашистского плена, распределив всех пятерых по разным взводам и ротам. Однако это не помешало Сысоеву и красноармейцам время от времени встречаться друг с другом. Сразу начали толковать о том, как выбраться из "куреня" и попасть к настоящим советским партизанам. Требовалась сугубая осторожность. Ведь если опять наскочишь на бандеровцев, считай себя покойником!

Судя по разговорам националистов, партизан поблизости не было. Бежать куда-то наугад, не зная местности, слишком

рискованно. Решили повременить до более благоприятного момента, а такой момент, по-видимому, приближался. Бандеровцы готовились к какой-то наступательной операции. Против кого они собираются наступать, догадаться было нетрудно. Вот и надо перейти к партизанам при первом же с ними соприкосновении.

- Но переходить мы решили не только нашей сдружившейся пятеркой, рассказывал Павел Васильевич. - Мы видели, что вокруг нас много людей, обманутых националистами, попавших в "курень" поневоле. Вот из таких наверняка найдутся желающие к нам присоединиться. Надо только сагитировать!

Действовать Сысоеву пришлось очень осмотрительно. Можно было напороться на доносчика, на предателя или на агента кровавой бандеровской контрразведки - "Службы беспеки". И все-таки постепенно набралось еще десять человек, готовых в первом же бою перейти к партизанам. Шесть из них - бежавшие из немецкого плена донские казаки, остальные - украинцы, местные жители.

Павла Васильевича бандеровцы назначили вторым номером к станковому пулемету. Первым же номером расчета оказался здоровенный и мрачный детина по кличке Хмара, уроженец одного из ближайших районов. Сначала он произвел на Сысоева впечатление заядлого националиста. Но вскоре выяснилось, что Хмара служит у бандеровцев по мобилизации, что воевать ему давным-давно надоело. Сысоев принялся исподволь обрабатывать соответствующим образом и Хмару. Тот лишь вздыхал и посапывал в ответ, воздерживаясь от каких-либо определенных заявлений.

Примерно в середине сентября "курень" получил приказ двинуться на восток и форсировать реку Стоход. На берегах Стохода бандеровцы завязали бой с одним из батальонов нашего соединения. Сысоев, перезаряжая пулемет, незаметно сыпанул на ленту песочку. "Максим" захлебнулся... Хмара растерянно склонился над магазином, начал его продувать, но пулемет никак не удавалось наладить, и первый номер побежал докладывать об этом начальству. С тех пор Сысоев больше Хмару не видел. Парень дезертировал от бандеровцев, подался "до дому"... Агитация подействовала и на него.

Уйти от бандеровцев группе Сысоева в том бою не удалось. От партизан отделяла водная преграда. Перебраться на другой берег "курень" не смог.

- Однако два человека, бежавшие со мной еще от немцев, куда-то исчезли, - продолжал рассказывать Павел Васильевич. - Бульбаши утверждали, что эти люди убиты в бою, но я их трупов

не видел...

- Кто они такие? Как их фамилии?

- Один - ветеринарный фельдшер Федор Лебедев, второй - красноармеец Захар, фамилии его не помню.

- Оба у нас, живы-здоровы, - сообщил я Сысоеву.

- Вот как! Значит, все же перешли... И как они умудрились?

- Кажется, ночью вплавь перебрались. Ну-ну, а с вами что дальше произошло?

Оказывается, после неудачной попытки форсировать Стоход бандеровский "курень" какими-то обходными путями перебазировался в район села Колки. Здесь стояли и другие подразделения националистов. Разговоры о том, что скоро начнется наступление на партизан, не прекращались. Где именно находятся партизаны? В каком направлении? Этого Сысоев не знал. Но вот однажды, совершенно случайно, он увидел развернутую ротным командиром карту с нанесенной обстановкой. Для опытного взгляда было достаточно и нескольких секунд, чтобы прочесть многое: партизаны находятся примерно в тридцати километрах к северо-западу от Колок...

После этого Сысоев и его группа решили не ждать боя. В ближайшую ночь тринадцать человек собрались в условленном месте и при полном вооружении выступили на северо-запад. Попали они к нам в лес как раз в те дни, когда там шарили гитлеровцы вместе с бульбашами. Благодаря организованности, дисциплине, воинским навыкам группа избежала нежелательных встреч и отыскала наших людей.

- Вот каким образом я оказался у вас, - закончил Павел Васильевич. Все, кажется, рассказал...

- Почти все! У меня еще лишь один вопрос: почему вы назвались сначала все-таки Скирдой, а не своей настоящей фамилией?

- Ну как вам сказать, генерал! - он чуть пожал плечами. - Только вы не обижайтесь, пожалуйста... Ведь мне тоже надо было вас немного проверить! Конечно, за те дни, которые мы здесь, я успел многое узнать, услышать... Но и самому не мешало на вас посмотреть, прежде чем решить, оставаться ли мне Скирдой или нет.

- Значит, проверка была для меня благоприятной? - спросил я, улыбаясь.

- Во всяком случае, я понял, что с вами можно быть вполне откровенным.

- Отвечу вам откровенностью! Лично я верю каждому вашему слову, для меня вы - генерал Павел Васильевич Сысоев, но я обязан...

- Запросить Москву? Получить подтверждение всех данных обо мне? Ну конечно же, конечно... Иначе нельзя! Буду только рад. Но об одном прошу вас заранее. Когда все подтвердится, не отправляйте меня за линию фронта, оставьте у себя... Поймите, что я должен смыть позор пленения!

- Вы попали в плен контуженным, будучи без сознания. И потом, вы два, нет, три раза бежали из плена! Но довольно об этом... Подождем ответа Москвы! А пока вам надо привести себя в порядок, устроиться с жильем, отдохнуть. Думаю, что следует начать с бани и парикмахера.

Шифровку о Сысоеве я отправил в Генштаб. К вечеру мы снова встретились, уже за стаканом чая. Побритый, причесанный, в чистом обмундировании, в накинутой на плечи меховой куртке, Павел Васильевич выглядел теперь совсем по-другому и ничем не напоминал "типичного бульбаша", как вчера выразился Николенко. Вместе с тем после бритья на лице резче выступили морщины, еще заметней стало нервное подергивание рта. Да, немало пришлось пережить человеку! Трудная у него судьба.

Пока мы ждали ответной телеграммы, положение генерала было довольно неопределенным. Жил он вместе с нашими командирами в штабной землянке, но ничего не делал, и это его, конечно, угнетало. Из деликатности Сысоев не спрашивал, есть ли ответ, но я и сам при случае говорил ему, что ответ вот-вот будет.

Вечерами Павел Васильевич не раз ко мне заходил, и мы беседовали на самые различные темы. Сысоев - коренной русак, родился и вырос в Подмосковье, там же в молодости работал на заводе токарем. Очень любил он и Украину, где прошли многие годы его военной службы, и жена у него, оказывается, украинка. Часто наш разговор переходил на виденное и пережитое Сысоевым у бульбашей.

Снова и снова подтверждалось, что буржуазные националисты не имеют решительно никакой поддержки в народе, что так называемая Украинская повстанческая армия вовсе и не армия в современном понятии, а разрозненное, недисциплинированное, плохо обученное и еще хуже вооруженное войско. Состав его больше чем наполовину даже и не украинский по национальности. Бандеровцы заставляют служить у себя и русских, и белорусов, и представителей многих восточных народностей.

Велика была ненависть к бандеровцам у многих подневольных солдат УПА. Вот один из необычайно ярких фактов, рассказанных Сысоевым.

Перед тем как попытаться форсировать Стоход,

националисты устроили в селе Большой Обзырь нечто вроде смотра своих сил. Во всех подразделениях проверялась готовность оружия. Павел Васильевич к тому времени уже успел познакомиться довольно близко с командиром одного из минометных расчетов. Звали этого минометчика Михаилом, был он родом с Кавказа, тоже бежал из немецкого плена, тоже по воле обстоятельств оказался затем у бандеровцев. Чувствовалось, что Михаил охотно перешел бы к партизанам. А вот перед самой проверкой минометов бросил он Сысоеву такую фразу:

- Наступать собираются? Хорошо же! Я им понаступаю!

Дошла очередь и до проверки батальонного миномета Михаила. Вокруг собрались "проверяющие", командир взвода приказал сделать пробный выстрел. Кавказец взял мину, опустил ее в ствол, и тут сразу раздался взрыв... Миномет разнесло в куски, командиру взвода оторвало руку, восемь бандеровцев были убиты наповал, погиб и Михаил.

- Националисты приписали это несчастному случаю, - усмехнулся Павел Васильевич, - но случайности тут не было! Мне сразу вспомнилась угроза минометчика: "Я им понаступаю!" Конечно же он нарочно поставил дистанционную трубку на нуль, чтобы разрыв произошел мгновенно. Жизни не пожалел человек, стремясь нанести удар по врагу! И нанес!..

"Да, великим мужеством обладают наши советские люди, проявляя его всегда, везде", - подумал я, узнав об атом подвиге.

Ответ из Генштаба на мой запрос относительно Сысоева пришел через несколько дней. Шифровка подтверждала все данные, сообщенные о себе Павлом Васильевичем. Он числился без вести пропавшим. Далее следовала строка: "Сысоева немедленно отправьте в Москву".

Я пригласил к себе генерала и молча придвинул к нему лежавший передо мной листок бумаги. Он прочел и вздохнул:

- Другого и не могло быть!.. Я так и думал. Но прошу вас, Алексей Федорович, как человека, как коммуниста прошу, дайте мне возможность повоевать! Вот кончится война, и тогда, если в чем виноват, за все отвечу.

- Понимаю... Все понимаю! Но я получил приказ... Тут надо подумать, Павел Васильевич. Мы встретимся завтра утром.

Я думал и днем и всю ночь напролет. Трудная, мучительно трудная стояла передо мной проблема.

Конечно, всех вернувшихся из плена надо было строжайшим образом проверять. Безусловно, любой нарушитель воинской присяги заслуживал суровой кары. Однако нельзя в каждом человеке, побывавшем в плену, видеть шпиона и предателя.

Кому, как не мне, знать многих, очень многих бывших

военнопленных и окруженцев! Сотни из них примкнули к нашим партизанским отрядам еще на Черниговщине. Сотни влились в наше соединение во время его рейда на Волынь. Десятки пополняли наши партизанские ряды и теперь. Да, среди них попадались вражеские лазутчики. Мы умели выявлять негодяев, были к ним беспощадны. А остальные? Как правило, люди, испытавшие на себе все ужасы фашистской неволи, сражались с особым ожесточением. Сколько таких погибло настоящими героями! Сколько живых отмечено знаками боевой доблести!

"Дайте мне повоевать", - просил Сысоев. Просьба законная! Нельзя отправлять его на Большую землю. Нельзя! Неизвестно, чем может кончиться для Павла Васильевича эта поездка. Рубануть сплеча проще всего.

Ворочаясь в постели и выкуривая одну за другой самокрутки, я вспомнил историю политработника Семена Лузина.

Был у нас батальон, выросший из маленького, всего-то в 11 штыков, партизанского отряда. Возник этот отрядик на Орловщине, но в феврале 1942 года перешел в соседнюю Черниговскую область, где влился в наше соединение. Он стал быстро расти, крепнуть и уже через два-три месяца превратился в надежную боевую единицу. Во многих операциях проявил себя с наилучшей стороны и политрук-орловец С. Н. Лузин.

Но вот как-то летом прибыл к нам с Большой земли самолет. Он доставил взрывчатку, оружие, почту, нужных соединению людей, а сверх того и связного, сообщившего, что этот самый Лузин приговорен заочно к суровому наказанию, отбывать которое ему предстоит после войны. Но за что? Почему вдруг?

Оказывается, Лузину инкриминировалась выдача гестаповцам заложенных в лесах партизанских баз снабжения. Я не мог поверить, что на это способен человек, которого уже полгода знаю как хорошего, боевого политрука. Нет, здесь что-то не так... Обком решил, что нам самим необходимо провести дополнительное следствие.

И что же в результате выяснилось? Однажды еще на Орловщине, идя на связь, Лузин был схвачен гестаповцами. Его подвергли жесточайшим пыткам. Человек почувствовал, что дальше их не выдержит. Спастись можно было, лишь вырвавшись из вражеских лап! Но как бежать? Лузин решил перехитрить фашистов. Он действительно повел гестаповцев в лес. Он действительно показал им, где были зарыты две бочки бензина. Затем увлек за собой дальше, в густые заросли. Будто отыскивая главную базу с оружием, Лузин долго водил гестаповцев из стороны в сторону, пока наконец не улучил момент, чтобы прыгнуть в кусты и скрыться.

Обстоятельства побега были хорошо известны партизанам-орловцам. Лузин ничего не скрывал. И все же проявленная им в борьбе с врагом своего рода военная хитрость неожиданно обернулась против него страшным обвинением в сотрудничестве с врагом.

Надо было добиваться отмены несправедливого приговора, вынесенного явно второпях, без достаточно веских оснований, который продолжал бы висеть над нашим партизаном. Но по закону невозможно отменить приговор, формально вошедший в силу. Оставался единственный путь - ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о помиловании Лузина. Когда мне снова удалось побывать в Москве (это было уже в ноябре 1942 года), я имел при себе всю нужную документацию. Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин принял меня и внимательно выслушал.

- Я вижу, вы своих депутатских обязанностей и в партизанах не забываете! - сказал Калинин.

- У меня все обязанности перемешались, Михаил Иванович, - ответил я. - Как тут отделить депутатские обязанности от командирских и партийных? Человек-то один!

Президиум Верховного Совета быстро разобрался в деле Семена Лузина. Он был помилован, а затем и полностью реабилитирован. Лузин отлично воевал, был награжден орденом Ленина... А ведь другой могла стать судьба этого человека! И какой она будет у Сысоева, если отправим его из соединения?!

Я все думал и думал, ворочаясь с боку на бок. Нет, нельзя отправлять! Снова приходил я к этому решению. Но имел ли я право решать один? Надо было посоветоваться с Дружининым, и не только как с комиссаром, но и как с членом подпольного обкома партии.

На часах - пять утра. Наверно, Владимир Николаевич скоро встанет. Пойду пока прогуляюсь на воздухе, а как проснется Дружинин, загляну к нему!

В лагере тихо. Безмолвно маячат темные силуэты часовых. Чуть шелестят верхушки сосен. Наша козочка Зойка подбежала ко мне и ткнулась влажным носом в руку. Окно землянки комиссара еще не светится. Однако, сделав шаг-другой, я разглядел в полутьме самого Дружинина.

- Что так рано поднялся, Владимир?

- Да я и не спал вовсе... Чапай думу думал!

- О чем же ты размышлял?

- Все о Сысоеве. Ох, нельзя его отпускать!

Я обнял Дружинина за плечи, и мы пошли ко мне.

Завтракали втроем - я, Дружинин и Павел Васильевич. Наше

решение оставить его у себя, доколе только будет возможно, Сысоев встретил с огромной благодарностью. И тут же сказал:

- Дайте мне взвод!

- Это еще зачем? - спросил Дружинин.

- Как зачем? Воевать хочу. Неужели я со взводом не справлюсь?

- Со взводом у нас не только лейтенанты, но и старшины, и сержанты справляются, - заметил я. - Вот Петру Скирде дал бы взвод, а для вас, Павел Васильевич, мы кое-что другое подыскали.

Сысоев стал третьим помощником начальника штаба соединения. До сих пор таких помощников было два, но еще в одном мы давно нуждались. В задачи третьего входило руководство подготовкой младших командиров.

При штабе постоянно работали курсы младшего командного состава. Наши батальоны непрерывно пополнялись, расширялись, требуя все новых командиров расчетов, отделений, взводов. Да и кое-кому из имевшихся надо было обновлять свои знания. Курсы работали неплохо, но отрывали много времени у начальника штаба Рванова, у которого и без того хватало дел.

Теперь Дмитрий Иванович получил специального помощника, занявшегося курсами. Начальник штаба - капитан, его новый помощник - генерал-майор, хотя и без погон. Чего не случается на войне, а тем более во вражеском тылу! Павел Васильевич горячо взялся за порученную ему работу. Он пересмотрел и расширил программу курсов, ввел новые предметы, следил за неукоснительным выполнением учебного расписания, сам читал лекции по тактике.

Последним обстоятельством я в душе очень гордился. Ну еще бы! У меня занятия по тактике ведет ни меньше ни больше как преподаватель кафедры военной академии! Это не мелкое тщеславие. Каждый командир хочет, чтобы у него было все самое лучшее.

А как с приказом относительно отправки Павла Васильевича в Москву? О полученной шифровке мы вроде бы забыли. Однако спустя некоторое время пришло соответствующее напоминание. Я ответил, что отправить его сейчас не представляется возможным: нет самолетов. Они тогда и в самом деле к нам не летали. Конечно, всегда можно переправить человека через фронт и пешим порядком. Но ведь можно и не переправлять.

Последовало еще одно напоминание, я снова чем-то отговорился. В конце концов напоминать мне перестали. Видно, и в Генштабе поняли, что требовать Сысоева в Москву нет особой необходимости.

Повеселел Павел Васильевич, приободрился. Вскоре мы

начали привлекать его к разработке тактических планов некоторых серьезных операций. Сысоев был рад этому, но продолжал рваться в бой.

- Успеете, еще успеете! - говорил я ему.

Весной 1944 года мы наконец поручили третьему помощнику начальника штаба руководство одной из боевых операций. Провел он ее успешно.

Только после встречи с наступающими частями Красной Армии распрощались мы с Павлом Васильевичем. В Москве выданные Сысоеву нашим штабом документы о всех обстоятельствах его перехода к партизанам и прекрасная боевая характеристика помогли человеку очень трудной судьбы восстановить свое доброе имя. Павлу Васильевичу вернули и партийный билет, и генеральские погоны.

НАСТУПЛЕНИЕ МИНЕРОВ

Без творческих споров, без непрерывных поисков, опытов в подрывном деле не обойтись. Это трудное и опасное дело не терпит стандартов.

Бывало, зайдешь вечером в большую продолговатую землянку нашей диверсионной роты, и никто не заметит, что ты вошел. Все сгрудились вокруг стола, наблюдая, как кто-нибудь пробует перемонтировать на свой лад механизм мины или чертит новую схему электроцепи, подающей искру к детонатору. Все смотрят жадно, заинтересованно, и никто не хочет молчать. Каких не услышишь здесь аксиом и гипотез, связанных с механикой, электротехникой, химией, математикой! Были среди наших подрывников инженеры, были недавние студенты технических вузов и рабочие технических специальностей, имелись и кадровые военные саперы.

Впрочем, среди партизан-минеров встречалось немало людей, чьи довоенные профессии не имели ничего общего с их теперешней работой. Художник-плакатист, агроном, бухгалтер, колхозник-животновод, актер, шофер, учитель... За два года войны они стали подрывниками с такой практической выучкой, с таким богатым опытом, что могли смело вступать в дискуссию со специалистами, предлагать что-то свое.

В землянке подрывников жили люди с очень несхожими биографиями, характерами, но роднила их одна общая для всех минеров черта: огромная любовь к своей работе, любовь какая-то самозабвенная и горделивая. Свое оружие, сначала молчаливо таящееся под рельсом, а потом вдруг с дымом и грохотом вздымающее тонны металла, минеры считали самым сильным и самым нужным на войне.

Если к подрывникам заглянет артиллерист, пулеметчик или

конник, его тонкими обходными маневрами быстренько втянут в беседу о преимуществах различных видов боевой техники. И допустим, командир орудийного расчета даже не скажет, что артиллерия - бог войны, а лишь одобрительно отзовется о действиях авиации. Это немедленно вызовет у минеров иронические улыбки и пожимание плечами.

- Да, конечно, для переброски партизанам тола авиация может кое-что сделать, - снисходительно заметит Володя Павлов, или Митя Резуто, или еще кто-нибудь. - А вот уж бомбежки с воздуха ничего не стоят! Один перевод взрывчатки...

- То есть как это? Почему? - протестует гость.

- Сам считай! Для того чтобы повредить железнодорожный путь, авиации надо сбросить десятки бомб, израсходовать тонны горючего... Попасть в движущийся эшелон еще труднее. А минер как заложит под шпалу полпудика тола, так и нет у Гитлера эшелона.

- Авиация не только по дорогам бьет!

- Хорошо... Летают в тыл, ну, скажем, склады бомбить. Но ведь и тут миной сделаешь больше, чем десятью бомбами!

- Постой, постой. Но авиация и на фронте действует, передний край у противника обрабатывает!

Минер опять снисходительно улыбнется и скажет:

- Ты лучше прикинь, сколько нужно заходов, чтобы уничтожить зарывшийся в землю немецкий батальон! А вот мы, диверсанты, одной только миной можем этот батальон и до фронта не допустить... Да что там батальон! Вон Балицкий подорвал эшелон, в котором возвращались на фронт из отпуска восемьсот фашистских офицеров. Восемьсот! И только офицеров! Так ни один и не доехал... Сколько бы понадобилось артиллерии, авиации, снайперов - бери любой вид оружия! - чтобы всех этих офицеров положить?!

Конечно, в нашей диверсионной роте были не простачки и не наивные люди. Партизаны из этой отборной роты великолепно понимали необходимость взаимодействия на войне самой разнообразной боевой техники. В их преувеличениях, в непроизвольных порой передержках опять же звучала любовь к подрывному делу, гордость за свою принадлежность к семье минеров. Однако в определенных условиях мины действительно могут сделать очень многое. И то, что уже совершено на Волыни нашими подрывниками, оказалось бы не под силу целым эскадрильям бомбардировочной авиации.

Летом 1943 года в районе Ковеля партизаны преподнесли гитлеровцам крайне неприятный сюрприз. На всех железных дорогах, пересекающих эту крупную узловую станцию, начались

крушения поездов, вызванные какими-то загадочными для оккупантов минами. Несколько эшелонов проходили через тот или другой участок благополучно, и вдруг под локомотивом очередного состава гремел взрыв. Фашисты ломали голову: почему подорвался лишь последний эшелон? Или партизаны успели заминировать участок после того, как его проскочили первые поезда? Но нет, охрана клялась, что к полотну никто не приближался.

Оккупанты не очень-то верили охранникам и нескольких из них расстреляли. Могу, однако, засвидетельствовать, что действительно никто из наших минеров перед самым крушением на полотно не выходил.

Повергала фашистов в уныние еще и другая особенность партизанских диверсий. Миновав без аварии какой-нибудь перегон, немецкий эшелон летел под откос на соседнем, а когда удавалось проскочить соседний, то уж обязательно подрывался на следующем. Причем взрывы опять происходили в таких местах, с которых усиленная охрана глаз не спускала. Если партизаны все же ухитрялись проникнуть на полотно, так почему же не оставалось ни малейших следов их работы? Этого немцы никак не могли понять.

Секрет заключался в том, что наше соединение начало применять на железных дорогах новую диверсионную технику: мины замедленного действия МЗД-5. Как и большинство других, эта мина приводилась в действие тяжестью проходившего над ней паровоза. Однако механизм МЗД-5 принимал боевую готовность и реагировал на тяжесть лишь через определенный, точно заданный срок - от нескольких часов до полутора месяцев.

Непонятные, заставляющие оккупантов ломать голову взрывы были подготовлены нами заранее, еще до того, как фашисты усилили охрану на дорогах.

Взрывы грохотали один за другим, с правильными интервалами, вызывая крушения то тут, то там, и в конечном итоге лишь немногие вражеские эшелоны достигали станций назначения. Партизаны тем временем могли и не выходить на уже заминированные участки.

Но вскоре вместо сработавших мин потребовалось ставить новые. Крушения должны продолжаться без перерыва. Ведь в нашу задачу входило не только побольше уничтожить вражеских эшелонов, но и практически "закрыть" Ковельский узел.

Существует математически четкая формула, выведенная из практики партизанской войны: охрана и оборона железных дорог прямо пропорциональна силе удара по ним. На Волыни мы лишний раз убедились в точности этой формулы.

Гитлеровцы в конце концов поняли, что партизаны применяют новый, более эффективный тип мин, которые ставятся мастерами своего дела. В ответ фашисты не ограничились количественным усилением охраны. Они непрерывно совершенствовали и сами методы надзора за железнодорожным полотном. Однако на любую хитрость, на любые меры противника мы находили ответ. Вокруг МЗД-5 завязалась своеобразная война умов. Вот тогда-то землянка нашей подрывной роты и превратилась в лабораторию ищущей мысли, в центр дискуссий, предложений, опытов.

Немецкие патрули начали осматривать колею через каждые два часа. Тогда наши хлопцы стали минировать полотно в интервалах между появлениями патрулей.

Фашисты устраивали засады на различных участках дорог. Партизанские дозоры, несущие круглосуточное дежурство на высоких деревьях, замечали, где эти засады располагаются.

Фашисты расставляли через каждый километр "стукачей", которые ударами камня о рельс должны были сигнализировать по цепочке о выходе на дорогу минеров. Но "стукачи" были из местных жителей. В одних случаях они умышленно не замечали партизан, в других - партизанам приходилось на время убирать их с дороги.

Для того чтобы обнаружить тщательно замаскированное место минирования, немцы прогоняли по пути дрезину с волочившимися за ней и оставляющими след цепями. Где к утру след окажется прерванным, там и надо искать мину. Партизаны научились не только восстанавливать прерванные желобки от цепей. Кое-где они сами нарочно прерывали след, но в таких местах врага поджидали противопехотные мины-ловушки.

У оккупантов появились собаки, умеющие отыскивать мины по запаху тола. Тогда партизаны начали разбрасывать повсюду вдоль полотна маленькие кусочки взрывчатки, собаки рвались в разные стороны и, совершенно сбитые с толку, ничего не могли найти.

Гитлеровцы приспосабливали впереди паровоза длинную решетку на колесиках-бегунках, чтобы взрыв мины происходил под этой решеткой. "Полотно исправим быстро! Лишь бы сохранить локомотив и вагоны!" рассчитывали оккупанты. Однако партизаны научились устанавливать взрыватель таким образом, что он реагировал лишь на определенную тяжесть.

Но вот впереди паровоза движется уже не легкая решетка, а платформа, груженная железным ломом. Однако мина по-прежнему срабатывает когда нужно. Теперь взрыватель отрегулирован нашими специалистами так, что одна только сила

тяжести не приведет его в действие. Он должен испытать толчки определенного характера, определенного направления, вызываемые лишь движением паровоза.

В редчайших, исключительных случаях гитлеровцы все же ухитрялись обнаружить нашу МЗД-5. Но обнаружить - еще не значит извлечь, обезвредить! Дорого дали бы оккупанты, чтобы заглянуть в механизм мины, разгадать ее секреты. Никогда это не удавалось. Усовершенствовав МЗД-5, снабдив механизм снаряда "кнопками неизвлекаемости", партизаны отбили у вражеских саперов охоту пытаться овладеть тайной. Несколько фашистов после первых же таких попыток были разнесены в клочья.

Урок не пропал даром. Снимать наши мины гитлеровцы больше не решались. Когда находили партизанские мины, они были вынуждены взрывать их с почтительного расстояния. Но ведь при этом самим же оккупантам приходилось разрушать железнодорожный путь.

Летнее наступление партизан-подрывников на важнейшие коммуникации врага завершилось внушительной победой. Ковельский узел фактически был закрыт. По этому поводу мы получили в конце августа поздравление Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.

В сентябре и октябре наши минеры подорвали еще 103 эшелона. По-прежнему лишь отдельным поездам с живой силой, с техникой и боеприпасами, предназначенными для Восточного фронта, удавалось проскакивать через Ковельский узел.

Но вот подошла зима... Гитлеровцы всегда боялись русской зимы, однако для тех из них, кто охранял подступы к железным дорогам, зима стала желанной союзницей.

Выпал снег. Белая пушистая пелена укрыла землю, легла на скаты железнодорожного полотна, засверкала на стометровых открытых полосах между путями и лесом. Заяц проскачет, птица пройдется - и то следы на снегу хорошо видны. А как подобраться к рельсам, не оставив следа, партизанам-минерам?

Над этим уже давно думали в землянке подрывной роты. Ответа никак не могли найти. Подчас у минеров рождались самые неожиданные предложения, как будто и удачные, но, к сожалению, удачные только на первый взгляд.

- Ходули! От леса к полотну двигаться на ходулях. Шаг будет широким, каждый след небольшим... Охрана не обратит внимания! - предложил кто-то.

Хорошо, допустим, не обратит. Допустим, что партизаны подобрались к рельсам на ходулях. Ну и дальше? Ведь с ходулей минировать не станешь. А ступил на землю - оставил следы. Предложение приходилось отбрасывать.

Мой заместитель по диверсионной работе Алексей Семенович Егоров очень болезненно переживал начало снегопадов. Этот молодой офицер в звании старшего лейтенанта был прекрасным знатоком минноподрывного дела. Прислали к нам Алексея Семеновича весной. Он быстро проявил свою энергию, знания и организаторские способности.

Интересным человеком был Алексей Семенович! По образованию он финансист, окончил планово-экономический факультет и в мирное время работал по своей специальности на крупном промышленном предприятии в Казахстане. С началом войны на строевую службу в армию Егорова не взяли из-за полного плоскостопия, а отправили учиться на финансово-плановые курсы при одной из военных академий. Через полгода из финансиста гражданского Егоров превратился в финансиста военного. В этом качестве его отправили работать в Москву, в Наркомат обороны.

- Сижу, пересчитываю бесконечные колонки цифр, - рассказывал Алексей Семенович, - понимаю, конечно, что и этим должен кто-то заниматься, но ведь мне нет еще тридцати лет, практически я здоров, а значит, и не вправе быть в стороне от непосредственной борьбы с фашистами... Меня преследовала мысль: что скажу я своим детям, которых очень люблю, когда они зададут вопрос, что делал их отец во время войны?

Егоров старался попасть в действующую армию, по это ему так и не удалось. Тогда Алексей Семенович стал проситься на какую-нибудь работу во вражеском тылу. Целый месяц осаждал он К. Е. Ворошилова ходатайствами направить его в партизанскую школу особого назначения. Наконец Егорову пошли навстречу и откомандировали туда.

- Финансист? Очень хорошо! Нам как раз нужен человек в финчасть, сказал начальник школы и снова посадил Егорова за цифры, ведомости.

Опять пришлось ему потратить массу энергии, чтобы избавиться от финансовой работы и получить возможность изучать минноподрывное дело.

Окончив школу, Алексей Семенович месяца три пробыл на Закавказском фронте в должности начальника саперного отряда. Дел тут оказалось немного. Подготовка небольших взрывов на шоссейных дорогах, разрушение Деревянных мостов не очень-то удовлетворяли Егорова. Но вот наконец наступил день, который старший лейтенант вспоминал как праздник... Алексея Семеновича отозвали в распоряжение Центрального партизанского штаба, чтобы направить ко мне заместителем.

Прибыл к нам Егоров, когда соединение было на марше,

совершая рейд из Черниговской области на Волынь.

Для меня он оказался великолепным помощником. У нас Егоров не сидел за столом. Путешествуя из батальона в батальон, часто отправляясь вместе с минерами на задания, Алексей Семенович иной раз делал пешком по двадцать тридцать километров в сутки. Каких это стоило ему физических страданий, мы поняли позже, когда узнали о плоскостопии старшего лейтенанта.

Между специальностями финансиста и минера дистанция огромного размера. Но есть в них нечто общее, нужное и тому, и другому. Это точность, уважение к точности, привычка к точности. Мирные трудовые навыки Егорова помогли ему в совершенстве овладеть подрывным делом, в котором нельзя действовать небрежно, на глазок.

Егоров был очень самолюбив, пожалуй, даже честолюбив. Но это было особое честолюбие человека, попавшего на войну позже многих других и желающего догнать бывалых воинов, а отсюда - все делать как можно лучше. Успехи наших подрывников приносили Алексею Семеновичу огромную радость. Он гордился благодарностями, похвалами, первыми своими наградами, гордился тем, что поздравительная радиограмма Центрального Комитета была адресована не только мне, Дружинину, Рванову, но и ему.

Старший лейтенант имел все основания гордиться этим, радоваться, что работа минеров у нас налажена отлично, как вдруг снег, самый обычный белый пушистый снег начал все портить. Алексей Семенович ходил мрачный, угрюмый, даже осунулся, заметно похудел, отчего и без того длинная его фигура казалась теперь еще выше.

После очередного совещания в землянке минеров Егоров явился ко мне.

- Ну, что нового в мозговом тресте? - спросил я.

- Как ни крутили, как ни прикидывали, а придется работать или "под погоду", или "на шум поезда"...

- Надо сочетать и то, и другое.

- Конечно, сочетать. Обязательно! В батальонах у Маркова и Лысенко уже пробовали. Получается! Была бы только погода.

- Ну, а шумом немцы обеспечат!

Термины "под погоду" и "на шум поезда" относятся к тактике диверсионных операций.

Минировать "под погоду" - значит выходить на железную дорогу во время снегопада или метели, когда зима превращается из противника минера в его союзника и обещает уничтожить все следы. "Под погоду" обычно ставятся мины замедленного

действия.

Но снегопады и ветры не так уж часты. Следовательно, нельзя их упускать. Подрывникам придется жить не в батальонных лагерях, а находиться большую часть времени как можно ближе к закрепленным за ними участкам дорог, чтобы в редкие благоприятные моменты выскакивать на полотно.

Другой способ минирования - "на шум поезда" - требует исключительной отваги, огромного хладнокровия. Подрывники находятся где-нибудь на опушке леса, совсем рядом с железной дорогой. У одного из них наготове небольшая мина мгновенного действия. Шум приближающегося эшелона служит сигналом, что смельчаку пора покидать товарищей. Он делает бросок к полотну и уже у откоса, прикрывшись только каким-нибудь бугорком или - тою меньше! - лишь маскировочным халатом, ждет подхода поезда. Когда паровоз приблизится к подрывнику на расстояние меньшее, чем требуется для остановки поезда, партизан в открытую крепит у рельса мину. За оставшиеся до взрыва секунды он должен скатиться вниз и спасти собственную жизнь.

При минировании "на шум" все было бы гораздо проще и безопаснее, двигайся поезда по ночам. Но мы сами же отучили фашистов пользоваться железными дорогами в темное время суток.

Партизаны называют мины, которые они суют чуть ли не под паровозные колеса, "нахальными минами", или "нахалками". Нет, их следовало бы называть "героическими". Ведь, устанавливая такой снаряд, минер рискует пострадать не только от взрыва, но оказаться если не убитым, то раненным, контуженным, оглушенным. Действуя на глазах у врага, он может еще получить пулю от сопровождающей эшелон охраны.

Мы с Егоровым все это хорошо понимали.

- До сих пор у нас были незначительные потери, - говорит Алексей Семенович. - В среднем около трех человек, включая и раненых, на каждые десять крушений. И очень бы не хотелось...

- А мне разве хочется? - вскипаю я, не давая ему закончить. - Но у нас нет другого выхода! Мы не можем только сидеть у леса и ждать погоды! Потери могут остаться небольшими и при действиях "нахалками". Пусть с ними работают самые спокойные, самые выдержанные минеры, а не самые отчаянные... Никакого лихачества! Точность глазомера, правильный расчет времени, знакомство с местностью - все это помогает при минировании "на шум". Сами великолепно знаете!

- Так и будем ориентировать людей. Желающих-то найдется сколько угодно!

Желающих? Не совсем точно... Будет сколько угодно минеров

умоляющих, выпрашивающих, требующих отправки на самые трудные и опасные операции. Говорят, что летчик не может жить без полетов, что его всегда тянет в небо. Полюбивший свою профессию минер не может жить без грохота подготовленных им взрывов, без волнующего, ставшего уже привычным, необходимым напряжения нервов. Минера постоянно тянет к объектам диверсий. Плохо ли, хорошо ли, но это так.

Для помощи батальонам в организации подрывной работы зимой на "периферию" выехали Дружинин, Егоров, секретарь партбюро Кудинов, два-три опытных специалиста из диверсионной роты. После возвращения комиссара и мне предстояло отправиться по батальонам.

Зима вступала в свои права. Партизанам все чаще приходилось надвигать на уши кубанки и опускать отвороты треушков. Белым-бело в лесу, на полянах, просеках, а за лесом и еще белей. Но диверсионная работа не прерывалась. Донесения о подорванных эшелонах продолжали поступать. Каждый день одно, два, а то и три крушения. Нелегко они давались, эти крушения. Знаю, что нелегко! Вот вернутся люди, расскажут подробности.

Уже перед самым отъездом Дружинина и Егорова в батальоны мы решили шире использовать зимой "магнитки". Так называли у нас магнитные мины, которые крепились к вагону партизанской агентурой, обычно из железнодорожников, при отправке эшелона со станции. "Магнитка" взрывается в пути при толчках вагонов. Штука удобная! Беда, что таких мин заводского изготовления осталось очень немного. Значит, надо попытаться наладить выпуск "магниток" собственными силами.

Через несколько дней вернулся Дружинин, обветренный, промерзший, веселый. Скинув полушубок, он начал рассказывать:

- Был у Маркова... Ну что тебе доложить? Герои!.. Сутками сидят в снегу, ожидая метели... Холодище, а у минеров - ничего, кроме шалашей. Костра нельзя разжечь, ведь до полотна меньше километра, немцы могут заметить. Но голь на выдумку хитра! Ребята берут с собой глиняный горшок и запас угля, раздуют в горшке жар, получается что-то вроде восточного мангала, вот и греются по очереди. А обратно в батальон из лесу не выгонишь! Обида! "За что?" - спрашивают... Конечно, составы групп все же приходится менять.

- Как там поезда ходят из Бреста?

- Редко. Немцы напуганы, мало пускают, а те, что идут, наверно, Тарасенко с Кравченко перехватывают... Рвали они что-нибудь за это время?

- С десяток эшелонов сделали.

- Вот видишь! Наверно, тоже "нахалками"... У Маркова подорвали "нахалками" четыре, а ни одной эмзеде поставить не удалось. Так и не дождались ни ветра, ни снегопада. Хлопцы-то готовы только мгновенными и рвать!

- Эффекта меньше от мгновенных. Да и людей надо беречь... Потери у Маркова были?

- Уберегли. Но до чего же все-таки опасное занятие... Секунды решают. Глядеть и то жутко!

- Значит, опять вперед лез?

- Ну что ты! Из лесу смотрел, в бинокль...

- Интересные там в лесу деревья, если через них все насквозь видно! Или у тебя бинокль какой-то новый, особенный?

- Ну не из лесу смотрел, так с опушки.

- Не комиссарское это дело по опушкам, у фашистов на виду лазить. Мы же договорились, Владимир!

- Надо было, Алексей, надо...

- Не знаю, кому это надо! Комиссар у соединения один.

- Всем нам надобно, чтобы комиссар с людьми был. И тебе в том числе!

С Владимиром Николаевичем трудно бывает спорить. Поэтому летом однажды пришлось с ним просто поругаться. Где-то возле станции Польска Гура он побывал в составе группы минеров на железнодорожном полотне. Тогда я в конце концов доказал Дружинину, что он поступил неправильно. Прежде всего, не имея соответствующего опыта, он подвергал себя опасности в гораздо большей степени, чем любой настоящий минер. Затем присутствие, так сказать, высокого начальства могло нервировать ребят, отразиться не в лучшую, а в худшую сторону на их работе.

Дружинин обещал больше таких вылазок не делать. Но вот теперь, оказывается, он сутки провел с минерами в лесу, рядом с "железкой"... Таков Дружинин. Все он хочет увидеть, испытать. Говорит: "Надо было". Надо ли? А ведь, если сказать положа руку на сердце, пожалуй, в данном случае действительно надо. Наверно, и настроение поднялось у минеров, и все трудности словно уменьшились, когда сам комиссар соединения спал вместе с ними на снегу, грелся у тлеющих в горшке углей, жевал мерзлый хлеб.

Нет, другого комиссара нам не требуется!

Вслед за Дружининым вернулись из батальонов и остальные товарищи. Доклады их были довольно оптимистичны. Несмотря на подвохи, которые устраивала зима, минеры действовали успешно. Самоотверженность, энергия, изобретательность наших подрывников опрокидывали многие преграды.

Зимой осложнились не только выходы к железным дорогам.

Морозы влияли на четкость работы мин замедленного действия. Взрывы отставали от заданных сроков, все чаще запаздывали.

МЗД-5 приводится в действие электрической искрой от небольшой батарейки. Ток включен в цепь, разомкнутую в двух местах. В одном месте контакты восстанавливаются, когда над миной проходит поезд, а в другом разомкнувшее цепь звено удерживается над ней стержнем из мягкого металла, помещенным в баллончик с кислотой. Как только кислота растворит стержень, мина придет в боевую готовность. Через какое время это случится, зависит от концентрации кислоты. У минеров имеются наборы кислотных замедлителей на самые различные сроки. Но вот теперь вмешались в дело холода! Низкие температуры ослабляют действие кислоты, влияют они и на исправность электробатареек.

Подрывникам пришлось заняться утеплением минных механизмов. Чего только они не применяют! Обкладывают замедлители и батарейки просушенным мхом. Обертывают их овечьей шерстью. Пробуют в качестве утеплителя конский навоз. Помещают механизмы в резиновые камеры, надутые воздухом. Последний способ дает наилучший эффект, но где наберешься этих спасительных камер?!

А ведь прежде чем определить, что хорошо, что плохо, что лучше, что хуже, надо провести десятки экспериментов. Опытное поле устроено рядом с землянкой роты подрывников. То и дело потрескивают зарытые в землю взрыватели, утепленные на разный манер. Стоящий у землянки часовой засекает, когда и какой взрыватель сработал.

Одновременно идут опыты и в другом направлении. Какие поправки на холод следует делать, если не утеплять кислотные замедлители? Что хорошего может дать комбинирование детонаторов различных типов? Душой всей этой кропотливой, но очень нужной работы является Алексей Семенович Егоров. В энтузиастах помощниках недостатка у него нет. Эксперименты ведутся не только в диверсионной роте, но и в каждом батальоне. Самое удачное Егоров отбирал, обобщал и требовал использовать повсюду.

Выпала нам и еще одна трудность, хотя и не особенно связанная с зимой, но совпавшая с ней во времени. Подходили к концу наши запасы тола. Нормы расхода взрывчатки были сокращены до минимума. Минеры сидели прямо-таки на голодном пайке.

Отчасти мы сами же и были виноваты, что оказались в столь незавидном положении. Летом далеко не все наши командиры заботились об экономии тола. Для подрыва эшелона вполне достаточно заряда в 10 килограммов, а клали, случалось, и вдвое больше. Грохот от двойного заряда сильней, но результат тот же, обычный. Теперь за любовь некоторых товарищей к шумовым эффектам приходилось расплачиваться.

Мы уже давно осаждали Украинский штаб партизанского движения бесконечными мольбами прислать толу. Нам отвечали ссылками на нелетную погоду, а чаще дипломатическим молчанием.

Ссылки на метеорологию звучали не очень-то убедительно. Погода случалась всякая. Нашлась бы ясная ночка, позволившая сбросить взрывчатку на парашютах. Но вот за дипломатическим молчанием угадывалась истина: очевидно, Украинский штаб запасов тола не имел. Замечу тут же, что впоследствии это подтвердилось. И вот почему в конце года партизанам не только на Украине, но и в других местах пришлось испытывать сильнейший "толовый голод".

Удары по вражеским коммуникациям Центральный штаб партизанского движения запланировал на 1943 год в двух тактических вариантах. Партизаны украинские осуществляли первый вариант - они били непосредственно по воинским эшелонам. Партизаны же Белоруссии и других республик действовали по второму тактическому варианту, нацеливая свои удары главным образом на железнодорожные пути, ведя так называемую рельсовую войну.

Опыт показал, что удары по вражеским поездам дают особенно высокие результаты. Ведь взрыв лишь одной партизанской мины приносит фашистам сразу несколько бед. Выходит из строя паровоз. Разрушаются и горят вагоны. Гибнут полностью или частично оружие, боеприпасы, продовольствие, которые были в эшелоне. Неизбежны при крушении поезда и потери врага в живой силе. Однако этим дело еще не исчерпывается. Где подорван эшелон, там обязательно испорчен, загромождён путь, что прерывает движение железнодорожных составов на всем участке.

Совершенно ясно, что рельсовая война дает меньший эффект. Порча пути парализует движение на каком-то перегоне, и только. Тем не менее в Белоруссии были проведены две крупнейших масштабов операции по уничтожению не эшелонов, а рельсовых путей. Взрывались сотни километров рельсов. Конечно, в результате этого уже не отдельные участки, а целые железнодорожные магистрали выводились на какое-то время из

строя. Однако на очень короткое время. Гитлеровцы относительно быстро восстанавливали исковерканные пути, а все, что должно двигаться по этим путям - паровозы, вагоны, грузы, - оставалось у них целым. К тому же на подрыв многих тысяч рельсов ушло огромное количество тола. Вот почему и украинские, и белорусские партизаны стали испытывать острую нужду во взрывчатых материалах.

Все это выяснилось, разумеется, гораздо позже. В начале же зимы 1943/44 года мы с Дружининым и Егоровым продолжали ждать тол и никак не могли придумать, где бы раздобыть пока хоть сотню-другую килограммов. Перед соседями в долгу как в шелку, да у них у самих почти ничего не осталось. Внутренние ресурсы, кажется, все мобилизованы. Но ведь они тем и хороши, эти внутренние ресурсы, что мобилизовать их можно до бесконечности.

В какой уже раз батальоны обшаривали местность вокруг своих лагерей, стараясь обнаружить брошенные или неразорвавшиеся немецкие снаряды, авиабомбы, мины, гранаты. Кое-что находили. Взрывчатка выплавлялась из оболочек и застывала грязновато-серыми или грязновато-желтыми, но одинаково ценными для нас брусками.

Заряд мины мы уменьшили до 6 - 8 килограммов, что на 20 - 30 процентов ниже оптимальной нормы. И все-таки взрыв получался достаточной силы. Заряду придавалась форма опрокинутого конуса, отчего взрывная волна в большей степени шла вверх и удар по локомотиву был таким же мощным, как прежде.

Нужда многому учит. В целях экономии тола места для минирования партизаны стали выбирать преимущественно там, где профиль пути может усилить эффект взрыва. На выемках железнодорожного полотна, на поворотах колеи этот эффект всегда больше.

Есть у подрывников-диверсантов выражение "пустить под откос". Но мы убедились, что сбрасывать эшелон с насыпи не всегда-то выгодно. Сбрасывая паровоз и вагоны с рельсов, минеры тем самым освобождали путь и давали возможность противнику быстро восстановить на участке движение других поездов. Когда же мина рвется под эшелоном в какой-нибудь выемке, то здесь образуется такое нагромождение вагонов, что гитлеровцам и за три дня его не растащить. Если к тому же пустить из засады несколько бронебойных пуль по котлу паровоза и несколько зажигательных по вагонам, то будет совсем полный порядок при минимальных затратах тола.

Но разве выемки, повороты, уклоны пути находятся там, где

минерам удобнее всего выходить к дороге? Нет, далеко не всегда. Охранялись же такие места более строго, чем другие. Вот и приходилось нашим минерам с началом зимы часто действовать на участках, благоприятных для результатов диверсии, но самых опасных по подходу к ним. Такова еще одна зимняя трудность!

Сколько же накопилось этих трудностей, осложнений, препятствий, помех!

Труднее стало готовить, монтировать мины.

Труднее работать при минимальных нормах взрывчатки.

Труднее выходить к любому объекту диверсий.

Еще труднее выходить к наиболее желательным участкам.

Еще и еще труднее делать это, просидев в ожидании погоды сутки, а то и двое на холоде, без горячего куска во рту, в сотне метров от вражеских патрулей.

Но ничего не могло остановить партизан. Наступление минеров продолжалось. В ноябре на дорогах Ковельского узла мы произвели 65 крушений. Узел оставался по-прежнему парализованным.

Героем наступления был простой советский человек, стойкий, неунывающий, храбрый и самоотверженный, в драном кожушке, с автоматом на груди и небольшим ящиком в руках. У этого человека - триста имен и триста фамилий. Его звали Борис Калач и Всеволод Клоков, Павел Медяной и Владимир Казначеев, Дмитрий Резуто и Николай Денисов, Олег Ярыгин и Владимир Павлов, Нина Кузьниченкова и Мария Абабкова, Иван Грибков и Михаил Глазок... Всех его имен-фамилий здесь не перечислишь. Звание же у героя было одно - высокое звание Партизана-минера.

ДУБЛЕРЫ ИЗ СЛОВАТИЧЕЙ

Дружинин называл цифры, водя пальцем по списку, а я откладывал их на счетах. Цифры были все небольшие, однозначные, только изредка встречались покрупнее, и то лишь в пределах двадцати.

- Три! - сказал Владимир Николаевич.

Я передвинул три желтые костяшки и ждал новой цифры, но комиссар молчал, задумчиво щурясь на пламя свечки.

- Как мало. Всего трое! - наконец произнес Дружинин и вздохнул.

- А где эти трое?

- В Словатичах. Пароль "Ясень", отзыв "Береза".

- Ну для Словатичей и трое хорошо, даже очень хорошо! - заметил я.

- Конечно, три коммуниста для Словатичей - это солидно. Но разве не странно, Алексей, что двух-трех человек мы называем партийной организацией?

- По уставу и в обычных условиях трое могут составить низовую организацию.

- Вот когда-то называли: ячейка. Имелось в виду, что ячейка - часть сети, начальный ее элемент. Но ведь слово это, наверно, от "яйца". Тогда смысл еще точнее! Из ячейки-яйца и возникли более сложные организмы, организации...

- К чему сейчас филологические изыскания?! Не в названии дело. Кстати, уже сегодня есть у нас организации, которые никак не назовешь ни партгруппой, ни ячейкой! В Подгорном пятнадцать человек, в Машево двадцать...

- Так это в почти освобожденном от бандеровцев Любомльском районе! А в тех же Словатичах пока что трое.

- Будет больше... Давай дальше считать, комиссар!

- Уж и отвлечься нельзя! - немного обиженно сказал Дружинин и придвинул к себе список.

Строго говоря, в данный момент мы были не командиром и комиссаром. Отчет для ЦК готовили секретарь подпольного Волынского обкома и член этого обкома. От нас ждали сведений о том, как развернуто на Волыни партийное подполье.

Ветер бросал в окна сухой рассыпчатый снег. Проскрипели валенки часового. Было поздно, первый час ночи... Дружинин опять стал называть цифры, а я прибавлять их к уже подсчитанным. Итог показал, что шестьдесят созданных нами к концу 1943 года организаций объединяют более трехсот человек.

- В среднем по пять, - прикинул Владимир. - А в Словатичах меньше...

- Дались тебе Словатичи! Есть села, где работать приходится и коммунистам-одиночкам.

- А я все думаю о Словатичах. Какую стойкость проявляют эти трое! Какое глубокое понимание своего партийного долга! С первых же шагов работы. Невероятно трудно было создать там организацию. Зато сколько она уже сделала. Вспомни!

- Ах, вот ты о чем! Ну как не помнить! Все отлично помню.

История маленького коммунистического подполья в Словатичах была действительно многим примечательна.

* * *

Как-то осенью к секретарю партбюро 1-го батальона Семену Ефимовичу Газинскому, ожидавшему на дальней явочной квартире связных, пришел человек лет тридцати в крестьянской одежде, назвал пароль и сообщил, что он прислан для переговоров подпольным Киверцовским райкомом.

- О чем говорить будем? И кто вы такой? - спросил Газинский.

- Местный житель. Из села Словатичи. До войны работал в сельпо... Фамилия моя Остапчук, зовут Илья Игнатьевич. Ну а

разговор вот насчет чего... Когда Волынь еще под Польшей была, состоял я членом Коммунистической партии Западной Украины. Перевестись во Всесоюзную Коммунистическую, как и многие наши товарищи, не успел... Сами знаете, Советы недолго на Волыни были, война началась... Но в душе я оставался большевиком и сейчас себя им считаю. Хочу работать для партии, для партизан, для победы над фашистами!

Газинский знал, что человека непроверенного, ненадежного райком к нему не пришлет. Да и сам Илья Остапчук производил хорошее впечатление. Секретарь батальонного партбюро начал расспрашивать, какова обстановка в Словатичах.

- Сильно запуганы люди! Зажали народ бандеровцы, дыхнуть не дают. Стоят они в соседнем селе, в Лише, но и к нам часто заглядывают последнее грабить. А чуть что не так, не по-ихнему, - замордуют, спалят. Как говорится, за наше жито та ще нас бито! Ни старого ни малого, подлецы, не щадят!.. Был неподалеку от нас польский хутор Вицентувка, так весь его сожгли, ни одной хаты не оставили. И людей много погибло. А вот в Пшебражье, это село от нас близко, поляки умнее оказались: вооружились и самооборону от бульбашей держат.

- Неужели в Словатичах таких людей, поумнее да порешительнее, нет?

- Как нет? Найдутся... Только поискать надо.

- Работать с людьми, вести их за собой должны коммунисты. Не так ли, товарищ Остапчук? Надо создать а Словатичах хотя бы небольшую парторганизацию. Вы будете ее секретарем. Думаю, что обком утвердит вашу кандидатуру. Кого вы сможете привлечь к работе еще?

- Есть у нас учитель. Хороший человек, советский... Наверно, согласится! Но он, кажется, беспартийный.

- Примем его в партию. Всякий, кто работает в большевистском подполье, работает для партии, становится коммунистом. Только, если вы уверены в этом учителе, лучше сделайте его своим дублером, а для всяких текущих дел подберите еще человека.

- Постараюсь! Подумаю, поищу.

Илья Остапчук говорил спокойно, нисколько не удивился предложению Газинского, ни о чем не спорил. Видно было, что, прежде чем явиться сюда, он ко многому себя подготовил, многое твердо решил. Газинский договорился с Ильей Игнатьевичем, что они снова встретятся ровно через неделю, но не на этой явочной квартире, откуда до Словатичей далеко, а в придорожных кустах у хутора Вицентувка. Остапчук должен был привести с собой и учителя, и третьего товарища, которого надеялся подыскать.

Свидание назначили на два часа ночи, установили пароль.

Они распрощались. Новый подпольщик унес с собой несколько партизанских листовок.

Сообщение Газинского о том, что в Словатичах, по всей вероятности, можно будет сколотить подпольную группу, обрадовало командира батальона Григория Васильевича Балицкого. Обком не раз упрекал его в недостаточно энергичной работе среди населения. В Киверцовском районе, где дислоцировался батальон, пока удалось наладить работу местных коммунистов только в селе Суск. Там их было уже шесть человек. В Хойневе, Свозах, Солтысе организации лишь зарождались. Хорошо, если удастся что-нибудь сделать и в Словатичах!..

- Но одного тебя, Семен Ефимович, я на новую свиданку не пущу, сказал комбат Газинскому. - Придется взять с собой взвод!

- Одному пройти легче.

- Пройти, возможно, и легче, ну а там как? Допустим, что Остапчук вполне наш человек. Ну а этот учитель? И еще третий, возможно, придет. Вдруг притащат за собой хвост? Что тогда? Предусмотрим и другое. Все трое распрекрасные люди. Так разве же людям, готовым на многое и которым предстоит многое, - разве им помешает встреча с нашими партизанами?! Пусть посмотрят, какие у нас хлопцы! Такие ли, как расписывают их бандеровцы?! Листовки, инструкции - это, конечно, хорошо, но и пожать руку партизанам, поговорить с ними для подпольщиков много значит. Разве не верно говорю? Я и сам, брат, в прошлом партийный работник.

- Знаю, Григорий Васильевич! Пожалуй, ты прав, надо бы со взводом пойти... Но можно ли отрывать от боевых заданий?

- Подполье - тоже боевое задание! Возьмешь с собой взвод Миколы Бочковского.

От расположения батальона до хутора Вицентувка было километров пятьдесят. Значит, выходить надо за два дня, а пока Газинский занялся обычными своими делами.

В мирное время он работал секретарем райкома партии на Киевщине. Тогда его заботили сев, уборка, фермы, строительство, теперь - подрыв эшелонов, разведка, землянки, боеприпасы. Но дела и заботы Семена Ефимовича всегда были связаны прежде всего с людьми, все равно - убирают ли они хлеб или ставят мины, строят ли школы или ходят в разведку. Почти в любой час Газинского можно было увидеть в самой гуще партизан. Бойцы и командиры любили этого сильного, спокойного человека, ценили его ум, энергию, принципиальность, знали, что секретарь партбюро требователен не только к людям, но и к себе.

Газинский побывал во всех ротах и подразделениях, помог

провести у подрывников открытое партийное собрание, выступил на совещании членов редколлегий стенгазет и боевых листков, отругал комсорга минометной батареи за то, что ходит в грязной рубахе и небритый, сделал во второй роте доклад о международном положении, дал рекомендацию в партию пулеметчику Глушко, договорился с комиссаром относительно плана подготовки и XXVI годовщине Октября. Конечно, встретился он и с Николаем Бочковским, которому предстояло выступить со своим взводом в поход к Вицентувке.

- А какое задание? - спросил Николай.

- Задание особое. Пока не дойдем, не скажу. Но взвод должен быть в полном порядке! Выступим в четверг, вернуться постараемся ко вторнику. Маршрут составят в штабе по карте.

Они и выступили в четверг на рассвете. Отряд состоял из двадцати человек, считая двадцатым Газинского.

Двигались глухими лесными тропами, стороной от дорог. Впереди шел дозор. В тронутых осенними красками чащах было тихо, безлюдно. Шагать по таким местам - одно удовольствие. Труднее приходилось, когда лес редел и начинались кустарники, поля, а за ними села. Тогда приходилось идти в обход, петлять по оврагам или ползти, прикрываясь буграми.

К середине дня позади осталось километров двадцать пять. Партизаны сделали привал и пообедали, после чего Бочковский приказал ложиться спать. Дело в том, что следующий переход предстояло совершить ночью. В темноте будет гораздо безопаснее пересечь большую проселочную дорогу Киверцы Тростянец, обычно очень оживленную в дневное время, заполненную автомашинами, обозами, пешеходами.

Выставив часовых, небольшой отряд расположился на отдых в кустарнике. Газинский прилег рядом с Николаем. Командир взвода Николай Бочковский красивый белокурый парень лет двадцати с небольшим. Начал он свой партизанский путь на Черниговщине осенью 1941 года. Первое время был штабным ординарцем, но затем этого расторопного умного хлопца сделали командиром отделения. В первых же боях его отделение показало себя очень хорошо, дралось смело, инициативно, не падало духом в трудные минуты. Вскоре стало ясно, что Бочковский сможет отлично командовать и взводом. Действительно, его взвод стал одним из лучших в батальоне Балицкого. Не случайно Григорий Васильевич послал под Вицентувку именно недавнего комсомольца, а теперь кандидата в члены партии Бочковского с его боевыми, видавшими виды ребятами.

Конечно, Бочковский отлично понимал необходимость секретности во многих военных делах. Но вот сейчас, когда он

лежал под кустом рядом с Газинским, его начало одолевать самое обыкновенное человеческое любопытство. Скосив в сторону Семена Ефимовича глаза, командир взвода тихо спросил:

- Спишь, секретарь?

- Отдыхаю, - буркнул Газинский.

- И отдыхай себе на здоровье... Только сначала скажи, куда мы идем? В разведку, что ли?

- Не положено говорить... Завтра узнаешь.

- Что же я, по-твоему, к Гитлеру побегу тайну выдавать? Или, может быть, к Степану Бандере?

- А ну спи, Микола!

Ответ на мучивший его вопрос Бочковский получил только на другой день, когда отряд благополучно перевалил через большак и обосновался в заброшенном, полусожженном хуторе Германовка, в нескольких километрах от цели своего похода. К вечеру послали двух человек разведать Вицентувку и ее окрестности. Разведчики сообщили, что Вицентувка пуста. Только худые одичавшие кошки сидят на каменных крылечках обгоревших зданий. Дорога в сторону Словатичей давно не езжена, вдоль нее кое-где тянутся кусты.

В первом часу ночи все двадцать партизан подошли к месту, возле которого была назначена встреча с Остапчуком и его людьми. Метрах в ста пятидесяти от хутора оставили у дороги на Словатичи засаду из трех автоматчиков, приказав им хорошо замаскироваться и открывать огонь лишь в случае какой-нибудь явной провокации. Основные же силы отряда заняли позицию на окраине Вицентувки, возле разоренной пасеки. Газинский с Бочковским прилегли у дороги, примерно на равном расстоянии от пасеки и от засады. Оставалось ждать двух часов ночи. "Вот она теперь какая, наша партийная работа!" - подумал Семен Ефимович, перекладывая пистолет из кобуры за пояс. Приготовил на всякий случай и гранату.

Наконец светящиеся стрелки часов показали два. Потом пять минут третьего, десять минут третьего... Дорога оставалась пустой.

- У нас время московское, а у него, возможно, берлинское! - шепнул Николай.

- Эх, верно! Не предусмотрели! - с досадой ответил Газинский, снова напряженно вглядываясь в темноту.

Но вот впереди что-то замаячило: или тень, или человеческий силуэт. Нет, конечно, шел человек! Еще минута-другая, и он оказался почти рядом.

- Киверцы! - тихо произнес пароль Газинский.

- Киев! - последовал правильный отзыв.

- Садитесь сюда! - сказал Газинский, помог пришедшему спуститься в канаву и вдруг, всмотревшись, увидел, что это не Илья Игнатьевич. - Кто вы?

- Дублер.

- Кого вы дублируете?

- Остапчука Илью.

- А где он?

- Погиб... Два дня назад Илью задушили бандеровцы.

Ошеломленный страшной вестью, Газинский как-то механически, будто и не к месту спросил:

- Вы кто по профессии?

Из темноты последовал тихий ответ:

- Учитель.

С трудом сдерживая волнение, то повторяясь, то забегая вперед, учитель рассказал о случившемся. В конце минувшей недели Илья Остапчук, человек, близкий ему по взглядам, дал понять, что в селе создается подпольная коммунистическая организация. Учитель встретил это сообщение с радостью, выразил желание помогать подпольщикам. Тогда после большого серьезного разговора Остапчук предложил ему стать дублером руководителя организации. Учитель не возражал. Илья Игнатьевич тут же поставил его в известность о назначенной представителем партизан ночной явке, сообщил время, место и пароль.

Они начали советоваться, кого бы еще привлечь к работе. Решили позондировать настроение одного недавно появившегося в селе человека. Этот человек утверждал, что он красноармеец, бежавший из фашистского плена. Подпольщики рассудили так: если бежал от немцев, значит, свой, советский. Оказалось же, что это специально засланный в село агент бандеровцев, осведомитель "Службы беспеки". Вероятно, в первом же разговоре с ним Илья допустил какую-то неосторожность. Во всяком случае, последовал донос, что Остапчук "смущает селян".

В Словатичи нагрянула целая сотня бульбашей, которая и сейчас там находится. Остапчука схватили. Требуя, чтобы он выдал соучастников, раскрыл свои связи с партизанами, националисты подвергли арестованного излюбленной ими чисто инквизиторской пытке.

На шею Остапчука надели веревочную петлю, которую постепенно закручивали с помощью короткой палки. Когда он начинал задыхаться, петлю ослабляли и снова требовали ответа на поставленные вопросы. Подпольщик молчал. Палачи с бандеровскими трезубцами на шапках истязали его два дня, пока не закрутили удавку до отказа.

- Остапчук был настоящим коммунистом! Вечная ему память! - сказал Газинский.

- Вечная память! - молвил учитель.

- А вы?.. Мученическая смерть Ильи вас не остановила?

- Как видите, пришел...

- Сейчас темно, нельзя зажигать свет, и мы даже не видим как следует друг друга... Но я вам верю, товарищ дублер, и мне хочется пожать вашу руку!..

Они обменялись крепким рукопожатием, затем Семен Ефимович продолжал:

- Вам сначала будет тяжелее, чем Илье... Ведь он рассчитывал на вас, а вы пока можете надеяться только на себя. Но надо бороться!

- Я знаю. Я все уже обдумал и все решил... Что надо делать? Что сейчас главное?

- В вашем селе самое главное - ослабить влияние бандеровцев, а тем самым ослабить их силы. Надо привлечь народ к активной помощи партизанам!

- Понимаю. Но ведь следует добиваться и перехода к вам самих бандеровцев? Мне Илья показывал листовки... Одна прямо бандеровцам адресована...

- Да, предстоит работа и среди обманутых Бандерой, насильно привлеченных им в свои ряды людей.

- Вот-вот! У нас в селе как раз есть сейчас такие люди. Они не совсем бандеровцы, конечно... Это грузины.

- Какие грузины? Откуда?

- Советские грузины. Были у немцев в плену, видно, бежали, а националисты где-то их перехватили и заставляют служить у себя. Морочат им голову! Обещают после победы "самостийной Украины" отправить их с почетом на Кавказ... Наблюдал я за этими грузинами. Томятся люди! Видно, что не по нутру им быть вместе с бандитами. Но разве от бандеровцев легко вырваться! Вот я и подумал: не связать ли грузин с вами?

- Правильно подумали! Непременно надо с ними связаться. И побыстрее! А как это сделать, давайте подумаем вместе. Но сначала скажите: сколько их?

- Примерно человек сорок или чуть больше. Вроде бы отдельная рота! Бандеровцы грузин на той стороне села держат, что к юго-востоку, а эту не доверяют, здесь сами стоят...

- Почему именно эту не доверяют? - не понял Газинский.

- За Вицентувкой, чуть подальше, Пшебражье будет. А там польский отряд самообороны. Вот и опасаются, как бы грузины к полякам не подались!

- Интересно, очень интересно... А какое вооружение у

бандеровцев в Словатичах? Не выясняли?

- Как же не выяснить, если к вам шел! Один станковый пулемет, пять ручных, автоматов мало, у большинства винтовки...

Подумав немного, Газинский сказал:

- Надо бы мне встретиться с кем-нибудь из грузин, с одним или с двумя. Вот что попробуем сделать! - Тут он вынул из кармана и протянул учителю сложенную в несколько раз газету. - Держите! Это московская "Правда", относительно свежая, за прошлый месяц. Сами почитайте, а потом постарайтесь подсунуть ее грузинам. Как будут реагировать? Спрячут ли от бандеровцев?.. Своего рода пробный камень! А там уж смотрите, насколько откровенно можно с ними разговаривать. Но во всех случаях соблюдайте осторожность. Хватит с нас одной смерти. И дублера у вас пока нет.

- Буду осторожен. А если дело пойдет на лад, если увижу, что грузины рады связаться с партизанами? Что тогда делать?

- Приведите хотя бы одного. Сюда же, на это место! Действуйте в воскресенье, в понедельник, а в ночь на вторник, в два часа, являйтесь сюда.

- А пароль? Отзыв?

- Останутся прежними.

- Сделаю все, что смогу!

- Желаю успеха.

Они распрощались, учитель бесшумно исчез в темноте, и только тогда Газинский хватился, что так и не узнал его фамилию.

Отряд быстро собрался в обратный путь к хутору Германовка. Решили переждать там до вторника.

- А майор Балицкий что подумает? Во вторник мы уже в батальоне должны быть! - напомнил Николай.

- Обстановка изменилась, - пожал плечами Газинский. - Надо в батальон связных отправить, сообщить, какая здесь ситуация. Правда, жаль людей отсылать! Каждый человек дорог. Ведь неизвестно, как все с грузинами обернется... Не отпустят их бульбаши без крови!

- Это уж точно! - согласился Бочковский. - А все равно связных послать надо... Иначе майор нам головы оторвет!

Подумал Газинский и о другом, хотя и не высказал своих мыслей командиру взвода. А что, если во вторник явка не состоится? Дублер не приведет грузин и сам не придет! Не сможет, обстоятельства окажутся сильнее. Что делать тогда? Придется связываться с Киверцовскнм подпольным райкомом, с его секретарем, а для этого нужно будет пробраться к селу Суск, что займет еще сутки... Но нельзя же бросать или откладывать

дело с грузинами. Ведь какой замечательный подвернулся случай!

И тут же секретарь батальонного партбюро понял, что это вовсе не случай.

Все происходило с железной закономерностью. Не узнали бы они, что можно вырвать из бандеровского полуплена большую группу грузин, не окажись в Словатичах дублера! А дублер появился потому, что был Илья Остапчук... А Илья занял свой трудный пост потому, что существовал подпольный райком... А райком возник с помощью коммунистов 1-го батальона... А от партизан-коммунистов требовал создавать в селах партийное подполье обком... А обком выполнял волю ЦК, волю всей партии, хорошо понимавшей, как важна для дела победы народная поддержка на оккупированной врагом советской земле. И вот она, эта поддержка: подвиг Остапчука, смелый поступок его дублера.

Да, оба они стали самоотверженными бойцами партийного подполья. Илья Остапчук погиб героической смертью. Но разве мало стойкости проявил учитель, тотчас же заняв его место? Тело Остапчука еще не остыло, а дублер, стиснув зубы, уже присматривался к появившимся в селе грузинам, наблюдал за отношением к ним бандеровцев, подсчитывал оружие врага... Это и есть работа коммуниста в подполье! Во всяком случае, очень важная часть его деятельности. Вот сегодня учитель, рискуя жизнью, обронит в стане врага номер "Правды"...

Раздавшийся в темноте отдаленный крик совы прервал размышления Газинского.

- Стоп! Дозор сигнал подает... Что-то там неладно! - встревоженно сказал Николай и тенью скользнул вперед.

Вернулся он с неожиданной вестью. Пустовавший всего несколько часов назад хутор теперь занят какими-то вооруженными людьми. Прошло немало времени, пока удалось выяснить, что это свои, партизаны, спецгруппа из соседнего отряда, возглавляемая капитаном Хоменко.

Встреча партизан-соседей вдали от своих лагерей, у самого логовища бандеровцев, была не только радостной, но и взаимно полезной.

Газинского с Бочковским обрадовала возможность использовать имеющуюся у спецгруппы рацию, чтобы сообщить батальону о вынужденной задержке взвода в районе Словатичей. К сожалению, непосредственно с Балицким связаться было нельзя. Радист спецгруппы не знал, да и не мог знать ни позывных батальона, ни волны, на которой принимает батальонная станция, ни шифра. Не знал этого и Газинский: такие вещи строго засекречены. Пришлось действовать по-

другому. Радиограмму, адресованную Балицкому, послали в отряд, из которого была спецгруппа Хоменко, попросив срочно переотправить ее соседу пешей или конной связью.

- Предупреди, что через полчаса снова вызовем, - сказал капитан Хоменко радисту. - Кажется, будет кое-что интересное...

И он сразу же начал расспрашивать Газинского с Бочковским о бандеровской сотне, о грузинах.

- Ясно, что грузин можно вырвать! - сказал Хоменко, записав все нужные ему сведения. - Действовать надо агентурным методом. Подошлем туда человека.

- Есть там уже человек, я ведь говорил, - напомнил Семен Ефимович. Кое-что сделать сможет.

- Пусть делает! - кивнул Хоменко. - Но со мной тут боец, которого можно ну прямо в хаты к этим грузинам подкинуть! Цокаев его фамилия... Сам по национальности лезгин, но хорошо говорит по-грузински. Вот его и надо в Словатичи послать. Вряд ли бульбаши всю свою кавказскую роту в лицо знают, а уж земляки земляка не выдадут.

- Ну а если найдется доносчик? Все к чертям полетит! А у нас на вторник явка назначена. Представителя грузин ждем. Нет, пусть уж лучше земляки на явке потолкуют!

- Есть и тут логика, - сказал, немного подумав, Хоменко. - Только вдруг явка сорвется?

- Тогда надо совместными силами ударить по бандеровцам, боем отсечь от них грузин и увести с собой. Перед самой операцией отправим в Словатичи лезгина.

- Не-е-ет! - покачал головой капитан. - Задача нашего спецотряда и нашей группы не стрельба-пальба. Сам знаешь, наше дело - разведка и прочие такие штуки.

- Разве мало получишь данных от грузин? И не только о бульбашах, но и о немцах. Ведь недавно из плена бежали.

- Тоже логика! Слушай, политрук, ты, наверно, здорово Гегеля изучал?

- Приходилось! - усмехнулся Газинский. - Надо готовиться к бою, капитан, просто необходимо!

- Хорошо... Предположим, что бой! А силы какие? У вас двадцать человек, у нас тринадцать, всего - тридцать три. Бульбашей в Словатичах сотня, да пока у них еще сорок грузин. Получается, что сил у противника вчетверо больше наших!

- А внезапность? Да и грузины наверняка будут с нами.

- Не торопись, не забегай! Давай еще покумекаем.

Военный совет продолжался. Хоменко высказал дельную мысль, что не мешало бы попытаться привлечь к выступлению вооруженных поляков из Пшебражья, хотя и сомневался,

согласятся ли они. Существовавшие кое-где на Волыни польские отряды самообороны напоминали так называемые "Батальоны хлопски", имевшиеся в самой Польше. Эти отряды брались за оружие только для защиты своих сел, а в остальных случаях предпочитали придерживаться нейтралитета. Все же решили связаться с Пшебражьем. Посланные туда гонцы привели к вечеру на хутор командира самооборонцев, оказавшегося высоким худощавым человеком лет сорока, в линялом, подпоясанном ремешком плаще и с пестрым шарфом на шее. Назвался прибывший Казимиром.

Выслушав предложение партизан, Казимир замахал длинными худыми руками:

- Не можно, паны-товарищи, не можно! Мы никого не торкаем, и нас не торкают... Але дознают бандеры, что мы с партизанами вместе, как вы уйдете, побьют нас всех!

- Надо, чтобы сами бандеровцы ушли. А они и уходят оттуда, где сильно получат по рылу! - сказал Газинский.

- И не трогают вас только до поры до времени... Сами же должны понимать! - добавил Хоменко.

Разговор с Казимиром был долгим и трудным. В конце концов поляка удалось убедить в необходимости совместного выступления, но прежде, чем дать ответ, он хотел посоветоваться с односельчанами. В Пшебражье с ним отправился Газинский. Здесь после длительных споров пришли к окончательному соглашению: если понадобится, поляки будут участвовать в операции.

- А не подведете? Выступите? - спросил на прощание Семен Ефимович.

- Даем слово твердо! Иезус свидетель! - ответил Казимир, набожно поднимая глаза к небу и торжественно крестясь двумя пальцами.

"Пожалуй, не подведет! - подумал Газинский. - Пока для него Иезус все же фигура".

Утром они встретились еще раз, чтобы уточнить план действий. План сводился к следующему.

Вариант первый. Если явка состоится, лезгин Цокаев вместе с пришедшими грузинами и учителем или только с учителем проникает в Словатичи, чтобы быстро, в течение какого-нибудь часа, подготовить выступление кавказцев одновременно с партизанами. Кавказцы начинают бой на северо-западной окраине села, где они расквартированы, а партизаны, как только услышат выстрелы, наступают с юго-востока, то есть со стороны Вицентувки. Поблизости сосредоточиваются и поляки в количестве 50 человек, но они остаются пока в резерве.

Вариант второй. Если на явку до 2 часов 30 минут никто не прибудет, удар по бандеровцам наносится силами партизан и польского отряда. Для этого партизаны делают глубокий обход села и сосредоточиваются у северо-западной его стороны, поближе к грузинам. Поляки пробираются к юго-восточной части Словатичей, где становятся в засаду. Заняв исходные позиции, партизаны направляют к грузинам Цокаева. Несколько позже, в 4 часа 30 минут утра, партизаны первыми начинают бой, ставя своей задачей оттеснить бульбашей к противоположной окраине села, где их встретит огнем отряд Казимира.

Таковы были варианты. Понедельник прошел в последних приготовлениях. Поздно вечером партизаны сосредоточились в кустах возле Вицентувки. Поляки ждали начала событий на самом хуторе, в полуобгоревших его хатах.

Неторопливое время подошло наконец к полуночи. Наступили новые сутки. По-прежнему медленно, словно бы нехотя, время движется дальше. Скоро уже и два... Вместе с Газинским и Бочковским лежит у дороги сухощавый, горбоносый, ловкий и решительный человек, родившийся далеко отсюда, в горах Дагестана. Все они напряженно смотрят в сторону Словатичей.

Нет, явка не состоялась... Никто не пришел. В два тридцать ночи второй вариант оперативного плана вступил в действие.

Партизаны начали обход села. Через сорок минут предстояло двинуться полякам. Газинский и Хоменко шли рядом, изредка переговариваясь шепотом. Бесшумно следовали за ними Николай и бойцы. Вскоре кустарник кончился, километров пять отряд пробирался открытым полем. Не виден он был из села лишь благодаря темноте. К счастью, почти у самой северо-западной окраины Словатичей раскинулась небольшая рощица. В нее партизаны вошли, когда уже забрезжил рассвет.

- Цокаев! - тихо позвал капитан.

Перед ним вытянулась по-мальчишески стройная фигура лезгина.

- Действуй, Цокаев! - сказал Хоменко.

Лезгин передал стоящему рядом товарищу свои автомат, потом ему же протянул самодельный кинжал и вынутую из кармана гранату.

- Может, пистолет возьмешь? Дать? - спросил Хоменко.

- Нельзя! - мотнул головой Цокаев. - Не воевать с грузинами иду, с добрым словом иду... Как друг!

- Там и бульбашей полно! - напомнил Бочковский.

- Я не к собакам бульбашам иду, я к землякам иду... Пусть у меня будет открытая рука!

Лезгин поднял правую руку ладонью вперед, как бы показывая, что в ней нет оружия, потом вдруг присел, проворно стянул сапоги, остался в одних толстых шерстяных носках, сбросил с головы кубанку, снял с гимнастерки ремень, расстегнул ворот... И все поняли Цокаева. В таком виде ему легче будет в ночное время проникнуть к грузинам или пройти мимо бандеровцев.

Цокаев кивнул на прощание, улыбнулся и быстрой легкой походкой зашагал, не оглядываясь, к Словатичам.

Но только успел ли дойти?! Вдруг где-то вдалеке, на противоположном конце села, простучал пулемет и затрещали ружейные выстрелы. Почему поляки начали первыми? Как потом оказалось, первыми начали не они, открыла огонь бандеровская застава, обнаружившая приближавшийся к окраине села отряд Казимира. Выстрелы не смолкая гремели чаще, гуще, там завязался бой, и некогда было гадать, почему он начался.

Партизаны рванулись вперед... Взводу Бочковского предстояло действовать вдоль улицы, а разделившимся на два отделения людям Хоменко теснить бандеровцев по огородам, слева и справа. Навстречу атакующим прогремела пулеметная очередь, но прицел был взят высоко. Когда Семен Ефимович вместе с Николаем добежали до первых строений, они увидели лежащего на земле грузина, который менял диск у "дегтяря".

- Кацо! Против кого ты воюешь?! - крикнул Газинский, бросаясь к пулеметчику и показывая на своей гимнастерке орден Красной Звезды.

Грузин ликующе охнул, будто только ждал эту знакомую звездочку, повернулся к хатам и начал что-то громко выкрикивать на родном языке.

Из ближайших домов и сараев с радостными возгласами выбегали грузины... Улыбающиеся, возбужденные, они складывали оружие у ног Газинского.

- Не надо! Зачем? Берите винтовки обратно... Эй, кацо, поднимай свой пулемет!.. Товарищи, мы - партизаны. Давайте вместе...

- Давай, давай! Командуй! - раздалось несколько голосов.

Еще минута-другая, и партизаны вперемешку с грузинами помчались к центру села. Там небольшая, ушедшая вперед группа, возглавляемая Бочковским, шерстила бандеровцев.

Трескотню одиночных выстрелов перекрывал стук пулеметов... Где-то за хатами бухнула граната... Бой был недолгим. Бандеровцы дрогнули, стали отступать, а потом побежали и вовсе прочь из села, грозя кулаками и мотая чубами. Пулеметчик-грузин выпустил вслед последней кучке полдиска и

зло рассмеялся, когда один из чубатых упал.

Газинский с Хоменко наскоро подвели итог операции. Из лап бульбашей удалось вырвать почти всех грузин. Двадцать шесть из них живы-здоровы, находятся при полном вооружении, счастливы, что станут партизанами. Пять грузин ранено. Во взводе Бочковского четверо раненых, в том числе и сам Николай. Три его бойца пали смертью храбрых.

Потери бандеровцев только убитыми - семнадцать человек. Взято в бою два десятка винтовок, три автомата, три ручных пулемета и станок-вертлюга от "максима": ствол бульбаши успели унести с собой. Один из пулеметов и часть винтовок партизаны тут же передали отряду Казимира.

Дольше задерживаться в Словатичах нельзя. Ведь неподалеку, в Лише, находится довольно крупный бандеровский гарнизон. Кроме того, предстояло перейти в дневное время дорогу Киверцы - Тростянец, причем сделать это необходимо побыстрей, пока туда не брошены заслоны противника. Партизаны мобилизовали пять крестьянских подвод, уложили в них раненых и убитых, попрощались с поляками и, выслав вперед походную заставу, тронулись в путь.

Хоменко шагал рядом с грузинами, настойчиво их о чем-то расспрашивая и делая на ходу пометки в тетради. Капитан торопился. Через несколько километров его группе предстояло отделиться от колонны, свернуть в сторону. Возле Хоменко вертелся, выполняя время от времени обязанности переводчика, невредимый веселый Цокаев, давно отыскавший свою кубанку и сапоги.

Вскоре головная застава остановила трех идущих навстречу женщин с корзинами и мешочками.

- Кто такие? Куда?

- Тутошние мы, из Суска... Вам, партизанам червонным, от селян наших подарунки несем!

Они вынули хлеб, сало, горшочек меду, яблоки. В одной из кошелок оказалась и бутыль самогонки.

- А кто сказал вам, что червонные здесь пройдут? - спросил командир заставы.

- Е таки люди, що знали!

В селе Суск имелась подпольная партийная организация... Не до нее ли дошли вести о пребывании поблизости партизан? Не коммунисты ли подсказали крестьянкам вероятное направление обратного маршрута партизанского взвода?

Газинский думал не только об этом. Его больше всего беспокоили причины, помешавшие состояться ночной явке. Что с дублером? Почему он не пришел? Пытался ли выполнить

полученное задание? Можно ли рассчитывать на его дальнейшую работу?

Ответ на эти вопросы Семен Ефимович получил позже, когда партизаны, без выстрела перевалив через дорогу Киверцы - Тростянец, расстались с группой капитана Хоменко и сделали к вечеру на лесной поляне первый большой привал. Лишь здесь довелось Газинскому познакомиться с грузинами поближе. Расспрашивая, как жилось у бандеровцев, какие были настроения, он вдруг услышал чей-то голос:

- Последний день хорошо жилось! Последний день очень хорошее настроение!

- В последний? То есть вчера?.. Но почему? - не повял Семен Ефимович.

- Партизан ждали, вас ждали! Как только Нодар Абашидзе поднял у кухни газету "Правда", все сразу догадались, что партизаны близко... Не почтальон же принес! Эй, Нодар! Где газета?

Из толпы вынырнул невысокого роста грузин, молча достал из-за пазухи сложенный, затертый на сгибах номер и протянул его секретарю партбюро. С волнением взял Газинский вернувшийся к нему экземпляр "Правды". Сколько уже сделали эти четыре газетные страницы, отпечатанные в Москве! Читали их партизаны в батальоне, готовились по ним к беседам политруки, побывала газета и у подопольщика, вспыхнула маяком надежды для попавших в беду грузин! Не суждено ли этому же номеру "Правды" продолжать свои славные дела?! Газинский бережно спрятал его в сумку.

- Послушайте, ребята! - снова обратился Семен Ефимович к грузинам. А вот вчера или позавчера никто из жителей не заговаривал с вами о партизанах?

Раздалось сразу несколько голосов. Отвечали и по-русски, и по-грузински, перебивая друг друга. Сначала ничего нельзя было понять в этой разноголосице, но постепенно все выяснилось. Да, какой-то мужчина говорил насчет партизан с Нодаром Абашидзе, поднявшим газету, а потом еще с двумя грузинами. Условились, что ночью кто-нибудь из грузин пойдет с этим мужчиной к партизанским связным. Решили послать Ираклия Мергланию. Они и пошли, но наскочили на засаду, едва не попались в руки бандеровцев. Пришлось повернуть обратно. Мерглания вернулся незадолго до начала партизанской атаки...

- А почему послали Мергланию? - спросил Газинский. - Кто он такой?

- Ираклий - партийный, - объяснил кто-то.

- Где этот Мерглания?

Вперед выступил плотный широкоплечий кавказец с перевязанной рукой.

- Да, я партийный, - сказал он и, неожиданно блеснув белозубой улыбкой, добавил: - Только членские взносы давно не платил. Партбилет у лейтенанта Кублашвили остался.

- Почему у лейтенанта? Что за лейтенант?

- Меня в плен фашист брал, когда я в разведку ходил... А если в разведку идешь, лейтенант документы берет, в железную коробку прячет.

- Правильно! Такой порядок! - кивнул, тоже улыбнувшись, Газинский.

Все теперь стало на свои места... Молодец учитель! И правильно сделал, что не появился, не заговорил с партизанами, когда бой в Словатичах уже кончался. На то он и подпольщик! А снова с ним связаться можно будет через Киверцовский райком. Уверенность, что у дублера Ильи все благополучно и что это отличный дублер, наполнила Семена Газинского радостью еще одной победы.

К вечеру следующего дня партизаны бывалые и партизаны новые подошли к лагерю 1-го батальона.

Выслушав доклад, Григорий Васильевич Балицкий сказал:

- Отдыхай, секретарь, получше! Денька через два опять кое-где побываешь по делам подполья. Ох, сильно жмет обком насчет подпольной сети! Да ведь и правильно делает, что жмет.

* * *

Я припомнил всю эту историю, рассказанную мне многими ее участниками, уже после того, как мы закончили отчет и Дружинин ушел к себе. Что добавить? Учителя звали Алексеем Филипповичем Остапчуком, он оказался однофамильцем погибшего Ильи. Учитель привлек к работе еще двух человек, и все они самоотверженно помогали делу победы.

Небольшими были наши подпольные организации, подчас очень небольшими. Но в них действовали люди такие же стойкие, верные своему долгу, как и дублеры из Словатичей.

МИТЯ, "ТЕЛКА" И МОСТ

В сумке минера среди всяческого нужного ему припаса обычно лежит и кусок автомобильной покрышки. Резина с выпуклым рисунком протектора всегда должна быть под рукой, когда приходится действовать не на железнодорожном полотне и не на шоссе, а на самой обычной проселочной дороге-грунтовке.

Легкую самодельную мину, похожую на школьный пенал, опускают в узкую ямку, вырытую вдоль дорожной колеи. Засыплют ее землей, притрусят песком или снегом, а сверху, для маскировки, обязательно оттиснут автомобильный след.

Мороки много! А подорвется всего-то одна машина. Немцы оттащат ее в сторону, и движение будет восстановлено. При операциях на автомобильных трассах наши подрывники предпочитали минировать не сами дороги, а мосты. Уничтожение даже небольшого мостика всегда приносило более эффективные результаты.

Заместителю командира 6-го батальона по диверсионной работе Дмитрию Резуто приходилось часто бывать на автомобильной трассе Ковель - Брест. Здесь он уже давно присматривался к мосту близ местечка Ратное. Вот это действительно мост, настоящий мостина! Длина его - метров двадцать пять, не меньше. Концы покоятся на солидных железобетонных опорах. Середину поддерживает еще одна опора, но поуже. Перекинут мост через болотистую пойму узкой, лишь весной широко разливающейся речушки. От настила моста до подмерзших болотных кочек довольно высоко, так как дорога проходит по крутой насыпи.

"Если рвануть эту штуковину, - размышлял Дмитрий, - то, пожалуй, фашисты и за месяц не восстановят движение... В объезд придется весь транспорт двигать, или через болото дорогу намащивать, или новый мост строить, а это еще дольше... Эх, только бы рвануть! Интересный бы цирк получился..."

Опытный подрывник прекрасно понимал, что разрушить соблазнительный мост не так-то просто: бетон, железная арматура, толстые балки нешуточное дело все это поднять в воздух. И все-таки мост под Ратным манил и манил к себе Дмитрия.

Однажды, возвращаясь в батальонный лагерь с операции на железной дороге, Резуто свернул к не дававшему ему покоя мосту и заминировал одну из опор десятком килограммов тола. Детонатор поставил автоматический, с замедлителем. Побывав тут в следующий раз, Дмитрий увидел, что мина сработала, но лишь слегка повредила опору. Немцы уже успели заделать трещины свежим цементом. Минер сам себя выругал, пожалев о потраченной без пользы взрывчатке.

С тех пор Резуто обходил ратненский мост стороной, чтобы глаза не мозолил. Однако в начале зимы пришлось снова о нем вспомнить.

После ночной работы минеры сделали привал на маленьком хуторе, километрах в двух от автомобильной дороги. Дмитрий разговорился с хозяевами хаты, в которую зашли. Беседа коснулась и первых дней войны.

- Ох и бомбили в ту пору! - сказал хуторянин. - Не нас, конечно, а все по мосту герман целил. Сколько бомб в болото

понакидал! Какие не разорвались, до сих пор вверх хвостами торчат... Одна здоровен-н-ная, что твоя телка!

Партизан всегда интересуют уцелевшие авиабомбы: из них можно выплавлять взрывчатку. Попросили хозяина показать, где валяется "телка". Пошли к болоту. "У страха глаза велики! - думал Резуто. - Наверно, сотка, ровно сто килограммов! Значит, не больше поросенка".

Увидев торчавший из запорошенной снегом травы огромный стабилизатор, Дмитрий понял, что крестьянин не очень-то преувеличивал. Бомба была весом в полтонны.

Хорошо ли это? Нет, плохо. Из такой крупной "начинку" обычным способом не достанешь. Взрывчатые вещества извлекались партизанами из бомб и снарядов по определенной, очень строгой технологии, выработанной длительным опытом. Взрывчатку надо расплавить, довести до кашеобразного состояния, но подогревать для этого корпуса бомб или снарядов на открытом огне ни в коем случае нельзя. Их опускали в котел с водой, которую постепенно доводили до кипения. Ну а где найдешь сейчас котел для полутонной "телки"?!

С другой стороны, нельзя же оставлять на болоте заключенную в авиабомбе взрывчатку. Это было бы, по мнению Резуто, вопиющей бесхозяйственностью.

Что же оставалось делать? Ясно, что: надо вытащить бомбу, отвезти ее под ратненский мост и там взорвать. Идея заманчивая! Но на пути к ее реализации стояло множество препятствий, угрожавших к тому же людям смертельной опасностью.

Прежде всего требовалось установить: пожелает ли "телка" вылезти из болота целой и невредимой, не разлетится ли, вылезая, на тысячу кусков? Отослав сопровождавших его партизан подальше, Дмитрий принялся осторожненько окапывать бомбу. Надо взглянуть, нет ли у нее дополнительных боковых взрывателей, похожих на те металлические рожки, какие бывают у плавучих морских мин.

"Телка" оказалась безрогой. Значит, можно тянуть ее на поверхность, не опасаясь задеть при этом один из боковых взрывателей. Но ведь еще неизвестно, почему не сработал взрыватель в головке тогда, полтора года назад. Вероятная причина - ударился о мягкий болотистый грунт. А если не только поэтому? Не исключено, что взрыватель сработал, но не полностью, не до конца, и стоит его сейчас чуть потревожить, как ничего не останется ни от бомбы, ни от самого минера.

Тащить-то "телку" можно, однако делать это придется с большой опаской.

- Вот что, хлопцы! - начал Резуто, подойдя к партизанам. -

Мне передохнуть пора, а вы вон за тем бугром выройте окопчик поглубже. Тебе, Григорий, особое задание: обшарить весь хутор и найти хоть метров сто прочной веревки... Кроме того, всем иметь по запасному комплекту барабанных перепонок.

- Да уж где их взять, эти перепонки! Лучше, Дмитрий Миронович, мы рты поразеваем, - сказал Гриша, догадываясь о предстоящем.

- Можно и открытым ртом обойтись. Помогает! - кивнул минер. - Но не обязательно же ей рваться... Не на это рассчитываю.

Через какой-нибудь час стабилизатор бомбы накрепко обвязали веревкой, протянувшейся к вырытому окопу.

- Взялись!.. Теперь плавно! Помалу! - командовал Резуто.

"Телка" охотно поддалась, вылезла из ямы и легла у ее края. Ребята разогнались к ней: интересно же посмотреть.

- Стоп! Всем назад, в окоп, - потребовал Дмитрий. - Торопиться тут нечего. Пусть немного полежит... Мало ли что ей вздумается!

Ничего "телке" не вздумалось. Первым подошел к ней опять Резуто... Да, это была немецкая пятисотка, большая и толстая, с ржавчиной по всему корпусу.

Оставалось сделать самое неприятное: вывинтить у бомбы головку. Заниматься этим всегда страшно, с каким бы весом минер ни имел дело. Для того чтобы разнести человека, вполне хватит и килограмма взрывчатки. Но тут была еще и дополнительная неприятность. Головка у полутонной бомбы настолько велика, что ее трудно прихватить имевшимся случайным инструментом. Придется как-то приспосабливаться... Ничего не поделаешь! И Резуто опять погнал всех подальше от бомбы, обратно на хутор.

* * *

Ранней весной 1942 года из леса, неподалеку от границы между Черниговской областью и Брянской, вышли трое оборванных, изможденных, заросших бородой мужчин с крестьянскими кошелками в руках.

Неизвестные остановили проходивших через поляну девушек и начали расспрашивать, есть ли дальше в лесу люди, а если есть, то кто они такие. Девчата охотно ответили, что сами живут на хуторе, который тут совсем рядом, но в лесу поблизости никого нет. Иногда, правда, проходят через хутор какие-то вооруженные дядьки, кто в немецких, кто в мадьярских мундирах, но кто такие, не разберешь, вроде бы полицаи. Впрочем, и эти давно уже не появлялись.

На встречный вопрос - откуда да куда они идут? - один из

обросших бородой мужчин ответил, что направляются из-под Корюковки в брянские села, где хотят поменять кое-что на продукты.

- А сейчас-то, наверно, голодные! - сердобольно воскликнула самая бойкая из девчат. - Обождите, домой сбегаю, молочка принесу... Да вы не бойтесь! Никого сюда не приведу. Вот и подружек в залог оставляю!

Действительно, она вскоре вернулась с полным кувшином молока. Однако побывать она успела не только у себя дома, забежала и в соседнюю хату.

Когда неизвестные уже почти покончили с молоком, из-за кустов бесшумно вышли несколько хлопцев с винтовками и потребовали от бородачей поднять руки вверх. Те повиновались.

- Оружие есть? - раздался вопрос.

- Откуда ему взяться...

Начался обыск. У одного из дядек между днищем корзины и подшитым к нему рядном оказался пистолет ТТ с полной обоймой. У другого тоже нашли ТТ, у третьего наган.

Через час эти пистолеты и револьвер лежали передо мной. В нашу штабную землянку ввели задержанных у заставы неизвестных. По-видимому, они уже сообразили, куда попали, и держались уверенно. На первый же мой вопрос последовал ответ, что все трое являются советскими офицерами-окруженцами и сейчас пробираются к фронту, хотят его перейти. Дальше мы допрашивали задержанных поодиночке и таким образом, чтобы они не слышали ответов друг друга. Однако все ответы сходились даже в мелких деталях.

Выяснилось, что офицеры идут из Киева, где сначала скрывались в разных местах, но потом установили между собой связь. Под Киевом, еще на правом берегу Днепра, их задержала полиция и отправила в ближайший районный центр. Окруженцы убили конвоира, потом нашли для переправы лодку. По левобережью шли они долго, не один месяц, так как, не имея ни компаса, ни карты, часто сбивались с дороги и блуждали в лесах. Все трое хотят, если невозможно перейти фронт и попасть в армию, остаться у партизан.

Последним мы допрашивали темноглазого крепкоскулого шатена, который говорил немного картавя. Попал он в окружение на Полтавщине, где был тяжело ранен. Решил пробираться домой, в Киев, чтобы залечить рану. Ночью, сунув за пояс пистолет и действуя лишь одной здоровой рукой, он переплыл Днепр. В Киеве скрывался в доме отца-железнодорожника, с его же помощью установил связь с другими окруженцами. По своей мирной профессии темноглазый парень - шофер, действительную

военную службу проходил в авиации.

- Что ж, оставайтесь у нас, - сказал я окруженцам. - Сегодня и распределят вас по ротам.

- А как с оружием? - спросил тот, что немного картавил.

- Известно как... В бою добывать надо! - усмехнулся кто-то из штабистов.

- Но у нас же есть оружие... Вот оно! - кивнул темноглазый на стол.

- Пистолеты вам не положены, - уточнил я.

- Но ведь мы офицеры!

- У нас пока будете рядовыми бойцами.

Уловив в моем голосе нотку приказа, все трое вытянулись.

Темноглазого, немного картавящего техника-лейтенанта звали Дмитрий Миронович Резуто.

* * *

Солнце поднялось над болотом уже высоко, но времени до вечера хватит, должно хватить, если только пойдет эта окаянная головка. Дмитрий осторожно вставил в ее пазы два железных штыря и начал их пошатывать. Не идет! И не должна сразу пойти. Сверху ржавчина придерживает, на резьбе смазка давно затвердела... И главное, нельзя ее двигать резко, рывком!

Дмитрий то садился на "телку" верхом, то ложился с ней рядом, нажимая на штыри под разными углами. Он обливался потом, но не от мускульного, а от нервного напряжения... Страшно! Не страшновато, а по-настоящему страшно! Резуто старался подавить в себе это чувство, внушал себе, что все обойдется.

Наконец головка чуть сдвинулась влево. Наступило самое опасное. Если взрывной механизм сработал, но не полностью и ударник держится лишь на какой-то заусенице металла, на волоске, то при вращении головки он может сорваться, и тогда...

Лично для него, для Дмитрия Резуто, после этого ничего уже не будет. Минер отчетливо сознавал, какому риску он подвергался, но продолжал осторожно, понемногу, с паузами поворачивать влево чуть поддавшийся взрыватель.

О чем думал в эти минуты Резуто? По традиции чисто литературной, ему полагалось бы вспомнить маленький домик на окраине Киева, добрую старушку мать, отца, шагающего на станцию с железным сундучком... Ну что еще? И себя должен был бы вспомнить, и обязательно таким, когда впервые садился за шоферскую баранку... Любимую вспоминать тоже как будто бы полагается.

Но Дмитрию было не до воспоминаний! Он думал только об одном: как бы плавнее, без малейших рывков вывинтить

взрыватель.

Он не знал, двадцать ли минут или весь час ушел на первый оборот. Потом еще несколько таких же, выматывающих душу оборотов. Но вот тяжелая головка авиабомбы наконец освободилась от последнего витка резьбы и тяжело легла на ладони минера. Распрямившись, Резуто отшвырнул ее далеко в сторону. И сразу же из-за кочек, из-за кустов бросились к нему со всех ног партизаны.

"Телку" поставили стоймя на стабилизатор. Она и теперь доходила Дмитрию до подбородка.

- Лошадей надо, - сказал Резуто устало. - И телегу там или сани. Скоро темнеть начнет.

Но хуторяне уверяли, что напрямик, по болотным кочкам и кустам, ни на колесах, ни санями не проехать. Оставалось одно - транспортировать "телку" вьюком. А в ней около тридцати пудиков! Пришлось партизанам немало подумать, прежде чем они нашли подходящее решение.

Попросили у хуторян двух самых крепких лошадей и поставили их рядом. На спины - попоны, всякую мягкую ветошь, а сверху с одной коняги на другую перебросили несколько дубовых жердей. Сюда-то, на эти жерди, уложили с величайшим трудом тяжелую "телку".

В путь тронулись, когда стемнело.

Партизан было пятнадцать человек. Резуто и еще четверо бойцов сопровождали бомбу: кто поддерживал ее, кто вел лошадей под уздцы. Три партизана отправились в разведку, остальным предстояло занять позиции по обе стороны моста, нести здесь охрану, пока минеры сделают свое дело.

Особенно опасаться, что кто-нибудь помешает, не приходилось. Немцы ночью по дороге почти не ездили. Могла появиться лишь одинокая случайная машина, мчавшаяся на полном газу. Такая не страшна. Ну а вдруг все же двинется автомобильная или пешая колонна? На этот случай и выслали к дороге хлопцев. Если заметят опасность, дадут ракету.

Лошади с трудом шагали по болотной тропе, временами приседая под тяжестью необычного груза. Партизаны всячески старались им помочь. Только к полуночи доставили "телку" под мост и сгрузили ее возле средней опоры. Затем Резуто поднялся на дорогу проверить, будет ли видна бомба с подъезжающих к мосту машин. Нет, все в порядке: место, где она стоит, заслоняют откосы.

Теперь оставалось установить взрыватель. Для Дмитрия это уже привычное, нетрудное дело. Быстро и ловко опустил он в бомбу двухсотграммовую шашку тола с механическим

детонатором и замедлителем от МЗД-5. Замедлитель нашелся лишь суточный, а нужен был на меньший срок. Но ведь операция с мостом не предусматривалась, когда партизаны выходили из лагеря.

- Можно и сутки подождать, - сказал Резуто. - Пока хоть выспимся на хуторе... Следующей ночью уже не придется! "Телка" разбудит.

Сняли охранение и двинулись обратно. Дмитрий ехал верхом на коне.

Выспались все отлично, подниматься начали только к вечеру. Впрочем, лучше бы проснуться еще позже! Время тянулось изнуряюще медленно, а взрыв должен был произойти лишь в два часа ночи.

Однако в два взрыва не произошло.

- Это же не хронометр! - заметил Резуто.

Не было взрыва и в три часа.

- Запаздывает, случается... Холод на кислоту влияет! - сказал Резуто.

Тихо и в пять часов, и в шесть.

- Что могло случиться? - недоумевал Дмитрий. - Или замедлитель был у меня не суточный, а на больший срок?!

- Нет, суточный. Вместе же мы смотрели! - раздался голос помощника минера.

Вот и рассвело... Тихо на хуторе. Партизаны в унынии. Резуто знал, что все в душе укоряют его: он же устанавливал взрыватель.

Но что же произошло? Никто этого не скажет. А предположений может быть сколько угодно: замедлитель не суточный, - возможно, спутали на заводе маркировку, или плохая кислота, или заело ударник. Вот думал же, что в бомбе заело, и здесь могло случиться! А вдруг еще вчера днем немцы обнаружили "телку"? Нет, с дороги ее не видно, а внизу по болоту никто не ходит. Ну а хотя бы и обнаружили, все равно не решатся подойти... Нет, конечно, просто замедлитель подвел, капризничает на холоде, вот сейчас как грохнет, как загремит!

Тихо... По-прежнему тихо. И нельзя направиться днем к мосту, надо ждать темноты. А ночью? Легко сказать, подойти к бомбе, которая вот-вот может рвануть. Резуто думал об этом и знал, что идти так или иначе придется, идти и что-то делать.

Время тянулось еще медленнее и мучительнее, чем прежде. К вечеру Дмитрий решил, как надо поступить с "телкой". Надо подойти, выхватить из нее и тут же отбросить взрыватель. Затем подвести бикфордов шнур. Вот и все! Шнуром надо бы рвать и вчера. Черт с ним, что опасно! Сегодня будет еще опаснее!..

* * *

Так он и начал свой партизанский путь - рядовым с плохонькой винтовкой, отнятой в первом же бою у мадьяра. Наверно, воевать в пешем строю показалось Мите Резуто скучновато. Ему удалось добиться перевода в кавалерийский эскадрон, но и среди конников бывший шофер и авиатор чувствовал себя как-то не в своей тарелке. Резуто тянуло к технике, вот он и попросился в минеры.

Становились минерами у нас далеко не сразу. Сперва Резуто приучали работать не с минами, а "открытым способом" - подрывать мосты, рушить с помощью толовых шашек телеграфные столбы, вскрывать динамитом сейфы в захваченных полицейских участках.

Только после этого Митя начал участвовать и в железнодорожных диверсиях. Он быстро освоил подрыв эшелонов "на палочку", "на шнурок", "на карандаш", одинаково уверенно ставил мины различной мощности и разных типов. Вскоре Резуто назначили командиром диверсионного взвода.

Во время рейда на Волынь, когда у нас был длительный привал на реке Уборть, он вместе с другими партизанами изучал новую мину замедленного действия - МЗД-5. Был Резуто и среди тех, кто первыми ставили "эмзедухц" на дорогах Ковельского узла.

Рассказывали, что обычно спокойный, уравновешенный Резуто в этой операции заметно волновался. Уже установив мину и вернувшись к группе поддержки, он вдруг спохватился, что как будто неправильно подсоединил детонатор. Дмитрий снова пополз к полотну, вырыл свою мину (тогда они были еще без "кнопок неизвлекаемости") и убедился, что все абсолютно правильно. Не успел он вернуться во второй раз, как опять мелькнула мысль: "Кажется, не убрал всю землю!" Снова - на полотно. Неубранной земли не оказалось, все отлично замаскировано. И сработала у Мити первая МЗД тоже отлично.

Многие минеры считали, что ему всегда сильно везет. Лично я в чистое везение не особенно-то верю, думаю, что удача приходит к человеку по его же собственной воле, но получалось так, что судьба действительно часто благоприятствовала Мите.

Однажды он заминировал участок на выемке железнодорожного полотна. Подорвался здесь эшелон с немецкими танками, да так, что половина танков полетела в болото и навсегда в них увязла. Конечно, Резуто правильно выбрал место для закладки мины, однако напоролся на его мину состав не с картошкой, не с поросятами, как это случалось, а именно с танками.

Или вдруг узнаем, что подорвался поезд, на котором из Ковеля в Маневичи ехал немецкий судья, чтобы провести там

нечто вроде показательного процесса над местными жителями, арестованными за помощь партизанам. При взрыве судье-фашисту начисто оттяпало обе ноги. По этому поводу ликовали во всем районе. Выясняем, кто ставил мину. Оказывается, Дмитрий Резуто.

Очень трудно подрывать бронированные поезда. За ними приходилось буквально охотиться. Но кто подорвал бронепоезд среди бела дня и всего-то двумя килограммами тола? Опять Митя Резуто.

Став заместителем командира 6-го батальона по диверсионной работе, Резуто продолжал выходить на железные дороги и в качестве рядового минера. На его личном счету значилось больше десятка подорванных эшелонов, он успел перевыполнить "норму" Героя Советского Союза и был уже представлен к этой высшей из воинских наград.

Мите продолжало "везти"...

Но как отнесется к Резуто судьба на этот раз, когда он опустит руку в стоящую под ратненским мостом авиабомбу?

* * *

Снова идут партизаны по болотной кочковатой тропе, опять высылают разведку, заставы...

- Услышите взрыв, все назад к хутору, - напомнил Резуто.

С ним остались только двое: Гриша Воробьев, бывший тракторист, волжанин, и молоденький автоматчик Василь Круковец, Митин земляк - из-под Киева.

Шли молча. Мост выплыл из полутьмы неожиданно близко, большой, невредимый и соблазнительный, как всегда.

- Троим делать там нечего, - сказал Дмитрий, останавливаясь. - Вы давайте вон туда, подальше, к самой насыпи... Она немного прикроет. Лежать, беречь голову! Нужны будете - свистну. Не вернусь - доложите обо всем комбату. Выполняйте!

Партизаны повиновались приказу.

Резуто помедлил с минуту, пощупал, на месте ли сумка, потом пошел вперед. Он двигался бесшумно, ступал мягко, словно его шаг мог поколебать стальное тело тридцатипудовой "телки".

Вот и она! Как оставили, так и стоит. Вплотную к бомбе Резуто подошел почти крадучись. И опять забилась в мозгу тревожившая целые сутки мысль: "Ну что там со взрывателем?" Никто не ответит Дмитрию. Но сейчас все выяснится... Если взрыватель отказал, он извлечет его из бомбы. Если же замедлитель сработал, а ударник висит на каком-то волоске или перекошен, прикосновение руки минера дошлет стальной стерженек вниз до конца. Не станет тогда на белом свете ни

моста, ни минера Резуто.

Может случиться и третье, только это будет почти чудо.

Можно коснуться взрывателя так легко и выбросить его так быстро, что он, и сработав, не успеет послать в тол раскаленные искры, а метнет их, уже находясь в воздухе.

"Значит, у меня все-таки два шанса против одного, - подумал минер, но сразу же поправился: - Какое там два! Чудеса случаются редко... Полтора на полтора!"

И в неожиданном для самого себя приливе холодной, трезвой и ясной решимости Резуто опустил руку в пасть "телки", осторожно и цепко обхватил пальцами крышку взрывателя и тут же, ни мгновения не медля, плавным и сильным движением выбросил его наружу. Почти коснувшись земли, а может быть, еще не коснувшись, взрыватель щелкнул, как щелкает пистон, и сверкнул огненным букетиком. Именно в этот момент Дмитрий с особенной остротой почувствовал страх, хотя взрыва уже не могло произойти, - страх был за прошлое, страх перед тем, что могло случиться.

Резуто сел на землю, прислонясь спиной к безобидной теперь "телке", и просидел так минуту или две.

Затем он поднялся, сделал несколько шагов вдоль насыпи и тихо свистнул Василю и Грише.

- В общем, все в порядке, - сказал Дмитрий подбежавшим партизанам. Сейчас пойду на шнур ее брать. Насчет дистанции и прочего объяснять вам больше не надо? Ну и хорошо, что не надо... Отваливайте!

Резуто вернулся под мост. Он вынул из сумки моток шнура и отрезал пять метров. Один конец вставил в маленькую, стограммовую, шашечку тола и опустил ее в бомбу. Проверил, как лежит шнур, нет ли резких изгибов; затем прижал к свободному концу спичку, чиркнул по ней коробком. Шнур зашипел, втягивая в себя пламя. Дмитрий опустил его на землю и побежал от моста.

Бикфордов шнур горит по сантиметру в секунду. У Резуто было в запасе около восьми минут. За это время надо уйти в безопасное место. Только неизвестно, где безопасно, когда поблизости рвется бомба в пятьсот килограммов!

Резуто бежал широкими скачками вдоль насыпи. Мешали кочки, вязкий кое-где грунт. Увидев в полумгле приподнявшихся с земли Василя и Гришу, минер крикнул им:

- Давайте дальше! Дальше! За мной!..

Побежали втроем. Резуто оглянулся и тут же почувствовал, как лица его коснулся тугой, будто спрессованный воздух. Он понял, что это значит; падая, руками потянул за собой хлопцев и в этот момент увидел желтое пламя и черный дым. Донесся

оглушительный грохот взрыва. Зашуршали, засвистели на всех тонах летящие над болотом осколки. Да, все произошло как бы в четыре счета: волна - пламя - грохот - полет осколков.

Когда отсвистело и отшуршало, партизаны поднялись.

- Да-а-а! - уважительно произнес Василь, но неизвестно, в чей адрес.

- Надо посмотреть! - сказал Резуто.

Смотреть на мост не пришлось. Его уже не было. Взрыв разломал на части и расшвырял по сторонам все двадцатипятиметровое полотно настила. Исчезла и центральная опора, у которой стояла "телка". Боковые опоры искорежило, помяло, груды бетона повисли на перекрученном железе арматуры.

- Прилично! - одобрил Дмитрий.

Ни одного стекла в окнах на хуторе не осталось. Партизаны пообещали вставить их при случае. Теперь маленький отряд здесь больше не задерживался. Скорее в лес, в лагерь. Там уже беспокоятся, наверно.

Командир 6-го батальона Федор Кравченко, выслушав Резуто, долго пробирал его за излишний риск. Но Дмитрий знал, что выговор делается для проформы, сам Кравченко поступил бы точно так же. И Кравченко великолепно это знал.

Бреясь в землянке перед осколком зеркала, Резуто впервые заметил у себя на висках седину.

- Да и пора! - уронил он вслух.

Ему не было еще и тридцати лет, но случается, что минеры седеют рано.

ПО ТУ СТОРОНУ БУГА

В двадцатых числах ноября, когда уже выпал первый снег и начал прихватывать морозец, из батальона, "обслуживающего" диверсиями дорогу Ковель - Брест, пришла следующая радиограмма: "Нашем расположении находится группа в четырнадцать человек, прибывшая на связь от польских партизан. Просит препроводить наверх. Жду указаний. Тарасенко".

- Пусть немедленно даст провожатых, - сказал я начальнику штаба Рванову. - А здесь приготовьте все для встречи - баньку там, землянку...

Нас очень интересовала обстановка в Польше. Рядом с районом, в котором мы действовали, за широким полноводным Западным Бугом лежала земля братского народа, придавленная сапогом того же агрессора, что вторгся и в Советскую страну. Беды, нужды, настроения поляков не могли быть нам безразличны. Но приближалось уже то время, когда Красная Армия перейдет Буг и Вислу, чтобы громить фашистов за

советским рубежом. Поэтому нарастал и чисто стратегический интерес к территории, на которой скоро развернутся новые наступательные операции. Тем, кто их планировал, требовались точные и всесторонние сведения о положении в Польше.

Еще в сентябре специально выделенная нами группа разведчиков выясняла по заданию Москвы, строят ли немцы укрепления по ту сторону Буга. Многое узнавали мы от беженцев из Польши. В наши леса они пробирались целыми семьями, невероятно изможденные, исстрадавшиеся. Нужную информацию удавалось получать и от небольших партизанских отрядов, организованных в Польше бежавшими из фашистского плена советскими воинами.

Собственно, такие отряды мы не считали в полном смысле партизанскими. Бывшие военнопленные объединялись прежде всего для того, чтобы быстрее пробиться на Родину, а воевали, так сказать, попутно, при удобных случаях. И с дисциплиной в подобных отрядах было не всегда благополучно. По-настоящему боевыми, партизанскими отряды из-за Буга становились уже у нас, после переформирования, пополнения и большой работы с людьми.

Данные о положении в Польше, поступающие по случайным каналам, хотя и представляли известную ценность, были разрозненными, отрывочными. Они нуждались в проверке, уточнении. Для этого мы собирались послать в Польшу, в ближайшее к нам Люблинское воеводство, свою глубокую разведку. Одновременно нашим людям предстояло связаться с польскими партизанами. Разведку намечалось отправить примерно через месяц, как только установится зима. Но вот, как следовало из радиограммы Тарасенко, контакт с друзьями по ту сторону Буга мы сможем наладить уже теперь. Нетерпеливо поджидал я прибытия в лагерь посланцев из Польши.

Явились они дня через два. Группа выстроилась возле штаба, я вышел к ней, взглянул на гостей. Стояла шеренга рослых, бодро выглядевших, неплохо вооруженных людей, но почему-то с лицами явно российского и украинского типа. От правого фланга отделился и зашагал ко мне, четко печатая шаг, худощавый человек в белой кубанке. Остановясь на положенной воинским уставом дистанции, он отдал честь и, заметно волнуясь, отрапортовал:

- Товарищ генерал-майор, Герой Советского Союза! Группа партизан в составе четырнадцати человек из русского отряда второго округа Гвардии людовой прибыла на связь в расположение вашего штаба. Потерь в пути не имели. Докладывает командир отряда Ковалев.

"Вот оно что! Значит, русские отряды тоже входят теперь в Гвардию людову!" - понял я и поздоровался с гостями. Ответное приветствие грянуло весело, дружно.

Федор Ковалев оказался лейтенантом Красной Армии, бежавшим из фашистского плена. Вместе с другими бывшими военнопленными лейтенант организовал отряд действительно партизанский, активно боровшийся с оккупантами. На его боевом счету несколько подорванных немецких эшелонов, разгромы полицейских участков, расправы с пособниками врага. В партизанские силы Гвардии людовой отряд влился не так давно. Продолжая им командовать, Ковалев одновременно стал заместителем командующего 2-м округом Гвардии людовой, то есть вошел в руководство всеми отрядами на определенной территории. Пришел к нам в группе связных и комиссар русского отряда Яков Письменный.

Все это выяснилось в первой же короткой беседе, после чего я попросил Ковалева и Письменного зайти вечером в штаб для более обстоятельного разговора.

Вечером они пришли, познакомились с нашими штабными работниками. Только теперь, когда гости разделись, я рассмотрел их получше. Федор красивый темноволосый малый с энергичным крутым подбородком и внимательными карими глазами. Яков - узколицый, несколько угрюмый, тоже еще довольно молодой человек.

Прежде всего требовалось установить, что представляет собой польский партизанский округ, направивший связных.

- Сейчас у нас шесть отрядов, в каждом примерно до семидесяти бойцов, а в моем около двухсот, - ответил Ковалев.

- Почему такие неопределенные цифры? - удивился Рванов.

- Точного учета нет! Люди приходят и уходят. Мы не сосредоточены в одном месте. Часть отрядов в лесу, а часть квартирует по деревенькам, по хуторам...

- Кто командующий вашим округом? - спросил я.

- Товарищ Метек. Это не фамилия, а подпольная кличка. Всех командиров у нас называют по кличке или только по имени. О моем отряде говорят: "отряд Федора", "отряд Феди"... Известно, что Метек входит в центральное руководство Гвардии людовой и является членом ППР, то есть Польской партии робитничей*.

_____

* Как выяснилось позже, Метек - польский полковник Мечислав

Мочар, один из видных организаторов Гвардии людовой, ставшей затем

Армией людовой.

- Мы знаем, что Польская рабочая партия стоит на правильных позициях, что это самая передовая партия в Польше, - сказал Дружинин. - Ну, а насколько велик ее авторитет? Идут ли за ППР массы?

- Ого! Еще как идут! - воскликнул Ковалев. - Рабочие, крестьянская беднота, часть трудовой интеллигенции видят в ППР своего вожака. Ведь и Гвардией людовой, в которую входят не только партизанские отряды, но и антифашистское подполье, руководит Польская рабочая партия.

- А какая партия в Польше является наиболее реакционной? Партия эндеков, не так ли? - спросил я.

- Конечно, эндеки льют воду на фашистскую мельницу, - ответил Ковалев. - Эндеки - это от названия партии "Народова демократия", но только ни народом, ни демократией у них и не пахнет. Кто состоит в эндеках? Офицеры-пилсудчики, буржуазия, интеллигенты, которые побогаче. А программа? Подай им Польшу "от можа до можа", подай границы тысяча девятьсот тридцать девятого года! Только неизвестно, с чьей помощью эту программу они хотят осуществить...

- Почему неизвестно? - перебил его Письменный. - Англичане помогают. Ведь беглое панское правительство, признаваемое эндеками, находится в Лондоне, его англичане подкармливают. Из Лондона и оружие эндекам идет с английской маркой. Однако эндеки одновременно делают ставку на немецких фашистов. Да-да, конечно, делают!

- А откуда это видно? - спросил кто-то.

- Очень просто! Эндеки тоже имеют свои подпольные вооруженные силы. Но эндеки только кричат, что воюют с немцами, а фактически ведут бои лишь с польскими партизанами, мешая им бить фашистов.

В глазах Дружинина вдруг зажглись веселые искорки. Сдерживая улыбку, наш комиссар спросил:

- А не говорят ли эндеки и руководители их вооруженных отрядов, что они копят силы для решающего удара, что ударить еще не пришел час?

Ковалев с Письменным в один голос подтвердили, что подобные заявления эндеки делали нередко. Тогда Владимир Николаевич расхохотался и сказал:

- Товарищи, да ведь выходит, что эндеки самые настоящие бандеровцы, но только на польский манер! И час, которого они ждут, это конечно же момент, когда можно будет нанести Красной Армии удар в спину. Никакой не вижу разницы между эндеками и бандеровским сбродом!

- Чего еще захотел! - обернулся я к Дружинину. - Разницу

между всеми националистическими партиями давно раки съели.

По свидетельству наших гостей, мобилизации сил польского народа на борьбу с захватчиками мешало обилие в Польше политических партий. Будь там только пепэровцы и эндеки со своими совершенно противоположными программами, то к Польской рабочей партии примкнуло бы гораздо больше народа. Беда в том, что существует множество промежуточных партий - больше тридцати! - и каждая тянет людей в свою сторону, старается прельстить своими программными установками. ППР стремится сейчас создать единый антифашистский фронт, хочет, чтобы под знамена Гвардии людовой встали все, кому дорога независимость Польши.

Много интересного, нового услышали мы о своеобразных методах партизанской борьбы в польских деревнях, об оккупационных порядках в "генерал-губернаторстве". Жутью повеяло от рассказов о фашистских лагерях уничтожения. Я поручил Рванову и работникам разведки продолжить завтра разговор с Ковалевым и Письменным, все, что нужно, уточнить, зафиксировать и выяснить, в какой именно помощи нуждаются поляки.

С утра гости опять отправились в штаб, а ко мне зашел один из руководителей нашего особого отдела.

- Ну и дела, Алексей Федорович! - сказал он. - Хорошо, что хоть удалось сразу разоблачить! И кто бы мог подумать?! Вот как случается...

- Короче! - попросил я.

- Командир прибывшей из-за Буга группы - немец.

- Что за ерунда?

- Замаскировался. Не иначе как агент абвера!..

- Да откуда такие данные?

- От нашего немца. От Карла. Я вокруг этого Ковалева в кавычках уже и людей своих расставил... Настоящая его фамилия - Альбрехт. Это у прибывших связных выяснили.

- Сейчас же пришлите ко мне Карла.

Особист вышел выполнить приказание.

В нашей контрразведке были неплохие работники. Они обезвредили немало вражеских лазутчиков. Честь за это и слава партизанским чекистам! Не раз предотвращали они покушения бандеровских агентов и на мою жизнь. За это личная благодарность! Однако порой некоторые особисты, как говорится, перегибали палку. Шпионы им мерещились там, где их и в помине не было. Таких, сверхбдительных, приходилось часто поправлять. Утверждение, что Ковалев - немец и агент абвера, показалось мне чепухой.

Вспомнился случай, когда усилиями слишком рьяных контрразведчиков чуть не был превращен тоже в агента немецкой разведки политрук нашей диверсионной роты Николай Денисов.

Однажды уполномоченный особого отдела одного из стоявших у дороги Ковель - Брест отрядов прислал нам вырезку-фотографию из какого-то явно зарубежного журнала. Снимок запечатлел группу военных не то в немецкой, не то в другой иностранной форме, изучавших радиоприемник. С фотографии смотрел на нас... Коля Денисов.

Что за черт? Денисов у нас с 1941 года, и не случайно же мы сделали его политруком роты, да еще такой, как подрывная. И все же факт оставался фактом: Денисов сидит в чужеземном мундире и прилежно изучает радиотехнику.

- Шпион! Подослали!.. Арестовать! - зашумели некоторые особисты.

- Тут недоразумение! Ведь все мы отлично знаем Денисова! - заметил я.

- Замаскировался! Схватить, пока не поздно! Нет, сначала выясним, где он прячет радиостанцию!..

Я велел позвать Николая и показал ему снимок.

- Очень смахивает на меня, но это не я, - заявил Денисов.

А сходство действительно большое: то же узковатое лицо, тот же взгляд... Но откуда вырезка? Что за журнал? Подпись срезана, текста на обороте нет. Приказал отыскать журнал. Посылали за ним к работнику, подавшему "тревожный сигнал". Что же оказалось? Вырезка сделана из польского военного ежемесячника за 1936 год. Изображены на снимке польские солдаты. Конечно, Денисов был только удивительно похож на одного из них... Так, быть может, и прибывший к нам Федор Ковалев имеет лишь внешнее сходство с каким-то немцем?

Пришел из хозяйственной роты сухопарый белобрысый Карл Швендих. Он упорно стоял на своем: человек, называющий себя Ковалевым, - немец.

- Десь я его бачив... Чи в Британах, чи в Каховке! - сказал Карл на чистом украинском языке. - И знайомы до вийны трохи булы. Як вин мене не узнав?!

Карл был из немецких колонистов, начавших селиться по нижнему Днепру еще при царице Екатерине.

- А як его призвище? - спросил я.

- Забув... Тильки не Ковалев, таких призвищ у нимцив не бувае. А зовут? Забув, товарищ генерал!

Отпустив особиста и Швендиха, я пригласил к себе Ковалева и под каким-то предлогом спросил его о национальности.

- Всегда считал себя русским, но русский у меня только отец,

а мать немка, из колонисток, - последовал спокойный ответ.

- Ваша настоящая фамилия Ковалев или Альбрехт?

- Ковалев Федор Никитич... Альбрехт - девичья фамилия матери. Я сделал эту фамилию своим партизанским псевдонимом. В Польше я известен еще и как Теодор Альбрехт...

- Для чего же понадобился псевдоним? Под таким именем и фамилией вас наверняка принимают за самого настоящего немца!

- Да... И пусть принимают! Проклятый фашизм опозорил всю немецкую нацию. А разве нет среди немцев честных, хороших людей? Разве моя мать, как и тысячи других немцев и немок, не против гитлеровской своры?! Вот я и решил... Может, это наивно? Пусть и вражеские солдаты, и кое-кто из друзей думают, что партизанским отрядом командует немец, делая отсюда соответствующие выводы... Ну а заядлых фашистов это приводит прямо в бешенство!

- Еще бы! Небось в Берлин уже успели донести.

- Возможно! - усмехнулся мой собеседник.

- Ладно, бейте и дальше врага за двоих - и за Ковалева, и за Альбрехта... А пока ступайте в штаб, еще поработайте с нашими разведчиками.

На том дело о засылке к нам "абверовского шпиона" на сей раз и кончилось. Но до чего все-таки поразительные встречи случаются на дорогах войны! Надо же двум землякам, видевшимся в последний раз на Днепре, вдруг столкнуться в лесу где-то между Стоходом и Стырью! Встречи в партизанских краях бывают еще удивительнее. Я как-нибудь расскажу о них особо.

Выяснилось, что отряды Гвардии людовой нуждаются во многом - в автоматическом оружии, взрывчатке, в радиостанциях, в людях. Наше соединение могло помочь полякам лишь в скромных масштабах. Вопрос о более широкой поддержке Гвардии людовой следовало бы поставить перед ЦК Коммунистической партии Украины и Украинским штабом партизанского движения.

Однако вправе ли мы это делать, представляя себе картину партизанской борьбы в Люблинском воеводстве только со слов Ковалева и Письменного? Нет, разумеется. Необходимо ознакомиться с положением вещей на месте, дать происходящему за Бугом объективную оценку. Нужна встреча наших представителей с Метеком, нужны контакты с руководством Гвардии людовой и ППР. Нельзя кустарничать в больших, чрезвычайно важных вопросах, имеющих прямое отношение к новым наступательным операциям Красной Армии.

Совершенно откровенно поделились мы своими соображениями с прибывшими к нам связными. Решили, что вместе с ними отправится за Буг группа наших разведчиков, которых там со всем ознакомят и сведут с кем следует. Относительно же помощи людьми я просил передать Метеку, что мы комплектуем из местного польского населения бригаду имени Ванды Василевской, готовим ее для переброски за Буг. Эта бригада будет состоять из двух отрядов по двести человек, хорошо вооруженных, обученных и снабженных всем необходимым.

- А потом, друзья, вот еще что! - сказал я Ковалеву и Письменному. Имеет ли смысл дальнейшее существование в Люблинском воеводстве самостоятельных, "диких" русских отрядов? Они малы по составу, слабы... Это даже не отряды, а скорее группы! Не лучше ли им объединиться с вашим отрядом?! Затем все вместе пришли бы сюда. Мы сформируем из вас крепкий батальон, как следует его оснастим, сделаем способным решать серьезные боевые задачи. А потом можете вернуться за Буг!

- Вот это да! Вот это здорово было бы! - воскликнул Ковалев. - Я всегда выступал за объединение мелких отрядов. И часть из них влилась в наш. Но есть командиры, которые не хотят терять самостоятельности, за власть цепляются, что ли...

- Знакомая песня! - кивнул я. - И у некоторых наших командиров были такие тенденции на заре партизанского движения. Это детская болезнь. Вроде кори! Ломали мы такую тягу к автономии, боролись с ней. Опыт партизанской войны на территории Советского Союза - очень богатый опыт - показал, что успех сопутствует только крупным отрядам. Так и передайте вашим "дикарям"-автономщикам! Кстати, скажите им: не будь и наше соединение мощным, сильным, не смогло бы оно пробить себе дорогу от Брянских лесов вот сюда, к советской границе, до самого Буга!

Ковалев с Письменным обещали снова попытаться объединить мелкие отряды, заявив, что надеются в этом на помощь наших товарищей, которые пойдут с ними.

Мы решили отправить в Польшу группу из пяти человек. В нее вошли опытные, хорошо знающие и любящие свое дело офицеры-разведчики Борис Колошенко и Василий Радайкин, а с ними три рядовых бойца-автоматчика. Старшим назначили Колошенко. За Бугом пятерке предстояло пробыть месяц. 2 декабря 1943 года мы распрощались с нашими товарищами. Вместе с бойцами Ковалева они тронулись в дальний путь.

Немало событий произошло в Лесограде и его окрестностях, пока дальняя разведка выполняла полученное задание. Мы подорвали еще десятка два вражеских эшелонов, имели несколько стычек с бандеровцами. Правительство вновь наградило многих бойцов и командиров нашего соединения. Дружинину присвоили звание Героя Советского Союза, мне дали вторую Золотую Звезду. Тимофей Амвросьевич Строкач прислал нам по этому поводу теплую поздравительную телеграмму.

Бежали дни, проходили недели, минул и срок возвращения наших разведчиков, а они все не являлись. Мы начали беспокоиться за людей, за результаты их работы. Фронт уже приблизился к Волыни, и теперь особенно были нужны точные, проверенные данные о положении в Польше, нужна была связь с партизанами Гвардии людовой.

Группа Колошенко получила задание выяснить не только некоторые чисто военные вопросы. Интересовала нас также экономическая и политическая ситуация в "генерал-губернаторстве". Ждали мы от разведчиков сообщений о кровавых, окутанных тайной делах гитлеровцев на польской земле, о лагерях уничтожения - фернихтунгслагерях. Эти хорошо

проверенные, полученные из надежных источников факты нужны были Советскому правительству для дальнейшего разоблачения перед всем миром человеконенавистнической сущности фашизма.

Впервые мы узнали о созданных ведомством Гиммлера лагерях смерти несколько месяцев назад. Среди прибывших к нам из-за Буга беглецов оказался невероятно худой мужчина в лохмотьях - бывший студент из Куйбышева, а с началом войны солдат-доброволец Ефим Литвиновский. Не верилось, что ему всего двадцать два года. Ефим выглядел почти стариком. Таким его сделал гиммлеровский лагерь смерти в Сабибуре.

Литвиновский рассказал о чудовищном конвейере истребления многих тысяч людей, о "банях", в которых умерщвляли газом, о штабелях трупов, сжигаемых на кострах. Сам Литвиновский работал последнее время в лагерной похоронной команде. Он участвовал в восстании заключенных и сумел вырваться на свободу.

Ковалев с Письменным сообщили нам и о других фернихтунгслагерях. От связных в ноябре 1943 года мы узнали об Освенциме, где уничтожают евреев, поляков и русских, о Тремблинке, куда шли бесконечные эшелоны с обреченными из многих стран Западной Европы и оккупированных районов СССР, о люблинском Майданеке с его душегубками и крематориями.

Обо всем этом мы, конечно, сообщили на Большую землю. От нас потребовали новых фактов о злодеяниях фашистов в Польше, уточнения уже полученной информации. С тревогой продолжали мы ждать наших разведчиков или хотя бы вестей от них. Наконец в середине января из ближайшего к Бугу батальона пришла радиограмма: "Возвратилась группа Радайкина, проследовала дальше". Но почему Радайкина, а не Колошенко? Ведь старшим был Колошенко! Что с ним?

На этот вопрос могли ответить только сами разведчики. Они вскоре прибыли, бодрые, невредимые, - Радайкин и три автоматчика. Первый вопрос к ним - о Колошенко.

- Ушел вместе с Письменным на розыски Метека, - ответил Радайкин. - В назначенный срок не вернулся. Подождали еще три дня - все нет, оставили ему записку... Придет! Есть сведения, что жив-здоров... А придерживаться сроков не всегда удается. Обстановочка там сложная!

- Значит, Метека так и не видели? - спросил Дружинин.

- Я не видел, а Колошенко наверняка встретился. У меня с другими были интересные встречи. Вообще материала принесли много. И такой материал, что нельзя было дольше задерживаться.

- На отдых и все прочее, товарищ Радайкин, дается вам три часа, сказал я. - Затем ждем вас в штабе!

Тут же распорядился, чтобы в штабе были к этому времени командир нашей польской бригады Станислав Шелест и ее комиссар Виктор Кременицкий. Что делается за Бугом, им знать надо в первую очередь.

Послушать Василия Радайкина собрались все штабисты. На стену повесили карту Польши. Начальники служб приготовили блокноты. Радайкину я сказал, чтобы докладывал обо всем поподробнее. Он разложил свои записи, небольшие, исчерканные вдоль и поперек клочки бумаги, какие-то лоскуты с отдельными словами и цифрами, затем начал:

- Наша группа в составе девятнадцати человек, включая Ковалева и его людей, вышла к Бугу в районе Бреста. В ночь на пятое декабря между селами Долгоброды и Ставки мы переправились через реку на лодках. Границу "генерал-губернаторства" по Бугу охраняет немецкая пограничная стража, расположенная небольшими гарнизонами в ближайших селах. Оборонительных сооружений по Бугу нет. Сплошная линия железобетонных укреплений проходит по реке Висле.

Ковалев хорошо знал местность и расположение пограничных постов. Поэтому мы без всяких приключений миновали границу и пошли дальше на запад. В Польше двигались по следующему маршруту: Долгоброды - Погорелец Романов - Мосты - Кодинец - Парчевские и Любартовские леса - Тисменица. Кроме того, делали вылазки в районы городов Демблин, Любартов, Луков...

Все это Радайкин показал на карте, и мы увидели, что группа отшагала не одну сотню километров. Радайкин продолжал говорить, лишь изредка заглядывая в записи, а больше полагаясь на свою цепкую тренированную память опытного разведчика:

- Мы побывали в десятках сел, местечек, хуторов, встречались со многими людьми. Всюду поляки ненавидят оккупантов, жаждут поражения фашистов, а трудовой народ все поглядывает за Буг и за Вислу, ждет прихода Красной Армии, считает, что только она поможет Польше вернуть свободу и независимость. Ох, с каким волнением мы это слушали, товарищи! До чего это было приятно!

Сейчас Польша, по существу, бесправная колония фашистов. Ведь гитлеровцы даже не рассматривают ее как самостоятельную страну, изгоняют из обихода само слово "Польша". Лишь на самые низшие административные должности - сельских и волостных старост - допускают поляков. И не всех допускают! Ставят только явных немецких прислужников, покорных исполнителей распоряжений свыше. А там, повыше - в повитах-уездах, в округах-воеводствах, - вся власть принадлежит только оккупантам. Возглавляет германскую администрацию генерал-

губернатор Ганс Франк, личность подлая и мрачная, вроде Эриха Коха, рейхскомиссара Украины.

В каждом городе стоят немецкие гарнизоны. В селах - полиция, жандармерия. Комендантский час начинается в семь вечера. Свободно передвигаться поляки имеют право лишь в пределах своего уезда. За малейшее нарушение введенных оккупантами порядков - штраф, тюрьма. Все, что рассказывали Ковалев и Письменный о лагерях уничтожения, подтвердилось, все правда, но в Польше есть еще десятки обычных концлагерей и для военнопленных, и для гражданских лиц.

Скажу немного об экономическом положении в деревне. Конечно, не только помещики, но и кулаки, имеющие по пятидесяти и больше моргов земли, по нескольку лошадей, живут неплохо. Но таких мало! У подавляющего большинства крестьян земельные наделы не превышают двух моргов. А ведь два морга - это чуть побольше одного нашего гектара! Много ли с него возьмешь? Далеко не все имеют хотя бы одну лошаденку. Нищета страшная! Еще хуже живут рабочие фольварков - имений, то есть помещичьи батраки.

Оккупанты выкачивают из Польши огромное количество продовольствия. Среднее крестьянское хозяйство обязано сдавать в год тридцать пять - сорок пудов хлеба, мясо и жиры фактически отбираются все. Фашисты дело поставили так, что крестьянин не имеет права распорядиться даже собственной курицей!

Бывали мы в крестьянских домах. Идешь через двор, видишь - и куры бегают, и пара-другая гусей имеется, поросенок возле сарая трется, коза гуляет. А хозяин перехватывает наш взгляд, качает грустно головой и говорит: "Бирка! Бирка! Вшистским герман бирку дае!" - "Что за бирка?" интересуемся. Оказывается, немцы взяли у крестьян на строгий учет весь скот, всю птицу, понавешали им бирок с номерами. Ни продать свое добро, ни воспользоваться им для собственного пропитания крестьянин не имеет права. Расти и сдавай немцам! А выполнишь все поставки, получишь карточку, по которой продадут тебе керосин, иголки, водку, больше ничего!

Но польские мужички тоже не дураки. Теперь они сами приглашают партизан забирать у них свиней и овец "с половины".

- Как это "с половины"? - раздался чей-то недоумевающий голос.

- Да очень просто! - улыбнулся Радайкин. - Зарежет крестьянин две овцы, мясо одной отдаст партизанам, другую тушку спрячет для себя, но при этом просит партизан инсценировать налет на его хозяйство... Ну, будто скот у него отобрали! В результате и сам мужичок хоть тайком, но ест

изредка мясо, и партизанам помог, да и перед фашистами он может оправдаться: дескать, овец у него люди из лесу конфисковали. Но о партизанах я скажу позже. Сейчас только к слову!

Народ в Польше измучен бесконечными наборами рабочей силы. Узнав об очередном наборе, население нередко разбегается по лесам. И в школы кое-где перестали детей пускать. Ведь что еще гитлеровцы вытворяют! Являются в школу, берут ребят постарше прямо из класса - да и в вагон, отправляют на работы в Германию. И не только на работу берут. Вот совсем недавно, в декабре, насильно увезли куда-то из города Парчева учеников пятого класса гимназии, чтобы использовать их донорами. Видите, дошли до того, что буквально сосут из поляков кровь!

Все мы внимательно слушали Василия Радайкина. Мне нравился его доклад. Чувствовалось, что ко всем явлениям, с которыми столкнулся этот офицер, он подошел не только как разведчик, но и с мерками, взглядами советского человека и коммуниста. Обрисовав нам обстановку в Польше, сделав это подчас очень яркими, сочными мазками, Радайкин перешел к рассказу о польских партизанах:

- Вспомните, товарищи, наши партизанские отряды в сорок первом году, в начале сорок второго, когда они только становились на ноги. Они были еще малочисленны, слабы, тогда разгром каждого полицейского участка мы считали большой победой. Под нажимом карательных экспедиций противника нам порой приходилось оставлять свои районы, перекочевывать в соседние. Вот примерно такое же положение сейчас у партизан Польши. И попали мы в Люблинское воеводство как раз в самый неблагоприятный момент. В конце ноября оккупанты не без помощи эндеков основательно прочесали леса вместе с ближайшими к ним селами и хуторами.

Партизан изрядно потрепали. Часть отрядов распалась, часть отступила за пределы воеводства. Руководители некоторых распавшихся отрядов ушли в глубокое подполье. Был вынужден скрыться и товарищ Метек. Действующих отрядов Гвардии людовой на территории Люблинщины, в сущности, не осталось. Время от времени давали о себе знать лишь выпадовцы... Но, виноват, я не успел еще рассказать, кто они такие!

Наряду с партизанскими отрядами Гвардия людова располагает мелкими группами так называемых выпадовцев. Это не совсем обычные партизаны. Они никуда из своей деревни не уходят, живут дома, занимаются хозяйством, но имеют оружие. Время от времени они делают вылазки против оккупантов, по-польски - "выпады", отсюда и название - выпадовцы. Конечно,

большие дела им не под силу. Что же им удается? Уничтожить где-нибудь жандармский пост или патруль, поджечь одиночную немецкую машину, разгромить склад с продовольствием. В общем, с нашей точки зрения, это довольно пассивные методы партизанской борьбы - хотя бы уже потому, что "выпады" производятся не часто. Однако есть немало случаев, когда выпадовцы становятся затем партизанами, уходят в отряды.

Выпадовцев не следует путать с участниками "Батальонов хлопских", БХ. Эти батальоны всего лишь отряды сельской самообороны, созданные при участии эндеков. Но уже сами участники БХ начинают понимать, что на оборонительных позициях сейчас стоять нельзя. Многие из них переходят в Гвардию людову для активной борьбы за свободу Польши.

По словам Радайкина, есть все основания полагать, что в ближайшее время ушедшие на север польские партизанские отряды смогут вернуться на Люблинщину, а распавшиеся будут восстановлены. Так в один голос утверждали работники ППР, с которыми нашим разведчикам пришлось встречаться. Скоро на оккупантов снова обрушатся партизанские удары. Люблинский округ Гвардии людовой еще недавно действовал неплохо. Одним из наиболее активных был здесь русский отряд, но Ковалеву после возвращения за Буг не удалось разыскать всех своих людей.

- Связать нас с Метеком взялся Кирпичный, - продолжал Радайкин. - Это интересный человек! Кирпичный - его подпольная кличка, по национальности он поляк, но до войны работал директором кирпичного завода у нас, в Ровно. Сейчас он активный деятель ППР, возглавляет в Парчевском повите Гвардию людову. Энергичный, умный товарищ! Очень обрадовался, узнав, что мы готовим бригаду для переброски за Буг. "И в оружии, говорит, нуждаемся, и в людях, но самой лучшей для нас поддержкой будет опыт советских партизан!"

Вот с этим Кирпичным и отправился искать Метека наш Колошенко, а также Яша Письменный, ну и автоматчиков пяток прихватили на всякий пожарный случай. Кирпичный предупредил, что найти Метека не так-то просто: возможно, уехал в ЦК, в Краков или находится в Люблине... Но, я думаю, встреча состоялась!

Далее Радайкин рассказал нам о русских отрядах за Бугом. Там их около десятка, разведчикам удалось связаться с четырьмя отрядами или группами Володьки-грузина, Виктора, Карминяка и Буланого. Все это - имена, псевдонимы, клички. Своих фамилий командиры не назвали. "Ну и пусть себе секретничают, если это необходимо в тех условиях!" - подумал я. Отрадно было другое. После разговоров с нашими разведчиками, после расспросов

Ковалева о том, как его у нас приняли, командиры маленьких отрядиков решили покончить с автономией. Они влились со своими людьми в отряд Федора и даже успели все вместе провести операцию на железной дороге: подорвали вражеский эшелон с боеприпасами.

Мне придется забежать вперед... В начале февраля Ковалев снова пришел в наше соединение и привел с собой около ста человек. Мы переформировали этот отряд, включили в него опытных партизан, усилили его вооружение. Новый наш батальон стал настоящим воинским подразделением, совершил немало славных боевых дел. Им продолжал командовать Федор Ковалев, он же Теодор Альбрехт.

Вернулся из-за Буга и Колошенко. Ему удалось повидаться с Метеком, установить связь с руководством Гвардии людовой и членами Центрального Комитета ППР. От поляков мне доставили письмо. О всех их просьбах я немедленно сообщил Украинскому партизанскому штабу, добавив, что необходимость поддержки партизан Люблинщины, по моему мнению, назрела. Прошло еще немного времени, и началась переброска воздушным путем - за Буг, за Вислу - грузов для наших соратников по борьбе в тылу врага.

Но это было потом, а пока мы продолжали слушать доклад Василия Радайкина. Многое из того, что происходило в Польше, становилось нам яснее, понятнее, общие представления обрастали конкретными фактами, контуры малоизвестных событий обретали четкость, рельефность, живые краски. Радостным и волнующим был вывод: братский польский народ не покорился оккупантам, он борется за свою свободу, он победит вместе с нами.

Закончил свое сообщение Радайкин эффектно, хотя и перешел на подчеркнуто будничный тон.

- А теперь, товарищи, приведу некоторые разведданные о противнике, сказал он, придвинув к себе записи. - В Люблине, Бялой Подляске, Демблине находятся формировочные пункты резервных частей вермахта, в Люблине и Хельме - учебные армейские пункты, в Замостье - крупная летно-техническая школа... В трех километрах восточнее Демблина - аэродром бомбардировочной авиации... В шестнадцати километрах восточнее Демблина, по дороге на Котск, запасной аэродром превращен недавно в действующий, базируются там двухмоторные бомбардировщики... На западной окраине города Радома, справа от железной дороги, расположен оружейный завод, выпускающий винтовки и пулеметы... В трехстах метрах северо-западнее станции Радом - большой склад горюче-

смазочных материалов. Суточный запас достигает трех-четырех эшелонов. Подъездные пути к раздаточным колонкам имеют подковообразную форму и могут служить хорошим ориентиром...

Радайкин еще долго перечислял объекты, представляющие немалый интерес для советской авиации. Присутствующие отлично понимали, какого труда стоило их разведать. Я взглянул на начальника узла связи майора Маслакова, он кивнул, улыбнувшись. Да, хватит ночью работы для шифровальщиков и радистов!

Доклад закончился. Радайкин ответил на множество вопросов, затем я поблагодарил его за проделанную работу. Мы так насиделись, так накурились, что всех потянуло прогуляться.

Зимний вечер давно окутал лагерь темной пеленой. Воздух свежий, морозный... Выйдя из штаба, мы направились к просеке - главной улице нашего Лесограда, потом повернули на запад, в ту сторону, где лежал скованный сейчас льдом Буг. И мысли наши были там, за Бугом.

Медленно шагая вдоль просеки, мы вдруг услышали песенку, доносившуюся из землянки разведчиков. Остановились... Кто-то пел по-польски.

- О, да это Сашка-автоматчик, что с нами ходил! Успел у поляков песням научиться! - объяснил Радайкин.

Под аккомпанемент гармони голос Сашки старательно выводил:

Дисей в Варшаве
Весэла новина
Тысёнца бумбовцев
Пушла до Берлина!

Стоявший рядом Шелест начал переводить:

- Сегодня в Варшаве веселая новость...

- Не надо, Станислав Павлович! Все понятно! - сказал я. - Тем более что когда тысяча бомбардировщиков идет на Берлин, этому одинаково рады и мы, и поляки.

- Так есть! - кивнул Шелест.

ПАРТИЗАНСКАЯ ФАМИЛИЯ

С подлетевших к штабу саней соскочил запорошенный снегом Петр Федорович Солоид, мой заместитель по разведке, и начал отряхивать прежде всего не полушубок, не шапку, а свои роскошные буденновские усы. Увидев меня, Петр Федорович доложил, что в 11-м батальоне, откуда он вернулся, все в полном порядке.

- Дорога плохая? - спросил я.

- Совсем ее нет... Замело!.. Но ведь дядя Максим без дорог и до Берлина в лучшем виде доставит! - ответил Солоид, кивнув на

стоящего у саней ездового.

Да, ездовой у Солоида был отличный. Я поинтересовался у Максима Глазка, повидал ли он в 11-м сына.

- Видались. Как раз с операции Михаил пришел, всё мины ставит... Совсем повзрослел парень! Теперь бы в седьмой наведаться.

В 7-м батальоне находилась дочь ездового, санитарка Поля.

С первых же месяцев войны многие советские люди шли в партизаны целыми семьями. Колхозник Хижной прибыл к нам в отряд вместе с женой, дочерью и сыном. Народный судья Кирилл Романенко после расстрела фашистами его жены вступил в отряд сам и привел с собой двух сыновей. Секретарь Добрянского райкома комсомола Маруся Скрипка пришла к партизанам вместе с матерью и двумя младшими сестрами. Хорошо знали у нас и трех сестер-комсомолок Анастасию, Прасковью и Александру Товстоног.

Директор завода в Холмах, Черниговской области, Михаил Демидович Олейник стал партизаном вместе с женой, сыном и дочерью. Мне и дата запомнилась - 26 августа 1941 года. В тот день я обедал у Олейников. Когда мы встали из-за стола, хозяева быстро собрались и ушли вместе со мной в отряд.

Старый колхозник Иван Жук и его жена были партизанами еще в гражданскую войну. Теперь дед Иван снова в партизанских рядах, а с ним и дочь его Вера. Несмотря на преклонные годы, дед участвовал во многих боях, в операции под Соловьевкой его ранило в руку.

А куда, как не в партизаны, было идти двум оставшимся в живых членам семьи колхозника Зибницкого? Всю жизнь Дмитрий Зибницкий трудился, его большие крестьянские руки привыкли всегда что-то делать, держать: грубые, почерневшие пальцы были полусогнуты, не распрямлялись. Оккупанты, узнав, что этого рядового труженика выбирали до войны в сельский Совет, нагрянули к нему в хату. Зибницкий работал в сарае. Сквозь щель он увидел, как жену, дочь и сына эсэсовцы вывели на улицу и поставили под дула автоматов. Прежде чем раздались выстрелы, сын успел метнуться к темнеющему поблизости лесу. Жену и дочь эсэсовцы расстреляли.

Ночью Зибницкий сам поджег свою хату. Он ушел в лес, сначала на поиски сына, а потом, уже вместе, они отыскали партизанский отряд.

Конечно, не только на Черниговщине, но и всюду, где хозяйничали оккупанты, партизанами часто становились люди с одной фамилией: братья и сестры, отцы и дети, жены и мужья. Вскоре после прихода на Волынь я узнал, что в Камень-

Каширском районе еще в самом начале войны первыми подняли оружие против оккупантов семь родных братьев по фамилии Нерода. Их звали: Никита, Александр, Максим, Владимир, Иван, Борис и Григорий. Семеро молодых, сильных мужчин - это уже сам по себе маленький партизанский отряд.

Ездовой моего заместителя по разведке Максим Титович Глазок был главой одной из самых славных партизанских семей. До войны он работал колхозным бригадиром и жил со своими домочадцами в селе Клюсы, на севере Черниговской области, у самых ее границ с Белоруссией и РСФСР. Петухи в Клюсах поют сразу на три республики.

В день начала войны не было дома у Глазков лишь одного из пяти сыновей - Ивана, кадрового офицера. Лейтенант Иван Глазок первым оказался в боевом строю. Через неделю-другую пошел на призывной пункт и сам Максим Титович со вторым сыном - Николаем. С матерью остались дочери Зинаида и Полина, старший сын инвалид Семен, тринадцатилетний Миша и совсем маленький Сашок.

Гитлеровцы продвигались быстро. В сентябре фашистский сапог уже топтал древнюю черниговскую землю. Но прежде чем оккупанты захватили Клюсы, пришла туда скорбная весть: в бою за Родину пал смертью храбрых красноармеец Глазок Николай Максимович... Совсем недавно провожали его на фронт. И вот уже нет Коли! Война успела выхватить из семьи Глазков первую свою жертву.

Какова судьба Максима Титовича, жив ли, здоров Иван - родные не знали. По слухам, Максим Титович, которому уже перевалило за пятьдесят, не попал на фронт, его будто бы взяли на строительство оборонительных сооружений. Ну, а Иван, думали, сражается в рядах своей части...

Вскоре клюсовцы испытали на себе, каков он, этот принесенный фашистами "новый порядок". Разграблен колхоз. Проходящие через село немецкие солдаты гонялись за поросятами, курами и прочей живностью. Появились комендатура, полиция. Шли аресты советских активистов. А известные всей округе хулиганы и пьяницы, нацепив полицейские повязки, злобно косились на дом бригадира Глазка. Ведь в этом доме вырос советский офицер!

Лейтенант Иван Глазок тем временем находился под Бахмачом, в одном из немецких лагерей для военнопленных. Сообщив эту весть, бежавший оттуда красноармеец тихо добавил: "Ваня тоже хочет бежать. Охрана пока слабая! Отнесите ему гражданскую одежду".

Выполнить эту непростую задачу семья поручила Мише. С

узелком за плечами мальчик смело тронулся в опасный и дальний путь. И вот бывают же счастливые случаи! На десятом километре Михаил столкнулся нос к носу с братом, уже успевшим бежать из плена.

Дома лейтенанту пришлось жить на полулегальном положении. Показываться на улице он избегал. Встречался только со своими друзьями Павлом Битковым и Ефимом Мельником, людьми тоже военными, заскочившими в родное село после того, как они вырвались из окружения.

Миша стал замечать, что Иван исчезает куда-то по ночам и возвращается лишь под утро. Появлялся он всегда со стороны протекавшей поблизости речки Цаты, за которой стояло русское село Раковка.

Лейтенант Глазок был одним из организаторов небольшой партизанской группы в этом селе. Позже раковская группа стала ядром партизанского отряда имени Щорса, влившегося в наше соединение.

Раковцы начали действовать. Ивану хотелось остаться вместе с ними в лесу, но кое-кто из односельчан знал, что он бежал из плена и находится дома. Если теперь он вдруг исчезнет, в Клюсах догадаются: подался к партизанам. А дойдет это до фашистов, они могут уничтожить всю семью.

Пришлось друзьям Ивана инсценировать его похищение. Ночью к дому Глазков подъехали вооруженные люди. С криком и руганью, так, чтобы привлечь внимание соседей, связанного Ивана Максимовича вывели на улицу, бросили в сани и увезли неизвестно куда.

Однако версия о насильственном увозе Ивана продержалась недолго. Раковские партизаны постоянно беспокоили оккупантов то налетом на полицейский участок, то разгромом небольшого немецкого обоза, то расправой над пособниками фашистов. И уже не раз видели среди народных мстителей Ивана Глазка.

Его родных полицаи пока не трогали. Они, видимо, решили дождаться, когда партизан придет навестить семью, и тогда схватить всех вместе. За домом Глазков установили слежку. Но Иван в село не заходил, а лишь изредка тайно встречался в лесу с Мишей и сестрами.

Весной 1942 года в Клюсы неожиданно вернулся Максим Титович. Он действительно был на строительстве оборонительных сооружений под Белгородом. Затем всех самых пожилых строителей, в том числе и его, распустили по домам. Добираться в родное село пришлось долго, через множество опасностей.

Возвращение старого Глазка обрадовало не только жену,

детей, но и... местную полицию. "Теперь-то Иван непременно заглянет домой, чтобы повидаться с отцом! Тут мы его и схватим!" - надеялись фашистские прислужники. Миша заметил: чуть ли не каждую ночь вокруг их дома устраивались засады. Иван, конечно, не появлялся. Повидать отца он сумел в другом месте.

Отряд рос, набирался сил, действовал все активнее, а это еще больше озлобляло полицию против семьи Глазков. Ее положение становилось с каждым днем опаснее. Нельзя было дальше оставаться в Клюсах. И не только потому, что угрожала полицейская расправа. Максим Титович сам хотел стать партизаном. Рвались в отряд Зина и Поля. Извел своими просьбами отпустить его к партизанам Михаил. Но если уйти в лес еще четверым, то что же станет с матерью, с маленьким Сашей, инвалидом Семеном?

И вот 25 июня, в день четырнадцатилетия Миши, из села вдруг исчезло все семейство Максима Глазка. В список партизанского отряда занесли еще четыре одинаковые фамилии. Матери вместе с маленьким Сашей пришлось скрываться у добрых людей в соседней Брянской области. Семен тоже начал скитаться по чужим селам, перебиваясь случайными заработками. Несмотря на инвалидность, он оказался полезным для отряда человеком: выполнял обязанности связного, помогал разведке.

Жизнь партизанской семьи стала понемногу входить в новую колею. И вдруг обрушился новый удар: в бою с захватчиками под родными Клюсами погиб Иван Глазок. Не успели высохнуть слезы по Ивану, как еще одна могила приняла тело зверски замученного полицией Семена Глазка.

Рассказывали, что в те дни на Максима Титовича нельзя было смотреть без боли. За год человек потерял трех сыновей! Безутешная тоска стояла в его глазах, горе пригнуло плечи... Тяжело переживали смерть братьев и Миша, Зина, Поля. Что же говорить тогда о матери! Она страдала больше всех. Надо лишь восхищаться душевной силой этой простой женщины, благословившей мужа, четырнадцатилетнего сына и дочерей на продолжение борьбы с ненавистным врагом.

И они продолжали бороться, каждый как мог, каждый на своем месте.

Должность Максима Титовича в отряде определилась сразу же: ездовой. Скромно, очень скромно звучит это слово рядом с такими, как автоматчик, разведчик, минер. Однако труд ездового, особенно в партизанских условиях, - это по-настоящему боевой труд, очень нелегкий и совершенно необходимый.

Единственное транспортное средство у партизан - телега

летом, а зимой сани. На колесах или полозьях партизаны везут все свое имущество - тяжелое оружие и боеприпасы, продукты и одежду, штабные документы и нехитрую утварь. Везут раненых, едут сами. Когда мы совершали, например, рейд с Черниговщины на Волынь, у нас не было ни одного пешего партизана. Естественно, что на каждом ездовом - "водителе" возка - лежит большая ответственность. От его сноровки, от того, как относится он к делу, зависит многое.

Надо при этом иметь в виду, что движение партизанской колонны обычно не эшелонируется. Партизанский обоз - не только обоз, но и боевой порядок. Нередко ездовому приходится быть под огнем. Нередко, взяв винтовку, он и сам стреляет.

А дороги? Сколько сил выматывают у ездовых разбитые, раскисшие или заметенные снегом дороги! Иной раз двигаться приходится и вовсе без дорог - лесом, кустарниками, полями, болотами.

Ездовому всегда тяжелее, чем пешему бойцу. Пеший заботится только о себе, у ездового есть еще заботы о лошади, об упряжке, о грузе. Если же ездовой со своими конями закреплен за партизанским командиром, то становится для него и ординарцем, и адъютантом, и охраной, и верным другом.

Да, хороший ездовой - очень даже почетная фигура среди партизан, а Максим Титович Глазок был настоящим мастером своего дела. Его дочери Зинаида и Полина стали в отряде санитарками. Труд санитарок и медсестер это тоже боевой, ратный труд. Нередко наши чудесные девушки, отважно спешившие на помощь раненому бойцу, сами погибали в бою. Перевязать раненого, вынести его в безопасное место, потом помочь ему вылечиться, вернуться в строй... Много требуется для этого сил и самоотверженности. Кроме того, наши санитарки и медсестры часто и бельишко выстирают бойцу, и одежку починят, и повариху заменят в роте, и за оружие возьмутся в нужный момент.

Зина и Поля отлично справлялись со своими обязанностями, а вот самый младший из Глазков - четырнадцатилетний Миша - первое время как-то не находил себе в отряде определенного занятия. Использовали его связным, давали раза два задания по разведке... Ничего другого и не поручишь такому мальцу! А Мише хотелось большего, он хотел бить врага, мстить за погибших братьев. Но он, наверно, и сам понимал, что из-за малолетства его не могут посылать на серьезные боевые дела. Пожалуй, именно поэтому смуглый, немного скуластый мальчик с круто разлетевшимися темными бровями почти всегда выглядел грустным, задумчивым, даже угрюмым.

Он не был похож на своих сверстников, озорных, непоседливых пацанов, тоже ставших партизанами. У Миши - лирическая натура. Часто видели его сидящим под сосной с томиком Некрасова или Маяковского. И где только доставал он книжки! Миша сам писал стихи, любил живопись, хорошо рисовал, до войны он мечтал стать художником. В партизанском отряде у Миши появилась совсем другая - суровая, недетская мечта: сделаться минером.

Сначала робко, потом все настойчивее мальчик просил командиров направить его в диверсионное подразделение. Ему отказывали, советовали подрасти, а один раз жестко сказали:

- В минеры берут ребят комсомольского возраста, а у тебя он еще пионерский!

Миша отошел в сторону, опустив голову. Но от своей мечты не отказался.

Весной 1943 года наше соединение разделилось на два самостоятельных. Одно, под командованием Н. Н. Попудренко, не покинуло Черниговской области, другое, во главе со мной, двинулось в дальний рейд на правобережье Днепра. У Попудренко осталась Зина Глазок, чтобы находиться поближе к матери, а с нами ушли Максим Титович, Поля и Михаил.

Почти уже заканчивая рейд, мы остановились на берегу реки Уборть, где создали знаменитую "партизанскую академию" для массовой подготовки минеров. Отбор был строгим. Все же Миша добился, чтобы приняли и его.

Будущие минеры изучали многое: устройство мин, монтирование механизмов, подготовку зарядов, технику закладки мин, тактику подхода к объектам. Все это Миша Глазок усваивал настолько успешно, что к окончанию занятий в "академии" стал не просто рядовым минером, а инструктором по минноподрывному делу.

Любопытный случай произошел с Глазком, когда к нам на Уборть прилетел секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Д. С. Коротченко - товарищ Демьян. Партизаны решили продемонстрировать ему на учебном полигоне установку МЗД. Товарищу Демьяну сказали, что он увидит работу наших лучших минеров-инструкторов.

Мы подошли к насыпи с несколькими метрами рельсов, возле которой уже находились Миша Глазок и его "второй номер", тоже подросток, Миша Кобеняк. Минеры выжидательно посматривали на секретаря ЦК, готовые по его распоряжению начать работу. В свою очередь Демьян Сергеевич нетерпеливо поглядывал по сторонам. Наконец он спросил:

- Ну а где же инструкторы?

- Вот они, перед вами! - ответил я, посмеиваясь в усы.

- Эти хлопчики? - удивленно вскинул брови товарищ Коротченко.

- Они самые!

В том, что перед ним действительно мастера своего дела, Демьян Сергеевич убедился воочию. Глазок и Кобеняк работали быстро, сноровисто, каждое их движение было хорошо рассчитанным, точным. Ребята установили мину в рекордное время, всего за восемь минут.

- Просто артисты! - шепнул мне товарищ Демьян и, подойдя поближе к минерам, громко поблагодарил за отличную работу.

Вскоре мы начали диверсии на железных дорогах Ковельского узла. Миша считался в своем батальоне лучшим минером. Полетели под откос первые лично им подорванные поезда. Успешно действовали и те партизаны, которых Миша инструктировал.

Всякий раз, когда у командира батальона возникали какие-то неясные вопросы, связанные с минированием, он говорил:

- Надо посоветоваться с Глазком... Надо спросить у Глазка...

А советчику-то всего пятнадцать лет, и годился он командиру в сыновья!

Труднее всего приходилось минерам на дороге Брест - Пинск. Железнодорожное полотно пролегало здесь далеко от леса. Подбираться к нему надо было но совершенно открытой местности и устанавливать мину как можно быстрей. От партизан-подрывников требовалась особая, повышенная четкость в работе. Для того чтобы закрыть дорогу Брест - Пинск, мы в помощь имевшимся там подрывникам послали дополнительную группу, укомплектованную самыми опытными, самыми умелыми минерами. Попал в эту группу и Миша Глазок.

Вскоре юный подрывник стал героем диверсионной операции, в которой очень ярко проявились все его не только боевые, но и душевные качества.

Михаилу предстояло установить МЗД-5 на участке, одновременно и соблазнительном и опасном. Рельсы тянулись по высокой крутой насыпи, что обычно увеличивает результаты крушения. Однако подход к участку был очень трудным. Выйдя из чахлого леса, вернее, кустарника, минеры должны ползти метров триста по открытому полю, а после этого пересечь шоссе, по которому и ночью ходят одиночные машины. Потом, оставив шоссе позади, опять ползти двести метров по голой местности, теперь уже прямо к насыпи, и там, прижимаясь к откосу, карабкаться вверх, на полотно.

Фашисты усиленно охраняли участок. На подступах к дороге

и у насыпи обычно устраивались засады. Линию часто осматривали патрули.

И все же мину надо было ставить именно здесь.

Миша тщательно смонтировал механизм, подобрал нужный замедлитель, проверил упаковку заряда... Темной, ненастной ночью отделение минеров вышло в путь. По-пластунски добрались до шоссе, выждав удобный момент, пересекли его, затем проползли еще несколько десятков метров.

Дальше двигаться всем вместе было уже нельзя. Вперед выслали разведчика. Он должен был подняться к рельсам, осмотреть участок, установить, есть ли поблизости охрана.

Разведчик вернулся довольно скоро - раньше, чем ожидали.

- Все в порядке! - сказал он. - Пусто... Никого нет!

Партизаны поползли снова. У насыпи группа прикрытия, разделившись на две части, стала подниматься по откосу слева и справа от Глазка и его "второго номера". Через минуту они тоже двинулись вверх.

Уже на рельсах Миша вдруг увидел прямо перед собой пламегаситель немецкого пулемета-универсала. Дальше, за характерным дырчатым кожухом, обрисовывались в темноте приникшие к земле человеческие фигуры.

Засада! Реакция Михаила была мгновенной. Не поднимаясь, одним резким и сильным движением он оттолкнулся от подвернувшейся под руку шпалы и покатился вниз. Голова ударялась о камни, которыми был выложен откос. Миша не чувствовал боли, но, оказавшись внизу, сразу заметил посланную ему вдогонку и упавшую рядом гранату с длинной деревянной ручкой. И снова не растерялся Глазок. Мигом подхватив гранату, он бросил ее обратно к фашистам. Там, наверху, и грянул взрыв.

Вряд ли кто-нибудь из немцев был ранен. Сразу же заработал пулемет, застучали автоматы, а затем взвились в небо осветительные ракеты. Партизанам пришлось туго. Уходили от дороги, петляя, низко пригнувшись, а больше ползком, ползком... Наконец выбрались в безопасное место.

Просто чудом все остались живы. Только у Миши голова была в ссадинах и синяках, а у командира отделения Смолина пулей рассечена кожа на лбу. Возле насыпи пришлось бросить полупудовый заряд тола... Жаль, конечно! Однако тол - это лишь обычное взрывчатое вещество, а вот секретный механизм мины не попал в руки врагов. Его спас Миша Глазок. Он и с откоса катился, прижимая к груди драгоценный ящичек.

Почему минеры напоролись на засаду? Что произошло? Партизаны не успели задать друг другу эти вопросы. Ходивший в разведку высокий губастый парень побледнел и повалился

остальным в ноги:

- Простите! Струсил... Не был на полотне...

За подобную трусость полагается расстрел. Но смалодушничавший разведчик раньше ни в чем плохом не замечался, а теперь клятвенно обещал, что загладит свою вину. Ребята просто надавали ему хороших тумаков.

Невеселыми вернулись партизаны в лагерь. Пришлось отвечать на очень неприятные расспросы, отворачиваться от укоризненных взглядов... Больше всех переживал неудачу Глазок, хотя совершенно не был в ней виновен.

Заминировать участок все-таки нужно. Не смогли сегодня - значит, придется минировать следующей ночью.

- В каком месте будешь ставить? - спросил Мишу командир группы.

- В том же самом!

- Почему не в другом?

- Место хорошее: насыпь высокая, поворот начинается. Да и не сделают фрицы засады там, где уже делали!

- Добро! - сказал командир.

И опять с наступлением ночи ползут партизаны через поле, переваливают по одному через шоссе, крадутся, прикрытые лишь темнотой, все ближе к железнодорожному полотну. На этот раз ни засад, ни патрулей нет. Глазок быстро проверил надежность контактов и осторожно опустил механизм в яму под шпалой, куда его напарник уже положил заряд. Еще через несколько минут мину хорошо замаскировали.

До ближайшего хутора партизаны добрались вполне благополучно, но там-то и начались у Михаила терзающие всякого минера сомнения. А вдруг не взорвется? А вдруг не сработает детонатор? Вдруг утренний патруль обнаружит мину?

Знает человек, что все проверено, все надежно, знает, что и сам теперь не найдет поставленной мины, а успокоиться не может. Минеру еще надо видеть результаты своей работы.

Глазок упросил товарищей задержаться на хуторе до полудня. Впрочем, особенно уговаривать их не пришлось. Каждому участнику операции интересен ее итог. Тем более что ждать долго не придется: замедлитель установлен на девять часов утра.

Партизаны остановились в одинокой хате, откуда хорошо просматривалась железная дорога. Балагурили с хозяйкой, подкрепились предложенными молоком и хлебом, а сами все посматривали в окно.

Часов в семь утра показался паровоз, медленно тащивший за собой два товарных вагона. Это, должно быть, проверка линии. Но проверяй тут не проверяй, а раньше девяти мина не взорвется!

Еще через час проследовал эшелон из 25 - 30 товарных вагонов. Вот ему следовало бы появиться позже! Ну да пойдут еще...

Наконец срок наступил. Партизаны приникли к окнам... Нового поезда все нет и нет. Где же он? Когда же?..

Но вот показался вражеский эшелон. Все ближе, ближе... Хорошо видно, что идет смешанный пассажирско-товарный поезд. Он совсем уже недалеко от места, где лежит мина. Стучит кровь в висках Миши.

И тут паровоз качнулся, из-под колес вырвались рыжеватое пламя и темный дым, от грохота взрыва тонко задребезжали оконные стекла. Все увидели, что вагоны, громоздясь друг на друга, падают с насыпи.

- Блеснула! - ликующе выкрикнул Михаил излюбленное минерами словцо.

Теперь возвращение партизан в лагерь было радостным, веселым.

Наша агентура донесла позже, что взрыв вывел из строя локомотив, а большая часть вагонов превратилась в щепки. Трупы гитлеровцев увезли с места крушения на трех платформах.

На трех!

Так заплатили фашисты за смерть братьев минера, за гибель Николая, Ивана и Семена Глазков.

Но война еще не кончилась. Минер Михаил Глазок продолжал подрывать вражеские эшелоны. Ездовой Максим Глазок правил доверенными ему конями. Санитарка Полина Глазок спешила на помощь к раненым.

Слава боевой партизанской семье Глазков! Слава всем партизанским семьям!

ЛЮДЯМ НУЖНА ПРАВДА

Молодой черниговский артист Василий Яковлевич Коновалов стал партизаном в конце августа 1941 года, когда многие районы Черниговщины еще не были захвачены врагом. Но оккупанты продолжали продвигаться вперед. В ту тяжелую, напряженную пору областной комитет партии днем и ночью занимался организацией партизанских отрядов. Тщательно подобранных, хорошо проверенных людей к нам направляли отовсюду. Городской драматический театр прислал трех своих артистов, в том числе Васю Коновалова.

До этого мне приходилось видеть его только на сцене: то передовым инженером, обличавшим рутинеров и вредителей, то в облике стриженного под скобку купчика из пьесы Островского, а иной раз и в роли гордого испанского графа в шляпе с перьями и высоких ботфортах. И вот передо мной оказался Василий Коновалов без грима и в обычном костюме. Это был рослый

молодой человек с приятными чертами смуглого лица и внимательными карими глазами. Кандидат в члены партии. Свое решение остаться в тылу твердо обдумал. Отзывы о Коновалове были самые положительные. Мы зачислили его в отряд рядовым бойцом.

Воевал Вася отлично. Вскоре стал командиром взвода, а затем политруком одной из рот 1-го батальона. Участвовал в рейде из Черниговской области на Волынь. Награжден боевыми орденами. И вдруг я узнаю, что Коновалова собираются привлечь к партийной ответственности. И за что! За оскорбление религиозных чувств жителей села Угриничи.

Ничего подобного у нас никогда не случалось. Чувства верующих партизаны всегда уважали. В западных областях Украины, которые стали советскими лишь незадолго до начала войны и где религиозных людей гораздо больше, чем в областях восточных, мы были в этом отношении особенно тактичными. И правильно делали: подчеркнутая веротерпимость всегда шла нам на пользу.

Двигаясь на стыке Ровенской и Волынской областей к месту теперешней дислокации, наше соединение оказалось возле большого кладбища русских воинов, погибших во время первой мировой войны. Кладбище это с подгнившими, давно покосившимися крестами, с осевшими, поросшими травой могильными холмиками выглядело очень запущенным, забытым. Мы привели его в порядок, поставили новые кресты, а затем партизаны возложили венки к надгробиям неизвестных защитников отечества. Церемония носила, конечно, не религиозный, а патриотический характер, однако тот факт, что мы обновили кресты, произвел на местных жителей весьма выгодное для нас впечатление. Уважительное отношение к верующим, к церковным обычаям опрокидывало один из поклепов на партизан, обезвреживало вражескую агитацию.

И вот теперь я узнал, что недавно в Угриничах каким-то образом оскорблены религиозные чувства тамошних жителей. Пока я гадал, что там стряслось, и ждал из 1-го батальона ответа на свой запрос, Коновалова уже вызвали для предварительного разговора к секретарю батальонного партбюро Семену Газинскому. В землянке Коновалов увидел и комиссара батальона, члена нашего подпольного обкома Акима Захаровича Михайлова.

- Садись, товарищ Коновалов, - пригласил Газинский. - Для чего тебя вызвали, должен догадываться!.. Рассказывай, что ты натворил в угринической церкви.

- Ничего я там не натворил. Проводил недавно работу с

населением.

- Лучшего места не нашел?

- Трудно подыскать лучшее. В церкви полно народу, люди не только из Угриничей, многие из других мест. Некоторые издалека приезжают. Аудитория огромная!

- Аудитория?! Ты еще скажи: зрительный зал. Церковь - это тебе не театр, товарищ Коновалов! - строго напомнил секретарь партбюро.

- Знаю, что не театр, - уныло отозвался Вася.

- Плохо знаешь, если затеял там инсценировку! Отвечай нам прямо: поповскую ризу надевал?

- Не ризу надевал, а рясу... Разбираться надо! В ризу облачаются при богослужении, а ряса у попов для повседневной носки.

- Ладно, пусть будет ряса. Значит, надевал?! А как с бородой было? Наклеивал?

- Какая там борода! Это уже преувеличивают. Просто небольшая бородка, вроде эспаньолки... У меня есть всякие для нашей самодеятельности... Пришлось наклеить. Никодим посоветовал.

- Кто этот Никодим? - поинтересовался Михайлов.

- Отец Никодим, поп то есть... Настоятель церкви в Угриничах... Старикан довольно толковый. Нам кое в чем помогает.

- Обожди, Вася. Разве священник был в курсе твоего маскарада? спросил Михайлов.

- Как же ему не знать! А кто мне рясу дал? Кто Библию дал? Кто к прихожанам вывел и сказал им, что приехал новый батюшка?!

- Батюшка новый? Отец Василий? Вот как! - усмехнулся член обкома.

Рассмеялся и Газинский. Одному Васе было не до смеха, хотя он немного и приободрился.

- Товарищи, разрешите рассказать все по порядку, - попросил Коновалов. - Иначе не будет у вас полной картины. Можно?

Михайлов разрешающе кивнул, после чего Вася перешел к подробностям:

- В Угриничах мне и другим хлопцам из нашей роты часто приходится бывать. Все мы никогда не пропускаем случая поговорить там с людьми. А что людей интересует, хорошо известно. В первую очередь - новости с фронтов. Всегда сообщаем им сводки Совинформбюро. Чаще всего прямо у радистов берем. Если газеты есть, то и по газете читаем. Другой раз просто на вопросы селян отвечаем. Но сколько людей вокруг себя соберешь?

Десять двадцать, самое большее - тридцать человек... И все! А в церкви по воскресеньям человек двести бывает, а то и больше... Ведь не одних угринических здесь увидишь, а из многих сел и хуторов.

Вася попросил разрешения закурить, свернул козью ножку, задымил и продолжал дальше:

- С настоятелем церкви, с этим отцом Никодимом, я давно знаком. Всегда останавливает меня и спрашивает: "Как там супостатов бьют?" Ну и его познакомишь со сводкой Информбюро. Радуется старик, если добрые вести. Он по случаю освобождения Киева даже молебен отслужил. Узнав об этом, бандеровцы взяли его за бока, когда налет на Угриничи делали... Помните? Насилу Никодим от них выскользнул.

И вот недавно, как раз в субботу, встретил я попа, сводку ему прочел и говорю: "Наверно, вашим прихожанам тоже хочется знать, что на фронтах делается". Подтверждает: "Конечно, интересуются. У всех есть интерес". Тогда я ему и предлагаю: "Вот, батюшка, дам вам эту сводку, а завтра еще новую принесу. Прочитайте их в церкви людям. Или своими словами перескажите". Задумался старый. Потом говорит: "Дело богоугодное народу правду глаголати, но я сейчас на большом подозрении у прихвостней иноземцев проклятых... Никак не могут простить мне бандеровцы молебен во благодарность за освобождение от фашистов Киева, матери городов наших". И тут же добавляет: "Прочитай, воин, сводки сам. В церкви прочитай, после службы. Я тебе рясу дам, выведу к прихожанам, скажу, что это новый батюшка из епархии храмы объезжает". К своему предложению он еще и добавил: "Нет греха, когда ложь во спасение! Бог рассудит".

- А ты не заставлял попа всю эту историю затеять? Нажима, так сказать, не производил? - спросил Газинский.

- Да что вы, Семен Ефимович! Узнайте у самого Никодима через наших подпольщиков... Ну, в воскресенье всё мы и устроили. Никодим заранее провел меня в алтарь, переодел, дал Библию, посоветовал с нее и начать, сам отметил нужное место...

- И как же прошла читка? - пряча усмешку, спросил Михайлов.

- На высоком уровне. Я из Библии недолго читал, абзаца три. Там что-то про птиц было... А потом продолжал так: "А теперь, православные, послушайте, как птицы красные логовище ворога мерзостного поклевали..." И давай сводки Информбюро зачитывать - сперва про повторные налеты нашей авиации на Берлин, а затем другие... Слушают внимательно, многие крестятся, бога благодарят. В общем, все остались довольны...

Ведь людям нужна правда! А религиозных их чувств никто не задевал.

Михайлов с Газинским все поняли, по секретарь партбюро решил дополнительно выяснить в Угриничах, как было дело, нет ли каких-либо нареканий, обид у верующих. Вопрос о Васином поступке остался пока что открытым. Об этом рассказал мне Аким Михайлов, когда вскоре побывал у нас в центральном лагере соединения.

Конечно, что бы там в селе окончательно ни выяснилось, форма агитации, к которой прибег Вася Коновалов, одобрения не заслуживает. Но только сама форма! Мы всегда заботились о том, чтобы люди знали правду о ходе войны, разоблачали перед местным населением вранье, демагогию, всевозможные хитрости и уловки вражеской пропаганды.

Политический аппарат не только нашего, но и других партизанских соединений и отрядов, действовавших на Волыни, работал в двух направлениях: у себя, среди бойцов и командиров, и на "периферии", то есть среди населения. И каждый партизан, соприкасаясь с местными жителями, становился нашим агитатором и пропагандистом. Разумеется, в селах, захваченных врагом, обком влиял на тамошних крестьян через сеть подпольных коммунистических и антифашистских организаций.

Формы работы? Они были самыми разнообразными, зависящими от случая, от обстановки. В одном селе можно было созвать митинг или собрание, выступить с речью, сделать доклад, прочесть лекцию, а затем еще раздавать брошюры, листовки, свежие номера напечатанной в нашей типографии газеты "Советская Украина". В другом селе приходилось ограничиваться беседой с небольшой горсткой проверенных, хорошо известных нам людей. В третье село и совсем не войдешь. С подпольщиком наш представитель встречался где-нибудь в лесу, разговор начинал только после обмена паролями. Но и при такой конспиративной встрече беседа всегда касалась положения на фронтах. Это больше всего интересовало людей. Успехи Красной Армии, пусть временами даже незначительное, но все же неуклонное продвижение наших войск вперед были огромной радостью для местных жителей.

Нет, я не удивился, что настоятель церкви в Угриничах вошел в сговор с Васей Коноваловым и даже дал ему рясу. Но если партизаны действовали там, обижая верующих, это уже никуда не годится! За ошибки отца Никодима пусть отвечает его церковное начальство, а за ошибки Васи несем ответственность мы все, и я особенно.

Однако строгое расследование установило, что о недавнем

маскараде в угринической церкви никто из верующих и не подозревает. Никто ничем не обижен. Просто нашлись в батальоне люди, которые из имевшего место факта сделали скоропалительные выводы.

- Твое счастье, что все так кончилось, - сказал Газинский повеселевшему Коновалову. - И смотри, чтобы ничего подобного не повторялось... Читай сводки, проводи беседы, но только не в церкви!

- А почему не в церкви? Терять сразу такую аудиторию! - неожиданно запротестовал Вася.

- Опять за свое! Опять "аудитория"! - не на шутку рассердился обычно спокойный, выдержанный Газинский. - Да, придется ее потерять! Сам настоятель читать сводки Информбюро не решается, бандеровцев побаивается, а тебе, товарищ Коновалов, рядиться в попа, дьякона или архиерея мы категорически запрещаем.

- Можно обойтись и без переодевания, - спокойно ответил Вася. - Не беспокойся, Семен Ефимович, я выводы для себя сделал. Своей ошибки не повторю. Будь уверен! Но тут есть совсем другая идея...

И в следующее воскресенье подтянутый, хорошо выбритый, молодцеватый Василий Коновалов вошел под конец обедни в угриническую церковь и скромненько встал возле дверей. Когда отец Никодим закончил службу, наш партизан смиренно обратился к нему:

- Разрешите, батюшка, прочитать мирянам последние фронтовые вести?

- Читай, сын мой, читай! - разрешил настоятель.

И Вася Коновалов уже не смиренным, а своим обычным четким, приятным, хорошо поставленным актерским голосом прочел свежие сводки Совинформбюро про успешные дела советской бомбардировочной авиации, про новое продвижение 1-го Украинского фронта и про бои местного значения по соседству с нами, в Белоруссии.

Люди жадно слушали правду...

Наверно, никто из них и не заметил, что бравый партизан какими-то неуловимыми черточками напоминает нового батюшку из епархии, который не так давно заезжал в Угриничи и здесь, в церкви, тоже читал сводки Совинформбюро.

РЫЦАРЬ КРАСНОГО КРЕСТА

Мы с комиссаром ехали в один из ближних батальонов. На узкой лесной просеке нам встретилась подвода с раненым. Он лежал навзничь, нижняя часть лица была закрыта окровавленными бинтами. Присмотревшись, я узнал минера

Мышлякевича.

- Что случилось, Павел Антонович?

В ответ - ни слова, ни звука. Только глаза Мышлякевича страдальчески смотрели на меня в упор, наполняясь слезами.

Стоявший позади подводы ездовой подошел ближе и зашептал:

- На мине своей подорвался... Всю челюсть снесло, язык как отрезало... Правую руку у плеча перебило, на коже висит... Не знаю, довезу ли до госпиталя живым.

- Хирург у нас отличный. Обязательно вылечит, - сказал я умышленно громко и, обернувшись к раненому, добавил: - Поправляйся, Антоныч! Все будет в полном порядке. Навещу тебя, как только вернусь.

Подвода медленно поехала дальше, мы тоже тронули коней.

- Это какой же Мышлякевич? Тот, что в Белоруссии с братом пришел? повернул ко мне голову Дружинин.

- Ну да, с братом, с женой, с дочкой. Все теперь у нас. По специальности он агроном.

- Хорошая специальность, самая мирная: хлеб сеять, сады выращивать, задумчиво молвил Владимир Николаевич. - Да-а-а, минер ошибается только раз...

- Возможны исключения! Теперь на Гнедаша надо надеяться, Гнедаш многое может сделать.

- Что говорить! С главным хирургом нам здорово повезло... Руки у него золотые!

Тимофей Константинович Гнедаш прибыл в соединение сравнительно недавно. Родился и вырос на Черниговщине, а в начале войны работал в соседней Сумской области, в маленьком городке Шостке, главным врачом местной больницы. Когда немцы были уже совсем рядом, больницу эвакуировали в Сибирь. По решению горкома партии врач-коммунист Гнедаш сопровождал ее до места назначения - города Бийска. Оттуда Тимофея Константиновича не отпустили, сделали заведующим здравотделом.

Гнедаш рвался на фронт. Еще больше он хотел попасть за линию фронта, понимая, что партизаны особенно нуждаются в квалифицированных хирургах. Из Бийска летели к товарищам Коротченко и Ворошилову настойчивые просьбы Тимофея Константиновича отправить его в одно из украинских партизанских соединений. Где-то там, наверху, очередное заявление Гнедаша встретилось с нашей заявкой на врачей. И вот Тимофей Константинович у нас.

Непривычны ему военная форма, оттягивающий пояс пистолет, землянки вместо больничных палат, но с обычной

уверенностью действуют его умелые руки в тончайших резиновых перчатках. Первые же операции, сделанные Гнедашем, убедили командование, что мы получили отличного специалиста. Конечно, он многому научит и молодого нашего хирурга Михаила Васильевича Кривцова, тоже недавно присланного с Большой земли.

Гнедаш успел зарекомендовать себя не только талантливыми операциями, но и прекрасной организаторской работой. С неостывающим жаром, с веселой энергией создавал он партизанский госпиталь. Трудностей было много. Но я не знаю случая, когда бы Гнедаш перед ними спасовал. Инициативой, изобретательностью, своей удивительной способностью выходить с честью из самых сложных положений Тимофей Константинович увлекал за собой всех медицинских работников.

Сколько новых труднейших проблем поставит перед Гнедашем ранение Мышлякевича! Не надо быть врачом, чтобы понять это. Ведь рана очень тяжелая, а наш госпиталь располагает лишь простейшим оборудованием, испытывает недостаток во многих медикаментах. Вся надежда на талант и волю хирурга. Но и самые лучшие врачи не остановят смерть, когда она неизбежна. Выдержал ли Мышлякевич перевозку в госпиталь? Не умер ли на операционном столе?..

Возвратившись дня через два в Лесоград, я послал за Тимофеем Константиновичем. Вскоре в землянку вошел среднего роста человек лет под пятьдесят, с красивым смуглым лицом и густыми, еще не тронутыми сединой волосами, расчесанными на косой пробор. Это и был доктор Гнедаш.

- Жив, пока еще жив, но положение критическое, - сказал он, присаживаясь и отвечая на мой вопрос. - Многое приходилось видеть, но и я внутренне содрогнулся, когда сняли с Мышлякевича повязку. Вся нижняя лицевая часть черепа - сплошная зияющая рана. От челюсти лишь слева остался кусок кости с тремя зубами... Половины языка нет... Сосуды шеи открыты... Много потерял крови. Ну, мы сделали, конечно, все, что смогли: обработали рану, остановили кровотечение, в горло ввели трубку для искусственного питания. Правую руку пока взяли в шину, ей нужен покой.

- Есть надежда, Тимофей Константинович?

- Надеяться обязаны. Насколько наши надежды реальны, покажут самые ближайшие дни. Раненый сильно ослабел. А мне нужно, чтобы организм сопротивлялся смерти, был союзником медиков! И потом... - Гнедаш помедлил немного. - Самое трудное будет потом, - продолжал он. - Допустим, мы добьемся, что организм Мышлякевича победит смерть. А дальше? Нельзя же

выпустить человека из госпиталя с огромной дырой вместо рта, инвалидом, неспособным нормально питаться, разговаривать... Придется заняться восстановительной хирургией, сделать Мышлякевичу не одну пластическую операцию. А возможности у нас, сами знаете, очень ограничены! Вот уже и ломаю голову над великим множеством весьма специальных вопросов.

- Понимаю, Тимофей Константинович. Но вам, как говорится, и карты в руки. Ищите! Дерзайте! Желаю успеха и уверен в успехе. И вы совершенно правы: мало спасти Мышлякевича, надо вылечить его, сделать трудоспособным. Этим мы выполним наш долг не только по отношению к Антонычу, отцу семейства, хорошему минеру. Не только! Не забывайте, что каждый случай возвращения тяжелораненого к жизни - огромная моральная поддержка для всех партизан. Боец действует увереннее, смелее, зная, что и его поставят на ноги, если попадет в беду.

- Постараемся сделать все, что будет в наших силах.

- А навестить мне Мышлякевича можно?

- Нет, пока рано. Жену с дочерью не пускаем, чтобы не волновали. Ну, пойду к нему... Будем перевязывать.

- Еще раз желаю успеха! И пожалуйста, держите меня в курсе дела.

Гнедаш вернулся в госпиталь, надел халат, продезинфицировал руки. Носилки с раненым минером поставили на операционный стол. Рядом уже собрались врачи Кривцов, Григорьев, медицинские сестры.

Самочувствие Мышлякевича было не лучше, чем вчера. Сняли повязку. Хирург внимательно осмотрел рану. Выделений мало. Края тканей в удовлетворительном состоянии, но кое-где их надо почистить... Главная беда - сильно ослабел партизан от болей, от потери крови, от огромного нервного потрясения.

Его брали на стол каждый день. Но не только во время перевязок к Мышлякевичу было приковано внимание всего медицинского персонала. У постели раненого круглые сутки дежурили сестры. По нескольку раз подходили врачи. Минера знобило, и ему часто меняли грелки. Для искусственного питания Павла Антоновича готовили бульоны, жидкие каши, кисели, всегда держали в запасе молоко, яйца. Раненый все время чувствовал заботу, ласку, внимание. Ему постоянно внушали, что он будет жить, сможет разговаривать и нормально питаться, сможет работать.

Наконец кризис миновал, раненый заметно окреп. Гнедаш считал, что в ближайшие день-два можно сделать первую операцию. Главная ее трудность заключалась в том, что у Мышлякевича была почти начисто снесена нижняя челюсть. В

народе правильно говорят: "Были б кости, а мясо будет! Кость мясо наживает". Но ведь ее нет... Для того чтобы восстановить у раненого нижнюю часть лица, нужен прежде всего протез, заменяющий челюстную кость. Предстоящая работа немыслима без жесткого каркаса. А где его взять?! Здесь его не принесут из протезной мастерской, ослепительно белый, сияющий отшлифованной пластмассой, сделанный точно по размеру! Никакого не принесут.

Доктор Гнедаш все эти дни думал, как быть, где найти выход. Наконец он отправился к старшине медчасти Горобцу, разгружавшему в это время телегу с продуктами.

- Мне нужен тонкий железный прут, - объявил Тимофей Константинович.

- А какого диаметра? И какого сечения - круглого, квадратного? осведомился Горобец таким тоном, будто железо у него имелось в широком ассортименте.

- Да вот примерно такое, - ответил Гнедаш, взявшись рукой за железный дрот-отес, придерживающий у телеги оглоблю.

- Так в чем же дело! Сейчас отрубим.

Из отрубленного куска Тимофей Константинович и принялся мастерить каркас. Выгнул прут крутой дугою, отпилил лишнее... Ну а дальше? Нет, и после самой тщательной дезинфекции нельзя вводить железо в открытую рану. Неизбежно окисление металла, а отсюда и воспаление тканей, заражение, сепсис.

Взгляд Гнедаша случайно упал на лежащий рядом резиновый катетер. А что, если?.. Уже через минуту он натягивал на изогнутый кусок дрота эластичную трубочку. Получалось отлично. Теперь можно обеспечить стерильность каркаса, а приспущенная по концам резина поможет лучше его закрепить. Была решена лишь первая проблема, но сколько их еще оставалось решить доктору Гнедашу!

Наступил день операции.

- Все готово! - доложил главному хирургу Кривцов.

Мышлякевич уже поднят на стол и укрыт со всех сторон марлей. Наркоз ему дать нельзя. В госпитале имелся только эфир, применять который при челюстно-лицевых операциях не рекомендуется. Для того чтобы притупить у Мышлякевича восприимчивость к боли, ему дали стакан крепкого самогона.

Взволнованы Кривцов и Григорьев, выполняющие роль ассистентов Гнедаша. Взволнованы операционные сестры Аня, Лида, Валя... Возможно, внутренне волнуется и Тимофей Константинович, но по лицу его этого не видно. Обычным негромким спокойным голосом хирург просит снять с Мышлякевича повязку.

- Все нормально, - роняет Гнедаш, исследовав операционное поле. Начнем с языка, пока к нему открыт доступ...

План операции хорошо известен ассистентам и сестрам. Все знают, что им делать. У оперируемого, насколько возможно, вытягивают обрубок языка. Скальпель Гнедаша быстро рассекает этот обрубок с боков, от тыльной части к передней, но не до конца. Затем хирург поворачивает каждую дольку на 180 градусов и соединяет вместе. Один шов... Второй шов, поперечный... Кое-где подправляет, кое-что подравнивает... И вот уже вместо обрубка есть у Мышлякевича язык, кровоточащий, узкий, но зато вполне нормальной длины. Вширь он еще немного разрастется.

- Хорошо... А теперь давайте ставить протез! - говорит Гнедаш.

Обтянутую резиной железную дужку скрепили с остатками челюстных костей. Но прежде чем крепить на каркасе мышцы и кожу, надо восстановить у оперируемого отверстие рта, сделать ему нижнюю губу. Мышечную ткань со слизистой оболочкой можно взять для губы с сохранившихся частей щек.

- Скальпель!.. Малые ножницы!.. Зажимы!.. Иглу! - требует Гнедаш.

Ему едва успевают подавать инструменты. Пальцы хирурга в непрерывном движении. Еще один шов - и появилась губа.

Затем Тимофей Константинович начинает кропотливое виртуозное "монтирование" подбородка и всего остального, чего недостает изуродованному лицу минера. Подтягивает вверх кожные и мышечные ткани шеи, оттягивает вниз ткани со скул, использует лоскуты кожи, срезанные с груди Мышлякевича, подбирает каждый неомертвевший сантиметр мускулов и надкостницы по краям раны. Все это пускается в дело, все подгоняется, сшивается, постепенно закрывая протез и образуя у Мышлякевича подбородок.

Ассистенты и сестры только переглядываются в немом восхищении. Никогда им не приходилось видеть такой сложной и столь блестяще выполняемой операции! На их глазах свершалось почти чудо.

Вдохновенная, мастерская работа хирурга продолжалась не один час... Наконец он распрямился, снял перчатки и, вытирая со лба пот, устало сказал:

- На сегодня довольно... Кладите повязку!

Товарищи поздравляли Гнедаша. Он только отмахивался:

- Рано, слишком рано поздравлять... Многое еще предстоит сделать! Да и неизвестно, чем кончится эта операция. Посмотрим, как все будет срастаться, заживать.

Немного позже Кривцов подошел к главному хирургу

соединения и несколько смущенно начал:

- Простите, Тимофей Константинович, но кое-что я никак не могу понять... В институте у нас этого, как говорится, не проходили, а практика у меня совсем небольшая...

- Спрашивайте, Мишенька, не стесняйтесь. Ну, что вам не ясно?

- Чем Мышлякевич будет жевать? Вы восстановили ему язык, губу, щеки, подбородок... У человека снова есть лицо. Но неужели нижнюю челюстную кость способен заменить примитивный самодельный протез, вернее, каркас для крепления на нем тканей?

- Со временем и этот каркас я, вероятно, удалю, - заметил Гнодаш.

- Тем более! Значит, останутся лишь мягкие ткани?

- Нет, не только мягкие, но и достаточно твердые. Вы, вероятно, не обратили внимания, где я располагал горизонтальные швы! Именно над линией нашего каркаса... Со временем здесь образуются жестковатые рубцы. Там же использованы ткани надкостницы, хрящики. А хрящи, как известно, разрастаются. Вот почему у Мышлякевича должно образоваться над каркасом настолько твердое полукружье, что стоматологи смогут укрепить на нем зубной протез. Конечно, щелкать орехи Мышлякевичу никогда не придется, по питаться он будет вполне нормально.

- Очень интересно, Тимофей Константинович! Какие все-таки огромные возможности у восстановительной хирургии!

- Природа ей в этом помогает, мать-природа! У человеческого, как и у всякого живого, организма удивительнейшая способность возрождаться, восстанавливать свои функции. Ближайшие дни покажут, насколько удачно я этим воспользовался. Но, дорогой Миша, даже при самой большой удаче многое еще надо сделать!

На вторые сутки с лица Мышлякевича сняли повязку. Кое-где швы кровоточили, местами лоскутки тканей плохо прижились, но общая картина самая благоприятная. Вне всякого сомнения, операция сделана успешно.

- Все идет хорошо, Павел Антонович! - с улыбкой сказал Гнедаш минеру.

И в ответ медики услышали первое слово, сказанное Мышлякевичем после ранения, недостаточно внятное, но все же вполне различимое слово:

- Спа-си-бо!

Это было лучшим свидетельством того, что и сложнейшая операция языка удалась.

- Молчите... Разговаривать еще нельзя! Швы разойдутся! - погрозил пальцем Гнедаш.

Он тут же приступил к дополнительным хирургическим манипуляциям над лицом раненого. Вечером Тимофей Константинович забежал ко мне поделиться своей радостью.

- Восхищаюсь, преклоняюсь и поздравляю! - сказал я. - И еще одно слово добавлю, то самое, что вы услышали от Мышлякевича: спасибо! От лица командования спасибо... Убежден, что и дальше все пойдет отлично.

- Откровенно говоря, теперь и я уверен!.. Пожалуй, главное сделано.

- А как с рукой у Мышлякевича? Ведь и там что-то сложное!

- Еще бы! Плечевая кость перебита сверху, совершенно снесена ее вершина. Придется закруглить кость и подгонять к суставу. Рука станет чуть короче, но действовать будет. На счастье, сосудисто-нервный пучок, проходящий ниже, у подмышечной впадины, не задет. Операцию сделаем завтра.

Эту трудную операцию Гнедаш произвел тоже успешно. Пока рука Мышлякевича лежала в гипсе, продолжалась работа над лицом и челюстью раненого, работа исключительно сложная, тонкая, требующая большого врачебного искусства.

Однажды завернул я в госпиталь навестить Павла Антоновича (бывал у него уже не один раз!). Вместе с Гнедашем направились к нему в палату. И вот застали там такую картину.

Мышлякевич сидит на койке и жует кусок хлеба. Рядом - его жена Анна Иосифовна и десятилетняя дочка Тамара. Все они о чем-то мирно беседуют. Увидев меня, выздоравливающий минер по-военному четко произнес:

- Здравия желаю, Алексеи Федорович!

- Вам - полного здравия... Да и приятного аппетита!

- Понимаете, требует хлеба, да и все, - радостно сказал Гнедаш. Видно, осточертела ему наша диета!.. Вот дали для пробы кусочек помягче жует, наслаждается... К тому же восстанавливаются двигательные функции челюстных мышц!

- И хорошо жует, - заметила жена Мышлякевича, бросив на меня несколько смущенный взгляд.

У нас с Анной Иосифовной есть маленькая тайна. Сразу после ранения мужа потрясенная горем женщина не надеялась, что он останется в живых, и уже оплакивала его как покойника. А потом вдруг явилась ко мне с жалобами на Гнедаша: "плохо лечит", "слишком медленно", "прикажите лечить поскорей". Ну я объяснил, что никакие приказы тут не помогут, что наш хирург и так делает почти невозможное. Поняла. Просила не говорить Тимофею Константиновичу о своих претензиях. И вот теперь она

смущенно смотрит на меня, счастливо сияющими глазами - на мужа, теплым благодарным взглядом на Гнедаша.

Нежданно-негаданно стряслось новое несчастье. Небольшая группа партизан, возглавляемая командиром 6-го батальона Федором Кравченко, направлялась в штаб соединения. Был с ними и наш молодой врач Михаил Кривцов, который возвращался в Лесоград из дальней командировки. По дороге группа наткнулась на засаду бандеровцев. Партизан обстреляли плотным огнем, обстреляли по-бандеровски подло, в спину. На месте был убит прекрасный минер, подорвавший за месяц одиннадцать эшелонов, коммунист Владимир Илларионович Бондаренко. Тяжелейшее ранение получил Кривцов.

Подробностей мы еще не знали. Только от Дружинина, находившегося в селе Березичи, куда привезли раненого, пришла короткая записка о необходимости безотлагательно направить туда Тимофея Константиновича.

Он выехал сразу же вместе с операционной сестрой Анной Зубковой, захватив инструменты и немного медикаментов. До Березичей двадцать пять километров. Когда Гнедаш туда прибыл, молодой его коллега лежал почти без признаков жизни. Осмотр констатировал слепое ранение в живот. К тому же Кривцов потерял очень много крови.

В тесной хате, при свете коптящей керосиновой лампы, временами действуя буквально на ощупь, Тимофей Константинович произвел операцию. Зашита купавшаяся в крови печень. Затампонирован пробитый пулей желудок. Но сохранит ли это Кривцову жизнь?

Ночью Гнедаш не спал, прислушиваясь к слабому, прерывистому дыханию Миши, и все думал, думал о том, как его спасти... Переливание крови? Да, только оно! Влить хотя бы полтораста - двести кубиков. И при самых больших потерях крови организм удерживает, резервирует какую-то ее часть в селезенке. Новая, свежая кровь приведет в движение этот запас, направит его по венам и артериям. Но где взять доноров, аппарат для переливания? Аппаратуры нет ни здесь, ни в госпитале. Переливание было необходимо и тогда, Мышлякевичу... Впрочем, донор не нужен. Он сам даст Михаилу свою кровь, она у него универсальной первой группы, подойдет каждому. Но как перелить? И вдруг в ищущем, напряженном мозгу хирурга мелькнула счастливая мысль.

Едва забрезжил рассвет, Тимофей Константинович разбудил Аню Зубкову, приказал вскипятить воду. Он долго мыл стакан, потом продезинфицировал его размятыми таблетками аспирина.

- Бери, Аня, иглу от шприца. Воткни ее вот сюда! - попросил

Гнедаш, засучив рукав халата и показав на вену.

Сестра волновалась, никак не могла сделать укол. Тогда Тимофей Константинович взял иглу сам и вонзил ее себе в руку. Через канальчик иглы забила тончайшая струя крови, медленно наполняя стакан. "Лишь бы не свернулась! Лишь бы не успела свернуться!" - думал Гнедаш.

- Чем же переливать? - спросила, недоумевая, Аня.

- Шприцем, нашим шприцем...

- Он ведь только двадцатиграммовый!

- А десять раз по двадцать граммов сколько будет?

Десять раз наполняли маленький шприц кровью и столько же раз проталкивали ее в опавшие вены доктора Кривцова. Конечно, примитивно, кустарно! Однако цель была достигнута. Уже через какие-нибудь полчаса к раненому вернулось сознание. У него улучшился пульс.

Несколько дней Кривцова нельзя было перевозить. Тимофей Константинович сделал ему вторую операцию, не отходил от его постели. Состояние Михаила Васильевича понемногу улучшалось.

Все дни до позднего вечера в окна тихо стучались крестьянки:

- Вот принесли вашему раненому яичек, молочка...

А вокруг хаты стояли двадцать партизан-автоматчиков, охраняя ее от налета бандеровцев. В случае надобности я послал бы туда и роту!

Кривцов выжил, он креп, поправлялся... А у Тимофея Константиновича появилась еще одна радость: ведь найден простейший способ переливания крови! Вот уж действительно: не было бы счастья, да несчастье помогло! С помощью шприца в госпитале начали переливать кровь и другим раненым. Подобрали группу доноров из медицинского персонала, они всегда под рукой. Саму технику переливания Гнедаш несколько усовершенствовал. Теперь это делалось с помощью двух полых игл: через одну брали кровь, через другую вливали, а шприцем лишь переносили ее, подключая то к первой игле, то ко второй.

После этого переливание крови стало практиковаться не только в таких критических случаях, как с Кривцовым. Часто переливание производилось и в небольших дозах, чтобы ускорить заживление ран у выздоравливающих.

- Очень эффективный метод! Его широко применяют в армейских госпиталях... А все лучшее, что есть у медицины, надо брать на вооружение и партизанскому госпиталю! - говорил Тимофей Константинович.

Многие наши врачи не решались накладывать на переломанные конечности гипсовые повязки, опасаясь, что позже раны начнут гноиться.

- Не будет этого, если рану хорошо обработать. Мы не имеем права отказываться от гипса! - утверждал Гнедаш.

И он учил наших батальонных медиков, как лучше, правильнее обрабатывать раны, как применять жесткие повязки. Да и многому другому учил. В госпитале стали проводиться научно-практические конференции по наиболее актуальным вопросам, с лекциями, с демонстрацией характерных случаев, с широким обменом мнениями. Очень полезны были такие конференции для врачей-партизан, находившихся во вражеском тылу по два года. Ведь волей-неволей, а люди оторвались от науки, не знали и о многих новейших достижениях практической медицины.

Гнедаш не засиживался в госпитале. Как только выдавались дни, позволявшие обойтись без него, Тимофей Константинович выезжал в батальоны. Он консультировал там врачей, нередко сам оперировал раненых.

Весть о том, что мы имеем замечательного хирурга, быстро достигла соседних партизанских соединений и отрядов. Оттуда стали постоянно обращаться к Тимофею Константиновичу за помощью. Да и лечить своих раненых соседи часто привозили к нам. Но если случай особенно тяжелый, разве раненого повезешь?

Однажды из села Седлище, расположенного в сорока километрах от нашего лагеря, прискакал к нам под вечер командир партизанского отряда Виктор Карасев.

Я уже по его лицу понял, что у соседа стряслась какая-то беда.

- Комиссар наш ранен, - сообщил Карасев. - Шесть дней назад полоснуло пулеметной очередью... Все хуже ему и хуже! Умирает Михаил Иванович...

- Почему же только сейчас явились?

- Эх, не говорите, Алексей Федорович! Зря, конечно, на собственные силы понадеялись... Но, может быть, еще и не поздно! Слыхал, что ваш хирург способен на чудеса.

Вскоре Гнедаш вместе с Карасевым и охраной отправились верхом в путь. Проходит и день, и два, и три - не возвращается Тимофей Константинович. Что такое?! Наконец доставляют его обратно в целости и сохранности.

- Случай тяжелый, а главное - запущенный, - начал рассказывать Гнедаш. - Кстати, и со мной произошел случай не из легких... Я с детства верхом на лошади не сидел, а тут гнали несколько часов что есть мочи. В общем, сам слезть с коня уже не мог, снимать меня пришлось карасевцам... Но дело не в этом! Вхожу к раненому и застаю такую картину. Лежит Михаил Иванович без кровинки в лице, стонет, а слева и справа от него по

пистолету. Один, оказывается, предназначен для врача, если еще больней ему сделает, а другой для себя, чтобы тут же застрелиться...

- Не может этого быть! - вырвалось у меня. - Я хорошо знаю Филоненко...

- Но вы не знаете, Алексей Федорович, что могут сделать с человеком шесть дней непрерывных, все усиливающихся болей! Ну я, конечно, попросил Карасева пистолеты убрать и начал осмотр без особых церемоний. Ранение ужасное! Несколько пуль прострочили комиссару всю нижнюю часть живота. Пробит кишечник, продырявлен мочевой пузырь. Все страшно воспалено. Я до сих пор, откровенно говоря, не понимаю, как не произошло общее заражение! Пришлось резать, шить, латать... Ведь работа у хирургов портновская.

- Как чувствует себя Филоненко?

- Лучше, несравненно лучше. Температура упала, боли утихли... Надеюсь, жить будет! Конечно, надо еще у него побывать. У них есть лишь врач-терапевт, да и то не особенно опытный...

Михаил Иванович Филоненко выжил, вернулся в строй, чувствовал себя превосходно.

Все наши медицинские работники регулярно выезжали в села для амбулаторного приема местных жителей. Выезжал и Гнедаш. Его, как человека нового в этих краях, многое, с чем приходилось сталкиваться, просто поражало. Помню, как-то Тимофеи Константинович сказал мне:

- Два века власти царской и два десятилетия власти панской фактически уже подвели население Волыни к той черте, от которой начинается вымирание. Чего только здесь не увидишь! Наследственный туберкулез, хронические желудочные заболевания, кожные болезни, множество недугов на почве истощения... А дети! Жутко на них смотреть!.. Рахитичные, бледные, опухшие, с тончайшими ногтями... И до чего низок тут уровень санитарной культуры! Всюду грязь, всюду пьют отвратительную болотную воду...

- Разве могла Советская власть за полтора года многое изменить?

- Я понимаю... Медицинское обслуживание только-только стали налаживать. Да ведь беда еще в том, что и при царе, и при панах население приучили избегать врачебной помощи... Вот сегодня оперировал одну старуху в Кухецкой Воле. Гнойное воспаление сумки коленного сустава. Сначала наотрез отказывалась от операции: "Не треба, не треба, пане докторе, ликувати, бо в мэнэ ничим платить!" С трудом растолковали, что

никакой платы не требуется.

- Скажите, доктор, а не лучше ли наиболее сложные операции местным крестьянам производить в госпитале? Класть к нам по два, по три человека...

- Прекрасное дело сделаем! Только приветствую со своей стороны...

И вот в госпитале рядом с партизанами появились "цивильные". Им, как и всякому раненому или больному, доктор Гнедаш уделял много времени и внимания.

При первом знакомстве "цивильные" обычно не верили, что сам Тимофей Константинович из крестьянской, да еще из бедняцкой семьи. И уже в совершенное изумление повергал их тот факт, что этот сын незаможника получил двойное высшее образование: сначала педагогическое, а потом и медицинское.

- А на яки гроши? - спрашивали они.

- Да без грошей! Советская власть даром учила...

Не верилось людям. Верить начали, узнав доктора поближе. Он и говорил с людьми по-простому, по-крестьянски, мог и затянуть вместе с ними старинную песню, мог и выпить за компанию стаканчик самогона.

В одном селе окончательно убедились в крестьянском происхождении Гнедаша после любопытного случая. Как-то наш хирург увидел, что возле хаты молотят цепами хлеб двое мужчин, а с ними и молодая женщина на последнем месяце беременности. Доктор пристыдил мужчин, сказал им, что молодуху надо освободить от такой тяжелой работы.

- А кто за нее цеп возьмет? У нас батраков нет! - сердито ответил пожилой мужчина.

- Да и я могу взять! - пожал плечами Гнедаш.

Он отстранил молодуху, взял цеп и начал орудовать им с настоящей крестьянской сноровкой. Нет, никакой пан так молотить не сможет!

Стоит добавить, что семья освободила молодуху от всех тяжелых работ по хозяйству, что именно Гнедаш принимал у нее первенца, отлично выступив на этот раз в роли акушера, и что нашего доктора теперь считают в этой семье почетным кумом.

Да, был у партизанского соединения великолепный хирург, завел он в госпитале даже такие процедуры, как массажи, ванны и лечебная гимнастика, но это вовсе не значило, что наша медицинская служба не встречала на своем пути ни сучка ни задоринки. С трудностями приходилось встречаться огромными. Специфика работы во вражеском тылу остро давала себя знать. Скажем, в отличие от медиков армейских наши постоянно испытывали недостаток во многом самом необходимом.

Однажды начальник госпитальной аптеки Зелик Абрамович Иосилевич объявил Гнедашу, что у него осталось всего пять килограммов ваты.

- Будем экономить еще строже! - кивнул хирург.

Но как ни экономили, а вата убывала. Самолетов с Большой земли не предвиделось. Что делать? Над неожиданно возникшей "ватной проблемой" ломали голову все. Я всегда почему-то полагал, что самое важное среди перевязочных материалов - это бинты, а уж вату легко чем-нибудь заменить. Оказалось, совсем наоборот. Бинтов можно нарезать из любой материи, начиная от парашютного шелка и кончая суровым домотканым полотном, бинты выдерживают и по нескольку стирок. Вату же, специальную хирургическую вату, не постираешь и ничем не заменишь.

Пробовали наши медики применять, например, конопляные льняные очески. Не годятся! Они не гигроскопичны, то есть не обезжирены, а поэтому не впитывают выделения из ран. Желая помочь беде медиков, я напомнил Гнедашу, что на складе боепитания должна быть вата, которой обертывали хрупкие части сбрасываемого нам на парашютах оружия.

- Спасибо, - улыбнулся Тимофей Константинович. - Упаковочная вата может пригодиться для компрессов, но она тоже не гигроскопична и не впитывает выделений... Тут что-то другое надо найти. Ищем, продолжаем искать!

Мысли хирурга все чаще обращались к окружавшей его природе. В конце концов, все нужное человеку дает природа! И разве уже не выручали партизанских медиков дремучие Волынские леса? Еще как выручали!

Кончилась вилькинсоновская мазь. Чем ее заменить? Выгнали из березы деготь, смешали его с где-то раздобытой, а затем перемолотой неочищенной серой. Получилась отличная серно-дегтярная мазь... Больным необходимы витамины. Откуда их взять? Даем людям пить хвойный настой - опять лес выручил... Снег для приготовления дистиллированной воды - из лесу берем... Ягоды для киселей - из лесу... Сено для матрацев - из лесу... Сено хорошо впитывает влагу, оно гигроскопично, только на рану нельзя класть: ломкое, жесткое... "А если испробовать мох? - подумал Гнедаш. - Стоп! Кажется, нашел!.. Мох - это же тончайшие, нежные нити, сосущие из почвы влагу. Подсушить их, но так, чтобы не ломались, положить в марлевые мешочки..."

Тимофей Константинович вскочил с постели, зашагал по землянке. Неужели нашел? Попробовать обязательно надо. Скорей бы дождаться утра!

Утром несколько медицинских работников отправились в глубину леса. Вырыли из-под снега различные образцы мхов.

Вернувшись в госпиталь, разобрали их по стебельку, разложили сушить. Медсестры принялись сшивать квадратики марли.

И вот марлевый мешочек, набитый подсушенным мохом, положен на рану, прихвачен сверху бинтом. Весь персонал госпиталя с нетерпением ждал следующей перевязки. Всех волновал один вопрос: пропитается или не пропитается?

Через сутки, когда бинт сняли, в палате раздались восторженные голоса:

- Пропитался! Впитывает! Ура!..

Надо заготавливать, перебирать, сушить мох, надо возиться с мешочками, но все это чепуха, работа никого не страшит, важно, что наконец решена труднейшая "ватная проблема".

Событие это было настолько знаменательным, что я зашел в госпиталь поздравить врачей и сестер.

- Скоро мы, вероятно, научимся йод из хвороста выгонять, а хлороформ - из кленовых листьев! - посмеивался Гнедаш. - Пока и мох вместо ваты - великое подспорье... Вот попрактикуемся с неделю-другую, затем созовем научную конференцию. Все расскажем и покажем отрядным врачам, пусть у себя наше открытие вводят... Ваты нигде сейчас нет!

Мы прошлись по палатам, заглянули и на хозяйственный двор. Посреди площадки с плотно утоптанным снегом двое выздоравливающих пилили дрова. Ба! Да ведь один из них - Павел Мышлякевич.

- Трудовая терапия! Руку себе разрабатывает! - объяснил Гнедаш.

- Как жизнь молодая, товарищ Мышлякевич? - спросил я шутливо.

- Спасибо, Алексей Федорович! Живем - хлеб жуем, работаем помаленьку, с людьми разговариваем... А чего еще надо человеку, который, можно сказать, побывал в могиле?!

Сколько вот таких же, чуть ли не записанных в покойники партизан вернул к жизни доктор Гнедаш! 83 процента раненых, прошедших через наш госпиталь, возвратились в строй, около 16 процентов мы отправили долечиваться на Большую землю, и только один процент с небольшим не удалось спасти.

Хороший вклад в боевые дела нашего соединения внесли неиссякаемая энергия доктора Гнедаша, его организаторские способности, врачебный талант.

Мы видели Тимофея Константиновича не только бодрым, веселым, жизнерадостным. Позже его скрутили жесточайшие приступы ревматизма. Гнедаша температурило, ходил он на костылях... Но и опираясь на костыли, мужественно стоял партизанский хирург у операционного стола, помогая раненым

бойцам своим скальпелем.

У нас было много хороших врачей, но я не знаю равного Тимофею Константиновичу. По-моему, коммунист Гнедаш - настоящий рыцарь Красного Креста, благородный и самоотверженный.

ЯРИНИНА МОГИЛА

За железной дорогой Ковель - Брест до пограничного Буга распростерся довольно большой кусок советской земли. Южную его часть составляет Шацкий район, Волынской области. Здесь типичный для украинского Полесья пейзаж. Сосняк и дубовые рощи перемежаются с болотистыми равнинами. Много озер, речек. Отсюда, из-под Шапка, берет начало полноводная Припять.

Во всем районе нет ни одного города. В селах и хуторах живут украинцы, пробывшие без малого двадцать лет под тяжким гнетом панской Польши. Жандарм, помещик, кулак, известные нашим детям лишь по книгам и киноэкрану, были тут в полной силе до 1939 года. Свободно вздохнули шацкие полищуки ненадолго... Война! Граница - рядом. Каковы фашисты, жители района узнали на другой же день после начала войны.

Но вскоре и здесь началось сопротивление врагу. Народная борьба быстро ширилась и была жестокой. Об этом, когда мы пришли в Шацкий район, прежде всего рассказали могилы... Их было много. Могилы местных партизан и могилы фашистов, нашедших смерть от партизанской пули, могилы расстрелянных целыми селениями крестьян и могилы казненных крестьянами предателей.

Шацкие партизаны влились отдельной ротой в 3-й батальон нашего соединения. Они показали нам и Яринину могилу, маленький холмик у края лесной поляны. О Ярине вспоминали с нежностью и болью все, кто ее знал.

Комсомолка Ярина Смоляр заведовала сельским клубом в Кропивниках. Она одной из первых в районе стала партизанкой. Краткая повесть об этой девушке будет повестью и о всех тех, кто поднял оружие против гитлеровцев в Прибужье, на самой западной окраине Советской страны.

Захватив Кропивники, фашисты в тот же день повесили председателя колхоза, а старостой назначили Стодона Гинайло. Он был старостой, или, как тогда называли, солтысом, и при польской буржуазной власти. В те мрачные годы Гинайло выдал охранке нескольких местных коммунистов и комсомольцев, за что понес кару от советского суда. И вот выпущенный из тюрьмы Стодон снова первое для жителей Кропивников начальство.

- Один уже висит! Скоро до всех вас доберемся! - говорил староста, поглядывая на сельских активистов.

Немало кропивнянцев во времена Пилсудского и Рыдз-Смиглы состояло в рядах нелегальных Коммунистической партии и комсомола Западной Украины. Когда же до самого Буга утвердилась Советская власть, они первыми включились в строительство новой жизни. Ничего хорошего не могли ждать для себя от фашистов заместитель председателя колхоза Афанасий Бегас, комсомольский вожак Иван Шепеля, секретарь сельсовета Евгения Боярчук, председатель сельпо Марк Смоляр и его дочка Ярина, коммунист Денис Сухецкий, колхозные передовики братья Рупинец, Николай Козак, Николай Сулим, да и не только они.

Эсэсовцы шныряли по соседним селам, выискивая "красных". И все мрачнее посмеивался верный прислужник оккупантов староста Гинайло.

Тем, кому дорога свобода и кто готов ее отстаивать, надо было уходить в лес, браться за оружие. Вместе с Афанасием Бегасом забрались в непроходимую чащу и вырыли себе землянки первые пятнадцать человек. Но оружия ни у кого не было, а без оружия нет и партизанского отряда. С топором, охотничьей двустволкой, с дубиной на фашиста не пойдешь!

Возникавшие стихийно в наших западных пограничных районах первые антифашистские и партизанские группы оказались в труднейшем положении. Партийные и советские органы не успели создать здесь подполье, заложить базы, расставить людей, как это делалось в районах, лежащих дальше от границы. Однако немало хороших организаторов нашлось среди коммунистов и комсомольцев, оставшихся во вражеском тылу по воле случая. Свято верили люди, что через фронт, через головы захватчиков придет к ним помощь.

- Оружие добывать придется самим, - сказал Афанасий. - Походить, высмотреть, где оно имеется. И не только оружие искать, но и людей боевых. Нет ли по другим селам партизан? Вместе-то действовать способнее.

Начали вести разведку. Ходила по селам, по хуторам и Ярина Смоляр. Эта умная миловидная девушка умела наблюдать, расспрашивать, была настойчива, но и осторожна. Вести она приносила недобрые. Повсюду свирепствуют немцы, полиция, бандеровцы. Кое-куда уже вернулись помещики. Оружие? Поблизости больших боев не было. О том, чтобы люди где-то подбирали винтовки, патроны, ничего не слышно. Вооружены только фашисты да полицаи, ну и бандеровцы тоже. Но разве у них возьмешь?

Однажды Ярина вернулась в лагерь радостная, взволнованная и сразу бросилась к отцу:

- Степана Яковлевича Шковороду видела... Живой-здоровый,

велел тебе кланяться и говорить с тобой хочет.

- Откуда он взялся? Перед самой войной Степан в Киев уехал, вернуться домой не успел...

- А вот теперь объявился! Да разве он станет мне докладывать - как и почему? Хочет, батя, чтобы ты завтра вечером на хутор к деду Семену пришел... "Передай, сказал, что по важному делу".

Местный уроженец коммунист Степан Шковорода до войны работал председателем сельпо в Шацке. Кропивнянский кооператор Марк Смоляр знал его хорошо. Оказалось, что Степана Яковлевича и еще нескольких человек Центральный Комитет Коммунистической партии Украины перебросил через фронт в родные места для организации антифашистского подполья и партизанского отряда. Группа успела кое-что сделать. Подобрала в районе десятка два надежных людей, наладила между ними связь. Выпущена и распространяется по селам первая листовка с призывом к молодежи не верить немецким посулам и не ехать на работы в Германию.

Узнав от Смоляра о кропивнянских активистах, скрывавшихся в лесу, Степан Яковлевич сказал, что вот они-то и станут ядром районного партизанского отряда. Вскоре в лесной лагерь начали прибывать от Шковороды люди, почти все с оружием. Среди них был и окруженец Трофим Глущук. Родом он из соседнего села Гута, комсомолец, при панах работал в подполье, за что сидел в Луцкой тюрьме. Когда Трофим, выбравшись из окружения, пришел домой, немцы схватили его и упрятали в ту же тюрьму. Вскоре Глущуку удалось бежать, после чего он и вступил в ряды народных мстителей.

К марту 1942 года в отряде было уже тридцать человек. Командиром выбрали Степана Шковороду, комиссаром - Глущука.

На первом партизанском собрании Ярина сидела в сторонке, маленькая и незаметная, укутанная по брови в теплый платок. О том, что чувствует сейчас девушка, говорили только ее ясные, широко открытые глаза и учащенное дыхание. Потом Ярина поднялась и вместе со всеми произнесла составленную Трофимом Глущуком клятву на верность Родине, клятву до последней капли крови бороться с лютым врагом.

Вечером мужчины нашили на свои шапки красные ленточки, затем взялись за чистку оружия. Как хотелось Ярине получить винтовку! Но оружия мало, все еще очень мало...

Вскоре в отряд влились несколько красноармейцев, бежавших из плена. Были среди них славные ребята - Александр, Николай, Яшка-Краснодарский, Ванька-Ташкент, которых товарищи именовали так по названиям их родных городов.

Красноармейцы имели немецкие автоматы, небольшие,

удобные карабины, запас гранат.

- Дорогой разжились, - объяснил Ваня-Ташкент. - Надо бы за оружием в Белоруссию послать, рядом ведь она, а там этого добра хватает. После боев мужички много кое-чего понасобирали да попрятали... Для хорошего дела и уступить могут!

Маленькую экспедицию в Белоруссию партизаны направили, но старались добыть оружие и на месте. Отнимали винтовки у лесников, у бандеровцев. Однажды разгромили полицейский участок, где овладели более солидными трофеями. Здесь взяли не только винтовки, но и много патронов, несколько пистолетов и гранат.

Фашистам стало ясно, что в районе действует партизанский отряд. Теперь они поняли, куда ушли внезапно исчезнувшие из Кропивников сельские активисты. Надеясь запугать партизан, оккупанты предприняли акт жестокого, бессмысленного террора. По указке старосты Гинайло были арестованы и в тот же день расстреляны престарелые матери и отцы, малолетние сестры и братья Бегаса, Шепели, Рупинца, Сулима, Зинчука и других партизан.

Партизаны содрогнулись от страшной вести, но никто не смалодушничал. Ненависть к палачам закипела в сердцах еще сильнее. Принесенное из Белоруссии оружие помогло этой священной ненависти стать беспощадной. Все чаще падали у партизанских засад, обагряя землю своей черной кровью, фашисты и подлые их прислужники. Пылали полицейские участки. У немецких интендантов партизаны отбили гурт скота, который те гнали на бойню, разгромили в двух селах маслодельные пункты, работавшие на гитлеровское войско. И еще одна постоянная забота была у шацких партизан: всеми силами мешать врагу забирать на работы в Германию местную молодежь.

Как-то в начале лета разведка донесла, что из Шапка на станцию будут отправлять парней и девчат, мобилизованных фашистами. Сопровождать колонну должны полицейские и сельские старосты, в том числе и кропивнянский Стодон Гинайло.

- Старый знакомый! - сумрачно сказал Бегас и попросил командира разрешить ему возглавить засаду.

К этому времени Ярина Смоляр уже имела винтовку. Смелая девушка была с теми, кто притаился на опушке леса, у самой дороги.

Показалась колонна. Понуро опустив головы, брели юноши и девушки. С обеих сторон колонны шагали полицаи. Впереди ехали на телеге Стодон и еще кто-то из старост.

Колонна все ближе... Но стрелять по конвою нельзя: можно ненароком попасть в ребят. Готовясь к засаде, об этом и не

подумали. Что ж теперь делать?! Решили открыть пальбу в воздух, поднять больше шума, а там, дальше, можно схватиться и врукопашную. Только бы Стодона взять живым!

При первых же выстрелах охрана начала разбегаться. Нырнул в кусты и Гинайло. Догнать подлеца не удалось. Зато партизаны избавили от беды мобилизованных. С десяток хлопцев постарше сразу же вступили в отряд, а остальные разошлись по дальним хуторам, где можно хорошо спрятаться.

- Недолго теперь! Недолго! Скоро наши придут, советские! - кричала им вслед Ярина.

Нет, еще не скоро придут в эти далекие места советские войска. Заканчивался лишь первый, самый тяжелый год войны. Здешним партизанам было особенно трудно, невероятно трудно. Ведь они находились в самом глубоком тылу, у западной советской границы, за полторы тысячи километров от подступившего к волжским берегам фронта.

Это определяло многое.

Партизаны в прифронтовых районах всегда чувствовали поддержку Большой земли. Они помогали фронту, но и сами ощущали помощь с той стороны. Чаще ли, реже ли, но им присылали оружие, боеприпасы, медикаменты, газеты, литературу. Подбрасывали и нужных людей. С отрядами имелась связь по радио. Но чем дальше от линии фронта находились партизаны, тем труднее было оказывать им поддержку.

Шацкий отряд - один из самых дальних. Удалось перебросить к Бугу коммуниста Степана Шковороду и еще двух-трех человек из центра, но снабжать партизан оружием, боеприпасами, литературой, дать им радиостанцию оказалось невозможным.

Но и в этих условиях партизанский отряд не чувствовал себя изолированным, одиноким. Прежде всего на каждом шагу он ощущал народную поддержку. Во многих селах работали подпольные антифашистские группы. И не только эти группы, но и люди, не связанные с подпольем, старались помочь партизанам чем только могли. Кто отдает им из последних запасов мерку крупы и шматок сала. Кто тащит найденную обойму патронов и оброненную немцем гранату. Кто высмотрит, разузнает все, о чем попросят партизаны. Кто надежно спрячет партизанских разведчиков и связных.

Командиру отряда Степану Шковороде часто приходилось самому ходить на связь с местными подпольщиками. Оккупанты знали об этом. Они с ног сбивались, только бы арестовать Шковороду. Слежка, засады, обыски... Особенно ретиво старался помочь гитлеровцам шацкий староста Левон. Не раз доносил он фашистам, что, по самым точным сведениям, Шковорода должен

быть сегодня там-то и там-то... Но очередной обыск ничего не давал. Крестьяне успевали предупредить партизанского командира, помогали ему скрыться. Доносчик оправдывался, разводил руками... В конце концов фашисты решили, что Левон их обманывает, и сами же его повесили. Туда негодяю и дорога!

Боевой дух шацких партизан всегда поддерживала несокрушимая вера в конечную победу советского народа над фашистской Германией. Они не слышали здесь московского радио, не читали советских газет, до них доносился только лживый голос вражеской пропаганды, и все-таки они твердо верили, что правое дело победит, и продолжали служить этому делу.

Партизаны Шацкого района, действуя у самых истоков Припяти, как и партизаны тех больших отрядов, которые воевали где-нибудь у со низовьев, возле Днепра, прекрасно понимали, что народная борьба во вражеском тылу помогает Красной Армии, фронту. Уничтожили фашиста - помощь, не дали немцам угнать крестьянский скот - тоже помощь, подожгли полицейский участок - и этим как-то помогли... По им хотелось помогать фронтовикам и более непосредственно.

Мимо леса, в котором скрывались шацкие партизаны, стучали и стучали колесами бесконечные поезда, идущие на восток. Они везли новые пушки и танки, новые полки и дивизии, брошенные Гитлером против советских солдат. Остановить вражеский эшелон, подорвать его - вот это и будет самая непосредственная, самая боевая помощь фронту.

Отряд решил взяться за диверсионную работу на железной дороге. Первая самодельная мина представляла собой маленький кособокий ящичек с положенной в него гранатой, которую присыпали сверху толом. К ящику тянулся бикфордов шнур. Где удалось этот шнур раздобыть? Шнуром снабдил немец. Факт примечательный! Нашелся в шацком гарнизоне немец-антифашист, немало помогавший партизанам.

Взорвать мину с помощью бикфордова шнура под быстро идущим эшелоном дело довольно сложное. Время горения шнура надо точно согласовать со скоростью приближающегося поезда. Мину поставили на подходах к станции Заболотье. Операцией руководил Трофим Глущук. По его сигналу к шнуру поднесли спичку... Расчет оказался верным. Мина взорвалась под третьим вагоном, но поезд продолжал двигаться вперед. Потом уже поняли партизаны, что ставить мину надо не между шпал, а под шпалы и не посредине колеи, а поближе к рельсу. Да и заряд был слабоватым.

Неудача не столько огорчила, сколько разозлила партизан.

Ладно, с миной пока не вышло, так будем крепче бить фашистов при всяком другом удобном случае, решили они. А нового случая долго ждать не пришлось.

В начале июня три немецких грузовика везли награбленное у крестьян добро. Возле леса у села Вилыця их встретили дружные выстрелы партизанской засады. Одна машина, резко прибавив скорость, успела уйти, но у двух были пробиты моторы, и они остановились. Завязался бой с охраной. На месте полегли четверо фашистских солдат и восемь полицаев. Оружие и обмундирование убитых партизаны забрали себе, а все награбленное оккупантами вернули хозяевам. Обе поврежденные машины тут же сожгли.

Действия партизан встревожили гитлеровцев. Совсем недавно партизаны пытались взорвать воинский эшелон, а вот теперь нападение среди бела дня на автоколонну! Фашисты решили обезопасить себя на будущее своим излюбленным методом - террором. В село Вилыця примчалось несколько бронетранспортеров. Крестьянские хаты эсэсовцы предали огню, девяносто жителей расстреляли.

Затем каратели решили прочесать ближайшие леса. На помощь фашисты мобилизовали полицию со всей округи. Как только полицаи потянулись на сборный пункт, Степан Шковорода понял, что готовится облава. Отряд срочно перебазировался в другое место, километров за пятьдесят от Кропивников.

Там было спокойней, однако всех интересовало, что делается в родных селах. Убрались ли эсэсовцы? Нет ли новых жертв их бесчинств? Уцелел ли постоянный лагерь отряда?.. На разведку в район Кропивников послали двух комсомолок - Ярину Смоляр и Пашу Шепелю.

С корзинками, полными земляники, - как будто только за ней и ходили в лес! - шли девушки по знакомой тропинке. До села оставалось совсем уже немного... Вот-вот проглянут из-за деревьев крайние хаты! Неожиданно раздался окрик на чужом языке, лязгнули затворы винтовок.

Как и предусматривалось на такой случай, Ярина и Паша бросились в разные стороны. Вслед загремели выстрелы. Паша успела исчезнуть в зарослях орешника, Ярина упала, раненная разрывной пулей.

Через несколько минут она увидела направленные на нее винтовочные дула, услышала голос немца:

- Кто ты есть?

Ярина молчала... Из-за спины фашиста выдвинулась долговязая фигура местного подкулачника Александра Кропивника.

- Так це ж партизанка, - сказал предатель. - И батько и маты ей теж партизаны!

Ярину долго мучили, пытали, требуя сказать, где находится

отряд, далеко ли до него. Девушка продолжала молчать. Фашисты поняли, что им ничего не добиться. И тогда пистолетная пуля оборвала жизнь комсомолки.

Вторая разведчица вернулась в отряд. Промокшую, оборванную, изнемогавшую от усталости Пашу окружили партизаны. Сквозь слезы она рассказала о гибели Ярины. Забилась в рыданиях мать, тяжко вздохнул и отвернулся отец, потемнели глаза боевых друзей отважной девушки.

День, ночь и еще день искали партизаны тело Ярины, а когда наконец нашли, с почестями похоронили ее у самого края лесной поляны. Немногословна была партизанская клятва над свежей могилой, суровая клятва мстить.

И первым должен пасть тот, кто предал.

Ночью в село пробрались несколько партизан. Среди них - женщина с еще не просохшими от слез глазами, с лицом, на которое совсем недавно легли новые морщины. Звали ее Акулиной Ивановной Смоляр, это была мать, потерявшая свою единственную дочь. Вместе с мужчинами вошла она в хату предателя.

Увидев партизан, Александр Кропивник рухнул на колени и начал оправдываться.

- Молчи, продажная душа! - сказала Акулина Ивановна. - Для изменников и трусов нет прощения.

Она оттолкнула от своих ног мерзавца... В хате прозвучал выстрел.

С предателем рассчитались. Но еще за многое должны были ответить фашисты вместе со своими прислужниками.

Партизаны снова принялись мастерить мину. Теперь взяли крупный артиллерийский снаряд и осторожно вывинтили головку. Снаряд зарыли у самого рельса, вместо взрывателя приспособили немецкую гранату. Оставалось протянуть к гранате длинную веревку и дернуть ее в нужный момент.

Но вот этой-то самой простой веревки и не было.

Тогда партизаны взглянули на свои ноги. Почти все носили постолы самодельную обувь из грубой сыромятной кожи. Поддерживает постол тонкий сыромятный ремешок, оплетающий голень.

Десять человек разулись. Двадцать ремешков связали в один, протянув его к мине.

На этот раз эшелон был подорван. Он шел на запад и вез награбленную фашистами украинскую пшеницу. Не довез!

Теперь, как только партизанам удавалось найти снаряд или раздобыть тол, они шли подрывать вражеские поезда. Длинную веревку по-прежнему заменяли связанные ремешки. В музей бы,

под стекло, эти ремни от древней крестьянской обуви! Хорошо помогали они полищукам громить незваных "освободителей"!

После каждой удачной операции, рассказывая о ней в лагере, бойцы обычно добавляли:

- Ото за Ярину! Ото за твою дочку, Кулина Ивановна!..

Немало партизан и подпольщиков погибло от руки фашистов, но чаще всего в отряде вспоминали Ярину. Не потому ли, что она погибла одной из первых?! А возможно, светлый образ этой девушки стал собирательным, вместил в себя память о многих.

Ярину не только вспоминали. Ее стойкость, ее верность Родине были для партизан неумирающим примером. Однажды в лапы рыскавших по лесу карателей попал отрядный разведчик комсомолец Николай Сулим. Скрутив юноше руки и взявшись за длинный конец веревки, фашисты приказали своему пленнику вести их к партизанскому лагерю.

- Проведешь, оставим в живых. Понял?..

Николай все понял, обдумал, решил. Он повел карателей в самую гущу леса, увлек к далеким от лагеря болотам и потом долго еще мытарил их по зыбким тропам и зарослям камыша. Наконец гитлеровцы догадались, что обмануты. Комсомольца подтащили к одинокому дереву и, развязав ему руки, сделали из веревки петлю.

- Проведешь к лагерю? Спрашиваем в последний раз!

Николай Сулим даже не ответил...

Чем активнее действовал отряд, тем больше злобствовали фашисты. Облавы следовали одна за другой. Непрерывные схватки с карателями изматывали партизанские силы. Степан Шковорода решил вести отряд на север, чтобы присоединиться там к белорусским партизанам. В Шацких лесах оставили только небольшой, надежно укрытый лагерь с небоеспособными людьми.

Отряд двинулся в сторону Белоруссии. В боевом строю шли семьдесят хорошо вооруженных лесных солдат, жаждущих сделать по пути как можно больше.

Первый привал устроили на хуторе Барилово. Тут предстояло обзавестись обозом. Кто поможет в таком деле? Кто скажет, где прячут фашистские подпевалы лошадей, сбрую, повозки? К кому же еще обратиться, как не к дядьке Головию!

Жил в Барилове крепкий, суровый с виду, пожилой хуторянин Георгий Иванович Головий, бывший матрос. Да еще какой матрос! Имя его корабля знает всякий. В 1915 году, после призыва на военную службу, определили Головия артиллеристом на крейсер "Аврора".

Молодой волынский крестьянин быстро нашел общий язык с революционно настроенными моряками, узнал от них о

программе большевистской партии. Ленинские лозунги были ему по душе, как и почти каждому из матросов "Авроры". Недаром уже через год экипаж крейсера был объявлен "неблагонадежным", "зараженным духом большевизма" и полностью расформирован.

Часть моряков-авроровцев, в том числе и Головия, направили на остров Роуссар, у берегов Финляндии, строить оборонительные сооружения. Но и отсюда поддерживали авроровцы связь с революционными организациями Кронштадта и Петрограда.

После Февральской революции на одном из митингов услышал Георгий Головий выступление Ленина. Многое определила в судьбе волынца мудрая речь Ильича. Окончательно понял и решил Головин, что и мыслями и делами своими он всегда будет с большевиками.

Летом 1917 года Головий вместе с другими моряками с острова Роуссар подписал протест против приказа Временного правительства арестовать Ленина. В ночь на 25 октября Головий был в матросском карауле, охранявшем штаб революционного восстания - Смольный, где в это время находился Владимир Ильич. Социалистическая революция победила! И еще не один месяц защищал Головий с винтовкой в руках первые ее завоевания.

В 1918 году, после демобилизации, матрос вернулся в родные места. Волынь уже прибирало к рукам польское панство. Не очень-то понравилось властям, что явился из Петрограда "большевистский агитатор", смущающий крестьян своими рассказами о революции, о Советской власти, о Ленине... Полевая польская жандармерия заочно приговорила Головия к расстрелу.

Его разыскали и явились, чтобы выполнить приговор. Арестованный Головий, растолкав стражников, бежал в лес. Два года скрывался Георгий Иванович то в лесу, то по хуторам у знакомых. После окончания гражданской войны заочный приговор жандармерии был аннулирован в силу амнистии, но Головий предстал перед обычным судом. Нет, ему не простили агитацию за Ленина, за Советскую власть! Вынесли новый приговор: штраф в 1500 злотых и лишение права голоса.

Что ж, Георгий Иванович не участвовал в комедии буржуазных выборов, чему был только рад, но голос его, голос моряка-революционера, продолжали слушать многие. Нередко в хате Головия тайком собирались односельчане, особенно молодежь. Головий связался с подпольщиками - членами КПЗУ, выполнял их поручения.

Когда на Волыни утвердилась Советская власть, Ярина Смоляр пригласила Георгия Ивановича в клуб. Теперь уже не

оглядываясь, никого не опасаясь, слушали кропивнянцы воспоминания своего земляка об историческом выстреле с "Авроры", о матросском карауле у Смольного, о Владимире Ильиче, о революционном Петрограде.

Георгий Иванович помогал делить помещичьи земли, участвовал в организации первых колхозов... Нагрянула война, явились оккупанты. Уже пожилой, седеющий Головий не сошел с пути, указанного Лениным.

В хате Головия встречались партизаны, подпольщики, часто находили здесь надежный приют Степан Шковорода и Трофим Глущук. Не раз Георгий Иванович служил для партизан хорошим проводником, нередко снабжал их разведывательными сведениями... Помог он и сейчас в организации обоза. Не только указал, где прячут фашистские прихвостни лошадей, телеги, но и отдал партизанам своего коня и возок, нагруженный продуктами, фуражом.

Обоз-то обозом, но много значило для бойцов партизанского отряда просто взглянуть на матроса с "Авроры", поговорить с ним, пожать его большую сильную руку с чуть заметным рисунком якорька под огрубевшей кожей.

- Счастливо, хлопцы! С курса не сбиваться! Воевать вам храбро, по-матросски! - сказал, прощаясь, Георгий Иванович.

Партизаны тронулись дальше на север. Поскрипывание колес и цокот подков примешивались теперь к мерному звуку шагов.

Двигались с боями. В селе Гута отряд, обратив в бегство полицаев, разгромил маслодельный пункт и принадлежавшую какому-то новоявленному коммерсанту лавку. В селе Тур партизаны обезоружили полицию, сожгли волостное управление и контору лесничества, разбили молочарню. У деревни Горнилы удалось с помощью местных крестьян уничтожить три километра телеграфной линии, связывающей Ковель с Брестом, уничтожить начисто спилили столбы, порвали и растащили далеко по сторонам провода.

В селе Кортелисы не оказалось ни полицейских, ни комендатуры, не было даже старосты. Жители объяснили, что накануне через село прошел с боем другой партизанский отряд, направляясь тоже в сторону Белоруссии. Через день этот отряд догнали. Командовал им бежавший из фашистского плена военный инженер по имени Борис. Отряды слились в один, после чего рейд на север продолжался.

Партизаны двигались лесом. Почти рядом тянулась светлая лента шоссе, по которому шли в обе стороны машины.

- Не мешало бы подшибить одну-другую... А что, если устроить засаду? - предложил Шковорода.

- Вечером так и сделаем, - согласился Борис.

Высланная засада подбила два немецких грузовика и легковой автомобиль. Грузовики везли новенькое солдатское обмундирование и обувь. Эти трофеи были очень кстати. В сумке же ехавшего в легковой машине офицера нашли приказ немецких властей относительно заготовок для Германии хлеба в оккупированных областях. "В случае противодействия населения не останавливаться ни перед чем", - гласили последние строки.

- Понятно! - сквозь зубы сказал Глущук. - Только и нас теперь уже ничем не остановишь!

До Белоруссии было теперь немного, как говорится, рукой подать, но маршрут рейда пролегал не строго на север, а на северо-восток, в направлении Пинских лесов. Там, по слухам, действовало несколько крупных партизанских отрядов.

Тем временем гитлеровцы, встревоженные операциями партизан Шковороды и Бориса, бросились преследовать их довольно значительными силами. Партизаны были вынуждены занять оборону на небольшом островке среди непроходимых болот. К островку тянулась лишь узкая полоска твердой земли. На этом перешейке и начались атаки фашистов.

Партизаны держались стойко. Пулеметный огонь косил атакующих. В конце концов гитлеровцы решили взять партизан измором, блокировать островок, для чего перекрыли заслонами перешеек и все тропы, ведущие к болоту. Но этим они лишь рассредоточили свои силы. Ночью объединенный отряд вырвался из кольца в самом неожиданном для карателей месте. Потери отряда - двое убитых, несколько раненых и брошенный обоз. Гитлеровцам же их бесплодные атаки обошлись намного дороже. Семьдесят фашистов отправились в могилу, а больше сотни - в госпиталь.

Еще после одного-двух переходов на отряд повеяло влажным дыханием Пинских лесов. Вот она, Белоруссия, героическая, непокоренная, как и ее родная сестра Украина! Партизаны здесь отважно действовали по всей республике, не давая житья оккупантам. И вот теперь рядом с белорусами, плечом к плечу с ними, начали сражаться волынцы. Враг-то ведь общий, цели общие.

Вскоре гитлеровцы предприняли очередную карательную экспедицию силами больших контингентов войск и полиции. Для партизан наступили особенно тяжелые дни. Но как ни трудно было партизанам местным, а пришедшим с Украины приходилось гораздо труднее: леса незнакомые, связей в ближайших селах нет.

- Ошибку допустили... Не следовало уходить из родных мест! задумчиво произнес однажды Шковорода. - Да и плохо мы

сделали, оставив Шацкий район без партизанского отряда. Возвращаться туда надо к зиме... Вот через месяц-другой и тронуться бы.

Многие с ним согласились. И Шковорода тут же отправил обратно в Шацкие леса Трофима Глущука, Семена Рупинца и Николая Козака. Пусть пока запасают к зиме продовольствие, теплую одежду, восстанавливают связи с подпольщиками.

Обходя стороной села, двигаясь только по ночам, пробралась отважная тройка в район Кропивников. Вот и Яринина могила, зеленеющая маленьким неприметным холмиком! Вот и старый лагерь, знакомые землянки!..

Глущук и его товарищи быстро принялись за дело. Они рассчитывали, что к октябрю вернется весь отряд, но по первому снегу пришло лишь двенадцать человек во главе с Иваном Подои, по прозвищу Ташкент.

- Где остальные? Где Степан Яковлевич? - спросил Глущук.

- Погиб Шковорода, был тяжело ранен, через день умер... Вечная ему память! - ответил, вздохнув, Иван и стал неторопливо рассказывать дальше: - Повоевать выдалось нам немало, трудно приходилось... Командовал отрядом Борис. И представь, подлецом оказался, трусом! Отобрал вот нас, двенадцать, всех, кто покрепче и лучше вооружен, да и говорит: "Вот со мной останетесь на зиму, а остальные могут идти кто куда хочет... Иначе всем гибель!" В общем, объявил до весны перерыв партизанской войне, а для собственной персоны хотел оставить охрану...

- Да расстрелять бы такую гадину! - вскипел Глущук.

- Я так и сделал... Вот из этого автомата, - спокойно сказал Иван Пода.

После казни паникера часть людей передали в одно из белорусских соединений, а группа Ивана отправилась в Шацкий район.

- Правильно сделали, - похвалил Глущук. - Людьми быстро обрастем, было бы вокруг чего обрастать... А дел тут хватит!

И верно, люди шли в отряд, и дел у него хватало. Снова связались партизаны с Георгием Ивановичем Головием. Жена бывшего матроса Татьяна Евтуховна пекла для отряда хлеб, обстирывала бойцов. Но вот однажды явился Головин в лагерь со всем семейством и сказал:

- Ну, хлопцы, погорела ваша прачечная и хлебопекарня!

- Что значит - погорела?

- Очень просто. Спалили мою хату немцы! Кто-то донес... Сами едва спаслись!

Так стал Георгий Иванович партизаном.

Зима 1943 года была нелегкой: каратели нажимали, с боеприпасами туго, голодать приходилось. Не раз вечерами у огонька пели бойцы сложенную ими самими же песню:

Под сенью деревьев у леса густого,
Укрытая снегом, могила стоит,
Стоит, ожидает, когда к ней с ветрами,
Как птица, весна прилетит.
И вот уже песни весну прославляют,
И начало солнце сиять,
Но ты одиноко в могиле, Ярина,
Вечно тут будешь лежать.
Тебя хоронили отец твой и мама
И все боевые друзья,
Ты пала от пули проклятого ката...
Будь пухом Ярине, родная земля!

Пролетела весна, подошло лето, и как раз в эту пору закончили свой рейд у берегов Буга черниговские партизаны.

Наш 3-й батальон занял наполовину сожженные гитлеровцами, почти обезлюдевшие Кропивники. В один из дворов, где партизаны распрягали коней, заглянула остроглазая ладненькая дивчинка. Прислушавшись к разговорам, она вдруг не то всхлипнула, не то радостно засмеялась и, круто повернувшись, со всех ног побежала к лесу.

Не прошло и часа, как в село вступил местный партизанский отряд, небольшой, но крепко сколоченный, дисциплинированный, боевой. Мы с радостью влили его в наш 3-й батальон в качестве еще одной роты. Много хорошего рассказывали мне об этой роте командир батальона Петр Андреевич Марков и комиссар Сергей Алексеевич Лозбень.

Знакомясь с бойцами нового пополнения, беседуя с ними, опять возвращался я к мыслям, возникавшим уже не раз. Я думал о единстве украинского народа, проявившемся с особенной силой в эту грозную военную пору.

Вот передо мной те украинцы, которых мы иногда называли "западниками". Да, родиться им действительно пришлось географически гораздо западнее, чем полтавчанам или черниговцам, киевлянам или херсонцам. Польское панство, по-воровски захватив западноукраинские земли, пыталось отнять у местных украинцев их национальную культуру, их язык, их обычаи, внушить этим людям неприязнь, даже вражду к украинцам, живущим в Советском Союзе. Ничего не получилось! Украинцы западных областей тянулись к своему народу, душой и сердцем оставались с ним. И какими радостными, полными ликования были здесь исторические дни 1939 года, когда наконец

произошло объединение, когда "западники" вернулись в родную семью!

Но вот началась война, пришли немцы и стали внушать волынцам и полищукам, что они, собственно, не столько украинцы, сколько... арийцы, что им не по пути с украинцами, живущими ближе к Днепру. Вынырнули на поверхность бандеровцы, мельниковцы, бульбовцы, зашевелилась прочая националистическая погань. Эти запели о "соборной Украине", но опять-таки натравливали украинцев из западных областей на своих братьев из центральных районов республики, на великий русский народ, на все советские народы. И снова полнейший провал!

Война показала, что есть единый монолитный украинский народ. Он в дружбе и братстве со всеми, кто живет под советской звездой. С первых же дней оккупации украинцы западных областей, как и все советские люди, взялись за оружие, отстаивая свою Советскую Родину. В условиях подчас более трудных, чем на левобережье Днепра, они боролись смело, самоотверженно. Говорили об этом и славные боевые дела шацкого партизанского отряда. Свидетельством этому и Яринина могила, как и могилы многих других советских патриотов.

Теперь в нашем соединении стояли в одних рядах не только "восточники" и "западники", но и люди почти тридцати национальностей. На новую роту 3-го батальона жаловаться не приходилось. Боевая рота! Командовал ею Иван Пода, одним из взводных командиров стал Трофим Глущук, ротную разведку возглавил Афанасий Бегас... Да и любой местный партизан был незаменимым разведчиком, самым надежным проводником.

Снова начали выходить уроженцы Шапка и Кропивников, Гуты и Заболотья к железной дороге. Однако теперь крушили они фашистские эшелоны уже не самодельными минами, протянув к ним ремешки от постолов, а новейшими МЗД с электрохимическими взрывателями.

Еще недавно районный центр с его немецким гарнизоном, комендатурой и полицией казался местному партизанскому отряду неприступной крепостью. А вот теперь наш 3-й батальон, когда это понадобилось, овладел Шацком с ходу и занимал его сколько хотел. Провели там митинг, раздали жителям муку, жиры, соль и керосин, отбитые у немцев. Изловленные партизанами пособники оккупантов предстали перед народом в ожидании кары. Среди них оказался и кропивнянский староста Стодон Гинайло. По его доносам фашисты казнили семь партизан и советских активистов. При участии этой гадины только в Кропивниках убито 167 мирных жителей. Гинайло не ушел от

возмездия.

Опять наступила зима. Кружит она поземками, потрескивает морозами, завывает ветрами, а то вдруг захлюпает очередной оттепелью... Но при любой погоде идут партизаны на очередную операцию. Много боевой работы и у нашего 3-го батальона, расположенного западнее всех остальных. Значит, не сидят сложа руки и воины его новой, местного комплектования, роты.

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Мне принесли маленький плотный листок бумаги с красиво отпечатанным в нашей типографии текстом:

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ

Партизану тов. ФЕДОРОВУ А. Ф.

Командование 1-го батальона соединения Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова приглашает Вас принять участие во встрече Нового, 1944 года, которая состоится на территории 1-го батальона.

Начало гулянья 31 декабря в 21 час.

Командование батальона

Такие же приглашения получили Дружинин и несколько работников штаба. 1-й батальон недавно отвели от железной дороги на отдых, теперь он находился по соседству.

Встречать Новый год в лагере Балицкого готовились с большим размахом. Рассказывали, что там уже разукрашена елка, сколочена эстрада для выступления художественной самодеятельности, а в меню новогоднего ужина включен какой-то сюрприз. Судя по печатному пригласительному билету, Балицкий даже в мелочах решил блеснуть... Знай, дескать, наших! Впрочем, в этом я не видел ничего плохого. Пусть и мелочи напоминают людям о наших успехах - ведь два предыдущих военных года начинались совсем в иной обстановке.

1942 год штаб отряда, тогда еще не соединения, а одного лишь партизанского отряда, встретил на хуторе Ласточка, Корюковского района, Черниговской области. Мы радовались разгрому немцев под Москвой. После скромного ужина партизаны решили ознаменовать приход Нового года налетом на ближайший полицейский гарнизон. Мы ворвались в село Хоромное, перебили там фашистскую челядь. Операция по тем временам казалась солидной.

1943 год встречали в Клетнянских лесах, на юге Брянской области. Первую чарку подняли за успехи Красной Армии на Волге и на Дону. Хотя отряд уже разросся в крупное соединение, приходилось нам тогда туго, очень туго. Гитлеровцы собрали большие полицейские силы, вызвали армейские части и окружили плотным кольцом лесной массив. Вокруг наших и соседних

отрядов сжималась петля блокады. Положение было тяжелым.

Но вот подошел год 1944-й. Теперь не нас блокирует враг, а мы блокируем важный узел вражеских коммуникаций. И находимся мы далеко и от Брянских, и от Черниговских лесов - у западной границы Советского Союза. Идет освобождение от захватчиков правобережной Украины. И фронт уже совсем близко от нас - у Житомира.

Близость фронта заставила внести некоторые коррективы в программу подготовленного 1-м батальоном праздника. Гулянье там собирались начать с девяти вечера при свете костров. Нет, так не годится! Ведь по ночам все время гудят над лесом идущие к фронту и обратно немецкие самолеты. Костры помогли бы вражеским летчикам обнаружить партизанский лагерь. Нет, ни осколочных, ни фугасных подарков с небес нам не надо!

Гулянье в батальоне решили перенести на утро 1 января, а встречу Нового года проводить в землянках, соблюдая все правила противовоздушной маскировки.

Последний вечер старого года выдался тихим, хорошим, и мы отправились к лагерю Балицкого пешком. Приятно похрустывал под ногами снежок. Темные вершины сосен и елей подпирали мерцающее далекими звездами небо.

- Где-то будем встречать сорок пятый? - задумчиво спросил Дружинин.

- В Берлине! - откликнулся Рванов.

- А может, и дома! - уронил Кудинов.

Конечно, только дальнейший ход войны мог дать точный ответ на заданный Владимиром Николаевичем вопрос. Но одно мы знали твердо, в одном были уверены: к сорок пятому придем с победами, еще более славными, чем нынешние.

У своей штабной землянки встретил нас Григорий Васильевич Балицкий. Одет он был в прекрасно сидевшую на нем офицерскую форму, на плечах майорские погоны, на груди - Золотая Звезда, ордена. Видно, что Балицкий недавно побрился, подстриг свои щегольские усики а-ля Котовский. Он благоухает одеколоном... Год назад Балицкий ходил в засаленной стеганке, в нахлобученной на лоб кубанке, а пахло от него лишь дымом костров.

Григорию Васильевичу 37 лет. Родился он на Одесщине в семье батрака, у которого было одиннадцать душ детей. В школу Гриша ходил всего один год. Затем мальчику пришлось бросить букварь и взять в руки пастуший кнут, батрачить, как и отец, на кулаков, помещиков. Лишь в 1929 году, уже работая столяром на одном из мариупольских заводов, Балицкий окончил школу ликбеза. В 1932 году стал членом партии. Он продолжал учиться

и учился жадно, много, наверстывая упущенное в годы детства и юности.

Перед войной Балицкий работал в Черниговском обкоме партии. Когда началась война и обком готовил подполье, на Балицкого возложили все, что касалось паролей, организации явочных квартир. Он же закладывал в тайники ценности для нужд подпольщиков. Правда, этот фонд нам не понадобился и после войны был возвращен государству, причем со значительными процентами за счет трофеев.

С первых месяцев партизанской войны Балицкий показал себя отличным организатором, талантливым командиром, человеком большой личной отваги. Но Григорий Васильевич не был лишен и досадных недостатков, идущих, как мне кажется, в первую очередь от неуравновешенности его характера. Смелость иной раз переходила у Балицкого в опрометчивость, решительность - в самонадеянность. Иногда он был способен увлечься какой-нибудь одной стороной дела в ущерб целому. По натуре покладистый, скромный, он мог вдруг удивить всех вспышками упрямства и заносчивости.

Подпольному обкому приходилось не раз поправлять Балицкого. И тут всегда проявлялась самая ценная сторона характера Григория Васильевича, за которую я больше всего уважаю его и люблю. Балицкий всегда был дисциплинированным коммунистом, старался разобраться в своих ошибках, осознать их, исправить.

В сентябре на заседании обкома у нас произошел очень серьезный разговор. Балицкому указали, что он недооценивает новую подрывную технику, что в зоне его батальона еще мало создано подпольных партийных организаций. После первых же критических выступлений Григорий Васильевич, по своему обыкновению, взвился на дыбки, поднял руку, требуя слова для каких-то всеобъясняющих справок. Я слова ему не дал и порекомендовал послушать других. И Балицкий скоро убедился, что многое в его работе оценивают отрицательно не только Федоров и Дружинин, но и все члены обкома, и не одни члены обкома, а большинство наших командиров-коммунистов, приглашенных на это заседание. Балицкий присмирел, задумался... Потом он выступил и заявил, что указания партии для него закон, что ошибки будут исправлены.

Однако выступить с покаянной речью - это проще всего. Важно, как поведет себя человек дальше. А Балицкий прямо с заседания обкома отправился на узел связи и послал своим заместителям шифровку с приказами, отражающими только что принятое обкомом решение. Вернувшись к себе, Григорий

Васильевич многое сделал и для лучшего использования мин замедленного действия, и для расширения подпольной партийной сети. Вместе с новым комиссаром батальона Акимом Захаровичем Михайловым он быстро выправил положение.

Таков был наш комбат-1, Герой Советского Союза Григорий Балицкий, человек сложный, своеобразный, к которому мы пришли сейчас в гости.

- Добро пожаловать! Милости просим к нашему партизанскому огоньку! говорил Балицкий, распахивая перед нами дверь хаты-землянки.

В данном случае роль партизанского огонька выполняли несколько электрических лампочек, ярко сиявших над уже накрытым столом. В углу разукрашенная елка. По стенам гирлянды из елочных веток образуют две цифры - 1944 и 100.

Значение второй цифры понятно каждому из нас не меньше, чем значение первой: ровно сто вражеских эшелонов подорвал на Волыни 1-й батальон. До чего же приятна такая круглая цифра к Новому году! И не мешало лишний раз представить себе, что за нею скрывалось. Целые парки исковерканных паровозов и вагонов! Горы военной техники врага, приведенной в полную негодность! Обширные кладбища не доехавших до фронта гитлеровских солдат и офицеров! Огромное количество боеприпасов, обмундирования, продовольствия, которых так и не получили немецкие войска! Есть и еще нечто очень весомое за этой круглой цифрой, подкрепленное боевыми делами других наших батальонов: почти полный выход из строя всех дорог Ковельского узла.

- Прошу к столу, товарищи! Рассаживайтесь! - приглашает Балицкий.

- Подожди, Гриша, дай со старыми друзьями поздороваться, - говорю я. - Тут у тебя по-прежнему черниговское засилье!

Пожимаю руки начальнику штаба Ивану Решедько и чекисту Василию Зубко. Оба они из Малодевицкого района, Черниговской области. Однако черниговцами мы называем партизан не только по месту рождения или прежней работы, но и по месту вступления в наши отряды. Вот командир батальонной разведки сероглазый розовощекий Павел Ганжа. Он уроженец Орловщины, но для нас Ганжа - черниговец, потому что пришел к нам где-то под Корюковкой или Щорсом. Считаем мы черниговцем и секретаря партбюро Семена Газинского, хотя родился он в Киеве. Новый комиссар батальона Аким Михайлов - сибиряк, но для всех нас он еще и черниговец. От его высокой подтянутой фигуры и простого русского лица с зоркими внимательными глазами веет спокойствием, силой. Михайлов - старый коммунист, опытный

партийный работник, честный, принципиальный, волевой человек. У Центрального Комитета Коммунистической партии Украины были все основания утвердить Акима Захаровича членом нашего подпольного обкома партии.

Начал Михайлов свой партизанский путь в одном из отрядов Александра Николаевича Сабурова. В конце лета 1942 года сабуровцы действовали на правом берегу Десны, а мы на левом. Возникла мысль о слиянии наших соединений. Александр Николаевич прислал ко мне для связи небольшой отряд, возглавляемый Федором Тарасенко и Акимом Михайловым.

Обстановка не позволила черниговцам перейти на правобережье Десны. Мы остались на старых местах, а с нами остался и отрядик Тарасенко Михайлова, разумеется с разрешения Сабурова. Постепенно отряд этот вырос и превратился в наш 11-й батальон. Командир Тарасенко и комиссар Михайлов хорошо дополняли друг друга. 11-й стал одним из наших самых боевых подразделений. Я уверен, что Аким Захарович принесет много пользы и 1-му батальону, успешно заменит здесь Кременицкого, ворочающего теперь делами в польской бригаде.

- Ну как, ладите с Григорием? - тихо спрашиваю я, здороваясь с Михайловым. - Уж больно характеры у вас разные...

- Все в порядке, - отвечает комиссар, сдержанно улыбаясь. - Характеры разные, но ведь цели одни. Вот взаимодействие и налажено!

Рассаживаемся за столом у вспыхнувшей разноцветными огоньками новогодней елки. Стол богатый - домашние украинские колбасы, холодец, заливной поросенок, всевозможные консервы, из тех, что не доехали до немецких складов. Умеют угостить в 1-м батальоне! Впрочем, гвоздь кулинарной программы еще впереди.

За шутками, разговорами время незаметно подошло к последним минутам уходящего года. Из репродуктора донесся знакомый голос Левитана, объявивший о выступлении Михаила Ивановича Калинина.

В своей новогодней речи всесоюзный староста обращается ко всему советскому народу, обращается к фронтовикам и к тем, кто сражается за линией фронта, во вражеском тылу. Он говорит об успехах Красной Армии, о героических усилиях всех советских людей, помогающих добиваться победы над врагом, выражает надежду, что фашисты будут полностью разгромлены в наступающем 1944 году.

Величаво звучит далекий перезвон московских курантов, далекий, но и, как всегда, близкий. Каждый думает: "Мы с тобой.

Родина! Мы с тобой, наш славный советский народ! Мы с тобой, Москва!"

Часы Спасской башни отбивают удар за ударом. Вот и последний, двенадцатый... Новый год наступил. Привет тебе, боевой сорок четвертый! Поднимаем чарки за партию, за победу, за нашу дружную партизанскую семью.

Новогодний ужин продолжается. Балицкий делает таинственный знак старшине, после чего на столе появляются, источая аппетитный запах, румяные жареные карпы.

- О, да ты рыболовством занялся! - говорю я Григорию Васильевичу.

- Какое там рыболовство! Это же нелегкая работа... А мы сейчас на отдыхе! - лукаво отвечает Балицкий.

Оказывается, карпов ловили, вернее, заготавливали... немцы. Неподалеку от станции Маневичи есть несколько колхозных прудов. На этих днях гитлеровцы решили полакомиться в свой рождественский праздник свежей рыбкой. В одном из прудов они спустили воду, разбили лед я набрали со дна пять саней рыбы. За это хищничество немцам не поздоровилось. Наперерез "рыболовам" Балицкий послал взвод. Партизаны хорошенько проучили любителей чужих карпов, а весь "улов" отобрали. Половину рыбы тут же роздали крестьянам, другая же сейчас на столе перед нами и перед встречающими Новый год в других землянках.

Вообще-то Балицкий только шутил, сказав, что батальон на отдыхе. Отдых - это официально... Безделье тяготит партизан. И 1-й все время подыскивает себе работенку. Раздобудет Григорий Васильевич где-нибудь толу, сразу же посылает людей на диверсию. Охотников хоть отбавляй! А недавно он снарядил несколько экспедиций за солью. Самый дефицитный пищевой продукт у нас - это соль, добывать ее приходится с оружием в руках. Соль теперь на Волыни еще и валюта. Каждому, кто обнаружит установленную партизанами мину, оккупанты обещают премию солью. За головы партизанских командиров также установлены награды в соляном исчислении. Но вот желающих получить эти награды что-то не находится!

Дверь землянки непрерывно открывают. Приходят с поздравлениями командиры и политруки рот, взводов. Веселой ватагой ввалились батальонные артисты и музыканты. Размеры штабной землянки не позволяют им развернуть свое представление, но можно хотя бы спеть. Прежде всего грянули "минерские частушки":

Спецы мы по желдорогам,
В этом нет сомненья!

Только прибыли на место,
Начались крушенья!
Мы дороги оседлали,
Ими управляем:
Эшелоны с немцами
К фронту не пускаем.
Фрицы ехали-спешили,
Но куда? - вот в чем вопрос...
Как на мину наскочили,
Полетели под откос!

Художественной самодеятельностью в 1-м батальоне ведает один из ротных политруков Василий Яковлевич Коновалов. По профессии он драматический артист. Однако и у нас не забывает своего мирного призвания. И теперь он не только артист, но и режиссер, драматург, хормейстер, неутомимый организатор художественной самодеятельности.

Когда отгремели песни, частушки, Василий Яковлевич выступил вперед и с большим чувством прочел "Письмо к Гитлеру", в духе известного письма запорожских казаков турецкому султану:

- "Кобель тебя зачинав, а сука сплодыла и на белый свет пустыла. Кланяемся тебе голым задом и просымо вас поцеловать в это место нас. Не злякают нас ни машины твои, ни танки, есть у нас для них партизанские приманки, сами их готуем, непрошеных гостей частуем. Едут они на машинах, а взрываются на партизанских минах. Всем им вот тут подходит капут! Бо вояки твои - арийцы не заслуговують инших гостынцив. Всесвитний ты телепень, дурный, як пень!"

Высмеивались в письме и попытки фашистов воевать с нами при помощи авиации, их безуспешные бомбежки лесов:

- "А ще потишылы нас, партизан, твои литуны! Над лесами и нашими батальонами воны кажные дни. Е велыкие втраты, бо их не избежаты! У нашои бабки Насти две курки вбито зозуляти. Биля дырявого моста прыблудний корови отбыто хвоста. Наведено жах на болотных жаб. Хоч вирь, хоч ни, а так було уси дни! Кобылячья твоя голова, не разум у ний, а трава. Ты, свиняче ухо, нашего совета послухай! У першу чергу не верь генералу авиации Кицингеру. Не верь ни трохи и рейхскомиссару Коху. Надсылають воны тоби депеши, надсылають лысты, щоб брехню свою замести. Адже доложили, що партизан разбили, а мы на всех вас..."

Цитировать дальше партизанское послание Гитлеру не представляется возможным. Оно полно выражений гораздо более крепких, чем те, что адресовались в свое время турецкому

султану.

Потом мы все вместе, хором, поем "Катюшу", "Войну народную", "Землянку" и другие военные и старинные украинские песни.

Вот чей-то высокий тенор начинает:

По-над лугом зелененьким

Брала вдова лен дрибненький...

И сразу же со всех сторон подхватывают:

Вона брала - выбирала,

Тонкий голос подавала...

Песня рассказывает о крестьянском парне Василе, полюбившем молодую вдову. "Дозволь, маты, вдову браты, вдова вмие шануваты", - просит Василь. "Не дозволю вдову браты, вона вмие чаруваты, чарувала мужа свого, зачаруе и сына мого", - отвечает мать. Не знаю почему, но эта бесхитростная, лирическая по своему содержанию песня всегда звучала в исполнении партизан мощно, раздольно, приподнято. Так звучит она и сейчас. Стройный хор ведет песню дальше, до последней ее строки, до слов Василя:

А я чарив не боюся

И на вдови оженюся!

Простые слова, но сколько чувств, настроения вкладывают в них партизаны... Или оттого это, что с каждым днем все больше вдов на нашей земле?.. Или думают люди о своих семьях?..

Начинаются танцы. Как же без них! Старшина Семен Тихоновский растянул баян, и по переливчатым коленцам все узнали "Корюковскую полечку". Корюковская - значит, наша, черниговская! Тряхнув стариной, пошел танцевать и я. Вот только дам не хватало, и танцевать пришлось в паре с Балицким.

Поздно ночью обошли мы лагерь, заглянули в землянки, где люди еще не спали, обменялись поздравлениями. А днем в батальоне началось гулянье.

Загорелись огни огромной елки, опушенной не хлопьями ваты, а самым натуральным снегом. Опять зазвучали песни, музыка. Несколько сот партизан обступили эстраду, на которой Василий Коновалов, временно сложив обязанности ротного политрука, опять приступил к своим довоенным артистическим и режиссерским обязанностям.

Большой концерт открылся театрализованным обозрением. В прологе Старый год отдавал рапорт Новому году, и старику было о чем рапортовать. Затем действие внезапно перенеслось в ставку Гитлера. Кроме бесноватого фюрера здесь оказались Муссолини, Антонеску, адмирал Хорти, японский микадо и еще кто-то. Все они ругались между собой, укоряя друг друга за поражения на

Восточном фронте. В разгар споров прибежал хромоногий Геббельс, держа телеграфную ленту. Он сообщил, что партизаны 1-го батальона подорвали на Волыни сто немецких эшелонов. Гитлер схватился за сердце и тут же грохнулся в обморок.

Во втором отделении выступали певцы, танцоры, декламаторы, музыканты. У нас в каждом батальоне была неплохая художественная самодеятельность. Почти всюду имелись оркестры, составленные из самых неожиданных инструментов. С гармошкой и скрипкой соседствовал пастуший рожок, в лад кларнету и балалайке потрескивали горошины в сухом бычьем пузыре. Роль барабана обычно выполнял чемодан с подвешенными внутри погремушками. Получалось здорово! На этот раз не ударил лицом в грязь и подобный оркестр 1-го батальона.

После концерта гулянье продолжалось. Вдруг все устремились к небольшому возвышению и обступили его плотным кольцом. Здесь демонстрировался своеобразный аттракцион.

По рельсам, сделанным из тонкой проволоки, двигался миниатюрный поезд из вагонов величиной со спичечную коробку. Для того чтобы понятнее было, чей это поезд, на паровозе намалевали фашистскую свастику. Когда игрушечный эшелон достиг определенной черты, демонстратор дернул за нитку, на рельсах пыхнул игрушечных же масштабов взрыв, и паровоз вместе с вагонами полетел "под откос". У людей, привыкших поднимать на воздух настоящие эшелоны, шуточная эта диверсия вызвала бурю восторгов.

И опять гремит баян и чьи-то каблуки лихо бьют мерзлую землю. Партизанский гопак еще задорнее, веселее, чем тот знаменитый, запорожский, ярко описанный Гоголем!

Сегодня партизаны отдыхали... Завтра они снова пойдут в разведку, в бой или на подрывную операцию. Пойдут, куда прикажет Родина.

Хорошо начался у нас новый военный год! И наша последняя партизанская зима уже приближалась к своей середине.

ОПЕРАЦИЯ "СЕМЕЧКИ"

Взвод Михаила Тущенко стоял в небольшой, окруженной лесами деревеньке неподалеку от Чарторийска. При необходимости взводу предстояло занять оборону и перекрыть один из дальних подходов к центральному лагерю нашего соединения. Когда же в район станции Чарторийск посылали минеров, они брали у Тущенко группу прикрытия. Но в последнее время подрывники здесь не работали. В сущности, взвод пес теперь только гарнизонную службу.

Михаил Тущенко вместе с политруком Николаем Хромцовым и общим их ординарцем Васютой жили на краю деревни. Из соседних хат хозяев тоже пришлось временно переселить. По одной дали каждому отделению, в третьей разместили старшину с поваром и кухню. Двадцать пять человек по списочному составу - вот и весь гарнизон.

Стоило ли нам держать так далеко этот одинокий, оторванный от своего батальона взвод? А вдруг отрежут, окружат? Вдруг уничтожат? Ведь мы находились на занятой врагом территории. Гитлеровцы - на станции Чарторийск, всего в десятке километров от взвода. Могли появиться где-то рядом и бродячие бандеровцы, располагающие силами во много раз большими, чем у Тущенко.

Да, гитлеровцы и бандеровцы были близко, но никаких "вдруг" произойти не могло. За судьбу отдаленного гарнизона мы не беспокоились. И вот почему. Прежде всего в условиях партизанской войны взвод - довольно сильная, хорошо оснащенная и очень маневренная боевая единица, способная вести автономно и наступательные и оборонительные действия. Это многократно проверено практикой. Во-вторых, фашисты контролировали оккупированную ими территорию полностью лишь по утверждению геббельсовской пропаганды, всегда выдававшей желаемое за действительное. Какое там полностью! У себя в тылу гитлеровцы жались поближе к железным дорогам, да и то не могли надежно их охранять, особенно подходы к путям. На той же станции Чарторийск они не отваживались и шагу ступить от железнодорожного полотна.

Фашисты пришли на Волынь в самом начале войны, но и теперь, два с половиной года спустя, они чувствовали, что земля горит у них под ногами. Гарнизоны оккупантов в небольших населенных пунктах были фактически блокированы, отрезаны от внешнего мира, находились под постоянной угрозой партизанских налетов. Незавидной была жизнь горе-завоевателей в таких местечках и селах! Приходилось сидеть в блиндажах, в дзотах, всюду расставлять охрану, в уборную и то пробираться по ходам сообщения.

Помню, летом 1943 года мы буквально терроризировали фашистский гарнизон в городе Любешове, кстати сказать представляющем собой довольно крупный районный центр Волынской области. Мало того, что партизаны оседлали все дороги, ведущие в Любешов. Частенько мы подвергали окопавшихся там гитлеровцев еще и артиллерийскому обстрелу, напоминая, что выходить им из своих нор не рекомендуется. А потом партизаны и совсем выгнали оккупантов из города, заняли

его, дали свободно вздохнуть населению.

Летом и осенью мы сильно поколотили и бандеровцев, почти полностью вытеснив эту мразь из районов, где находились партизаны.

Конечно, оккупанты вместе со своими прислужниками - украинскими националистами - могли еще наскрести силы для очередной противопартизанской экспедиции. Однако такая экспедиция не смогла бы обрушиться на партизан внезапно. Элемент неожиданности исключался. У нас была широкая агентурная сеть, имелись в селах подпольные партийные и комсомольские организации, повсюду мы располагали множеством добровольных помощников из местных жителей. О намерениях врага партизан всегда предупреждали.

Любопытный случай произошел осенью, когда оккупанты вместе с бандеровцами собирались вытеснить нас из междуречья, ограниченного Стоходом и Стырью. Штаб формировавшейся экспедиции во главе с немецким подполковником расположился в одном из сел Любомльского района. Как водится, начальству отвели хату "почище" с хозяином "понадежнее". А этот хозяин как раз и был руководителем нашей подпольной группы.

- Когда же вы ликвидируете красные банды? - спросил он подполковника, называя партизан так, как называли их немцы.

Ответ последовал неожиданный:

- Наверно, никогда! Федоровцы очень хитрые, они все знают заранее... Просто непонятно, кто им помогает!

Это признание немецкого карателя, вместе с немаловажными разведывательными сведениями, подпольщики буквально через несколько часов передали ближайшему партизанскому батальону, а он сообщил по радио уже нам, в центральный лагерь. И сколько было подобных случаев!

Вот и здесь, в деревеньке под Чарторийском, советские патриоты предупредили бы нашу заставу о готовящемся наступлении на партизан или даже о небольшой вылазке против них. Да и нашлось бы в ближайших селах немало людей, способных с оружием в руках помочь взводу Михаила Тущенко удерживать оборону.

А ведь еще недавно гитлеровцы вместе с бандеровцами вопили на весь мир, будто бы население западных областей Украины враждебно встретило прибывших с востока партизан и не оказывает им никакой поддержки. Какой гнусной, какой беззастенчивой была эта ложь! Опять-таки желаемое выдавалось за действительное... Верно, мы встречали целые села, покинутые жителями перед нашим приходом. Порой мы видели испуганные лица, взгляды исподлобья. Но жителей выгоняли из сел под

угрозой расстрела сами бандеровцы. Они же запугивали крестьян мерзкими небылицами о партизанах. И, несмотря на это, предателям украинского народа далеко не всегда удавалось достичь цели.

В Невире, Привитувке и многих других селах во время рейда на Волынь движение нашей колонне преграждали своеобразные баррикады из поставленных поперек дороги столов со всяческим угощением. Столы тянулись и вдоль улиц, а празднично разодетые сельчане приглашали партизан откушать.

Разве мало принято мной на Волыни хлеба-соли из рук почерневших, будто продубленных временем, дедов?! Разве во время привалов не танцевали допоздна наши хлопцы с волынскими девчатами?! Проводники-добровольцы открывали перед нами тайны самых заповедных лесных дорог. Парубки и дядьки просили дать оружие, взять с собой... Нередко желали стать партизанами люди, уже убеленные сединами.

Никогда не забуду двух стариков. Они подошли ко мне, оба босые, в штанах из домотканого полотна и таких же длинных белых рубахах, подпоясанных веревочными поясками. У одного висел на груди Георгиевский крест на выцветшей ленте. Он выдвинулся чуть вперед, замер по стойке "смирно", поднес руку к ветхой шапчонке и громко отрапортовал:

- Ваше превосходительство! Русские солдаты Грищук Семен и Ворожицын Кузьма, находившиеся в длительном отпуску, явились для прохождения дальнейшей службы!

Я слез с коня, обнял славных стариков, объяснил, что хоть я и генерал, по вовсе не "превосходительство", и поблагодарил их за готовность послужить Родине. Деда Кузьму, слабоватого здоровьем, пришлось оставить дома, а другого участника первой мировой войны, деда Семена, взяли шубником в нашу хозяйственную роту.

Через несколько месяцев соединение пополнилось целыми отрядами-батальонами, состоящими из волынцев.

Да, нам нечего было особенно беспокоиться за судьбу взвода Михаила Тущенко. Далекому партизанскому гарнизону народ всегда обеспечит поддержку. А нужен взвод под Чарторийском, очень нужен не только в военных целях. Ведь население смотрит на наших партизан как на представителей Советской власти.

В тот зимний пасмурный день командир взвода и политрук проснулись, по обыкновению, рано и, закончив несложный утренний туалет, вышли на улицу.

Более молодой из них, смуглолицый кудрявый Тущенко, так и не успевший вернуться в родной колхоз с действительной службы, потянулся всем своим ладным мускулистым телом,

вдохнул поглубже воздух и сказал:

- Хорошо... Тихо!

- Хорошо, да не очень, что кругом тихо! - отозвался худощавый сутуловатый Хромцов. - Давно на железке не гремели... И когда этот тол сбросят?

- Прояснится - вот и сбросят... Нелетная погода! Ну, пошли, что ли?

Тущенко и Хромцов побывали в отделениях, приняли рапорт начальника ночного караула, сделали вместе с бойцами зарядку, а потом все отправились в ту хату, где находились кухня и столовая.

После завтрака политрук вынул два свежих номера газеты "Радянська Україна", доставленные вчера вечером из батальона, прочел сводки Совинформбюро и побеседовал с партизанами о последних фронтовых событиях. Затем все разошлись по своим делам. Бойцов ждали занятия по тактической подготовке, политрук отправился в "гражданскую" часть деревни, чтобы почитать людям газету, а Тущенко ушел к себе. С девяти утра у него прием населения.

Возле крыльца уже толпились люди. В стороне стояло двое саней. Видно, приехали и дальние. Суровый ординарец комвзвода и политрука огромный полтавчанин Васюта, забежав вперед, попросил селян самим разобраться в очереди. Тущенко поздоровался, стряхнул с валенок снег.

- Ну, кто там первый? Заходите! - пригласил он.

Вместе с Михаилом вошла в комнату пожилая женщина из этой же деревни. Дело к партизанам было у нее самое простое, обыденное:

- Дай, сынок, конягу по дрова съездить... Нема чем топить!

- Свободны ли наши коняги? Сходи, хозяйка, на кухню, найди там старшину... Дядьку Андрея знаешь? Вот он - старшина... Скажи, пусть даст, если свободны кони... А кто рубить дрова будет?

- Да уж как-нибудь... С малыми!

- Тогда вот что! Если кони есть, пусть запрягут тебе к одиннадцати, когда партизаны ученье кончат. Выделим еще двух хлопцев в придачу. Да обожди, я напишу!..

Он быстро написал старшине записку и проводил до дверей повторяющую слова благодарности женщину.

Следующие просители вошли, когда Тущенко уже разделся и сел за стол. Это были краснощекая, закутанная в Платки девка и парень в кожухе. Выглядели они несколько растерянно. Командир взвода понял, зачем к нему пришли, но для проформы спросил:

- Что скажете, громадяне?

Те переглянулись. Парень быстро сглотнул слюну, а девица потупилась и ответила низким глуховатым голосом, почти басом:

- Ожените нас!

- Желаем вступить в законный брак! - заявил парень.

- Хорошее дело! - кивнул Тущенко. - А почему в Чарторийск не поехали? Там же волостное управление.

- К подлюкам этим ехать?! Да чего ради! - даже возмутился жених.

- Мы хотим по закону, - грохнула невеста.

- Правильно, законной власти пока в Чарторийско нет... Сейчас вас оженю! - сказал Тущенко и, обращаясь к парню, спросил: - Любишь ее?

- А как же! У нас все по-хорошему.

- А ты, невеста? Обижать своего чоловика не будешь?

- Да что вы, товарищ начальник! У нас же любовь!

Командир взвода, узнав у вступающих в брак их фамилии, имена, возраст, местожительство, написал на листке трофейной бумаги:

СПРАВКА

Настоящая справка выдана жителям хутора Борки, Волынской области, Украинской Советской Социалистической Республики, Малюженко

Степану Трофимовичу, 1924 года рождения, и Гончар Марии Григорьевне,

1925 года рождения, в том, что сего, 6 января 1944 года, они по любви

и согласию вступили в законный брак.

Гончар Мария берет фамилию супруга - Малюженко.

По восстановлении органов Советской власти справка подлежит

обмену на свидетельство загса.

Начальник партизанского гарнизона

М. Т у щ е н к о

Хотя бумага не имела ни водяных знаков, ни герба, ни печати, хотя скреплял справку лишь кудреватый росчерк партизанского начальника, молодые приняли ее с благоговением. Документ был бережно сложен, после чего исчез под платками Марии. Супруги пожали Тущенко руку, поблагодарили за труды и теперь уже степенно, солидно покинули хату.

Следующей посетительницей оказалась старуха из соседнего села. Она привезла больную внучку. Врача для приема партизан и местных жителей присылали из медчасти соединения по пятницам, а была только среда. Выяснилось, однако, что температуры у девочки нет и больная жалуется лишь на слабость,

на головные боли. Решили, что возвращаться домой бабке с внучкой не стоит, пусть поживут до пятницы у знакомых. Ну, а сегодня к девочке зайдет медсестра.

Побывали у Тущенко еще многие. Обращались по самым разнообразным вопросам. Командир взвода решал их быстро. Удивил и озадачил только сухонький остроглазый старичок с бородкой клином, последний из сегодняшних просителей.

Поздоровавшись и присев на предложенный ему табурет, дедок пожевал губами, испытующе оглядел Михаила и сообщил, что приехал хлопотать не за себя, а за все село с ближайшими хуторами.

- А в чем дело? - спросил комвзвода.

- Ох-ох-ох! Мы бы и сами... Но куды уж самим! А треба, ох як треба! Вот и зарешили запобеспокоити партизан... Вам же все едино! Хоч тута, хоч там! Для вас це раз плюнуть...

- Что все равно? Насчет чего хлопотать послали?

- Ох ты боже ж мий! Не сказав ще? Память! За железницю наша справа, за семечки...

- Какие семечки?

- Подсолнух. Зупинку треба потягу зробить... Все село просить, вместе с хуторами...

- При чем тут поезд? Откуда поезд?

- Тьфу ты, бестолковый! - рассердился старик. - С подсолнухом потяг, ну, проще вымовить, эшелон... С Чарторийска. Миной его зупинить.

В конце концов выяснилось, что немцы свозят сейчас на станцию из глубинных заготовительных пунктов подсолнечные семечки. Будут грузить в вагоны для отправки в Германию. Крестьяне просят подорвать этот состав где-нибудь поближе к селу, чтобы семечки можно было разобрать.

- Маслица бы жинки набили! - говорил дед. - Ох, соскучилися без масла! Особливо малы диты... А где визмешь? Коров почти що немае... Верно, кой-кто из селян конопельку сеял за огородами... Были бы с конопельной олией! Так осенью бандеры до нас заскакивали, всю коноплю конями потравили... Ну що ты зробишь?! Сеяли мы и подсолнух. По мне, семечковая олия даже смачней конопляной! Но и подсолнух горман позабирал. Наши семечки в Чарторийске лежат. И наши, и отовсюду. Как их визмешь назад? Зупинить потяг миной, и все. Партизан просить! Народ так рассудил. Хиба ж це несправедливо?!

Дед выжидательно посмотрел на командира взвода.

Вот тут-то Михаил Тущенко и растерялся. Просьба совершенно необычная! Как это вдруг подорвать эшелон по заказу местных жителей? Конечно, минерам приходится проводить

операции с "разгрузкой". Бывает! Такая операция потруднее обычной. Нужны усиленные группы прикрытия, дополнительное минирование, нужно заранее хорошо разведать, что в эшелоне везут. Разгружаются обычно поезда с оружием, боеприпасами, продовольствием. Но ведь, собственно, семечки тоже продовольствие... Ну, не совсем! Их еще превратить надо в продовольствие... Что же ответить деду? Минеров у взвода все равно нет. Доложить в батальон? Пожалуй, засмеют! Сейчас нехватка тола... Поезда подрывают только на выбор, все больше бронепоезда... А тут - семечки! Но старичок-то хороший, и по-своему правильно рассудили в селе... Что же ему сказать?

Тущенко задумался, ища выход из щекотливого положения. Дед продолжал выжидательно смотреть на комвзвода.

- Эх, память! - неожиданно поднялся старичок и всплеснул руками. - Я тебе и мину привез... Здоровенька така мина! Нашей миной и зупините эшелон... Пиидем побачишь!

Командир взвода не мог понять, откуда взялась у селян мина, но был рад оттяжке и вышел вместе с дедком на улицу.

Заботливо прикрытая соломой и рядном, на дне саней лежала не мина, а 25-килограммовая авиационная бомба.

- Откуда ее взяли? - спросил Тущенко.

- С болота вытягнули. Як бомбил нас фашист по началу войны, стилько их в болото понакидал!

- Там и сейчас их много?

- Откуда ж им зараз взяться? Повытягнули, партизанам ще летом отдали.

- А эта?

- Тьфу, бестолковый! Семечки ж треба, зупинить эшелон треба. Вот и шукали мину всем селом по местам, куды литом не пройти. Трясин богато в нашим болоте, а зараз подмерзли. Вон цю мину за трясинами насилу и нашукали! Ну як - справна буде? Добре гукне?..

Затруднения Тущенко не уменьшились. Из авиабомб и артиллерийских снарядов минеры умели выплавлять взрывчатку. Ее желтовато-серую кашеобразную, пока не застынет, массу называли "мамалыгой". Пригодится и эта двадцатипятикилограммовка! Но ведь дело, в конце концов, решает не взрывчатка. Всегда бы нашли немного... Посчитает ли командование нужным возиться с этим семечковым эшелоном? А люди уже и "мину" приволокли... Хотят как-то облегчить партизанам работу! И раньше для нас бомбы из болота таскали. Нет, надо, конечно, доложить! Надо!

Михаил заметил возвращающегося из деревни политрука, сказал деду, чтобы тот немного подождал, и бросился навстречу

Хромцову. Объяснил ему в двух словах неожиданно возникшее дело.

- Скажи, пожалуйста, какие заявки начали поступать! - засмеялся Хромцов. - Верит в наши силы народ. Правильно, обязательно батальону сообщим!

- А сейчас что ответить?

- Не надо хитрить... Зачем? По правде ответим.

Деду объяснили, что о просьбе сельчан требуется доложить партизанскому начальству. Задерживать любой эшелон с награбленным у советских людей добром, конечно, надо, но можно ли это сейчас сделать должны решить те, кто повыше...

- Господи! Да разве ж мы не зрозумляем!.. Начальство, оно и есть начальство. Сам служил... Тилько чекать долго нельзя" Як бы не увез герман тот подсолнух!

- Долго ждать не будете. Сегодня же доложим! - сказал Тущенко. - А за ответом наведайся денька через два. Никуда не денутся ваши семечки. В вагоны их еще не грузили?

- На складе лежат.

- Ну вот! А поедешь сюда снова, узнай, как там с погрузкой. Договорились?

С дедом договориться было нетрудно. Сложнее - быстро сообщить в батальон о необычайном ходатайстве. Рации у взвода нет. Отправить с донесением конного связного? Но разве письменно все изложишь! А вдруг какие-то дополнительные вопросы у начальства? Решили, что в батальон съездит сам политрук и доложит про эшелон с подсолнухами.

Не прошло и суток, как о просьбе крестьян стало известно во всех подробностях не только в штабе батальона, но и в штабе соединения.

- Да это просто замечательно, что к партизанам обращаются по таким вопросам! - говорил Дружинин, расхаживая по моей хате-землянке. - В Любешове нашему Фролову пришлось стать землеустроителем, вносить весьма существенные поправки в произведенное гитлеровцами распределение земли. Там же, в Любешове, да и в окрестных селах Лысенко помогал учителям составлять школьные программы, организовал розыск и сбор советских учебников. Война не кончилась, кругом немцы, а наш командир 7-го батальона уже взялся за свои довоенные обязанности заведующего Волынским облоно! Партизаны лечат, партизаны школы налаживают, партизаны землю дают... А вот теперь от нас требуют заняться и снабжением. Правильно! Сельпо нет, исполкома нет, значит, и о подсолнечном масле мы должны позаботиться.

- Обрати внимание, с каким тактом, с каким пониманием

обстановки подошел народ к проблеме, - сказал я. - Ничего лишнего у нас не просят! Сами заберут семечки, сами набьют масла. Только остановите эшелон! А для этого еще и бомбу привезли, не желая вводить нас в лишние расходы. Заказ, так сказать, на давальческом сырье.

- Верно! - улыбнулся Дружинин. - Что ж, тогда сразу надо дать задание! Итак, на очереди - операция "Семечки".

Мой заместитель по диверсионной работе Егоров воспринял приказ относительно этой операции без малейшего энтузиазма и подчеркнуто сухо сказал:

- Слушаюсь!

- Постойте! Слушаться вы обязаны, а вот почему губы надули? - спросил я.

- Ну как же, Алексей Федорович! Сегодня - семечки, завтра - орешки, а послезавтра, наверно, конфетки разгружать будем. У нас толу на бронепоезда не хватает! Дожились до ручки!

- Сами виноваты. Плохо экономили, когда тол был! А насчет ручки - это верно, дожились. Протянутую ручку все видят! Вот те мужички нашим минерам авиабомбу пожертвовали.

- А нет ли там еще? - сразу заинтересовался Егоров.

- Вполне возможно, что и есть. Свяжитесь, разузнайте... Впрочем, зачем селянам "мамалыгой" вам помогать, когда вы им подсолнухом помочь не очень-то хотите!

- Почему же не хочу? Все будет сделано.

- Эх, Алексей Семенович! Сколько надо повторять, что на Волыни у нас не только чисто военные цели... Разве, подорвав именно этот эшелон, мы не укрепим нашу дружбу с населением, не повысим партизанский авторитет?!

- Я понимаю... Все сделаем в лучшем виде. Разрешите выполнять? - В голосе Егорова зазвучали как будто уже другие нотки.

Он и действительно провел все в лучшем виде. Под Чарторийск в помощь Тущенко послали еще один взвод и группу опытных минеров. Связались с дедом-ходоком и с нашей агентурой на станции. Точно установили, когда эшелон, груженный семечками, тронется в путь.

Километрах в двадцати от Чарторийска поезд ожидала целая серия тщательно подготовленных партизанами сюрпризов.

Замеченный машинистом небольшой снежный сугроб на скате железнодорожной насыпи вдруг начал двигаться вверх, к полотну, и оказался человеком в белом маскхалате, поставившим на рельсы небольшой ящик. Затормозить уже нельзя, поздно. В следующие три-четыре секунды человек в маскхалате скатился с полотна, партизанская "нахалка" взорвалась под колесами

локомотива, и вагоны, лязгая и грохоча, полезли друг на друга.

Лежавший в засаде бронебойщик послал в паровозный котел несколько пуль из противотанкового ружья, и окрестности огласились сдвоенными, строенными гудками. Это послужило сигналом. Из лесу двинулся к эшелону целый санный обоз, рядом бежали пешие крестьяне с пустыми мешками и кошелками. Впереди всех ехал, причмокивая на лошадь и размахивая концами вожжей, остроглазый дедок, задрав вверх заиндевевшую бородку клином.

Разбегалась поездная охрана. Трещали ей вслед автоматные очереди.

- Сюда! Быстрее!.. Забирайте ваши семечки! - кричал селянам Михаил Тущенко.

Партизаны сбили с вагонов замри, а где в проломили стенки. Разгрузка началась. Вскоре начался и вывоз, Зная, что немцы боятся ходить в лес, крестьяне поступили хитро. Семечки они возили, выражаясь языком железнодорожников, на коротком плече: сваливали на поляне, километрах в трех от полотна, в кучи и опять ехали к эшелону грузиться. А взять семечки из лесу время найдут потом!

На случаи появления вспомогательных поездов партизаны быстро заминировали дорогу по обе стороны от разгружаемого эшелона. Насовали вдоль пути и противопехотных мин, предназначенных для охранников, которые выскочат из вагонов. Были устроены засады. Операция проводилась по всем правилам партизанской разгрузочной техники и тактики.

Вспомогательный поезд из Чарторийска показался только часа через три. Он шел медленно, осторожно, как бы прощупывая полотно приделанной к паровозу противоминной решеткой. Мина и взорвалась под решеткой, выгнув при этом рельс. Поезд остановился. Охранники начали выскакивать из вагонов. Кто тут же оставался без ног, напоровшись на противопехотную "мелочь", кто попадал под автоматный и винтовочный огонь нашей засады.

В общем, к тому времени, когда вспомогательный тронулся дальше, семечек успели выгрузить много. Операция "Семечки" прошла успешно, без малейших потерь. Неудивительно! Шел 1944 год. Партизаны многому уже научились.

Об удачном выполнении "спецзаказа" еще долго напоминала подсолнечная лузга, которую дневальные выметали из взводных землянок. А позже, когда об этой операции стали уже забывать, на столе в нашей штабной столовой появился салат из квашеной капусты, заправленный свежим пахучим подсолнечным маслом.

- Откуда такая роскошь? - спросил я.

- В подарок из-под Чарторийска привезли, - сообщил

старшина.

- Ах, значит, там набили себе маслица, да и нам перепало! А капуста откуда?

- Оттуда же бочку прислали. Знают, что к чему идет!

Вскоре мы подорвали на разных дорогах несколько эшелонов с зерном. К разгрузке приглашалось население. Крестьяне нуждались не только в хлебе на сегодня или на завтра. Его можно еще как-то заменить картофельными лепешками... Приближалась весна. И сеяться-то надо!

КОРИДОР ЧЕРЕЗ ФРОНТ

Мы все чаще посматривали на большую, во всю стену, оперативную карту, густо испещренную пометками нашего начальника штаба. В день Нового года Дмитрий Иванович воткнул красный флажок у Житомира. Накануне войска 1-го Украинского фронта выгнали фашистов из этого областного центра вторично. Не только здесь, но и повсюду гитлеровцев отбросили к тем рубежам, откуда они начали ноябрьское контрнаступление на Киев.

Попытка вновь захватить украинскую столицу стоила оккупантам колоссальных потерь. Оставляя за собой тысячи могил под березовыми крестами и целые горы искореженной военной техники, фашисты продолжали отступать на запад. В первых числах января советскими войсками были освобождены Новоград-Волынский, Олевск, Бердичев... Карта показывала, что один из ломающих вражескую оборону клиньев нацелен в сторону Сарн. От острия этого клина до партизанских застав оставалось меньше ста километров.

Фронт приближался, но мы знали, что вряд ли в ближайшее время произойдет наша встреча с регулярными частями Красной Армии. До Берлина пока далековато. Гитлеровцы еще занимают большие территории. Во вражеском тылу для партизан оставалось немало дел. Следовало ожидать, что наше соединение перебросят куда-нибудь западнее. Стоявшие по соседству отряды Д. Медведева и В. Карасева уже приготовились отправиться на выполнение новых заданий.

Медведевцам и карасевцам сниматься с места будет легко. Недавно они сдали всех своих раненых в наш госпиталь. А вот куда теперь девать раненых нам? Ведь их, нуждающихся в постоянном лечении, уходе, лишенных способности самостоятельно двигаться, скопилось до двухсот человек.

Брать с собой в поход большой санитарный обоз невозможно. Оставить госпиталь под охраной одного из батальонов тоже нельзя, поскольку места, где мы сейчас находимся, могут стать ареной длительных ожесточенных боев.

Связывало нас и население гражданского лагеря. На произвол судьбы его тоже не бросишь!

Положение было весьма затруднительным. И выход из него был только один: срочно перебросить на Большую землю по крайней мере пятьсот человек. Шутка ли?! Не пять, не пятьдесят, а пятьсот... Как это сделать?

Видно, подошло время осуществить давно задуманную, совершенно необычную в партизанской практике боевую операцию - прорубить через фронт коридор и вывести по нему в советский тыл обоз с нашими ранеными, а также со стариками, женщинами, детьми.

Задача выглядела бы намного легче, имей мы возможность выполнить ее силами всего соединения. Но нельзя прекращать диверсионную работу на железных дорогах, ставших уже прифронтовыми магистралями, нельзя свертывать разведку, данные которой так необходимы наступающей Красной Армии, нельзя ни на минуту ослаблять партизанскую борьбу на огромном участке, простирающемся вплоть до государственной границы СССР. Осуществить необычную операцию предстояло всего лишь одному из наших отрядов-батальонов, а именно 7-му, под командованием Федора Ильича Лысенко.

Огромная ответственность ложилась на этот славный испытанный батальон. Ему надо не только пробиться через фронт, охраняя сотни саней с беспомощными, небоеспособными людьми, но и вернуться затем обратно, доставить в соединение очень нужный груз. Украинский штаб партизанского движения обещал помочь нам получить на Большой земле новое вооружение, а главное - взрывчатку, снаряды, патроны.

В шифровке, полученной из штаба, указывался пункт, куда мы должны направить обоз: город Олевск, Житомирской области.

Но как пробиться к этому Олевску? Где удобнее всего прокладывать коридор?

Генштаб Красной Армии должен был сообщить нам, на каком из ближайших участков фронт наименее плотен. Однако обстановка непрерывно менялась, и достаточно точной информации из Москвы мы так и не дождались. Пришлось ограничиться данными нашей собственной разведки, побывавшей во многих местах непосредственно у немецких позиций.

Выяснилось, что переходить через фронт нашему обозу будет выгоднее всего между селом Золотое и станцией Домбровицы, расположенными севернее города Сарны. В Золотом находился бандеровский гарнизон, в Домбровицах довольно значительные силы немцев, по зато между двумя этими пунктами пока не было сплошной линии обороны. Участок контролировали курсирующие

здесь броневики фашистов и пешие патрули. Разумеется, противник может перегруппироваться, чтобы преградить дорогу партизанам, но на нашей стороне будут и лесисто-болотистый характер местности, и внезапность, с которой предстоит действовать. Пока обстановка в районе Золотое Домбровицы была благоприятной, и мы не стали медлить.

Вечером 15 января вернулись наши разведчики во главе со старшим лейтенантом Плешковым, а на следующее утро началось формирование обоза. К этому времени штаб установил, что обоз будет состоять из 600 саней и повезет на Большую землю 650 человек. К людям, которых мы еще раньше наметили отправить, решено было присоединить несколько десятков раненых из отрядов А. Бринского и большинство наших "старичков". Отлично повоевали эти пожилые седобородые партизаны, славно послужили Родине! Пусть теперь послужат ей не в немецком, а в советском тылу, восстанавливая разоренное войной народное хозяйство. Боевое оружие они передадут в более молодые и сильные руки, таких рук у нас достаточно.

16 января, как только рассвело, к госпитальным землянкам подкатили вереницы саней. Тепло одетых, тщательно побритых и подстриженных раненых бережно укладывают на сухое взбитое сено, заботливо укрывают одеялами. Вид у отъезжающих торжественный, праздничный, но и немного грустный, смущенный. Это и понятно. Впереди их ждут Большая земля, освобожденные от врага города и села, встречи со своими близкими, по жалко покидать и дружную партизанскую семью, тоже ставшую для них родной.

Проводить побратимов пришли все свободные обитатели Лесограда. Сани окружены народом. Идет обмен адресами, подарками, добрыми пожеланиями. И конечно же не обходится без дорогих сердцу воспоминаний:

- А помнишь, как штурмовали Брагин? Помнишь первые операции у Маневичей? А бои с бульбашами в Цуманских лесах? А бои в сорок втором на Черниговщине?..

Помнят, все помнят, нельзя такое забыть! У многих покидающих нас, особенно у раненных сравнительно легко, от этих воспоминаний сумрачнее, беспокойнее становятся лица. С надеждой ищут они глазами главного хирурга доктора Гнедаша. А что, если опять его попросить? Не оставит ли?! Но все знают: просьбы будут напрасны. Списки отъезжающих окончательно утверждены. И сколько уже говорилось, разъяснялось, что эвакуация раненых проводится в интересах дела...

Мы с Дружининым идем от саней к саням. Прощаясь, стараемся настроить раненых на веселый лад, шутим,

подбадриваем, а у самих тоже кошки скребут на сердце. С золотым расстаемся народом! Вот лежит на розвальнях, окруженный провожающими его бойцами, командир 3-го батальона Петр Андреевич Марков. От Брянских лесов до берегов Западного Буга провел он своих партизан. Десятки труднейших боев, с полсотни подорванных эшелонов на счету у Маркова, недавно представленного к званию Героя Советского Союза. Какой это несгибаемый коммунист, талантливый командир, какой хороший товарищ! Полученная Петром Андреевичем тяжелая, упорно не заживающая рана потребовала и его отправки.

Заметив наше приближение, Марков что-то шепнул партизанам, и те моментально разбрелись по сторонам, оставив его одного. Ну, ясно, Петр Андреевич хочет говорить с нами по секрету, однако каков секрет, угадать нетрудно.

- Ошибочка вышла у медицины, - начинает Марков. - Чувствую себя превосходно! Через два-три дня могу вернуться в строй. А этот бюрократ в, белом халате Гнедаш слушать ничего не хочет! Надеюсь, Алексей Федорович и Владимир Николаевич, вы сейчас же отмените приказ о моей эвакуации.

- Какая эвакуация?! Ты едешь помочь Лысенко получить боеприпасы, хитрит Дружинин. - Попутно не мешает, конечно, проконсультироваться в тыловом госпитале... Воспользоваться случаем! От тыловых медиков и зависит - отпустят ли тебя назад...

- Черта с два вырвешься! - вздыхает Марков. - Впрочем, сбегу, если добром не отпустят... Поймите, что батальон свой терять жалко!

- Вот насчет этого, Петр Андреевич, не беспокойся! - говорю я. Возвращайся к нам здоровым, отдохнувшим, примем с распростертыми объятиями, и батальон получишь тот же. Даю тебе слово!

Мы прощаемся с Марковым и шагаем дальше. Под огромной разлапистой елью сидит на ящиках из-под тола Максим Титович Глазок с дочерью и сыном. Старого Глазка мы отправляем домой.

- Где подарок? Надо, чтобы подтянули сюда, - тихо говорю я Дружинину.

- Сейчас распоряжусь! - кивает Владимир Николаевич и поворачивает обратно.

Я подхожу к партизанскому семейству. Старик сразу же выкладывает свои претензии:

- Як же так, Олексей Федорыч?! Мени приказано ехать, а малы диты одни остаются... Кто же за ними присмотрить? Кто держать в руках будет?

- Так, значит, ты мне, Максим Титович, дальнейшее

воспитание Миши и Поли не доверяешь?

- Доверяю. Тильки дуже богато у вас таких дитей, за всеми и не поспиешь углядывать... Уж вы лучше, товарищ генерал, меня с ними оставьте!

- А мамашу вам не жалко? Сколько уже времени одна! - негромко говорит Миша.

- Молчи, сосунок! - сердито машет на него рукой Максим Титович.

- Михаил прав, - говорю я. - Пора вам и до дому, дядя Максим! А скоро и мы, кто помоложе, домой вернемся. За детей не беспокойтесь, присматривать буду... Да и какие они дети! Миша собственными руками шесть эшелонов подорвал, Поля - давно невеста.

- Во-во! Тильки о женихах и думае. Не розумие, дуреха, що женихи да свадьбы - це вже послевоенное дило! Совсем тут без меня избалуется...

- Поля - отличная санитарка, недавно ее медалью наградили, напоминаю я. - Нет, в добрый путь, Максим Титович! Поезжай, поработай хорошенько в колхозе, там твои руки ох как нужны! Привет и низкий поклон всем черниговцам от нас передай...

В это время на возке, запряженном парой добрых коняг, подъезжает Дружинин. Довольно объемистая поклажа в санях укрыта брезентом и стянута веревками. Соскочив на дорогу, Владимир Николаевич весело спрашивает:

- О чем споры и семейные раздоры?

- Да вот бунтует Титыч, не хочет домой уезжать, - сообщаю я.

- Как же так! А мы ему подарок приготовили, ему и колхозу. Принимай, товарищ Глазок! От всего нашего соединения подарок. Коней в колхоз сдашь, пригодятся там сейчас кони, а остальное лично тебе, есть тут продукты, есть одежка-обувка.

Старик растроган подарком. По-крестьянски передаю ему вожжи из полы в полу. И я и Дружинин крепко с ним обнимаемся.

Попрощались и с Павлом Мышлякевичем, уезжающим на Большую землю вместе с женой и дочкой. Благодаря искусству Гнедаша лицо тяжелораненого минера выглядит теперь совсем хорошо.

Затем идем к гражданской части обоза. На санях - укутанные потеплее ребятишки, женщины, инвалиды и старики. Тут много еврейских семей. Высокий, совсем уже древний старец, подняв руки к небу, вдруг начинает что-то выкрикивать нараспев. Женщины поддерживают его одобрительными по интонациям, но абсолютно непонятными мне возгласами.

Случившийся поблизости наш кинооператор Михаил Моисеевич Глидер выступил в роли переводчика. Едва сдерживая

улыбку, он объяснил:

- Они за вас молятся, за командира и комиссара! Старик говорит, что командир - это пророк с сияющими глазами, посланный богом для их спасения...

- Скажи им, что не богом послан, а Советской властью, - буркнул Дружинин.

Однако выражение "пророк с сияющими глазами" он запомнил и потом не раз шутливо употреблял по моему адресу.

Но вот уже все готово к отходу обоза, вернее, к отходу большей его части. Еще сотни две подвод присоединятся к нему в лагере батальона Федора Лысенко, расположенного восточнее. Оттуда под надежной партизанской охраной обоз пойдет дальше.

Прозвучала команда, и длинная вереница саней заскользила вперед.

* * *

На другой день участники похода, оставив позади километров сорок, уже приближались к реке Горынь.

Людям не верилось, что сейчас середина января. Теплый порывистый ветер разогнал облака, и с голубого, лишь кое-где белесоватого неба солнце светило хотя и не особенно ярко, но по-весеннему ласково. Слева от дороги чуть поскрипывал ветвями сосен и шуршал хвоей протянувшийся стеной лес, справа искрились заснеженные поля.

Многие раненые дремали. Хорошо, тихо... Будто и нет войны!

Однако столкнуться с врагом партизаны могли каждую минуту. Поэтому вперед высланы конная и пешая разведки, в авангарде колонны идет ударная рота автоматчиков, а боевое охранение надежно прикрывает обоз по сторонам и с тыла.

Вдруг люди в санях встрепенулись, начали приподниматься, прислушиваться. Или показалось? Нет, не могло померещиться всем сразу. С юго-восточной стороны донесся отдаленный раскат грома. Очень редко, может, раз в десять лет случается гроза зимой, но никогда не бывает ее при безоблачном небе. Раздался еще один протяжный раскат, и партизаны поняли, что там, на юго-востоке, гремит артиллерийская канонада.

Молоденький раненный в ногу боец, сдвинув с одного уха шапку, старался получше уловить приглушенный расстоянием гул орудий. Лицо парня было напряженным и чуть растерянным.

- Как дела, Марченко? Гром гремит, фашист трясется, наш обоз вперед несется... Так, что ли?

Боец обернулся, увидел рослого чернобрового всадника, попридержавшего коня у его саней, и, сразу узнав секретаря батальонного партбюро Скрынника, весело ответил:

- Точно, Кирилл Николаевич, обоз несется... Вот уже и фронт

голос нам подает... Эх, проскочить бы!

- Не проскочим, так пробьемся, не пробьемся, так прорубимся. А фашиста ты, Марченко, знаешь!.. Руби его только до пупа, а после он и сам развалится!

Подмигнув парню и тронув плетью коня, Скрынник рысью поехал дальше. Он задержался у одних саней, потом у других, у третьих. Для всех партизан находил секретарь партбюро доброе слово, веселую шутку. Неожиданно колонна остановилась. Кирилл Николаевич помчался радоном вперед.

В голове колонны, возле автоматчиков, собрались кружкой и рассматривали карту комбат, комиссар, начальник штаба, командир разведки, еще кто-то. Лысенко, заметив подскакавшего Скрынника, призывно махнул рукой:

- Давай сюда, Кирилл, поближе! Ты, как всегда, вовремя!

Решался важный вопрос. До села Золотое оставалось пять километров. Разведчики донесли, что там по-прежнему находится бандеровский гарнизон, хотя и небольшой, всего с полсотни штыков. Идти ли напрямик через село, по хорошей дороге, расшвыряв с нее бандитов, или же обойти Золотое стороной, лесом?

- Через километр будет развилка и начнется дорога на Домбровицы, напомнил Скрынник. - Может, по той лучше? Какое положение сейчас в Домбровицах?

- Туда и не суйся! - покачал головой комбат. - Полно там немцев, окопы роют, артиллерию подтянули... Наверно, собираются оборонять станцию.

Конечно, националисты в Золотом не окажут серьезного сопротивления. Увидев, что партизан много, они сразу же разбегутся по хатам, по чердакам. Однако именно этого и приходилось опасаться. Обоз втянется в село к вечеру. Пользуясь темнотой, бандеровцы могут открыть по раненым огонь из-за угла. С другой стороны, если обходить село лесом, националисты сумеют просочиться туда и наделать много бед выстрелами из-за кустов и деревьев.

Командование решило двигаться лесом, а бандитские силы в селе сковать боем, который завяжет с ними рота автоматчиков.

- Мне с ротой? - спросил Кирилл Николаевич.

- Там парторга своего хватит, - ответил комиссар Криницкий. - Тебе лучше с обозом быть и со всеми остальными... Присматривай, чтобы не запаниковал кто-нибудь, когда с дороги свернем.

- Есть! Понятно... И не один присмотрю! Все коммунисты знают, что им в таком случае делать.

Задуманный маневр удалось осуществить полностью. Пока

автоматчики вели на окраине Золотого бой с бандеровцами, искусно его затягивая, делая вид, что никак не решаются начать атаку, обоз под охраной трех других рот обогнул село с севера и вышел к лесистому берегу Горыни. Но здесь партизан ожидала неприятность. Оттепель сильно размягчила лед на реке, почти всюду он был залит водой, кое-где зияли и сплошные промоины. О переходе на тот берег без постройки переправы не приходилось и думать. Значит, надо валить деревья, готовить настилы. Но ведь за это время могут со стороны Домбровиц ударить немцы, да и бандеровцы их поддержат. Наверно, уже поняли, что остались в дураках. Поэтому медлить нельзя, Переправу начали строить сразу же, несмотря на быстро сгущавшиеся сумерки.

Работали, не зажигая костров, почти на ощупь. Хорошо, что вскоре взошла луна и помогла партизанам своим ровным неярким светом. Все просеки, тропинки, ведущие к месту, где сосредоточился обоз, перекрыты заставами. Четвертая рота оседлала дорогу из Домбровиц на Золотое. Эта предусмотрительность была не лишней. К полуночи, когда наводку переправы почти закончили, со стороны станции показалась большая колонна гитлеровцев. Очевидно, националисты дали им знать о появлении партизан.

Подпустив колонну поближе, четвертая рота завязала с фашистами бой. Немцы залегли вдоль дороги, принялись окапываться. Перестрелка то нарастала, то вдруг затихала, то опять становилась ожесточенной. Соваться же в лес, да еще ночью, оккупанты не большие охотники.

В начале новых суток первые подводы с ранеными перебрались на восточный берег Горыни. Как раз в это время начался артиллерийско-минометный обстрел. Фашисты били из Домбровиц примерно в том направлении, где шла переправа, но били по площади, наобум: вести прицельную стрельбу они не могли.

Снаряды и мины ложились где-то в стороне, не нанося партизанам урона. Обоз вместе с основными силами батальона благополучно перешел реку. Затем на правый берег оттянулось и прикрытие.

- Ну, полпути как будто одолели! - радовались партизаны.

Однако все понимали, что и вторая половина будет нелегкой. Томила неизвестность. Удалось ли перейти фронт? Да и где она, эта линия фронта?!

Остаток ночи шли лесом, осторожно, с опаской, но никого не встретили. Утром отряд выбрался на большак. И опять - никого навстречу. Нет нигде и следов, говорящих о недавних боях. В стороне виден хутор. Посланные туда разведчики ничего толком

от хозяев не добились. Немцы проходили этой дорогой дня два назад, а где находятся теперь, хуторянам неведомо.

После короткого привала колонна двинулась дальше. А к ней уже летел связной от дальней конной разведки, летел, встав во весь рост на стременах и ликующе крича во все горло:

- На-а-аши-и!.. Кра-а-асные!.. Советская кавалерия!..

Оказалось, что по этой же дороге движется на запад небольшой разведывательный отряд из прославленной конницы генерала Белова.

Волнующая весть быстро пробежала по колонне. Радость у всех огромная. Ведь сколько мечтали партизаны о встрече с Красной Армией, сколько думали о советских солдатах, очищающих родную землю от фашистской погани! И вот наконец увидят этих героев-богатырей, обнимут их, расцелуют.

Без всякой команды партизаны подтянулись, пошли строевым шагом. Каждый поправлял на ходу шапку, ремень, автомат... Раненые, кто только мог, приподнялись в санях.

Кирилл Скрынник ехал где-то в середине длинной, почти двухкилометровой колонны. Всю ночь провел он с ранеными, подбадривая, успокаивая их, поддерживая в людях хорошее настроение. Пришлось секретарю партбюро успокаивать раненых и теперь, но только по совершенно другому поводу:

- Как это - возле нас не задержатся?! И задержатся, и поговорят, а найдется, так и по чарке с вами выпьют... Чарку, конечно, гарантировать не могу, а за все остальное ручаюсь!

Впереди грянуло раскатистое "ура", и Скрынник заторопился туда. Беловские конники уже спешились и переходили из одних крепких объятий в другие. Кирилл Николаевич пробился к ближайшему солдату в пестром маскировочном халате, тоже стиснул его сильными руками, чмокнул в небритую обветренную щеку.

Именно такими и представляли партизаны советских армейцев. Ладные, уверенные в себе, душевные ребята! А как хорошо обмундированы, какие у всех удобные, новой конструкции автоматы!

Кавалеристы обходили раненых партизанских бойцов, задерживались у многих саней. Повсюду задымили цигарки. До чего же хороша, ароматна отечественная махорочка из солдатских кисетов! Это тебе не табачок-дубнячок из древесного листа, не горький, дерущий горло самосад и не дрянные трофейные эрзац-сигареты!.. Разговорам, взаимным расспросам не было бы конца, но партизанам надо спешить на восток, а армейским разведчикам - на запад.

Перед расставанием командир кавалеристов сказал Федору

Ильичу Лысенко:

- Помни, что четкой линии фронта в этих местах нет. Какой-то слоеный пирог! Вы сейчас как раз по нашему слою идете, но нетрудно и на фашистов наскочить. Опасайся! И на воздух поглядывай! Стервятники здесь часто рыщут.

Совет пригодился. Не успели партизаны пройти вперед несколько километров, как в небе появилось с десяток "юнкерсов". Обоз немедленно свернул к лесу. Но разве легко быстро, без суматохи втянуть под его зеленую защиту огромную колонну! Снова пришли на помощь опыт, боевая сноровка.

В лес входили не по просеке, сани за санями, вереницей, а сразу широким фронтом, по бездорожью, напрямик. Рубили и ломали тонкие стволы деревьев, подтаскивали возки руками, искали лазейки в, казалось бы, непроходимой чащобе. Вражеские летчики уже заметили партизан. Вот самолеты разворачиваются и пикируют к лесу. С надсадным воем летят вниз сброшенные "юнкерсами" фугаски.

Чуть поторопились фашистские летчики. Выдержки не хватило! Бомбы легли далеко за спинами партизан. Самолеты ушли на второй заход, а это дало время обозу полностью убраться с открытой местности.

Бомбежка укрывшейся в лесу колонны - дело явно бесперспективное. Немцы это знали. Теперь сбрасывать смертоносный груз они могли только наугад. Если же бомба случайно и упадет неподалеку от людей, деревья преградят путь осколкам. После второго захода "юнкерсы", повернув к югу, улетели. Один легко раненный партизан, одна убитая лошадь - вот и все потери батальона.

Избегая ненужного риска, отряд пробыл в лесу до наступления темноты. Партизаны отдохнули, подкрепили свои вилы запасами из сухого пайка, а к вечеру снова тронулись в путь. Утром они уже подходили к Олевску.

За время войны этот небольшой украинский городок не раз был ареной ожесточенных боев. Летом 1941 года советские войска доблестно обороняли здесь дальние подступы к Киеву. Нашим пришлось отойти. В городе начали бесчинствовать оккупанты, а затем и бандеровцы. Пресловутый атаман Бульба даже объявил Олевск своей столицей. Весной 1943 года партизанские отряды генерала Ковпака, двигаясь в сторону Карпат, вышибли отсюда фашистов вместе с их челядью и хорошо здесь отдохнули. А вот недавно Олевск был окончательно освобожден войсками 1-го Украинского фронта и уже стал его ближним тылом.

Последнее сражение за Олевск было особенно яростным. Об

этом свидетельствовали обгоревшие остовы тяжелых немецких танков, разбитые орудия, развороченные блиндажи. Партизаны с восторгом рассматривали следы мастерской работы наших артиллеристов и авиаторов. Огромное впечатление на лесных солдат произвели встреченные у железнодорожного переезда советские танки, знаменитые "тридцатьчетверки", о которых все много слышали.

Дальше станции идти не пришлось. В городе свирепствовал сыпной тиф. Армейские медики успели сделать немало, чтобы укротить эпидемию, но размещаться в Опевске было еще опасно. От железнодорожного коменданта Лысенко позвонил коменданту города.

Взяв телефонную трубку, Федор Ильич усмехнулся. Тридцать месяцев не держал он в руках эту штуку! По телефону последовало распоряжение разместить партизан лагерем в роще за станцией, а самому командиру батальона прибыть в комендатуру.

Вечером Ф. И. Лысенко записал в свой походный дневник:

"19 я н в а р я. Приняли меня хорошо. У соответствующих начальников уже есть приказ о выделении нам всего необходимого. Для раненых затребуют специальный санитарный поезд. Обратно с батальоном пойдет группа венгров и поляков, которых затем надо будет перебросить дальше.

Наш лагерь у станции оборудовали на славу. Сделали несколько больших шалашей-балаганов, натянули полученные у коменданта палатки. Конечно, людям хочется побывать в городе, но там сыпняк. Примем все меры, чтобы не завезти эту хворобу в наш партизанский край. Надо уберечь от нее и всех раненых, всех "пассажиров", доставленных на Большую землю. Никого в город не пускаем. Криницкий, Скрынник, Онопрейчик и другие политработники разъясняют народу, в чем дело.

Послал донесение Федорову и Дружинину".

Вот еще несколько записей из дневника командира 7-го батальона, относящихся к пребыванию в Олевске:

"20 я н в а р я. Получена ответная радиограмма от Алексея Федоровича и комиссара. Поздравляют с успешным выполнением первой части операции, желают выздоровления раненым, беспокоятся относительно взрывчатки и оружия.

Беспокоиться им нечего. Завтра начнем получать. Этим делом займется наш начальник боепитания Геннадий Киселев.

21 я н в а р я. Получили две 76-миллиметровые пушки и две 45-миллиметровые, получены минометы, автоматы, снайперские винтовки. Завтра будем грузить снаряды, мины, патроны и три тонны тола. Киселев сияет от радости, но ему все мало, он готов опустошить все склады! Один только тол - огромная поддержка для соединения. Ведь по килограмму, по шажке командиры друг у друга выпрашивали!

Полученное вооружение радует всех партизан. Особенно нравятся новые автоматы и винтовки с оптическим прицелом.

23 я н в а р я. Познакомился с венграми и поляками, которые пойдут с нами. Венгры - это большей частью военные,

добровольно перешедшие к нам от фашистов. Есть в группе поляки и венгры из политэмигрантов. Все они настоящие патриоты, все жаждут поскорее попасть на родину, чтобы вести там партизанскую и подпольную борьбу с нашим общим врагом.

Сдали раненых. Трудным было прощание, многие плакали. Партизаны, возвращающиеся в немецкий тыл, нагрузили отъезжающих письмами, поручениями разыскать родственников и т. п. Я написал в Киев и в Москву. Так до сих пор и не знаю, где жена и дочь. Последний раз виделся с ними во время бомбежки Луцка.

24 я н в а р я. Провел совещание командиров и политработников, посвященное обратному маршу.

Кое-кто из наших людей все же прорывался в город, да и по делам многим приходилось бывать. Перед отходом всех и вся пропустим через бани, дезкамеры.

Дороги совсем развезло. Пойдем не прежним путем, испорченным бомбежками и распутицей, а новым. Проводниками берем крестьян из одной ближней деревушки - Степана Еремчука и Петра Грицая. Хорошие люди, от фашистов натерпелись много. Обещают вывести нас к тому самому месту на реке Горынь, где мы переправлялись.

Фронт проходит по Горыни, дальше Красная Армия здесь не наступала. После взятия Сарн направление одного из основных ударов советских войск переместилось, насколько я понимаю, на Ровно - Луцк. Ну и правильно! А здесь, в лесах и болотах, мы повоюем.

Распрощались с нашими отвоевавшимися "старичками". Ночью выступаем обратно".

И вот 7-й батальон снова в походе. Трудностей у него не убавилось, хотя и нет сейчас с партизанами "пассажиров", а обоз стал меньше, маневренней.

На шестидесяти санях размещено свыше трех тонн взрывчатки. Опаснейший груз! Конечно, приняты многие меры предосторожности. Ящики с толом старательно обложены сеном и плотно привязаны к саням, чтобы не тряслись. Сани с взрывчаткой рассредоточены, между ними идут возки с безопасным грузом. Все же достаточно упасть поблизости хотя бы одной бомбе, мине или снаряду - может произойти детонация тола. А что бывает, когда взрывается тол, партизаны хорошо знали!

Для того чтобы свести к минимуму опасность угодить под бомбежку или обстрел, отряд продвигался лишь ночами. Невероятно изнурительным, тяжелым был этот марш в темноте, по бездорожью, через глухие леса и подтаявшие болота. Поздним

вечером 27 января партизаны вышли к берегам Горыни. Если переправа в районе села Золотое уцелела, можно еще до рассвета перемахнуть на другую сторону реки.

Но вернулась разведка, и ее командир, запинаясь и теребя портупею, будто сам был в чем-то виноват, доложил упавшим голосом, что переправа разрушена, подходы к месту, где она стояла, заминированы, а льда на Горыни почти совсем не осталось.

Это был удар, и удар очень сильный.

После небольшого совещания с командирами Лысенко объявил свое решение:

- Обоз отведем подальше в лесок, тщательно замаскируем и оцепим охраной. Разведчики отыщут для переправы такое место, где подходы не минированы. Всем остальным бойцам готовить настилы и козлы для постройки моста.

Дело осложнялось еще тем, что подходящего строевого леса под рукой не было. Растущие поблизости березки и осинки толщиной в руку, как и стволы молодого хлипкого сосняка, не смогли бы выдержать тяжести обоза. Крепкий, надежный лесоматериал начали заготавливать километрах в четырех от берега. Затем перетаскивали его волоком к реке и прятали в кустах. Обстановка требовала большой осторожности и скрытности. Людей изнурял холод, питаться приходилось всухомятку. Костер не разожжешь, когда где-то рядом немцы и бандеровцы.

Партизаны работали без отдыха три дня и две ночи. Многие шатались от усталости. Все заметно осунулись, а Скрынника временами еще пробирал озноб.

- Да ты, никак, болен, Кирилл? - спросил Лысенко.

- Здоров на еду, да хил на работу! - отшутился секретарь партбюро, подставляя плечо под тяжелую тесину.

- Говори правду. Может, тебе отдохнуть надо?

- Пустяки!.. Лихорадит немного. А лихорадка не матка, что с нее взять? Отдыхать будем у себя в лагере.

На третью ночь началась установка моста. Мешкать нельзя ни минуты. Несколько десятков партизан вошли кто по пояс, кто по плечи в ледяную воду. Работали с остервенением, в кровь разбивая пальцы, кусая губы... Рядом с бойцами - командиры рот, взводов, политруки. Стоит в воде и Кирилл Николаевич, орудует топором, закрепляя козлы.

Криницкий, будто по срочному делу, отозвал его на берег:

- Ты же болен! У тебя наверняка повышенная температура...

- У многих она повышенная! А секретарю партбюро нельзя отсиживаться на бережку, когда все ладят переправу.

Скрынник сказал это, но тут же пошатнулся. Комиссар приказал ему переодеться во все сухое, выпить стакан разведенного спирта и лечь в сани под тулуп.

К часу ночи переправа была готова. Отряд перебрался да западный берег благополучно. Дальше двигались уже знакомыми местами. Под Золотым опять произошла перестрелка с бандеровцами, а потом шли уже без особых препятствий.

Вечером 31 января участников похода на Большую землю встретили разведчики соединения, а на другой день они все вместе прибыли в Лесоград.

* * *

Как мы радовались удаче! Сотни раненых и людей из гражданского лагеря находятся теперь в полной безопасности и больше не связывают нас. Партизаны старших возрастов отправлены по домам. Пополнено наше вооружение, получен солидный запас боеприпасов, имеем вдоволь взрывчатки. Доставлено и много всякого иного добра. Причем потери среди участников похода минимальнейшие. Правда, заболел Скрынник, но я не сомневался, что его могучий организм справится с простудой, полученной на постройке переправы. После ледяной ванны познабливало и других партизан, но теперь они уже чувствуют себя превосходно.

Однако вскоре выяснилось, что Кирилла Николаевича свалила не только простуда.

- Тиф! Сыпной тиф! - констатировали врачи.

Простуда лишь осложнила и без того тяжелую болезнь. Там, в Олевске, секретарь партийного бюро батальона многое делал, чтобы уберечь наших партизан от инфекции, а вот сам где-то ее подцепил. Несмотря на все усилия врачей, спасти Кирилла Николаевича не удалось. Через несколько дней мы опустили его тело в могилу, и в воздухе прозвучал прощальный салют.

Тяжело было возвращаться с кладбища.

На войне люди умирают часто. Смерть ходит рядом, к соседству с ней привыкаешь, неизбежность потерь создаешь, но все равно щемит и ноет в груди, когда она вырывает еще кого-нибудь из наших рядов. Кирилл Скрынник был хорошим человеком и коммунистом, настоящим партийным вожаком. Он стал партизаном еще осенью 1941 года, когда наш отряд находился в Черниговских лесах под Ченчиками.

Сначала рядовой боец, потом политрук взвода, позже член партбюро, наконец, секретарь партбюро - таков послужной список Скрынника в отряде имени Щорса, ставшем затем 7-м батальоном нашего соединения. До войны Скрынник работал председателем райисполкома на Киевщине. Не знаю, как проявлялись тогда

организаторские способности Кирилла Николаевича, но партизаны всегда прислушивались к его мнению, уважали и любили своего секретаря партбюро, шли за ним. Шли прежде всего потому, что Кирилл Скрынник всегда был в самой гуще людей и влиял на них силой собственного примера.

Если отдыхают, веселятся бойцы, Скрынник не будет стоять в стороне, снисходительно на них поглядывая, а первым затянет песню, пустится в пляс, забренчит на гитаре, растянет гармошку.

Если трудно людям в походе, Скрынник шагает рядом по колено в воде или по пояс в снегу, без жалоб, но и без громких фраз, только роняя с улыбкой бесконечные свои прибаутки.

Если голодно, он поделится с бойцом последним сухарем. Если завяжется бой, Кирилл Николаевич бьет из автомата в передней цепи. Если надо подорвать вражеский эшелон, он вместе с минерами на рельсах. Если строят переправу, он, даже чувствуя себя нездоровым, первым дрыгнет в холодную воду...

Таков был секретарь партбюро Кирилл Скрынник. Таковы почти все наши коммунисты. Они - ведущая, организующая сила партизанских отрядов. Сколько их пало в боях при выполнении своего партийного долга! Скрынник пал тоже в бою, хотя и не от вражеского выстрела...

Этот бой партизаны выиграли. Проложенной через фронт дорогой мы пользовались еще не раз. Пока крупные наступательные операции Красной Армии не переместились в район Ровно и Луцка, наше соединение оставалось на старых местах и продолжало выполнять поставленные перед ним задачи. По-прежнему мы нуждались в надежных связях с Большой землей. Теперь они протянулись и через наш партизанский коридор, движение по которому наладилось в обе стороны.

Нет, коммунист Кирилл Скрынник погиб не напрасно!

КОГДА НЕ БЫЛО ТОЛА...

Благополучное возвращение нашего обоза радовало всех. Для минеров же это событие превратилось в настоящий праздник. Наконец-то с Большой земли был доставлен тринитротолуол, короче - тротил, а еще короче - тол. Получив больше трех тонн мощного взрывчатого вещества, мы могли возобновить диверсионную работу с прежним размахом.

За последние недели подобрали под метелку, употребив тут же в дело, последние толовые шашки. Вражеские эшелоны приходилось рвать лишь изредка, на выбор, связками гранат и артиллерийскими снарядами. Почти все минеры испытывали муки вынужденного простоя. Тоскливо бродили они по своим лагерям в поисках хоть какой-нибудь завалявшейся мины... Да разве такое добро заваляется!

Именно в эти дни распространился слух, будто у командования имеется неприкосновенный запас взрывчатки. Меня, Дружинина, Егорова целыми днями осаждали настойчивыми просьбами раскошелиться. Но вскоре ходатаям стало ясно, что резерв - только миф, созданный ими же самими. Все приуныли еще больше.

Утешением минерам оставались лишь надежды на будущее (которые с возвращением обоза оправдались) и воспоминания о прошлых операциях (а каждому было о чем вспомнить!). Много интересных рассказов довелось мне услышать в землянке подрывной роты, в батальонах, когда приходилось там бывать, у себя в штабе, во время попыток наших мастеров подрывного дела уговорить меня "дать из резерва".

Конечно, эти рассказы не предназначались для печати. Люди просто отводили душу, возвращаясь мысленно к боевым эпизодам, участниками или свидетелями которых они были. Но во многих отношениях рассказы бывалых минеров были примечательными. Кое-что из услышанного я здесь приведу.

Юбилейный эшелон

Это рассказ В а с и л и я К у з н е ц о в а, молодого коммуниста, одного из лучших минеров 1-го батальона.

Вася - богатырского сложения сибиряк, до войны он был золотоискателем. Как-то Кузнецов остался ночевать в центральном лагере, и наши подрывники попросили его рассказать о своей самой удачной операции... Василий задумался на минуту-другую, затем начал окающим сибирским говорком:

- Самая удачная операция? Трудно сказать - какая. Остановил эшелон вот тебе и удача. Ах, самая-самая? Ну тогда - юбилейная операция. Ее никогда не забудешь.

Осенью мы готовились отметить вторую годовщину нашего батальона. Ну как, думаем, отметить такой день? Сначала хотели выбить из какого-нибудь большого села немцев или бандеровцев, митинг там провести, парад устроить. Но поблизости такого села не оказалось, а уходить далеко от "железки" нельзя: участок у нас очень важный - между Луцком и Ровно. Тогда батальонное начальство и партбюро решили отметить юбилей подрывом очередного эшелона, но провести операцию не совсем обычно.

Ведь к чему мы всегда стремились? Прежде всего вывести из строя паровоз, повредить его посильней. Пусть немцы ремонтируют подольше. Известно, чем меньше у врага паровозов, тем меньше пойдет поездов! Не забывали мы и о другой задаче - минировать пути в таких местах, где вагоны друг на дружку полезут и где растаскивать их фашистам придется не один день. Помнить-то об этом помнили, на всякие хитрости шли, чтобы

получше справиться с делом, но все же после взрыва многие вагоны вместе с грузом часто оставались целыми.

А вот юбилейный эшелон решили во что бы то ни стало разделать под орех! Так разделать, чтобы и скорлупы фрицы не подобрали. Остановить, выгрузить все, что партизанам пригодится, а остальное сжечь, уничтожить. Задачка, сами понимаете, не из простых!

Руководить операцией взялся командир батальона Григорий Васильевич Балицкий, Герой Советского Союза. Любит он ходить на операции. Веселый всегда идет, песенку свою любимую напевает: "Эх, махорочка-махорка, партизанский табачок!" Левый глаз Григорий Васильевич тоже на диверсии потерял. Да разве это его остановило!

Провести операцию наметили километрах в двух от станции Олыка. Во-первых, рельсы там по выемке проходят, значит, хороший завал на пути получится. Во-вторых, совсем рядом с полотном шоссейка тянется, очень удобно расположить в кювете группу поддержки.

Вышли на диверсию с вечера. Часам к девяти были на месте. Ставить мину поручили мне. Рвать приказано натяжным способом, веревочкой. МЗД штука умная, это мы все знаем, но вот какой эшелон идет, она разбираться еще не умеет. Может сработать под порожняком или под каким-нибудь маленьким составом. А нам мелочью заниматься в честь юбилея неинтересно! Поэтому и решили взрывать "на веревочку", когда будет вполне ясно, что идет эшелон как раз такой, какой нужен.

Заряд я поставил приличный - килограммов пятнадцать. Теперь нас ругают за перерасход, правильно рутают: пятнадцатью кило и два эшелона опрокинуть можно. Только ведь тогда особое дело было - юбилей, это же не каждый день случается.

Ладно... Заминировал я полотно, замаскировали мы с хлопцами все честь честью, отползли, шнур к укрытию протянули. Теперь ждать надо.

На своих местах были не только мы, минеры. К востоку и западу от участка Балицкий выслал по одному взводу со станковыми пулеметами для прикрытия. Возлагалась на них еще одна задача. Когда мы подорвем нужный эшелон, боковые заслоны должны немедленно заминировать полотно на флангах, чтобы не допустить подхода к нам других поездов. Точно расписаны обязанности и у всех бойцов основной группы.

Сижу в своем окопчике, жду. Часов в одиннадцать показался с запада поезд. Вскоре Григорий Васильевич подал сигнал, что рвать надо этот. Эх, думаю, лишь бы вовремя подгадать! Ни секундой раньше, ни секундой позже! Поспешишь - паровоз,

конечно, с рельсов сойдет, по может остаться неповрежденным. Чуть запоздаешь - взрыв под тендером ударит, опять плохо.

Рванул удачно. Паровоз аж подкинуло, и он упал с откоса буквально вверх колесами, потянув за собой еще два или три вагона. Всего их в эшелоне оказалось тридцать восемь, это вместе с платформами. Паровоз опрокинулся, и все сразу же начали действовать по боевому расписанию. Ординарец Балицкого, бывший железнодорожный машинист, бросается к упавшему паровозу и поджигает масло. Остальные хлопцы бегут к составу.

Поездная охрана быстро очухалась и встретила нас гранатами и автоматным огнем, больше почему-то гранатами. Завязался короткий бой. Человек пятнадцать из охранников мы перебили, остальные разбежались по кустам.

Начинаем "разгрузку". Трофеи - самые для нас подходящие. В трех вагонах - новенькое обмундирование; взяли сотню комплектов. В соседних вагонах - водка, вино, сигареты, тоже годится, особенно если учесть, что завтра в батальоне праздник. Выгрузили несколько ящиков спичек, многие ребята понабрали туалетного мыла, упакованного в картонную обертку. Осмотрим вагон, возьмем что нужно и сразу его поджигаем. Специально были выделены для этого бойцы с факелами.

На открытых платформах стояло шестнадцать автомашин-пятитонок с полной заправкой. Тоже подожгли. Горели исправно, особенно когда баки с бензином начали взрываться.

Продолжаем "разгрузку". У главного кондуктора взяли накладные, чтобы потом разобраться, какой груз остался в вагонах и уничтожен.

Вдруг слышим автомобильные гудки. Да не одна, а много машин сигналят. Наверно, целая автоколонна из Лупка или Ровно идет! Заметили, думаем, фашисты пожарище и выслали сюда пехоту на автомобилях. Плохо. Сматываться пора! А майор Балицкий кричит:

- Продолжать разгрузку! Это же горящие пятитонки сигналят, у них проводку позамыкало.

Оказалось, что и в самом деле горящие автомобили гудят... Ну, конечно, всего с поезда не возьмешь, да и времени нет! К насыпи уже подогнали лошадей. Навьючили их, чем успели. Все остальные вагоны подожгли, включая и те, что остались невскрытыми.

Балицкий приказал дать ракету: это сигнал - всем отходить. По дороге к лагерю подвели итоги. Эшелон уничтожен начисто. Охрана почти вся перебита. У нас, правда, имеется несколько раненых, но большинство ран легкие, от мелких осколков гранат. Трофеи богатые, но потом оказалось, что могли быть еще богаче.

Кое в чем мы промахнулись!

Думали, например, что в картонных коробках мыло, а там лежало по нескольку штук зажигалок. Зачем они, когда в каждой только по одному камушку! Но не в зажигалках главная промашка.

Утром разобрались наши штабисты в накладных на груз, взятых у обер-кондуктора. И что же, оказалось, мы сожгли?! Среди прочего - тысячу штук ручных часов, две тысячи пар простых кожаных сапог и тысячу восемьсот пар хромовых... Вот это да! На все бы соединение хватило. Правда, неизвестно, как вывезти столько добра в лес. Ну хоть сотню пар захватили бы.

Впрочем, черт с ними, с этими простыми и хромовыми сапогами! Важно, что фашистам их не носить! Да, многого они недосчитались... От паровоза и тридцати восьми вагонов одни только обгорелые рожки да ножки остались. Вот какая была у нас юбилейная операция!

Проводник Микола

Хотя В л а д и м и р у П а в л о в у было немногим больше двадцати лет, его справедливо причисляли к нашим подрывникам-ветеранам. Партизанить этому московскому комсомольцу пришлось с первого года войны. На Волыни он уже командовал диверсионным взводом.

Минеры любили послушать Павлова, а ему было о чем вспомнить. Вот один из его рассказов:

- Ну хорошо! Ставить мину трудно, маскировать - тоже целое искусство. Все это известно. Давайте, ребята, о другом задумаемся. А каково было бы нам, минерам, без наших проводников?! Я считаю, что хороший проводник во многом решает успех операции. По непролазным болотам, через лесные чащи выводит он подрывников к самым нужным, удобным местам на железных дорогах. У меня было немало хороших проводников, но самый лучший, надежный из них это, конечно, Микола Слупачек.

Как только пришли мы в этот район, Миколу выделил нашему взводу проводником командир местного партизанского отряда Николай Конищук. Помню, тогда он сказал; "Хлопец толковый, вы не смотрите, что он в лаптях! Тут все у нас лапотники..."

Шестнадцатилетний Микола был сыном чуть ли не самого бедного крестьянина в селе Маневичи. Слупачеки в панские времена лошади не имели, коровенка у них была ростом с хорошую козу, а землицы - жалкий клочок, как говорится, и курицу некуда выпустить. Микола окончил два или три класса, а потом, лет с десяти, стал пастушонком у помещика. Ну, что тут

долго распространяться, всякому ясно, как могла такая семья встретить Советскую власть! Вздохнули Слупачеки свободно, в колхоз вступили. А тут вскоре война.

Четыре раза немцы отправляли Миколу на работу в Германию, и четыре раза он бежал, возвращался в родное село. Подумайте только, четыре раза! Последний раз его успели довезти до Франкфурта-на-Майне. Он и оттуда сбежал, пройдя в своих лапоточках чуть ли не всю Германию. Вернувшись, больше в селе не засиживался, а вступил в партизанский отряд Конищука, откуда его нам и передали.

С виду тихий, незаметный паренек этот Микола, но умен, находчив, смел всем на удивление. Помню, узнал он и доложил мне, что где-то по ту сторону железной дороги лежат в лесу собранные и припрятанные бандеровцами мины к батальонному миномету. Такой товар нам всегда нужен. Решил отправить за ним людей. Микола говорит: "Лучше я один съезжу... Вернее будет!"

Дали ему подводу, лошадь, снабдили липовой справкой. Поехал. Мины взял, сверху дровами прикрыл. На обратном пути надо ему через железнодорожный переезд двигать, где часовой-немец стоит. Прошлый раз, когда телега была пустая, все обошлось: повертел-повертел часовой справку и пропустил Миколу... А теперь? Как ехать с таким-то грузом?

Однако парень не сдрейфил, поехал напрямую. На переезде опять сунул немцу свою справку и давай ему тут же зубы заговаривать. Вынул кусок сала, предлагает на сигареты меняться. Торгуется, спорит... Вот выдержка! Наконец обмен состоялся, закурили они с часовым. Затем Микола не торопясь поехал дальше.

Фашистов ненавидел он люто. Однажды лежим у дороги и видим: путеобходчик идет. Остановился возле только что поставленной мною МЗД. Заметил, наверно. Надо снимать обходчика. Микола просто задрожал весь: "Дай я! Дай я!" Разрешил ему выстрелить, но и сам тоже приложился, чтобы подстраховать, если промажет. Какое там! С первого же выстрела снял он фашиста, а расстояние было приличное.

Все леса, все болота, все тропинки знал Микола как свои пять пальцев. Идешь со Слупачеком всегда спокойно. Выведет, куда тебе нужно. Всюду у него по хуторам знакомые, друзья, это тоже много значит. И, повторяй, никогда не терялся!

Возвращаемся как-то с операции. На санях едем. Человек шесть нас вместе с Миколой. Дорога узкая, по дамбе проложена, а с обеих сторон болото, еще не подмерзшее как следует. Вдруг навстречу две машины. Если машины, так, значит, немцы!

Развернуться и обратно - нельзя, все равно догонят. Вперед - тоже нельзя, остановят. Свернуть - некуда. Бросить сани, а самим по сторонам - опять нельзя: завязнешь в болоте, и перещелкают всех нас по одному. Что прикажете делать?

Микола наш и тут не растерялся. Соскочил с саней и кричит: "Все за мной!" Спрыгнули мы, скатились за ним по откосу дамбы. Микола то вправо, то влево, петли какие-то по кустам делает... Шагаем все дальше и, представьте себе, не вязнем. Немцы уже к саням брошенным подъехали, огонь наугад по болоту ведут. Но мы успели довольно далеко уйти. Никого даже не ранило. Продолжаем шагать за Миколой то в одну, то в другую сторону. Как он ориентировался - просто непостижимо, но вывел нас именно к тому хутору, куда мы направлялись.

Мечтал Коля Слупачек сам сделаться минером. Бывало, сидишь, снаряжаешь мину, а он глаз с твоих рук не спускает. Только спросит иногда: "А это зачем? А здесь что?" Ну, объяснишь ему, покажешь... Потом стал просить: "Дай я смонтирую, а ты проверь!" Когда ему наконец разрешил, подготовил он все отлично. Проводка - правильная, кнопки - на месте, детонатор тоже умеет подключать. Не раз его проверял: научился! А уж насчет того, что к полотну он подберется, поставит мину, замаскирует ее как надо, сомневаться не приходилось.

Долго покоя мне не давал: "Разреши!" И вот, недавно это было, я сказал: "Ладно, в следующую операцию будешь ставить ты". Прямо именинником почувствовал себя наш Микола, радуется, сияет... Подготовил он МЗД. Я проверил: все правильно, все хорошо. Вторым номером к нему выделил парня поопытнее. Пошли.

Никогда с Миколой на засады не нарывались. А вот тут не повезло! У самой железной дороги встретили нас немцы огнем. Еще издали обстреляли нашу группу. Потеряли мы лишь одного человека. Шальной пулей был убит именно он, наш проводник Микола Слупачек, который так хотел стать минером. Смерть его была легкой. Он лежал на снегу, прижимая к груди ящик с МЗД. Лицо спокойное, губы застыли в последней улыбке... Эх, жаль парня!

"Аллигаторы" и "крокодилы"

Однажды у меня в землянке засиделся политрук диверсионной роты Н и к о л а й Д е н и с о в, отличный минер, в прошлом кадровый офицер. В тот вечер он рассказал мне интересную историю, которую приведу здесь почтя дословно:

- Вот вы, Алексей Федорович, все требуете от политработников изучать людей, побольше бывать с ними, знать, чем человек дышит. А мы так и делаем! Наших минеров я хорошо

знаю. Народ воспитываем правильно и многого уже добились. Но вот другой раз такого насмотришься, что все вроде правильно, а конкретные факты ну ни в какое политдонесение не лезут.

Расскажу вам хотя бы такой случай.

Начну с того, что все наши минеры, шутя конечно, делят себя на "крокодилов" и "аллигаторов". Самые опытные, бесстрашные и удачливые - это "крокодилы". Вот, скажем, Павлов, Клоков, Резуто считаются "крокодилами". Таких много! Но есть и "аллигаторы", эти работают послабее. И к нужному участку не всегда выйти сумеют, и мина у них иной раз не сработает, а сработает, так результаты крушения меньше, чем у "крокодилов". Вот и считаются такие минерами уже другой, более мелкой породы.

Вернулся я недавно с дороги Брест - Пинск. Есть там в группе у Мыльникова один хлопец, некто Владимир Гончаров, щупленький такой, веснушками обсыпан. В минерах он давно, а эшелонов подорвал мало. Володьку этого ребята считают типичным "аллигатором". Все у него неудачи! То, оправдывается, подойти было невозможно, то поставит мину, но детонатор откажет, случалось, что и обнаруживали фрицы его эмзедухи. Снять-то, конечно, не снимут - взорвут, но опять гончаровская работа пошла насмарку.

Заинтересовался я, почему у Гончарова вечно так получается. Мнутся ребята... Не говорят ничего определенного. И все же постепенно выяснилось, что трусоват Володя. Нельзя сказать, что форменный трус, а дрейфит немного на операциях. А ведь его не обвинишь, что не выполнил приказа, отказался идти! Идти-то идет, но внутренне трусит, не уверен в себе. И ничего с этим чувством человек поделать не может! Это ведь выше его, сильнее. А если минера внутренний озноб пробирает, если не может он эту дрожь в себе подавить, то хорошей работы не жди. Ему всегда будет казаться, что подойти к рельсам нельзя, а если уж подойдет, так только и думает, как бы скорее назад... Товарищи Гончарова по группе все это отлично понимали. Ну и, конечно, уважения к нему не было.

Вот тут-то мы и подходим к проблеме воспитания мужества. Не воспитаешь его только через политбеседы или стенгазету! Ну, беседы проводим, о храбрости, о смелости говорим, Суворова цитируем, лучших в пример ставим. Но все это на Гончарова мало влияло. Даже карикатуры в стенгазете не помогали. А вот отношение к нему товарищей, безусловно, действовало!

Сразу и не выразишь, как ребята к нему относились. Разные оттенки были. Открыто, в лоб, не упрекали. А так, знаете, чуть снисходительно, чуть презрительно поглядывали на него. И весьма неприятный для Гончарова разговор умели завести. И

камушек в его огород любили кинуть.

Один только человек открыто над Володькой посмеивался. Есть там Сашка Машуков, рыжий здоровенный хлопец, минер отличный, настоящий "крокодил". Так он на Гончарова даже покрикивал: "Сбегай туда-то!.. Принеси то-то!.." Но дело не в Машукове. Чувствовал Гончаров, что все к нему неважно относятся, и переживал это сильно. А пойдет снова на операцию - опять неудача, опять что-нибудь не то!

Но вот в самом начале зимы отправили мы несколько мелких групп на дорогу в район станции Янов-Полесский. Участок незавидный! Тянется он километров на двадцать, и все по открытой местности. Левее, правда, есть небольшой лесок, но в нем расположилась с машинами эсэсовская часть, охраняющая дорогу. На правом фланге участка подступают почти к самой насыпи остатки вырубленного леса: вывороченные корневища, пни... Это место партизаны так и называют - "Пеньки".

Как будто и удобно здесь подбираться к рельсам, а в действительности наоборот. Именно в этих "Пеньках" и устраивала дорожная охрана засады. Много там белорусских партизан пострадало, да и наши нарывались. "Пеньков" стали бояться, их всегда обходили. Бывает у минеров такой страх перед местом. Считалось, что уж лучше ползти полем, чем через "Пеньки".

Ну вот ушли группы на задание, и Владимир Гончаров с ними. Ему выпало минировать как раз у самых "Пеньков", на правом краю участка.

Отправились группы, как водится, с вечера, а под утро начали возвращаться. Вернулись все, кроме гончаровской. Нет ее и нет! Беспокоимся. Догадки строим. Ведь за участком-то наблюдали. Ни перестрелки, ни какого-нибудь другого шума ночью не было. Ну, что предположить? Не иначе как Гончаров со всей группой в плен угодил. Плохи дела!

Все же надеемся, что, может, вечером, когда стемнеет, вернется. Однако нет Гончарова и вечером... Ночь наступила. Вдруг слышим, на "железке" ба-бах... Мина сыграла! И могла эта мина быть только гончаровской. Только он должен ставить с замедлителем на сутки; у других сроки побольше. Через некоторое время возвращается в лагерь сам Володя со своими ребятами. Тут же докладывает: "Эшелон подорван! Повреждены паровоз и девять вагонов".

Начинаем расспрашивать. Оказывается, на этот раз Гончаров твердо решил без эшелона не возвращаться. К участку подобрался через эти самые проклятые "Пеньки". Мину поставил еще прошлой ночью. И вот сутки ждал результата. А где ждал? В

"Пеньках". Замаскировался со своей группой в каких-то норах и лежал там чуть ли не рядом с обходчиками.

Спрашиваю его: "Зачем было ждать?" Гончаров отвечает, что, не сработай мина в срок, пошел бы ее проверить. "А кнопка неизвлекаемости?" напоминаю. "Я знаю, - говорит, - где моя кнопка и как ее закрепил. Все равно бы проверил!" И наверно, проверил бы... Ведь провалялся же сутки в "Пеньках"!

Можно представить, каково ему там было! Значит, сумел парень преодолеть страх. Над самим собой одержал победу! Ребята наши прекрасно это поняли. Поздравляют Гончарова, хвалят, уважительно так расспрашивают. И в это самое время вернулся в лагерь Сашка Машуков, ходивший на связь к белорусским партизанам. Только-только появился и еще не в курсе дела. Увидел он Гончарова и кричит: "Эй, Володька, тащи мне воды умыться! Не бойся, вода не рванет!"

Молча подошел к нему Гончаров, размахнулся да как ляпнет Машукова по скуле. Тот, наверно, не столько от удара, сколько от неожиданности с ног долой... Поднимается и - на Володю... Но разве ребята позволят? Схватили Сашку, объяснили ему в двух словах положение. "Ну, если так, - говорит Машуков, - дай, Вовка, пять, и будем друзьями! А с эшелончиком поздравляю!"

Потискал ему руку, обнял.

И вот с этих-то пор не узнать стало Гончарова. Вскоре еще два эшелона подорвал. Страх в себе подавить - это трудное всего, особенно первый раз. А там уже появляется вера в себя, и минер все смелее работает, все спокойнее, а поэтому и точнее... Вот и Владимир Гончаров скоро настоящим "крокодилом" станет!

Да, но с чего же я начал? И к чему веду? Все правильно с этим Гончаровым получилось. Правильно, что ребята окружили его холодком. Правильно, что человек переживал, потом сумел себя перебороть. Правильно, наконец, что Машукова по роже двинул... А как обо всем этом сообщить в политдонесении?! Придется лишь в общем и целом.

Письмо от гусар

Я понимал, что В с е в о л о д К л о к о в, заместитель командира 1-го батальона по диверсионной работе, явился ко мне неспроста. Но Всеволод хитрил... Он начал очень издалека:

- Письмо недавно получил. Интересное письмецо... От кого? Да от венгерских гусар. На том участке, где мы в последнее время работаем, венгерские гусары дорогу охраняют. Не знаю, почему немцам вздумалось кавалерию к этому делу пристроить. Колею гусары осматривают пешими патрулями, а так вообще разъезжают на конях. Только кони у них сильно отощали! Насчет своих коней они и письмецо партизанам сочинили.

Положение на нашем участке следующее: охрана базируется на станции Грывятки, мы находимся в лесу, а у самой окраины леса стоит несколько стогов сена. Вот гусары за этим сеном и ездят, но ведь мы не даем брать! Постреливаем из леса, не допускаем... Они и так и этак подбираются, да редко удается им подойти к стогам. Позиция-то у нас выгодная!..

Недавно приносят мне ребята лист бумаги, покрытый каракулями на русском языке. Нашли этот лист у одного из стожков. Был прикреплен к воткнутому в землю колу.

Начинаем разбирать, что же написано. Кое-как разобрали. Вот содержание письма: "Партизаны! Люди воюют - это их дело. Но при чем тут лошади? Не надо обстреливать мадьяр, когда идут за сеном. Давайте так: вы нас не замечайте, и мы вас не будем замечать".

Задумались мы над этим посланием. И припомнили многое из поведения невольных союзников Гитлера. Вспомнили сначала итальянцев. Еще с год назад, когда действовали на севере Черниговской области, забрали мы однажды в плен человек двадцать итальянских солдат. Они по селам ездили, мародерством занимались. Привели итальянцев в штаб соединения, к вам, Алексей Федорович. Вы тогда решили этих пленных накормить, напоить и отправить обратно, к своим. Но итальянцев не только накормили и напоили, но и показали им наши лучшие отряды, нашу артиллерию. Они просто глаза вытаращили. "Да какие же это партизаны?! - говорят. - Они лучше нас вооружены, лучше одеты, лучше питаются!.."

А когда итальянцы вернулись в свою дивизию, они там все рассказали и целое восстание у себя подняли. Недели две бунтовали, офицеров немецких перебили... Кончилось тем, что взбунтовавшихся отправили на фронт.

Ну, а сколько раз румыны, чехи добровольно к нам переходили! А как осторожно вели себя по отношению к партизанам словацкие части, когда мы рейдом на Волынь двигались?! И вот теперь - письмо от венгерских гусар.

Ясно, что тут не в отощавших конях дело! Воевать людям опротивело, и все. И венгры уже понимать начали, что воевать им приходится за чужие интересы. Вот отсюда-то и идет: "Вы нас не замечайте, и мы вас не будем замечать". Вроде перемирия предлагают.

Ну, а у нас основная задача - железную дорогу рвать, а не на мадьяр охотиться. Правда, к дороге - хотят там охранники или не хотят - мы всегда проберемся. Но пусть бы к полотну меньше приглядывались во время обходов. Зимой минировать трудно, иной раз все следы не уничтожишь... Решил я посмотреть, как

поведут себя гусары дальше. И со своей стороны для пробы принял меры: сказал ребятам, чтобы не стреляли, если венгры явятся за сеном.

Миновал день, другой. Видим, пробираются гусары к стогам. Осторожненько так, с опаской. Берут сено, а сами все на лес оглядываются. Не стреляем. Набрали они, повезли... Один повернулся и даже рукой в сторону леса помахал. Наверно, догадывались, что мы следим.

Сено-то они взяли, а как с нашими минами будет? После очередной установки МЗД, которые замаскировали честь честью, я нарочно в двух местах между рельсами прутики небольшие воткнул, а вокруг землю немного взрыхлил. Вроде бы мины "на палочку" поставлены... Залезли хлопцы на деревья понаблюдать, что будут делать патрульные. Проходят они утром и палочек наших "не замечают", нельзя их не заметить, а они "не замечают".

Еще не один раз точно так же испытывали мы венгров. "Не замечают", и все! Значит, и к тем местам, где настоящие мины поставлены, особенно присматриваться не будут. Видите, какая история с письмом получилась!

Однако пока что выигрывают на этом только венгерские лошади. Сена-то они хотя и не вволю, но получают, а вот нам минировать совсем нечем. Ну, ни крошки тола не осталось! И вот, Алексей Федорович; если бы вы дали нам из вашего личного резерва... Как нет?! Неужели? Эх, пропадает наша дружба с гусарами!..

Стальная черепаха

Подвижный, веселый, никогда не унывающий комсомолец О л е г Я р ы г и н был минером в 6-м батальоне. Ему довелось участвовать в операции против фашистского бронепоезда. Вот рассказ Олега об этом боевом эпизоде:

- Жить она не давала нам, эта черепаха! Ползет себе и по обе стороны от полотна из пушек осколочными чешет, да еще пулеметным огнем поливает. На других участках, говорят, немцы только самодельные бронепоезда пускали. Обложат платформы мешками с песком, ну паровоз на скорую руку стальными листами прикроют... А у нас между Ковелем и Маневичами настоящий бронепоезд ходил: четыре платформы, два вагона и паровоз, все в заводской броне. Одни лишь дула из бойниц торчат. Огонь поезд вел плотный, километра на два в глубину.

Летом фашисты на охрану дорог со всех сел и хуторов собак мобилизовали... Помните? А вот теперь дело уже и до бронированных поездов дошло. Выходит, наша партизанская марка поднимается! Но не очень-то приятно находиться в лесу, на подходах к дороге, когда по тебе вдруг начинают из пушек

шпарить! В общем, генерал приказал все эти бронепоезда подорвать... Наше дело - выполнить приказ.

Диверсионной группе, в которой я был, пришлось охотиться как раз за той черепахой, что между Ковелем и Маневичами ползала. Минировать путь пришлось Дмитрию Резуто, Василию Заводцову и мне. Но чем взять эту черепаху? Какой миной?

МЗД тут не годится. Ее на срок ставишь, а бронепоезд может пройти раньше, чем она изготовится. Потом, у МЗД - вибрационный замыкатель, а бронепоезд до того медленно ползет, и такой он тяжелый, что вибрации почвы не производит.

Может, тогда ставить мину нажимного действия или попробовать "на палочку"? Опять не годится. На таких минах первый же проходящий поезд подорвется, а нам ведь обязательно черепаха нужна. Думали-гадали и в конце концов решили, что надо применить самую обыкновенную "нахалку", по заряд в ней удвоить.

Правда, и храбрость здесь от минера не двойная, а даже тройная требуется. Ставить мину надо в открытую, когда поезд уже виден, а ведь идет не простой эшелон. С бронеплощадок и вагонов немцы огонь на ходу ведут не только по сторонам, но и вперед. Заметят - и амба тебе! А брать надо, без результата лучше в лагерь и не возвращайся!

"Нахалку" ставить вызвался сам Резуто, наш заместитель командира по диверсиям. Конечно, в операции не один он участвовал. Было прикрытие, дозорные на деревьях сидели... Подстерегали черепаху мы по утрам. Ребята уже выследили, что она чаще всего утром от Ковеля до Маневичей прогуливается.

Ждем с Дмитрием в сотне метров от полотна. Блиндажик пришлось сделать. Нельзя иначе: осколочными будут из бронепоезда бить. Вскоре дозорные сигнал дали - идет черепаха, в бинокль видно, затем мы и сами слышим - ползет, постреливает.

Резуто с "нахалкой" - к насыпи, по-пластунски. Лишь бы сейчас его не заметили! Когда поезд совсем близко будет, тогда минеру легче, он в "мертвое пространство" попадает, и пулей его не возьмешь.

Черепаха громыхает все ближе. Но ползет еле-еле, скорость - километра три в час. Почему-то вдруг стрелять перестада. Возможно, оттого, что уже до станции недалеко.

Вижу, Митя к рельсу "нахалку" крепит. Потом исчез, я не уследил, куда он делся. Бронепоезд все идет, идет... Ба-бах! Взрыв!.. Есть, остановился. И сразу же огнем из всех бойниц - по лесу, по лесу. На счастье, через наши головы бьет. Но где же Резуто? А вот он, вижу, вернулся! В грязи весь, щека поцарапана. "Ну что там?" - спрашивает.

Сам еще не знаю, что получилось. Только стоит бронепоезд, ни туда ни сюда. Машинист вылез. Стрелять по нему нельзя: себя обнаружим.

Потом выяснили, что "нахалка" рельс вышибла и левое ведущее колесо у паровоза сорвала. На шпалы он сошел. Эх, думаем, мало! Но оказалось, что не так уж мало.

Для того чтобы приподнять поврежденный бронированный паровоз, в Маневичах крана подходящего не нашлось. Пригоняли один, а он не берет. Тогда вызвали немцы другой кран, помощнее, из Ковеля, но ему подойти к паровозу не давали задние вагоны и платформы. Пока их растаскивали, маневрировали, пока паровоз приподнимали, пока колесо ставили, путь ремонтировали - больше суток прошло. Никакого движения по дороге не было. Затем паровоз ремонтировать пришлось. Что-то у него еще кроме колеса повредило. На буксире в Ковель увели.

Но суть еще и не в этом! Показали партизаны немцам, что и бронепоезда нам не страшны. Сегодня остановили, - значит, и завтра остановим! Да и на других участках бронепоезда уже подрывали... Куда фашисты дели подбитую стальную черепаху, я не знаю, но между Ковелем и Маневичами она больше не показывалась.

Внимание! Съемка!

Оператор М и х а и л Г л и д е р, прикомандированный "Союзкинохроникой" к нашему соединению, участвовал во многих боевых делах. Я был свидетелем, как в одном из батальонов партизаны окружили Глидера и потребовали от него рассказать о съемках операции у станции Трояновка. Миша согласился не сразу:

- Да, ей-богу, нечего тут рассказывать! Интересно? Это в кино интересно будет смотреть, а снимать не очень-то интересно, особенно если комары тебя со всех сторон атакуют. Ну ладно, ребята, расскажу... Но сначала присказку послушайте.

Присказка простая. Ваше оружие - мина, автомат, винтовка, пулемет, пушка, а мое оружие - кинокамера. Как и вы, я свое оружие должен на все сто процентов использовать. А это значит, что партизанскую борьбу я обязан показать на экране широко, правдиво, со всеми ее трудностями.

Наше соединение в основном диверсионное. Учебу минеров я снимал, подготовку к выходам на операции снимал, возвращение с операций снимал, а как же обойтись без кадров, показывающих результаты партизанской работы? Выходит, надо заснять и подрыв эшелона. Командование пошло мне навстречу. Разрешило участвовать в одной из операций.

Конечно, минеры, которым предстояло подорвать эшелон,

стали моими помощниками. Вы их обоих хорошо знаете: это Володя Павлов и Миша Глазок. Они-то мне помогали, а я им, в сущности, мешал. Ребятам пришлось заботиться не только о том, чтобы поезд подорвать. Вторая у минеров забота появилась: так подорвать, чтобы я мог снять это получше.

Прежде всего надо было выбрать для операции место, где больше света, где лес по утрам не заслоняет солнце, притом нельзя, чтобы солнце в аппарат било. Насыпь требовалась повыше, чтобы на ней эшелон хорошо был виден. Нашли такой участок неподалеку от станции Трояновка.

Подобраться к нему оказалось трудно. Шли по болоту, через какие-то заброшенные дренажные канавы, перемазались в грязи по самые уши. К намеченному пункту прибыли уже поздно вечером. Тут на нас комары и навалились! Какие-то возле Трояновки бесстрашные и настойчивые комары. Целыми тучами на тебя пикируют.

Но комары - полбеды. Подходы к полотну очень открытые, вот это похуже. Лишь кое-где кустики растут, а лес далековато. Выбрал я себе позицию под одним из таких кустов, сижу, веточкой комаров отгоняю.

Ночью Павлов с Глазком мину поставили. Я место засек, чтобы знать точно, куда кинокамерой утром прицеливаться. Минеры потом подальше, к лесочку, отошли, а я со своим ординарцем Прошей Помазанко так под кустом и остался.

Начало светать... Огляделся - что за черт?! - да ведь куст наш совсем маленький, реденький, полотно же - почти рядом. Ночью-то, в темноте, казалось, что полотно находится сравнительно далеко, да и куст выглядел гуще. А теперь, при свете, меня первый же обходчик заметит! Пришлось податься назад, к ребятам. Ну, они сразу для меня другую позицию нашли, понадежнее.

Только устроился на новом месте, как на полотне обходчики показались. Прошли, не заметили мины. Вслед за ними контрольная дрезина проехала, но Павлов так взрыватель отрегулировал, что под малым весом он не мог сработать. Патруль прошел, дрезина проехала - остается ждать эшелон.

Вскоре он появился. Поднял я кинокамеру, поймал паровоз и передние вагоны в кадр и веду съемку по движению эшелона. Лишь бы пленка раньше времени не кончилась!

Вот паровоз приблизился к ориентиру, отмечающему точку минирования. Сработает ли мина? Волнуюсь... Еще секунда-другая - и вспыхнуло пламя, вырвался густой дым. Взрыв произошел под самым центром паровоза. Он с рельсов долой, накренился сильно, а вагоны полезли друг на друга... Словом,

было что снимать!

Но вдруг поднялся такой визг, такой крик, что я даже растерялся и на минуту опустил камеру. Да сколько же, думаю, там немцев, что столько воплей?! Прислушался... Тьфу! Да это поросята визжат... В передних вагонах немцы поросят везли!

Вот так снимал я крушение под Трояновкой. Что? Как получилось, спрашиваете?.. К сожалению, пока еще не знаю. Только недавно смог отправить пленку в Москву. Там проявят... Надеюсь, что кадры удались*.

_____

* Они действительно удались и вошли в большой документальный

фильм о советских партизанах.

Счастливая пара

Мой заместитель А л е к с е й Е г о р о в вернулся из дальнего батальона. Я выслушал его доклад о поездке, и затем мы просто сидели, курили, беседуя о том о сем. Мне показалось, что Егоров взволнован чем-то еще не высказанным, о чем продолжал думать. Так это и было. Уже перед уходом он поделился со мной своими мыслями:

- Жизнь идет, Алексей Федорович, не остановишь ее! Вот война сейчас, вокруг столько смертей, пылают пожарища, наши мины на дорогах гремят, а люди остаются людьми. Рядом с горем и ненавистью есть у них в сердцах место и для любви, для нежности... Видел я недавно счастливую пару! Смотрел и завидовал.

Помните, когда прислали к нам девушек-минеров, кое-кто отнесся к ним с этакой нехорошей усмешкой... Куда им, дескать, на диверсии ходить!

А какими отличными подрывниками показали себя девчата! Спокойно работают, точно, с какой-то особой женской аккуратностью. У сибирячки Маруси Абабковой на счету четыре эшелона, у Ани Просенковой - три, у Нины Кузьниченковой - три. Это только личных, не говоря о тех, в подрыве которых они участвовали в группах.

Приударить за хорошей дивчиной у нас, конечно, охотники найдутся. Вот и вокруг Нины увивались многие. Говорят, круто она с ними обходилась. А вот с Павлом Медяным у нее как-то сразу дружба пошла. Без дружбы и нельзя, если минируют вдвоем. Так все и думали - ну дружат и дружат... Но недавно преподнесли они командиру батальона новость. Явились к нему, покраснели оба, волнуются, и Медяный говорит:

"Простите нас, товарищ командир, но мы с Ниной теперь муж и жена. Хотим, чтобы вы знали и всем было известно... Нам

таиться нечего".

"Не поторопились ли?" - спрашивает командир.

Они молча покачали головой да с такой любовью взглянули друг на друга, что и переспрашивать не пришлось.

Я пробыл в батальоне дня три, наблюдал незаметно за Ниной и Павлом. Вот, смотрю, сидят они в землянке, снаряжают мину. Жена батарейку, замедлитель, детонатор проверяет, муж проводку монтирует... Все время о чем-то тихо советуются. И видно, что с полуслова и он ее и она его понимает. Кончили готовить мину, сидят рядышком, ни слова ни говоря, только Нина руку свою на руку Паши положила. И чувствую, что приятно, хорошо им вот так сидеть. Чем-то мирным, чистым веяло от Павла и Нины.

При мне они на задание уходили, оба подтянутые, серьезные, спокойные. Шли все время рядом, так и с глаз скрылись.

Потом, ночью, я пытался представить, как вдвоем ползут они к рельсам, как делают свое трудное, опасное дело, оберегая друг друга, помогая друг другу. И ведь по-особенному все это должно быть у них.

Утром вернулись благополучно, доложили о выполнении. Я поинтересовался:

"Кто же первым номером работал, кто вторым? На кого записывать эшелон?"

"Мы вместе... Нам все равно, на кого запишут", - ответил Павел.

"Вместе мы!" - подтвердила Нина, бросив на мужа счастливый взгляд.

Вот так бы им всегда быть вместе и всегда счастливыми!

Забавный случай

До войны комсомолец Б о р и с К а л а ч работал слесарем-инструментальщиком Черниговской МТС. В партизанском батальоне он стал командиром взвода подрывников. Вот что рассказал однажды Борис о своих хлопцах:

- Наш взвод молодежный. Ребята у нас не скучают. Повеселиться, посмеяться они мастера! И особенно любят такие случаи, когда нам весело, а фашистам горько.

Если выкатить на рельсы пень, немцы в темноте или издали обязательно примут его за минера и будут долго обстреливать. Но ничего, кроме улыбок, у ребят это не вызовет. Для того чтобы получилось посмешней, нужна более серьезная подготовочка...

Идем мы как-то к железной дороге на операцию, попадается под ноги старая немецкая фляжка, обыкновенная алюминиевая фляга для воды. Прихватили ее с собой. Когда уже поставили мину, в сотне метров от нее зарыли между шпал эту фляжку, а

замаскировали следы своей работы небрежно, так, что даже горлышко фляги виднелось. Утром забрались на деревья понаблюдать, не обнаружит ли патруль нашу мину, а заодно поглядываем и туда, где фляжка закопана.

Конечно, первому же патрулю это место показалось подозрительным. Поставили немцы над пустой фляжкой заградительный знак. Уже смешно! Один из охранников мчится к станции. Еще смешней! Прибывают саперы. Совсем весело!

Отходят гитлеровцы подальше, а один, самый храбрый, начинает осторожно отгребать от горлышка фляги песок. Потом саперы накинули на горлышко веревочную петлю, протянули веревку подальше от полотна, спрятались за какое-то укрытие, тянут-потянут - и вытянули флягу. Посмеялись мы вдосталь! Ну, а мину нашу фашисты и не заметили.

В следующий раз, когда собирались на операцию, специально отыскали такую же фляжку и взяли с собой. Снова ее зарыли, но уже подальше от мины. А почему подальше? Теперь вместе с флягой положили еще килограмма два тола. Ну понятно, соединили тол с флягой взрывателем натяжного действия.

Снова наблюдаем с деревьев, что получится... А получилось, как и рассчитывали! Патруль, обнаружив флягу, решил, что повторится прежняя история, и один из охранников смело потянул ее за горлышко. В результате ни фляги, ни патруля, одна только яма на полотне да погнутые рельсы. Тоже довольно смешно. Еще смешнее получилось, когда к месту происшествия направился ремонтно-восстановительный поезд и подорвался на нашей мине.

А в другой раз мы прямо чуть не умерли со смеху. Тут история будет уже не с флягами, а с горшком. Когда шли к "железке", на одном хуторе дали нам горшок кислого молока. Во время привала молоко мы съели, посуда осталась. Чего же, думаем, добру пропадать?! Вот и решили горшок тоже на железнодорожном пути зарыть. Но не пустым! И не с толом... Ну, как бы тут покультурнее выразиться?! В общем, употребили этот горшок в качестве ночного. А было нас шестеро... Представляете?!

Закопали горшок с его новым содержимым между шпал, маскировать особенно не старались. Ну, а еще раньше мину в сотне метров от этого места поставили. Утром смотрим с деревьев, как развернутся события.

Сначала все шло строго по плану. Охранники остановились у места, где зарыт горшок. После того как недавно несколько патрульных разнесло в куски, никому из охранников исследовать подозрительное место не было охоты. Сразу вызвали со станции саперов. И эти держались осторожно. Подобраться им к нашему

сюрпризу сбоку, со стороны откоса, нельзя: мы горшок между рельсами, как раз посередине, закопали. Видим, отошли фашисты в сторонку, совещаются. Что придумают, не знаем. Теперь все будет уже по их плану, а не по нашему.

Смотрим, спускаются с полотна, еще дальше отходят и начинают рыть окоп. Вырыли, спустились в него и давай оттуда на полотно гранаты бросать. Эге! Значит, хотят вызвать детонацию нашей "мины"... Но ведь заряд-то в ней совсем особый, детонации не поддается! Конечно, гитлеровцы этого не знают. Все же непонятно - зачем им гранаты бросать? Поставили бы на колею толовую шашку, взорвали бы ее, и все... Или у них толу с собой не было, или это не саперы, а просто солдаты, но метание гранат продолжалось. Только щепки во все стороны от шпал летят! Ну, знаете, братцы, мы от смеха с деревьев чуть не попадали...

Гранаты рвутся, а наша "мина" по-прежнему молчит. Вскоре боеприпасы у гранатометателей кончились. Вылезают они из окопа и - снова к полотну. Один, вытянув шею, чуть ли не на цыпочках впереди идет. Наверно, разрывы гранат все же повредили наш горшок, и этому переднему фрицу сильно в нос шибануло. Вдруг он как бросится к месту "минирования", как заорет что-то!.. Остальные - за ним. Такой галдеж подняли, такую жестикуляцию!

Обидно фашистам. И не только за горшок обидно. Ведь сами же полотно гранатами исковыряли! И самим же его ремонтировать надо.

А у нас не смех уже, а сплошной хохот! Повеселились мы в тот день и еще раз. Ремонтировали немцы путь старательно и довольно быстро устранили следы гранатометания по горшку. Покончив с этим, дали сигнал поджидавшему на перегоне эшелону: все в порядке, путь открыт... Машинист обрадовался, разогнал паровоз, и эшелон с полного хода подорвался на настоящей мине. А что бывает, когда поезд терпит крушение на большой скорости, никому из вас объяснять не надо. Вы народ грамотный!

ВЫРОДОК

- Рука у него действительно прострелена? - спросил я работника особого отдела Максимова.

- Да... Но левая рука. И притом пуля прошла через самую мякоть. Вряд ли ранят так аккуратно, когда стреляют вдогонку!

- Сам прострелил?

- Ему прострелили. Шагов с двух. Руку обернули мокрой тряпкой, чтобы на теле не было порошинок и следов ожога. Обычное дело!

- Что известно от агентуры?

- Служил у бандеровцев. Но ведь он сам этого не скрывает.

- Важно, на каких ролях служил.

- Это и устанавливаем. Вчера отправил наших людей в Ратное. К Ратненскому району он имел какое-то отношение...

Еще во время рейда соединения на Волынь вражеская разведка начала засылать к нам шпионов. Помню, где-то под Мозырем командир местного партизанского отряда привел ко мне и порекомендовал в качестве хорошего связного некоего Николая Витковского, бывшего бухгалтера немецкой газеты "Мозирцейтунг". Витковский растратил двадцать тысяч рублей, за что угодил в тюрьму, откуда и бежал к партизанам.

Разумеется, растрата денег не могла быть свидетельством его политической благонадежности. Мы занялись проверкой Витковского. Оказалось, что двадцать тысяч он и в самом деле прокутил, из тюрьмы действительно бежал, однако побег ему устроили гестаповцы, завербовавшие бухгалтера-растратчика к себе на службу. Со шпионскими целями Витковский проник сначала в местный партизанский отряд, а затем пытался пробраться и к нам.

Кажется, именно с Витковского наш особый отдел начал на правом берегу Днепра счет разоблаченным вражеским лазутчикам.

За Витковским вскоре последовал Тимофей Шмат, предатель, служивший фашистам уже больше года и подосланный к нам тем же мозырским гестапо. Провалился у нас и опытный вражеский разведчик, музыкант по профессии, Давид Косов, окончивший специальные диверсионные курсы в Житомире.

Когда мы начали действовать в районе Ковеля, вражеских агентов стали засылать главным образом оттуда. Сначала были разоблачены и уничтожены выкормыши ковельского гестапо Петр Костенко, Борис Зиньков; такая же судьба постигла и Катарину Пшагоцкую с Лидией Носовой... А вот теперь контрразведчики соединения ведут работу вокруг ничего пока не подозревающего бывшего бандеровца Ивана Лукьянюка, явившегося к партизанам с простреленной рукой.

Но бывшего ли? Разуверился в националистах, бежал, преследовали, ранили... Часто повторяющаяся и не очень-то убедительная история! Правда, ей сразу же поверили в соседнем партизанском соединении, где приняли перебежчика в один из отрядов. Однако вскоре Лукьянюка, по его просьбе, передали нам. У нас же особисты оказались более въедливыми. Впрочем, пока они не располагали ничем, кроме подозрений. Но ведь, собственно, с подозрений и начинается всякое разоблачение.

Только были бы подозрения основательны.

После разговора с Максимовым я подумал, что если Лукьянюк действительно вражеский шпион, то он наверняка не избегнет участи своих предшественников. Немецкая и бандеровская разведки проявляли к нашему соединению постоянный интерес, но сумели добиться очень немногого.

Противник довольно точно знал расположение нашего штаба. У взятых в плен гитлеровских офицеров мы нередко находили карты, на которых район нашей дислокации был помечен подписью "Bandit Fedorov". Но ведь соединение почти в четыре тысячи человек - не иголка, установить, где оно находится, не так сложно, для этого не требуется какого-то особого разведывательного мастерства. А много ли проку немцам от того, что известно наше месторасположение? Попробуй доберись до партизан! Вот осенью они пытались вытеснить нас из междуречья Стохода и Стыри, да поломали зубы.

Знал кое-что противник и о нашем командном составе. В бандеровских газетенках печатались относительно верные биографические сведения обо мне и о других партизанских руководителях. Только моего друга Сидора Артемьевича Ковпака бандеровцы и немцы почему-то упорно называли цыганом, хотя он украинец чистых кровей.

Но опять-таки, что толку врагу от наших биографий?!

А вот секретом новой мины, которой пользовались партизаны, секретом знаменитой МЗД-5 противник не мог овладеть, как ни старался. Конечно, этот секрет мы строжайше охраняли, но, откровенно говоря, разоблачать шпионов нам помогали и бездарные, топорные, самые примитивные методы, которыми они подчас действовали.

Хочу, чтобы читатель меня правильно понял. Я вовсе не отрицаю высокой профессиональной квалификации, больших возможностей немецко-фашистского разведывательного аппарата вообще. Речь идет лишь о ковельских гестапо, СД, службе абвера. Грубо они действовали, очень грубо!

Взять хотя бы недавний случай, связанный с очередной попыткой гитлеровцев овладеть секретом МЗД-5, или, как они ее называли, "чертовой болванки".

Партизанский пост, причем это был один из самых отдаленных передовых постов, задержал двух неизвестных девиц, направлявшихся в лес. Девицы смазливенькие, кокетливые, в городской одежде. Говорят, что убежали от немцев и желают стать партизанками. Девиц препроводили в ближайшее село, где стояли два взвода из отряда-батальона имени Кирова. Здесь ими занялся заместитель командира батальона по разведке

Самарченко.

Илья Петрович Самарченко, неторопливый, спокойный, мощного сложения человек, был опытным следователем. Он сразу же обратил внимание на массу нелепиц в той, по-видимому, наспех придуманной истории, которую изложили ему девицы.

Одна из задержанных назвалась ленинградской студенткой Лидией Носовой, а вторая Катариной Пшагоцкой, полькой по национальности, жительницей маленького городка Любомля на Волыни. Обе они якобы эвакуировались в начале войны на восток, но затем оказались в окружении. Однако ведь Любомль стоит почти на границе, и выбраться оттуда смогли лишь немногие. Вряд ли была среди них Пшагоцкая. Если же допустить, что она сумела выехать на восток, то каким образом попала в руки немцев одновременно с Носовой, которая эвакуировалась совсем из другого места, из Ленинграда?

Дальше у девиц опять не сходились концы с концами. Немцы почему-то года полтора возили их с собой, заставляя работать то в госпитале, то в столовой. Обычно оккупанты подсобную рабочую силу для своих тыловых учреждений набирали на месте, а не таскали туда-сюда. К тому же руки у Катарины и Лидии были белые, холеные, каких не бывает у судомоек или санитарок.

Илья Петрович невозмутимо выслушал девиц, поддакивая им, и как бы между прочим выяснил, по какому маршруту они шли в лес. В каждом из названных ему пунктов у Самарченко была агентура среди местного населения, имелись у него свои люди и в селе Маневичи, откуда Носова и Пшагоцкая якобы бежали с превеликим трудом.

- Ну что ж! Правильно вы надумали! - сказал Самарченко. - Конечно, и раньше бы не мешало партизанками стать... Поздновато спохватились! Но я понимаю, что не легко от фашистов удрать... Ладно, отправлю вас в наш партизанский отряд. А вы кем бы хотели стать - санитарками, разведчицами или по хозяйственной части?

- Наша мечта - взрывать поезда! - ответила Катарина.

- Да, да, ставить мины! - подтвердила Лидия.

- Работа интересная, - сказал Самарченко. - Ну вот отошлю вас в батальон, а там уж посмотрят, куда пристроить.

В батальоне за девицами установили неусыпный надзор, а Илья Петрович, захватив с собой трех разведчиков, отправился по маршруту, каким двигались к лесу Носова и Пшагоцкая. Подтвердилось, что молодые женщины проходили через названные ими села. Действительно, вышли они из Маневичей. Однако многое из рассказанного этими особами выглядело на самом деле совсем по-другому.

Приехали они в Маневичи из Ковеля не поездом, а в автомобиле с двумя гитлеровскими офицерами, затем околачивались дня два в немецкой комендатуре. С фашистами держались более чем свободно и более чем по-приятельски. К лесу пошли совершенно открыто, ни от кого не убегая, не таясь.

Пока Самарченко добывал нужные сведения, Носова с Пшагоцкой находились в лагере батальона, не подозревая, конечно, что за ними наблюдают. Девицы зачастили в землянку, где жили командир и комиссар.

- Вы женаты? Жаль... Но я все равно отобью вас у вашей жены! говорила командиру Катарина, принимая соблазнительные позы.

- Мне всегда нравились брюнеты! - уверяла Лидия, поглядывая из-под ресниц на смуглого черноволосого комиссара батальона.

Это дешевое, нагловатое кокетство бульварного пошиба перемежалось с настойчивыми просьбами Пшагоцкой и Носовой отправить их в подразделение минеров. Не прекращались и расспросы о диверсионной работе на железных дорогах. Когда вернулся Илья Петрович и сообщил о том, что он узнал, все стало уже более или менее ясным.

- Хорошо, отправим вас, гражданочки, в центральный лагерь на курсы минеров, - сказал командир батальона. - Но прежде надо пройти санитарную обработку. Такой порядок! Идите в баню вместе с нашей медсестрой.

Медицинской сестре Лиле Дралкиной поручили произвести у девиц тщательный обыск. В одежде она ничего не обнаружила, но обратила внимание, что Катарина и Лидия не распускают причесок и не моют голову. Партизанка приказала им это сделать. И вот оказалось, что у каждой из девиц волосы были накручены венком на плотный бумажный жгутик. Дралкина развернула жгутики. В них лежало по двенадцати аптечных пакетиков с каким-то красноватым порошком.

- Ах, это краска для волос! Мы хотели покраситься в блондинок, объяснила полька. - Разве партизанкам запрещено краситься?

- Смотря чем! - ответила Лиля.

Исследование установило, что в пакетиках мышьяк.

Сперва шпионки пытались уверить, что это в аптеке напутали и дали им вместо краски отраву. Тогда Самарченко напомнил девицам некоторые детали пребывания их в Маневичах. Обе ударились в слезы и начали понемногу, как выражаются следователи, "раскалываться".

И вот что выяснилось. Носова и Пшагоцкая состоят у немцев на секретной службе. Окончили шестимесячные женские курсы

для агентов гестапо. Направлены к партизанам с заданием изучить конструкцию новой мины, а при возможности выкрасть экземпляр ее механизма. После выполнения этого основного задания, перед тем как покинуть партизанский лагерь, шпионкам предписывалось подсыпать мышьяк в котел, из которого питаются штабные работники соединения.

Гладко было на бумаге, но опять - в который раз! - агентура фашистов наткнулась на овраги. И немудрено, что наткнулась. Ну разве не могли немцы подобрать женщин с менее вызывающими манерами? Разве так уж Трудно разработать для агентов более правдоподобную легенду? И для чего девицы болтались с фашистами на глазах у всех в Маневичах? Почему сразу заговорили у нас о минах и диверсиях? Разумно ли Носовой и Пшагоцкой держать при себе такую явную улику, как порошки с ядом?..

Конечно, будь шпионки поосторожней, действуй они потоньше, все равно их, как всяких новичков, мы и близко не подпустили бы к диверсионным подразделениям. Минерами становились у нас только тщательно проверенные, много раз испытанные в боевых делах люди. Нетрудно было догадаться об этом и противнику. Просто непонятно, за что Гитлер исправно выплачивал жалованье своей разведывательной службе в Ковеле! Или фашисты решили засылать к нам шпионов числом поболее, ценою подешевле, рассчитывая лишь на случайные удачи? Не знаю. Возможно, и так.

Если вражеским лазутчиком был и перебежчик Иван Лукьянюк, то он, несомненно, принадлежит к шпионам более умным и осторожным. Никуда пока что не совал носа, ни о чем не расспрашивал, исправно нес службу в том батальоне, куда его определили. Работники особого отдела ушли в Ратненский район наводить о Лукьянюке справки, имея с собой его фотографию. Накануне партизанский кинооператор и фоторепортер Миша Глидер снял интересующего контрразведчиков субъекта в группе со многими другими бойцами, затем увеличил и отпечатал его физиономию отдельно.

После разговора с Максимовым прошло несколько дней, а наши люди из района все не возвращались.

- Давайте я потолкую с этим Лукьянюком, посмотрю на него, - сказал я Максимову.

- Не спугнуть бы, Алексей Федорович!

- Да я со многими из новых людей знакомлюсь, особенно с теми, кто от соседей. Ничего необычного тут нет! Возможно, что-нибудь и сболтнет. Пришлите!

Лукьянюк вскоре явился. Высокий темноволосый детина лет

двадцати восьми. Повторил мне все, что говорил раньше другим. Был у бандеровцев простым солдатом, убедился, что все у них ложь и обман, вот и перешел к партизанам... Правится ли у нас? Да, очень нравится! Ничего лишнего Лукьянюк не сболтнул, как я ни расспрашивал. Ну, да мы еще выясним, что это за птица!

Не прошло после ухода Лукьянюка и десяти минут, как в дверь заглянул мой ординарец и сообщил с таинственным видом:

- Сеня просится до вас, хочет вести разговор!

- Какой еще Сеня?

- Галицкий Семен, связной из отряда имени Котовского...

- А что ему надо?

- Не говорит! Но только сам весь трясется.

Вошедшего затем подростка и в самом деде пробирала мелкая дрожь. Лицо было бледным, глаза блуждали.

- Товарищ генерал! Вы знаете, кто у вас сейчас был? Это же немецкий жандарм, вешатель, каратель! Он полицаями командовал, когда они в Ратном всех подряд убивали... Он моих папочку и мамочку расстрелял...

- Не обознался ли ты, Сеня?

- Как можно обознаться, товарищ генерал, когда я на чердаке прятался и все видел! На всю жизнь его запомнил... Есть еще евреи в цивильном лагере, которые этого злодея никогда не забудут. Ох, сколько крови на нем, сколько крови!..

Арестованный Лукьянюк на первом допросе отрицал свою службу в фашистской жандармерии, участие в расправах над мирным населением. Не помогли и очные ставки с Галицким и еще с двумя бывшими жителями Ратного, которых удалось отыскать.

- Обознались! Я никогда не был в Ратном... Может, кто другой! спокойно твердил Лукьянюк.

Однако на следующий день вернулись из Ратненского района работники Максимова. Они доставили несколько запротоколированных по всем правилам свидетельских показаний о службе Ивана Лукьянюка в немецкой полевой жандармерии. Причем не только об его участии в карательных экспедициях, но и о руководстве им массовыми убийствами советских людей. Под давлением улик Лукьянюк был вынужден это признать, но тут же начал всячески изворачиваться, стараясь смягчить свою вину:

- Так меня же заставляли командовать расстрелами... Не по своей я воле! Поэтому и сбежал от немцев в УПА!

- Больно часто ты бегаешь! То от одних, то от других! - усмехнулся Иван Иванович Максимов. - А кем был у бандеровцев?

- Я говорил, что рядовым.

- А кто же тогда был у них сотником по кличке Стальной?

- Как?! И это знаете?

- И это знаем. Служба такая!

С минуту Лукьянюк-Стальной молчал. Глаза его сузились, на скулах проступили крепкие желваки. Затем он вскочил, отшвырнул ногой табурет и закричал, багровея от ярости:

- Нет, всего вы не знаете! Но теперь - один бес!.. Сам расскажу! Есть что вспомнить! Только дайте стакан самогону.

И он рассказал о таких своих преступлениях, до которых вряд ли мы докопались бы. Это была не исповедь. На исповеди каются. Бывший жандармский инструктор оккупантов и бандеровский сотник ни в чем не каялся, ни о чем не жалел. Зная, что его ждет, он бравировал, хвастался своими злодеяниями, своей подлостью...

Иван Ляшевич Лукьянюк родился в 1916 году на Волыни в семье сельского учителя. Территория, на которой жили Лукьянюки, после гражданской войны отошла к Польше. Это создало здесь благоприятную почву для пропаганды, которую вели украинские националисты. Попал под ее влияние и будущий бандеровский бандит. Пятнадцати лет Иван Лукьянюк уже вошел в местный националистический "кущ", направляемый юношеским "проводом" ОУН.

С помощью оголтелой демагогии, играя на самых низменных инстинктах людей, руководители ОУН воспитывали в членах своей организации слепую, фанатичную ненависть к русским, полякам, евреям. Но только ли к ним? Когда в 1939 году районы Западной Украины вошли в состав УССР, оуновцы перенесли лютую злобу и на всякого украинца, если только он был за Советскую власть. Вот тогда-то с необычайной четкостью и обнажилась политическая, классовая сущность партии Степана Бандеры.

Первая кровь, обагрившая руки Лукьянюка, была украинской кровью. Пролилась она сразу же после начала Великой Отечественной войны.

- Секретаря вашего коммунистического райкома в лесу порубал, а с ним заодно и начальника милиции, - рассказывал Лукьянюк. - Хотите знать, как дело было? Скажу. Теперь скрывать нечего! Они с оружием, но и у меня топор. Они на мотоцикле, но и у меня веревка. А знаете, что с мотоциклом бывает, когда он на веревку поперек дороги напорется? Ага, знаете! Значит, и остальное объяснять не надо...

Изрубленные тела двух советских работников Лукьянюк чуть ли не на другой день предъявил захватившим район фашистам. Убийцу похвалили и приняли в полицию. Такие помощники были нужны оккупантам.

Служил там Лукьянюк усердно, старательно и вскоре обратил на себя внимание начальства. Подающего большие надежды полицая направили в ковельскую жандармскую школу. Пробыв в ней три месяца, Иван Лукьянюк стал инструктором полевой жандармерии. С тех пор он уже не рядовой палач, а инструктор по расстрелам, руководитель многих казней.

- Жили - не скучали! - цинично улыбаясь, вспоминал Лукьянюк. - Разве только в Ратном была у нас работа? А Малорито! А Заболотье! А Пожежин! В Малорито человек двести пустили в расход... В Заболотье не меньше пятисот...

Он деловито перечислял села, города, местечки, называл цифры.

В жандармерии Лукьянюк прослужил несколько месяцев. Тем временем оуновцы создали собственные вооруженные силы - Украинскую повстанческую армию, воевавшую лишь с партизанами и мирным населением. Сюда, к этим бандитам-националистам, и потянуло Лукьянюка. В мае 1943 года он сбежал от гитлеровцев к новоявленным "украинским повстанцам", как величали себя вооруженные бандеровцы.

Изменения в жизни Лукьянюка произошли чисто внешние. Обращались к нему теперь не по фамилии, а по кличке - Стальной. Числился он не во взводе, роте и батальоне, а в чете, сотне и курене. Носил на шапке не кокарду со свастикой, а трезубец петлюровских времен. Но деятельность Лукьянюка осталась прежней - погромной, палаческой, террористической.

За сочувствие и помощь партизанам бандеровцы уничтожали жителей многих сел и хуторов - мужчин и женщин, стариков и детей. Террор массовый они сочетали с индивидуальным.

Понуро шагает по дороге лошадь, запряженная в крестьянскую подводу. Возницы нет. Наверно, лошадь отвязалась да и пошла себе знакомым проселком. Но, остановив ее, партизаны видят, что в телеге лежит мертвец с распоротым животом и вывернутыми внутренностями. Или в телеге - человек с отсеченной головой, положенной ему на грудь. Тут же рядом дощечка с одним только словом: "Червонный".

Кем был этот простой человек, названный бандеровцами червонным, то есть красным? Чем провинился? Быть может, он из тех, кто помогал в 1939 году делить между бедняками отобранную у помещиков землю... Может быть, радовался, что его детей стали учить в школе бесплатно... Или он партизанский проводник? Или сказал когда-нибудь о бульбашах недоброе слово? Да любая из таких причин могла послужить поводом для расправы бандитов над честным украинским тружеником. Поляка бандеровцы убивали только за то, что он поляк, еврея - за то, что

он евреи.

Двигаясь в район Ковеля Волынскими лесами, мы не раз встречали на своем пути небольшие польские хутора. Если где-то над лесом кружится с карканьем воронье, значит, там польский хутор! Он всего из двух-трех дворов. Двери в хаты распахнуты. Несет сладковатым трупным запахом. Но войдешь - увидишь не трупы, а сплошное кровавое месиво. Вся семья изрублена буквально в куски. В качестве орудия казни бандеровцы предпочитали секиру - широкий топор на длинной рукоятке. "Полячишек рубили мелко, как на холодец!" - сказал нам теперь Стальной, по-волчьи ощерясь.

За время оккупации на территории Волынской области было уничтожено около двухсот тысяч мирных жителей. Они пали не только от руки гитлеровцев. Десятки тысяч волынян убиты украинскими националистами. Иван Лукьянюк вел свой собственный счет. Он признался, что сначала в рядах гитлеровцев, а затем в бандеровских отрядах участвовал в уничтожении восемнадцати тысяч советских граждан.

У немцев Лукьянюк получил звание инструктора полевой жандармерии, а украинские националисты сделали его сотником, то есть поручиком. Позже, выражая особое доверие сотнику Стальному, командование УПА направило его в числе других своих представителей в комиссию по переговорам с гитлеровцами о совместной борьбе против партизан.

Да, недолго фашисты немецкие и фашисты украинские вели между собой даже мнимую, формальную войну! У них нашлось на чем помириться, спеться друг с другом. Во Львове уже комплектовалась из оуновцев дивизия СС "Галитчина". На Волыни эсэсовских дивизий, состоящих из предателей украинского народа, не было, по возле села Колки мы видели сооруженный кулачьем огромный дубовый крест с глубоко вырезанной надписью: "Хай живе Адольф Гитлер и Степан Бандера!" Жаль, что я приказал спилить и сжечь этот крест! Надо было бы только снять его и сохранить потом для истории...

Ни раздельные, ни совместные операции гитлеровцев и украинских националистов против партизан не достигали цели. Не потому ли пришлось им усиливать свою разведку? Не потому ли засылают они к партизанам уже не только глуповатых потаскушек, но и таких матерых бандитов, как Лукьянюк-Стальной?!

В начале января 1944 года Стальной был вызван к бандеровскому генералу Рудому и к одному из партийных главарей националистов руководителю северного "провода" некоему Сушко. Задание проникнуть в наше соединение

Лукьянюк получил лично от него. Лазутчику разработали подробную легенду, а для того чтобы он мог ее подтвердить - прострелили руку. Стальной пробрался сначала в один из соседних партизанских отрядов, затем уже оттуда перевелся к нам. Но вот теперь разоблаченный вражеский разведчик сидит перед партизанскими чекистами и диктует перечень вопросов, на которые ему надлежало дать ответ своим хозяевам. Цитирую этот перечень по протоколу:

1. Имеют ли партизаны Федорова связь с Москвой?

2. Какую помощь получают партизаны из Москвы или из других мест?

3. Имеется ли у них радиосвязь?

4. Имеется ли типография?

5. Установить партизанских командиров, их происхождение и национальность. Быт, поведение, привычки, склонности командиров, комиссаров и политруков?

6. Каково настроение среди партизанских командиров и бойцов? Их отношение к Советской власти?

7. Количество партизан и их вооружение?

8. Каковы сигналы при приеме самолетов?

Иван Иванович аккуратно записал последний вопрос и обратился к Стальному:

- Наверно, все досконально разузнал! И про связь, и про типографию, и про вооружение... И настроены мы, сам видишь, неплохо, и к Советской власти относимся хорошо. Вот только самолеты последнее время не принимаем, поэтому и сигналов нет!

- Мне сигналы теперь не потребны... Другие выяснят! Нас много! бормочет Стальной и опять вызывающе злобно смотрит на Максимова.

Огромную выдержку надо было иметь особистам, чтобы не пристрелить этого мерзавца во время допроса. Иван Иванович и сейчас, сдержав охвативший его гнев, спокойно заметил:

- А нас еще больше!

Ночью я подписал приказ о смертной казни.

Утром на заснеженной поляне выстроились партизаны. Пришли люди из гражданского лагеря. На переброшенной между двух сосен оглобле уже болталась веревочная петля. Под ней поставили гитлеровского жандарма, бандеровского сотника, убийцу, палача и шпиона Ивана Лукьянюка.

Зачитывается приказ... С посуровевшими глазами слушают партизаны длинный перечень кровавых злодеяний бандеровца.

Когда Лукьянюку надели на шею веревку, он хотел улыбнуться, но не смог этого сделать, а лишь с усилием растянул

губы, по-звериному обнажив зубы.

- Що ты, подлюга, скалишься? - спросил, не выдержав, дежурный по комендантской роте.

- Це звичай щирого украинца! - ответил Стальной.

- Выродок ты, а не украинец! - сказал дежурный. - Це мы украинцы... Мы, а не ты!

Через минуту тугая пеньковая петля оборвала подлую жизнь злодея и предателя.

ЛУЦКИЕ ПОДПОЛЬЩИКИ

Никого в местечке Рожище не удивило, что доктор Франтишек Фрид открыл собственную клинику. Появились же частные магазины, ресторанчики, мастерские, так почему и врачу не открыть небольшую частную больничку! Были бы только деньги.

Возмущало рожищан другое. Всем известно, что доктор по национальности чех. Теперь же Фрид, пользуясь тем, что хорошо знает немецкий язык, объявил себя фольксдойчем и завел дружбу с оккупационными начальниками. Он и лечит их, и в гостях бывает то у гебитскомиссара, то у фельдкоменданта, да и у себя в доме всегда рад принять этих негодяев. Вот как устраиваются бессовестные люди! Мало Фриду собственной клиники, недавно открыл он еще и аптеку в селе Переспа. Раскатывает себе из местечка в село да обратно...

А кого в кучера взял! Этому тоже простить нельзя! На козлах докторской упряжки восседает Василий Николаевич Бега. До войны был он сельским активистом в Тихотине, пользовался общим уважением, а теперь вон куда подался! Правда, не у немцев служит, но все-таки... Шел бы лучше в партизаны. Нет, духу не хватает у Беги, на козлах-то, конечно, спокойнее!

Так думали, так рассуждали жители местечка, не подозревая, что Василий Бега - руководитель самой большой в районе антифашистской подпольной группы, а доктор Фрид - деятельный ее участник.

Покинуть буржуазную Чехословакию заставили доктора его революционные взгляды, жажда активной борьбы с фашизмом. В 1937 году он уехал в Испанию и стал врачом одной из интернациональных бригад. Возвращаться на родину после испанской войны для Фрида было рискованно. Он эмигрировал в Польшу, где подыскал себе должность сельского врача. Работа нашлась в далеком волынском селе Доросины, и это оказалось к лучшему. В 1939 году пришла сюда Советская власть. Доктор встретил ее с огромной радостью.

В первые же месяцы немецкой оккупации оставшиеся в тылу коммунисты привлекли Фрида к подпольной работе. Доктор

взялся за нее без малейших колебаний. По заданию подпольщиков Фрид переехал в районный центр Рожище, вошел в доверие к немцам, открыл больницу, а потом и сельскую аптеку километрах в двадцати от местечка.

Положение, которое сумел занять Фрид, было на редкость удобным для подпольщиков. Близость доктора к фашистскому начальству позволяла ему добывать немаловажные разведывательные сведения. Больница и аптека стали отличным местом для конспиративных встреч. Нужные люди приходили сюда якобы за врачебной помощью, за лекарствами, ни у кого не вызывая подозрений. Причем с этими людьми имел возможность говорить не только Франтишек Фрид, но и сам руководитель подпольщиков Василий Бега, поскольку он работал у доктора.

Однако это еще не все. Выглядевшие вполне закономерными частые поездки Фрида со споим кучером то в Луцк за медикаментами, то в Пересну проверить аптеку совершались в интересах подпольной организации. Аптекой заведовал свой человек. Помимо всего прочего он имел возможность, не отходя от фармацевтических весов, прямо через окно, выходившее на шоссе Коведь - Луцк, следить за немецкими автомашинами, видеть, какие и куда ведутся перевозки. В клинике нередко укрывались под видом больных работники подполья. Из медикаментов и перевязочных материалов, отпускаемых немцами Фриду, удавалось выкраивать немалую долю и для нужд ближайшего партизанского отряда.

Мнимая коммерческая предприимчивость доктора отлично прикрывала совсем иные дела. Но до чего же угнетали Бегу и Фрида, как болезненно отзывались в душе косые взгляды, а порой и откровенно презрительные усмешки советских людей по их адресу! Впрочем, таков удел многих подпольщиков.

Полностью отбрасывать вынужденную игру в "хозяина" и "работника" Фрид с Бегой могли главным образом во время дальних поездок. Вот и теперь, возвращаясь из Переспы в Рожище, они, как только выехали за село, начали разговор уже без всякой конспирации.

- Все в порядке, Василь Николаевич! - сказал Фрид. - Приходил вчера в аптеку связной от Крука. Отряд готов принять группу военнопленных из Луцка. Проводник будет ждать в землянке у Матвейчука. Срок дали нам недельный. Уложимся?

- Обязаны уложиться, хотя группа в Луцке скопилась большая. Двадцать четыре человека! Все проверенные, с оружием. Надо бы мне самому по этому делу в город съездить. Сможешь меня туда отправить?

- Что за разговор! Завтра же отправлю. Резервные наряды

есть. Поедешь за лекарствами, и все. И пожалуй, ехать надо на комендантской машине. Надежнее! После того как я проиграл этому фон Бальцу двести марок, он особенно со мной любезен. Захватить тебя не откажет, а машина каждый день в Луцк ходит.

- Добре! - усмехнулся Бега. - Помощи коменданта в таких делах мы никогда не отвергали.

На другой день Василий Николаевич действительно уехал в город, удобно расположившись рядом с шофером Немецкой машины. Он сошел у аптечной базы, получил там медикаменты, полагавшиеся по наряду, и уже потом направился в другой конец города.

Царские чиновники строили в Луцке безвкусные особнячки с колоннами, польские паны воздвигали здесь готические костелы и на западноевропейский манер крыли дома черепицей, оккупанты же ничего не строили, а только прибили на углах улиц новые указатели: "Гитлерштрассе", "Герингаллее", "Цитадельштрассе", но для Василия Беги как был Луцк старинным украинским городом, центром родной Волыни, так им и остался. Василий Николаевич знал, что сейчас он шагает по Октябрьской улице, а не по Гитлерштрассе. Стоявшие на перекрестках полицейские, идущие по тротуару немецкие солдаты, катившие в автомобилях офицеры вермахта были только незваными гостями в этом городе.

Для Беги настоящими хозяевами Луцка по-прежнему являлись советские люди. Пусть им плохо теперь, пусть многих из них бросают за колючую проволоку лагерей и в казематы древнего замка на берегу Стыри, все равно хозяева остаются хозяевами! Есть среди них такие, что смело действуют наперекор пришельцам. Вот и Мария Ивановна Дунаева такая.

Кучер рожищанской приватной больницы с оттягивающим ему руку ящиком медикаментов свернул на улицу 1 Мая и чуть замедлил шаг, поравнявшись с домом No 11. На подоконнике крайнего окна стояло два горшка с геранью, не один, а два. Значит, можно было входить.

Мария Ивановна стирала. Она вытерла руки и встретила Бегу как старого знакомого. Ближайшие соседи Дунаевой считали Василия Николаевича даже ее кумом из Рожищанского района.

- Крук может принять, - сообщил Бега. - Пункт сбора в селе Переспа.

- Хорошо, - кивнула хозяйка. - Люди будут там через три дня.

- Доберутся? Документы крепкие?

- Документы надежные. Люди прибудут в Переспу под видом украинских казаков, брошенных на борьбу с партизанами. У них там и взводный есть, все как полагается. Отправить думаем на

попутных машинах.

- Понятно! Но тогда им лучше через Рожище не ехать. Комендатура может перепроверить, позвонить в Луцк. Пусть, не доезжая до Рожища, сойдут и лесом пробираются к шоссе, уже по ту сторону местечка. Дальше можно опять на попутных.

- Учтем... Скажу кому надо. А в Переспе где явка?

- Один должен зайти в аптеку. За прилавком будет стоять мужчина в очках. Пароль: "Мучает изжога... Чем сможете помочь?" Мужчина ответит: "Дам соды, но при возможности покажитесь врачу".

- Изжога! - усмехнулась Мария Ивановна. - Ох, если б только она людей мучила!..

Затвердив пароль и отзыв, хозяйка квартиры проводила Бегу до дверей.

Василию Николаевичу и его связным приходилось иметь дело в Лупке только с Марией Дунаевой. Но Бега отлично понимал, что в городе развернула работу большая, хорошо налаженная организация.

У сельских подпольщиков немало трудностей вызывал прием людей из города и отправка их дальше, к партизанам. Однако у горожан в этих делах трудностей, конечно, было во много раз больше! Надо прежде всего тщательно проверить каждого желающего выбраться из концлагеря на волю... Что он за человек? Достоин ли доверия? Не провокатор ли? Невероятно сложно организовать побег, но ведь затем надо еще где-то спрятать бежавших, одеть и обуть их, снабдить документами. Вот теперь новую партию будущих партизан удалось замаскировать под украинских казаков, вооружить. Шутка ли! Нет, конечно, в городе есть сильное советское подполье, и у тех, кто в нем работает, хорошие головы...

Через несколько дней бывшие военнопленные, а затем мнимые казаки, благополучно прибыли в партизанский отряд. И действительно, освобождая их из концлагеря, луцкие подпольщики приложили много труда, того особого, скрытого от посторонних глаз труда, который требует умного, тонкого расчета, величайшей осторожности, непоколебимой душевной силы.

* * *

Для организации подпольной борьбы с оккупантами городской комитет партии оставил в Луцке молодого коммуниста Виктора Васильевича Измайлова. Незадолго до войны он впервые приехал сюда после действительной службы в армии. Уволенный в запас офицер начал работать мастером в одном из ремесленных училищ. Знакомых в городе Измайлов почти не имел. О

партийности Виктора Васильевича знали считанные люди, причем всем им предстояло эвакуироваться в глубь страны. Оба эти обстоятельства были немаловажным преимуществом будущего руководителя подпольщиков.

На некоторое время Измайлов исчез, а после захвата Луцка фашистами появился здесь снова. Для оккупантов он был человеком, якобы дезертировавшим из Красной Армии. Советским же людям рассказывал, что бежал из плена. Без особого труда Измайлов поступил возчиком на торговый склад. Эта работа позволяла ему бывать в разных концах города, общаться со многими жителями Луцка и постепенно подыскивать нужных для подполья товарищей. Нащупывать подходящие кандидатуры помогал Виктору Васильевичу его брат Вячеслав, местный старожил, адвокат по профессии.

Ну кого в Луцке мог радовать пресловутый "новый порядок", принесенный на штыках оккупантов? Лишь жалкую кучку изменников и предателей. Многие, очень многие советские граждане готовы были включиться в борьбу с захватчиками.

- Я в этом не сомневаюсь, - говорил брату Виктор Васильевич, - но нам нужны только самые надежные, самые смелые!.. Причем нужны люди, занимающие положение, которое позволит им принести делу наибольшую пользу. Подумай, нет ли подходящих мужчин или женщин в типографии, среди медицинских работников, среди служащих немецких учреждений? Понадобится и опытный радист.

Таких людей искали. Каждого Измайлов тщательно проверял. Вскоре в антифашистскую организацию вошли инженер-полиграфист Алексей Ткаченко, фельдшер Варфоломей Баранчуков, корректор газеты "Волынь" Мария Галушко, кучер магистрата Дунаев и его жена Мария Ивановна, шеф-повар офицерской столовой Антон Колпак, учетчик кирпичного завода Прасковья Савельева, артист городского театра Борис Зюков... Прошло еще немного времени, и подпольщиками стали официантка излюбленного гестаповцами ресторана "Днепр" Зинаида Бибикова, мастер по ремонту радиоприемников Андрей Зворыкин, уборщица генералкомиссариата Анна Остаплюк, горничные офицерской гостиницы Нина Карст и Марийка Василенко.

Трудно было жене советского офицера Марии Григорьевне Галушко работать в дрянном профашистском листке, не легче и Дунаеву возить немца бургомистра, а комсомолкам подавать гитлеровцам выпивку или убирать за немецкими офицерами в гостинице. Но в интересах общего дела всем им приходилось оставаться на своих, очень выгодных для подполья местах.

Вступили в организацию люди и без определенной работы, но смелые, энергичные, готовые отдать все свои силы борьбе с фашизмом. В их числе Петр Болдырев, Наталия Косяченко, Александра Белоконенко, Николай Григорьев (Петров), Олег Чаповский.

Всего в распоряжении Виктора Васильевича оказалось до двадцати человек. На первое время этого было достаточно. Ведь многие советские патриоты, и не участвуя в повседневной деятельности подполья, охотно помогали ему проводить отдельные операции. Свои имелись повсюду, даже в городской полиции. Больше того, подпольщикам удалось установить связь с антифашистски настроенным офицером-переводчиком из гестапо. И он в нескольких случаях оказался полезен. При его содействии, например, Паша Савельева смогла, оставив работу на кирпичном заводе, поступить писарем в канцелярию концлагеря.

С этой девушкой Измайлова познакомила Мария Ивановна Дунаева. Виктор Васильевич и Паша встретились в парке и как бы случайно сели на одну скамью. Подпольщик бросил внимательный взгляд на свою соседку. Миловидное усталое лицо с умными темными глазами. Коротко подстриженные русые волосы. На вид девушке было лет двадцать или немногим больше.

- Мне о вас говорили, - тихо начал Измайлов. - Знаю, что вы комсомолка, знаю, что приехали сюда в прошлом году из России... Откуда именно? И почему приехали?

- Сама я калининская... Есть в Калининской области деревня Зарубино, это в Ржевском районе, вот там я и родилась. В Луцк меня направили работать после того, как окончила Московский кредитно-экономический институт. Ну и работала здесь в банке, пока не началась его эвакуация.

- Почему сами не эвакуировались?

- Да разве я не старалась выбраться из города! Но у меня на руках больная мама, тетка, маленькая племянница... Сели мы кое-как в поезд, но не проехали и двадцати километров, пришлось вылезать... Дальше дорогу перерезали немцы. И другие пути ими перекрыты. Вынуждены были возвратиться. Каким-то чудом добрались обратно целыми-невредимыми!

- А потом?

- Надо существовать. Долго ли продержишься, распродавая последние тряпки? Поступила судомойкой в немецкую столовую. И сама сыта, и домой хоть что-нибудь принесешь, но все равно больше месяца работать там не смогла.

- Что, так тяжело?

- Нет, не очень... Но стыдно! Перед собой стыдно. Все думала: "Как же это я, комсомолка, советский человек, инженер-

экономист, смею этим проклятым фрицам мыть тарелки?! Как смею крохи с их поганого стола подбирать!" И ушла... Недавно взяли меня учетчицей на кирпичный завод. Хоть немцев там не вижу!

- Понимаю вас, Паша. Но ведь вы хотите помогать Родине, помогать фронту, хотите бороться с врагом?

- Это мой долг, моя обязанность... Как же иначе!

- Да, иначе сейчас быть не может. Однако борьба с фашистами, скрытая, подпольная борьба, имеет свои законы, свои особенности... Огромные душевные муки ждут многих участников этой борьбы. Ждут страдания куда побольше тех, что вы испытали, работая у немцев судомойкой.

- Ради общих интересов можно пойти на все. Я что угодно выдержу! Распоряжайтесь мною, приказывайте. Хотите, чтобы я вернулась в столовую?

- Не надо. Есть другое место, где необходим наш человек... Страшное это место!

Измайлов рассказал Паше о возможности поступить на работу в концентрационный лагерь для советских военнопленных. У девушки сузились глаза, она невольно вздохнула. Паша поняла, что ей придется увидеть, испытать, но она согласилась без колебаний.

Вскоре в лагерной канцелярии появилась девушка-писарь, рекомендованная переводчиком гестапо. Немцы были довольны аккуратной, исполнительной "фрейлейн Савельеф". Тяжело давалось Паше ее внешнее спокойствие за рабочим столом. А сколько выдержки, мужества, осторожности проявляла она, организуя побеги из лагеря или содействуя этим побегам! Подпольщики возвращали свободу советским воинам самыми разнообразными и хитроумными методами. Тут было все: подкуп охраны, организация побегов с работ в городе и побегов прямо из лагеря, пленных брали на поруки мнимые родственники, и пленные давали мнимое согласие служить в националистических формированиях. И почти к каждому новому исчезновению заключенных "фрейлейн Савельеф" имела самое прямое отношение.

В большинстве случаев требовалось не только вырвать пленного из лагеря, но и обеспечить его документами. Вот и пригодились люди, в свое время предусмотрительно подобранные Виктором Васильевичем. Теперь инженер Ткаченко доставлял из типографии чистые бланки временных удостоверений, пропусков, всевозможных справок. Анна Остаплюк приносила образцы оттисков нужных немецких печатей. Олег Чаповский искусно подделывал эти печати, Наташа Косяченко вписывала в бланки

фамилии - Работа шла по своеобразному конвейеру. Вскоре подпольщики стали выполнять и партизанские "заказы" на документы.

Связь к этому времени наладили не с одним лишь Круком. Ее установили и с отрядами Прокопа, Медведя. Несколько позже ниточка связи из Луцка протянулась через партизан дальше, к подпольному Волынскому обкому.

По заданию партизанских командиров Измайлов делал многое. В лес отправлялись посылки с типографской бумагой, краской, медикаментами. Отряду Медведя понадобились две пишущие машинки. Виктор Васильевич точно выполнил "заказ": добыл одну машинку с немецким шрифтом, другую с украинским. Для операции, очень важной и сложной, отряду был нужен автомобиль. Подпольщики помогли связному партизан угнать "оппель" из гаража гебитскомиссариата.

Много сил, ловкости, отваги требовал сбор нужных партизанам разведывательных сведений. Дислокация военных частей в Луцке, их численность, вооружение, перевозки военных грузов, приезд крупных военных чинов... По всем этим вопросам, да и по многим другим собирались точные данные. Часто они добывались по крупицам одновременно всеми подпольщиками. Руководил же разведкой, обобщал полученные материалы сам Измайлов. Ему помогали Николай Григорьев и Олег Чаповский, советские офицеры, бежавшие с помощью Савельевой из концлагеря и оставшиеся работать в подполье.

"Новый порядок" в Луцке вошел в полную силу. Переполнен узниками старинный замок Любарта. Набит до отказа концлагерь у Гнидавского моста. Открыт недавно еще и новый, не менее страшный лагерь на территории бывшего католического монастыря. Все ночи напролет горит свет в окнах огромного дома, занятого под гестапо.

Но подпольная борьба советских патриотов с немецкими захватчиками продолжается. Только действовать подпольщикам приходится все более осмотрительно, осторожно.

Как-то Паша рассказала Измайлову, что лагерное начальство стало внимательнее к ней присматриваться, строже контролировать.

- Значит, подозревают! - помрачнел Виктор Васильевич. - Придется тебе оттуда уйти.

- А как же дальше с устройством побегов?

- Тебя заменят. Пошлем туда другого человека... Передашь ему все внутрилагерные связи.

Савельева уволилась из лагеря. Вскоре ей удалось поступить в банк на должность младшего кассира. Подполье же возложило

теперь на Пашу ответственность за выпуск и распространение листовок.

Работник немецкой мастерской по ремонту радиоаппаратуры Андрей Зворыкин доставлял Паше свежие сводки Совинформбюро. От подпольщиков из типографии поступала бумага. Но листовки надо еще составить, размножить, а самое трудное - сделать так, чтобы побольше людей их прочитало.

Листовки эти, обычно небольшие по формату, называли в городе "красными мотыльками". Они садились на заборы, на стены домов, залетали в открытые окна, пробирались в карманы прохожих. И всегда "красные мотыльки" подпольщиков несли советским людям бодрящую сердце правду. Сначала это была правда о том, что Москва фашистами не взята, что советские войска не разбиты, а Паше уже довелось распространять правду о все новых и новых поражениях гитлеровцев, о победоносном продвижении советских воинов-освободителей на запад.

Однажды Савельева сказала Виктору Васильевичу:

- Хорошо было бы вывесить над городом красный флаг! Поднять его на самую высокую крышу. Пусть все его увидят! Сколько радостных воспоминаний, сколько добрых надежд вызовет у людей наше советское знамя!

- Еще бы! - согласился Измайлов. - Нам надо и дальше поддерживать в народе надежду на близкое освобождение... Над твоим предложением следует поразмыслить. Мне кажется, оно осуществимо.

Прошла неделя-другая. И вот ранним летним утром жители города увидели реющий над оккупационным учреждением красный стяг. Ночью подпольщики пробрались на крышу, сорвали с древка полотнище с черной свастикой и заменили его советским флагом. Реял он в голубом небе недолго, каких-нибудь полчаса, и успели его увидеть немногие, но важно, что увидели. Весть об этом мгновенно распространилась по всему Луцку. Радостней забились сердца истомленных, намученных людей. Они поняли, что борьба с врагом продолжается, что и у них в городе антифашистское подполье живет, действует, борется.

Вскоре в Лупке произошло и другое взволновавшее всех событие. На улице среди бела дня был убит один из самых свирепых гитлеровских палачей офицер по надзору за концлагерями Людвиг Хорнер. Жители города не сомневались, что казнь оголтелого военного преступника совершена подпольщиками. Так это и было. Негодяя и садиста Хорнера приговорила к смерти подпольная организация. Расстрелял его коммунист Николай Григорьевич Григорьев.

Не все операции подпольщиков завершались удачно.

Случались и провалы. К началу лета 1943 года организация потеряла треть своего состава. Григорьева и еще двух подпольщиков арестовали. Четверо, спасаясь от преследования полицейских ищеек, ушли в партизанские отряды. А дела не ждали, дел не убавилось! В эти тяжелые для подполья дни ближайшей помощницей Измайлова стала Паша Савельева.

В первых числах июля Виктор Васильевич, встретившись с ней на конспиративной квартире, сказал:

- Есть задание огромной важности от Медведя... Трудности предстоят нам совершенно исключительные, но мы обязаны это задание выполнить.

- В чем оно состоит?

- Советской разведке известно, что у нас в Луцке фашисты хранят запрещенное международными конвенциями оружие - химические снаряды. Враг собирается применить их в наиболее критический для себя момент.

- Гитлер на все способен! А что мы должны сделать? Разведать, где именно снаряды лежат?

- Выяснить это придется! Но сделать надо гораздо больше... Необходимо похитить образец химического снаряда и отправить его Медведю. Нетрудно догадаться, что партизаны переправят снаряд в Москву.

- Но разве мы...

- Это приказ, Пашенька, приказ Родины, а приказы не обсуждают, их выполняют. Вот как лучше и быстрее выполнить задание, надо подумать. Начнем с разведки...

- А дальше?

- Откровенно говоря, пока не представляю, каким образом будем действовать дальше. Все невероятно сложно! Сегодня ночью я отправлюсь на киверецкий "маяк"... Надо передать партизанам новую карту и кое-что на словах. Непременно самому надо идти! По дороге подумаю и над новым заданием. Ты тоже прикинь! Возвращусь числа седьмого-восьмого. Тогда и обсудим.

- Не задерживайся, Виктор! Побыстрей возвращайся.

- Я-то вернусь...

Но он не вернулся. 7 июля 1943 года на обратном пути в город Виктор Васильевич Измайлов пал смертью храбрых в перестрелке с бандеровцами. Он погиб как герой, как коммунист, сражаясь с врагом до последнего патрона.

Гибель Измайлова была тягчайшим ударом для луцкого подполья. Но работа должна продолжаться. Руководство организацией взяла в свои руки Паша Савельева.

Девушка понимала, что сейчас главная задача - добыть образец химического снаряда. На это она и направила все усилия

подпольщиков.

Удалось почти с полной вероятностью выяснить, что химические боеприпасы хранятся на воинском складе в районе вокзала. Железнодорожники хорошо помнили необычную обстановку, в какой происходила разгрузка одного из прибывших с запада эшелонов. Поезд сопровождал целый батальон эсэсовцев. Состав загнали в дальний тупик, и у каждого вагона немцы поставили по часовому. Всех свободных рабочих и служащих удалили со станции, Вагоны разгружали солдаты. Железнодорожников удивило, что в подъехавшие машины они переносили как будто самые обыкновенные артиллерийские снаряды. Почему же тогда вся эта суматоха на станции? Почему к ближайшему складу снаряды повезли под эскортом эсэсовцев?

Охрану склада немцы сразу же усилили. Вокруг него поставили три ряда проволочных заграждений, на угловых вышках появились пулеметы. Ночью вся территория склада освещалась прожекторами, где-то рядом повизгивали овчарки. Подпольщики были уверены, что на складе хранится нечто особенно важное, ценное для немцев, скорее всего именно запрещенное оружие.

Теперь Паша во всем советовалась с Алексеем Дмитриевичем Ткаченко. Оба они понимали, что проникнуть на склад невозможно. А если и проникнешь, что дальше? Ведь нельзя же так просто взять снаряд и унести его с собой! Казалось, ничего нельзя придумать... У Паши однажды мелькнула мысль - не обратиться ли за помощью к антифашистски настроенному переводчику из гестапо? Нет, офицер-переводчик очень осторожен и не решится помочь в столь сложном деле. Да и возможности его ограничены.

Время шло. Медведь торопил. Присланный из отряда связной не отлучался из города и поступил в распоряжение Савельевой. Что делать? Как похитить снаряд? Эти вопросы не давали Паше покоя ни днем ни ночью.

Тут-то и пришел от своего человека на вокзале обнадеживающий сигнал. Немцы затевали какую-то особо секретную погрузку. Поданный порожняк тщательно осмотрен эсэсовцами и взят ими под охрану. В ближайшие сутки всем свободным от работы железнодорожникам опять запрещено появляться на станции.

Полученное известие подпольщики сопоставили с какими-то приготовлениями немцев на интересовавшем их воинском складе. Туда дважды только за один день приезжали из города немецкие офицеры в больших чинах. Караульное помещение занял дополнительный взвод эсэсовцев. Обычно закрытые двери склада

теперь распахнуты. Несомненно, предстояла перевозка снарядов в другое место. Этим надо было воспользоваться не теряя времени.

Поздно вечером от склада к станционному тупику тронулась первая машина, за ней вторая, третья... Они отправлялись с интервалами в десять минут. Однако разгрузка шла медленно, и машины выстраивались одна за другой на дороге.

К только что подъехавшему грузовику приблизилась женщина в форме немецкого офицера медицинской службы и попросила прикурить у сидевшего рядом с водителем солдата. В это же время к другому солдату, выпрыгнувшему из кузова, подошли эсэсовский офицер и сопровождающий его ефрейтор.

- Проверка! - бросил эсэсовец.

В следующую секунду солдат упал, сраженный ударом ефрейторского тесака-кинжала. Не больше минуты понадобилось ефрейтору, а на самом деле партизану-связному, чтобы извлечь из кузова необычайно легкий, наполненный газом снаряд-баллон. Еще через минуту фигура партизана метнулась в сторону и слилась с темнотой.

Паша, наконец раскурив сигарету и благодарственно помахав солдату рукой, пошла дальше. На ходу она сыпанула горсть махорки в ту сторону, где исчез партизан.

Через несколько шагов Савельеву тихо окликнул Алексей Ткаченко, одетый в черный эсэсовский китель с одним погоном:

- Сюда! Ко мне, Паша! Надо торопиться...

Хотя решающую фазу операции удалось провести молниеносно, все же через какие-нибудь десять - пятнадцать минут похищение снаряда обязательно обнаружат.

Подпольщики быстро свернули с дороги. Они не засыпали своих следов, не старались их запутать. Наоборот, Алексей Дмитриевич вскоре умышленно обронил окровавленный кинжал...

Есть у артиллеристов-разведчиков, проникающих во вражеское расположение, такой радиосигнал: "Огонь на меня!" Его разведчик посылает в эфир, когда ценой собственной жизни готов заплатить за разгром позиций противника. Вот и теперь Савельева и Ткаченко решили принять огонь на себя. Пусть это не шквал артиллерийского налета... Но по их следу непременно рванутся собаки-ищейки, бросятся эсэсовцы с автоматами на изготовку. Так и надо, так и задумано! Лишь бы направить эсэсовцев сюда, в эту сторону, отвлечь от связного!

Обстоятельства сложились благоприятно для подпольщиков. Часть дороги до города удалось проехать на случайно подвернувшейся попутной подводе, и это сбило преследователей. Утром банковская кассирша спокойно пересчитывала деньги за своим окошечком, а инженер-типограф налаживал печатные станки.

Савельева и Ткаченко еще не были уверены, миновала ли опасность. Неизвестно, что будет с ними дальше. Но не это их сейчас интересовало. Выбрался ли из города связной? Доставлен ли снаряд в партизанский лагерь? Вот это действительно важно!

Лишь через два дня, полных тревог и волнений, пришла радостная весть, что операция завершилась удачно. Паша была счастлива. Она понимала, что у Советского правительства имелись теперь не только документальные данные о подготовке Гитлером химической войны, не только свидетельства об уже начавшемся кое-где применении фашистами газов. Появилось и бесспорное вещественное доказательство.

Гитлеровцы поняли, какую огромную оплошность они допустили, не сумев предотвратить похищение химического снаряда. Начальник луцкого отделения гестапо Фишер тешил себя надеждой, что снаряд еще находится в городе. Все выездные пути были перекрыты эсэсовцами. По домам шли повальные

обыски. Десятки находившихся на малейшем подозрении у гестапо или городской полиции жителей попали в тюрьму.

Арест миновал Алексея Ткаченко, но Пашу схватили и бросили в одну из общих камер замка Любарта. Очевидно, немцы ничего толком об участниках похищения не знали, действовали на ощупь. Можно предположить, что гестаповцы тогда просто не были уверены в полной благонадежности "фрейлейн Савельеф".

На допросах Паша держалась спокойно. Никаких конкретных обвинений девушке предъявить не могли, а собранные гестапо дополнительные сведения об арестованной характеризовали ее лишь с положительной стороны. Через три дня младшую кассиршу городского банка выпустили.

Возвращаясь домой, Паша не могла опомниться от пережитого за эти три дня кошмара. То, что она увидела в замке Любарта, не забудется никогда. Камера, переполненная изможденными женщинами и детьми... Крики и стоны истязуемых где-то совсем рядом... Ночью - автоматные очереди во дворе замка, возвещающие о новых расстрелах... Все это увидела, услышала, пережила отважная комсомолка. Теперь она еще отчетливей представляла, что ее может ждать, но сдаваться, отступать Паша не собиралась. Лодпольная патриотическая организация продолжала работу.

Вместе с тем сообщения, что похищенный снаряд не найден, а виновники происшествия до сих пор не установлены, вызвали в Берлине гнев у крупного фашистского начальства. Из главного штаба имперской безопасности примчалось в Луцк с полдюжины опытнейших ищеек.

Работать подпольщикам становилось все труднее. Но и теперь Паша была готова выполнять задания Крука, Прокопа, Медведя, зная, что через них идут в Луцк боевые приказы Родины.

* * *

Крук - это командир Маневичского партизанского отряда местный уроженец Николай Парамонович Конищук.

Прокоп - это командир партизанского отряда подполковник Николай Архипович Прокопюк.

Медведь - командир партизанского отряда полковник Дмитрий Николаевич Медведев.

Последнее время полковник Медведев был связан с луцким подпольем больше, чем другие партизанские командиры. Через Дмитрия Николаевича и его людей поддерживал связь с подпольщиками и наш обком, лишь частично дублируя ее через Конищука и рожищанскую группу Беги.

С Медведевым обкомовцы виделись часто. Одно время лагерь медведевцев даже находился рядом с лагерем нашего 1-го

батальона.

Как-то, заехав к соседу, я познакомился у него с выдающимся советским разведчиком Николаем Ивановичем Кузнецовым, смело и умно действовавшим в стане врага под видом немецкого офицера Пауля Зиберта. Он и в самом деле был очень похож на немца. Голубоглазый, светловолосый, с несколько удлиненным лицом, совсем не славянского типа.

На своем боевом счету Кузнецов уже имел ряд блестяще проведенных операций. Это он похитил в Ровно, прямо с квартиры, фашистского генерала фон Ильгена, командующего особыми войсками на Украине. Это он уничтожил в Ровно крупного гитлеровского чиновника имперского советника финансов Геля, а в Луцке - ближайшего помощника шефа гестапо садиста и палача Готлиба.

Кузнецову удалось, под видом все того же Пауля Зиберта, побывать на приеме и у рейхскомиссара Украины кровавого Эриха Коха. Коммунист Николай Кузнецов был готов пожертвовать собственной жизнью, лишь бы уничтожить этого изверга, одного из самых доверенных лиц Гитлера. Однако охрана рейхскомиссара, находившаяся в кабинете и состоявшая из трех эсэсовских офицеров с овчаркой, оказалась расставленной таким образом, что Кузнецов не успел бы выхватить пистолет.

Последний раз я виделся с Медведевым в январе 1944 года, перед уходом его отряда из Волынской и Ровенской областей дальше на запад, ко Львову. Дмитрий Николаевич передал тогда в наш госпиталь своих раненых для отправки их затем на Большую землю.

С первых минут той последней встречи бросилось в глаза, что Медведев мрачен, неразговорчив. Я подумал, что его самочувствие вызвано какими-нибудь досадными пустяками, и попытался настроить Дмитрия Николаевича на другой лад. Вздохнув, он взял меня за локоть и отвел немного в сторону.

- Случилась беда, Алексей Федорович! - сказал он. - Вторично арестована Савельева и еще кто-то... О том, кто именно, данных пока не имею, связи разом оборвались, но что Савельеву взяли - это точно...

Мы помолчали.

- Нельзя ли что-нибудь сделать? - спросил я. - Концы связей все же у вас. Быть может, послать на выручку Кузнецова?

- Николай сейчас далеко и выполняет другое задание. Но дело не в этом! Нашли бы людей... Есть даже некоторый опыт. Из ровенской тюрьмы мы в свое время вырвали нашего разведчика Жоржа Струтинского. Однако надо учитывать фактор времени! Пашу держат особенно крепко, если взяли во второй раз.

Подготовка займет недели... А Красная Армия приближается к Лупку, его освобождение - вопрос дней.

Мы опять помолчали. Дмитрий Николаевич был прав. Я снова заговорил первым:

- Значит, можем надеяться лишь на счастливую случайность?

- Да, конечно... Или сами подпольщики, из оставшихся на воле, что-нибудь предпримут. Люди там решительные, смелые, вы же знаете... Будем надеяться, ждать.

- Будем надеяться! - кивнул я.

Мгновенно испортилось настроение и у меня. Тяжело было сознавать, что ничем не можешь помочь попавшим в беду товарищам.

Медведев со своим отрядом ушел в район Львова. Я пытался связаться с Луцком через рожищанских подпольщиков. Безуспешно! Поступило лишь донесение, что в городе среди оккупантов паника, полным ходом идет эвакуация немецких учреждений. О Паше и ее друзьях - ни слова.

Приходилось ждать, ждать и надеяться, верить.

Луцк освободили 5 февраля 1944 года. Прошла еще неделя-другая, прежде чем к нам в обком, теперь уже через фронт, дошла из Луцка скорбная весть о гибели Паши Савельевой. Затем мы узнали и некоторые подробности.

Гитлеровцы вторично арестовали Пашу в последних числах декабря. Не избежали ареста также Мария Дунаева, Петр Болдырев и два-три подпольщика, фамилии которых не установлены. Савельева была еще жива, когда после зверских истязаний расстреляли ее верных товарищей. Пашу мучили, пытали дольше всех. И смерть ей была уготована самая страшная.

14 января во дворе луцкого замка-тюрьмы запылал огромный костер. У средневековых стен, на средневековом костре современные инквизиторы в фашистских мундирах заживо сожгли славную дочь советского народа комсомолку Прасковью Ивановну Савельеву.

В камере, где героиня луцкого подполья провела свои последние дни, воины-освободители сняли шапки и склонили головы перед неровными, должно быть с огромным трудом выцарапанными на стене, строками:

"Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено - ни

рук ни ног... Но умираю молча. Как хотелось жить! Во имя жизни

будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай,

будь прекрасна, родимая, и прощай.

Твоя П а ш а".

Люди не могли оторвать глаз от глубоко взволновавшей ид предсмертной записи героини, а мимо древнего луцкого замка все тянулись, двигались к фронту советские войска, наша мощная боевая техника. Там вдали гремела канонада новых сражений за полное освобождение украинской земли от фашистских захватчиков*.

_____

* Через некоторое время после первого издания в 1965 году этой

книги у меня в Киеве побывали приехавшие из Англии супруги Роуз

(Ружена) и Джек Хьюстон. Ружена, носившая до замужества фамилию

Фридова, оказалась родной сестрой не раз упоминавшегося выше доктора

Франтишека Фрида.

В годы войны г-жа Хьюстон потеряла всякие следы брата и только

из книги "Последняя зима" узнала, что он был активным участником

подпольной борьбы с оккупантами на Волыни. В дальнейшем она выяснила,

что после освобождения Лупка доктор Фрид находился в партизанском

отряде и погиб в бою смертью храбрых. Желание повидать места, где

сражался Франтишек Фрид, познакомиться с его боевыми друзьями и

привело сестру доктора на Украину.

Вместе с мужем она побывала в колхозе им. Энгельса, где хорошо

знали Ф. Фрида. Приняли их там очень сердечно. В память о брате

Ружена увезла в Англию маленькую сосну, выкопанную в лесу, где пал

Франтишек.

В 1967 году мне довелось быть в Лондоне и навестить супругов

Хьюстон, живущих в одном из пригородов английской столицы. В своем

саду они показали украинскую сосну, хорошо здесь прижившуюся. Ее

вечнозеленые ветви еще раз напомнили мне о славном

партизане-интернационалисте.

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Почту с Большой земли получали мы редко. Дважды за всю зиму ее выбросил вместе с боеприпасами покруживший над лесом самолет, а один раз доставил наш обоз, ходивший в Олевск по "коридору".

Когда почта прибывала, некоторым партизанам вручалось сразу по нескольку писем. Жадно схватив драгоценную пачку, счастливчик прежде всего раскладывал корреспонденцию в хронологическом порядке, по датам штемпелей, а затем, то улыбаясь, то хмурясь, принимался читать одно письмо за другим.

Вести от родных и близких всегда радовали партизан, хотя между строк и проглядывала правда о тяжелой жизни в советском тылу, о невзгодах, принесенных войной. Но хорошо, что хоть живы родные, что крепятся они, ждут сына, мужа или брата домой! Пробежав листки, исписанные знакомым почерком, человек будто дома побывал и увиделся со своими близкими.

В каждом взводе бойцы, получавшие письма, перечитывали их вслух для всех остальных. Так повелось. Партизаны одного взвода, живущие в одной землянке, были единой семьей, с общими интересами, радостями и печалями. Случалось, что кто-нибудь, слушая адресованное товарищу письмо, пригорюнится, тяжело вздохнет, тогда ему обязательно скажут:

- Получишь и ты!.. Живы твои, найдутся! Еще встречать тебя выйдут!..

Но почти половина партизан, если не больше, никаких известий о своих родных не имела. У многих семьи остались на занятой врагом территории, у многих затерялись в потоках эвакуированных... Командиру роты Павлу Игнатьевичу Лащенко почта приносила лишь конверты от различных официальных учреждений, и в каждом были одни я те же заставлявшие сжиматься сердце слова: "Местопребывание Ваших жены и дочери установить не удалось".

Старший лейтенант Лащенко расстался с женой и маленькой дочкой в первый же час войны. В этот час он поднялся по тревоге вместе со всем гарнизоном Брестской крепости. Вернуться домой не пришлось. Начались дни героической обороны одного из передовых советских редутов на западной границе. Ударные части фашистских армий успели продвинуться на сотни километров вперед, календарь показывал уже середину июля, а немало верных присяге советских воинов все еще продолжали сражаться в осажденных фортах старой крепости.

Павел Лащенко был среди тех, кто решился однажды на отчаянную ночную вылазку. Каждый второй из храбрецов пал под

пулеметным огнем. Старшин лейтенант и еще несколько солдат и офицеров прорвались через немецкие цепи, проскользнули мимо постов и ушли от погони. Лащенко стрелял, полз, снова стрелял, затем плыл через реку, брел по болоту, действуя почти безотчетно. Пришел в себя на другой день утром в лесу под кустом дикой малины. Было тихо, где-то рядом посвистывали птицы... Павел лежал на траве смертельно усталый, исхудавший, обросший щетинистой бородой, но живой, невредимый, с партбилетом в левом кармане промокшей гимнастерки и последним нерасстрелянным патроном в обойме, сбереженным для себя.

Лащенко знал, что если он уцелел, то должен сражаться дальше. Он пошел на восток. Проделал невероятно трудный, полный опасностей путь, пока не очутился в одном из наших партизанских отрядов.

Всю дорогу старшего лейтенанта тревожили мысли о семье... Что с женой, что с маленькой Верочкой? Остались ли невредимы во время бомбежки Бреста? Хотелось верить, что живы, но тогда - где они? Удалось ли выбраться из города, сесть на какой-нибудь поезд? Или офицерские семьи отправляли в тыл автомашинами? Какова судьба жены и дочки, если они застряли в Бресте?

Эти вопросы терзали Лащепко и после того, как он уже стал партизаном. С каждым обратным рейсом прилетавших к нам самолетов старший лейтенант посылал запросы о семье в Штаб партизанского движения, в Наркомат обороны, в ЦК. Ответы приходили неутешительные.

Особенно тоскливо и беспокойно становилось на душе у Лащенко, когда получал письма политрук роты Сергей Петрович Вохмяков, его сосед по землянке. Заметив это, политрук перестал читать письма при ротном, тщательно избегал разговоров с ним о собственной жене и сыновьях, живущих в Ярославле. От Лащенко не укрылся этот маневр политрука.

- Брось, Сережа! Я ведь понимаю: чуткость проявляешь! - сказал он однажды. - Но разве мне было бы легче, если бы и ты не знал о своих?! Рассказывай, брат, рассказывай, как там твоя Ольга, как Алешка и Миша?

Политрук смутился, покраснел даже и начал нехотя, скупо делиться последними новостями из дому.

- Постой! - вдруг перебил его Лащенко. - Я вот о чем подумал: пусть Оля узнает через адресный стол - нет ли в Ярославле моей Полины? Вдруг туда эвакуировалась! Мало ли что бывает!

- Хорошая мысль! Обязательно напишу, сегодня же... Правда, неизвестно, скоро ли почту отправят.

Сергей Петрович не сказал, что он еще полгода назад просил

жену навести справки и в Ярославле, и в адресных столах других городов, но Лащенко Полина Ивановна, 1914 года рождения, уроженка бывшей Екатеринославской губернии, там не проживала.

Смуглого плечистого Лащенко и типичного русака, светловолосого сероглазого Вохмякова связывали не только служебные отношения, но и самая настоящая крепкая боевая дружба. Политрук знал, как любил командир роты свою маленькую семью, видел, каких переживаний стоила Лащенко неизвестность о ее судьбе. Беспокойство, тревоги Павла не давали покоя и Сергею Петровичу.

Когда соединение пришло на Волынь, у командира роты вспыхнула новая надежда отыскать хотя бы след дорогих ему людей. Где-то в Маневичскоы районе он случайно узнал, что на дальнем лесном хуторе живут две беженки из Бреста. Лащенко помчался туда. Женщины и в самом деле оказались женами брестских городских служащих. Обе выбрались из Бреста уже после того, как его заняли немцы, считая, что прокормиться в сельской местности будет все-таки легче. Знакомых среди семей военных эти беженки не имели, но слышали, что часть жен и детей офицеров успели отправить на восток, а некоторые потом сами ушли неизвестно куда.

Вот и все, что узнал тогда Лащенко. Ничего нового он не услышал, подтвердились лишь его предположения, но обрадовал сам факт встречи с женщинами из ставшего ему родным города. И тут же офицер подумал: а почему бы и Полине с Верочкой не оказаться в этих довольно близких от крепости местах?

С тех пор, в каком бы населенном пункте ни приходилось бывать Павлу Игнатьевичу, всюду задавал он неизменный вопрос: "Нет ли кого-нибудь из Бреста?"

На хуторах и в селах жили беженцы из Ковеля, из Луцка, из Владимира-Волынского, а из Бреста старшему лейтенанту довелось еще встретить только одну женщину. Была она женой офицера, но не того полка, в котором служил Лащенко. И от нее не услышал партизанский командир ничего ободряющего, скорее наоборот.

- Возможно, ваша супруга и на Волыни, - сказала Павлу Игнатьевичу новая знакомая, - но найти ее будет трудно, очень трудно. И вот почему. В первые месяцы войны я вместе с другими женами офицеров нашего полка жила в селах, неподалеку от Бреста. Но кто мы такие, там не знали. Ведь мы не говорили, что мы из крепости, жены военных, и фамилий своих настоящих не называли. Знали бы вы, как злы немцы на защитников крепости!

- Предполагать могу, - усмехнулся Лащенко.

- Ну вот... Попадись им офицерская жена, сразу отправили бы в концлагерь! Да и бандеровцы не пощадили бы! А чтобы донести на тебя, подлец может найтись... Будем надеяться, жива-здорова ваша Полина Ивановна, не исключено, что и находится она где-то близко, но знают ее в селе не как Лащенко, а как Семенову или Петрову, жену бухгалтера или агронома, взятого на фронт рядовым.

Конечно, Павел Игнатьевич продолжал поиски, но безуспешно, и новая надежда постепенно таяла, исчезала. Однако старший лейтенант не подозревал, что вместе с ним ищет Полину Ивановну Лащенко вся его рота. Настойчивые коллективные розыски велись по инициативе Вохмякова.

Он рассудил логично: сто человек могут сделать в сто раз больше, чем один. Пусть и не все сто были привлечены к поискам, но, во всяком случае, каждый из партизан роты, попадавший в новое ли село, на новый ли хутор, независимо от других заданий, обязательно еще наводил справки о Полине Ивановне. Это было дополнительное задание - особое... Спрашивали не только о женщинах из Бреста, но и о любых беженках, появившихся в населенном пункте во время войны, встречались с ними, разговаривали. На тот случай, если Полина Ивановна не назовет себя, Вохмяков сообщил партизанам ее приметы: среднего роста, вьющиеся каштановые волосы, нос с горбинкой, у подбородка родинка овальной формы. Внешность жены командира роты Вохмяков отлично себе представлял по многим его рассказам.

Поиски держались в строгом секрете от старшего лейтенанта. Человек скромный и щепетильный, он сразу бы запретил бойцам отвлекаться от основных дел ради него, хотя дела нисколько от этого не страдали. Пожалуй, у Сергея Петровича хватило б красноречия доказать это старшему лейтенанту. Но нельзя же зря трепать нервы человеку, нести ему вместе с новыми надеждами и все новые разочарования! Ведь шансы отыскать Полину Лащенко или что-нибудь о ней услышать были очень невелики.

Батальон уже не раз менял на Волыни район дислокации, партизаны из роты Павла Игнатьевича перебывали в десятках сел, хуторов, местечек, по ничего о жене своего командира так и не узнали. И вдруг в самом начале февраля след ее обнаружился.

Молодой боец Андрей Зозуля, ходивший на связь в соседнее партизанское соединение, доложил политруку роты, что на хуторе Дубовец, километрах в тридцати отсюда, он разговаривал с женщиной, хорошо знающей Полину Ивановну и вместе с нею покинувшей Брест.

- А не с какой-нибудь другой Полиной Ивановной? Ты хорошо разузнал? спросил Вохмяков.

- Все точно! И фамилия Лащенко, и девочка лет семи была при ней... Да эта гражданка и нашего комроты знает, имя его назвала. Она тоже жена офицера одной со старшим лейтенантом части.

- Ну и где же сейчас Полина Ивановна? Они потеряли друг друга или как?

Оказалось, Зозуля все подробно выяснил. В августе 1941 года несколько жен офицеров Брестского гарнизона, из тех, кому не удалось эвакуироваться, отправились пешком на юго-восток. Все они думали, что война скоро кончится. Решили ждать прихода советских войск в селах, расположенных подальше от больших дорог, где и немцев-то, по всей вероятности, нет. Эта группа женщин, а с ними и детей, добралась до Любешовского района, Волынской области, и там осела на некоторое время.

Полина Лащенко с женщиной, которую отыскал Зозуля, нашли себе пристанище в селе Вулька-Щетинская. Здесь они провели зиму. К весне у беженок кончились вещи, которые они меняли на продукты, да и самим жителям Вульки приходилось все туже затягивать пояса. Ходили слухи, что в районах поближе к Ковелю люди живут сытнее, что там многие крестьянские хозяйства нуждаются в рабочих руках. Поэтому весной 1942 года часть женщин перекочевала дальше на юг, среди них и встреченная Зозулей на хуторе. Полина Ивановна же осталась в Вульке; она умела шить, начала этим подрабатывать, надеялась как-нибудь и дальше прокормиться с дочкой.

- Значит, они расстались почти два года назад? - прикинул вслух Сергей Петрович.

- Выходит, что так, товарищ политрук.

- Нда... Срок солидный! И многое за этот срок могло произойти... Пока точно не узнаем, где сейчас супруга старшего лейтенанта, тревожить его нельзя. Понятно, Андрей? Завяжи свой язык на десять узлов, на губы повесь десять замков.

- Обижаете, товарищ политрук!

- Не обижаю, а предупреждаю: никому ни полслова.

Надо было послать кого-нибудь, хотя бы того же Андрея Зозулю, в Любешовский район. Взять человека да вдруг отправить за сто километров без ведома Лащенко политрук не мог и сказать ему, зачем надо послать, тоже не мог. Пришлось посвятить во все командира и комиссара батальона. Вот почему уже через несколько минут после этого Лащенко получил приказ откомандировать в распоряжение штаба батальона партизан Зозулю Андрея и Конашкевича Виктора для выполнения особого задания.

- Вечно норовит лучших из роты забрать! - с досадой сказал

Сергею Петровичу старший лейтенант. - Будто нам самим такие ребята не нужны...

- С начальством особенно не поспоришь! - пожал плечами Вохмяков.

Дорога к Любешову оказалась трудной. Высокий остроносый Зозуля и плотный розовощекий Конашкевич почти все время шли пешком, лишь изредка пользуясь попутными санями. Немцев в этих глубинных местах не было, но приходилось опасаться бандеровцев и полицаев. Большие села обходили стороной. Заночевать остановились на хуторе Гречаны в доме надежного, много раз проверенного человека.

Блаженствуя на жарко натопленной печке, партизаны тихо разговаривали.

- Неужели найдем Полину Ивановну? Просто как-то и не верится, сказал Конашкевич.

- Отчего не найти? Найдем... След теперь имеется! - уверенно ответил Зозуля. - Вот стоял бы наш батальон у Любешова, может, и сам бы ротный со своей женой в этой Вульке столкнулся...

- А что ты думаешь! Бывает... Ты про встречу двух братьев в штабе нашего соединения слыхал? Как они опознали друг друга?

- Что значит опознали, если они братья?!

- А вот послушай! Приезжают к нашему генералу по каким-то делам люди из соседней бригады, есть такая спецбригада Анищенко. Прибыл с ними и начальник связи этой бригады Скрипник. Стоят возле штаба, разговаривают... Тут же рядом несколько хлопцев из нашего четвертого батальона находились. Ну, а в четвертом, сам знаешь, большинство партизан - бывшие пленные, что пришли из-за Буга... Как раз к одному из таких вдруг начал присматриваться Скрипник. Потом подходит и спрашивает: "Вы сами будете из Ростова?" Тот отвечает: "Верно, из Ростова". Скрипник опять ему вопрос: "А звать вас Александр?" Парень из четвертого захлопал от удивления глазами да как бросится к Скрипнику... Что ж оказалось? Два родных брата встретились!

- Почему же они сразу друг друга не признали?!

- Очень просто! Тот, который в бригаде у Анищенко, еще за три года до войны на действительную призвался, когда младший совсем пацаном был... Да еще два года войны прибавь! А началась война, взяли в армию младшего, Сашку. Вскоре на него прислали похоронную... Старший тоже об этом знал. Но Сашка вовсе не убит был, а только ранен и раненным попал в плен... Потом убежал, сначала вместе с поляками партизанил, затем к нам попал... И до того у братьев стежки-дорожки перехлестнулись, что свели их лицом к лицу!

- Вот действительно, гора с горой не сходится... А мы с тобой не на случай надеемся, а идем по верному следу. Значит, найдем Полину Ивановну... От нас все зависит!

- Эх, радость-то какую принесли бы и командиру, и всей роте! Надо найти... Ну давай, Андрюха, храпанем минуток триста... Завтра еще шагать и шагать.

Следующая ночевка была у них уже под самым Любешовом, в расположении 10-го батальона, а на третий день партизаны добрались и до Вульки-Щетинской, небольшого сельца с обгоревшими у южной околицы хатами.

Остановив первую же идущую навстречу девушку, Андрей обратился к ней с вопросом:

- Скажи, красавица, нет ли у вас в селе хорошей портнихи? До того обносился, что и свататься не в чем. Кто бы тут рубахи мог сшить? Материал имеем.

- Есть портниха, и хорошая, городская... Но она по домам ходит работать, своей машинки у нее нет... Хотя если для партизан, так любая хозяйка даст машинкой попользоваться! Вон в том проулке живет портниха, вторая хата по правую руку.

- А как зовут вашу городскую мастерицу?

- Полина Ивановна.

Да, это была она, жена командира роты, усталая, исхудавшая женщина с каштановым локоном, выбившимся из-под косынки, с овальной родинкой у подбородка. Рядом с ней, сидя на лавке, играла тряпочной куклой большеглазая девочка лет десяти, очень похожая на Павла Игнатьевича. Разговор, однако, начался о рубахах.

- Как же, обязательно сошью, с удовольствием... Приносите материю. Эх, ребятки, ребятки, может, и мой муж где-нибудь в партизанах! Не встречали старшего лейтенанта Лащенко?

- Не приходилось... А может, и встречали, разве запомнишь! - сказал Зозуля.

Конашкевич отвел глаза в сторону.

- Вот так и все отвечают, кого ни спросишь, - продолжала со вздохом Полина Ивановна. - Я понимаю, всех в памяти не удержишь. Но может, лицо запомнилось?.. Верочка, доченька, принеси папину карточку...

Девочка бросила испуганно-вопросительный взгляд на мать, но та ее успокоила:

- Этим дядям можно показать! Они с немцами воюют, как и твой папа... Принеси, детка!

Вера убежала за перегородку и вернулась оттуда с завернутой в платочек фотографией. Когда Зозуля взглянул на снимок, его чуть не прошибла слеза. Он увидел своего командира роты,

совсем молодого, улыбающегося, еще только с двумя квадратиками в петлицах, а рядом сидела в нарядном платье полная красивая Полина Ивановна, держа на коленях крошечную Верочку.

- Нет, не видел такого, - как можно спокойнее сказал Зозуля. - Да жив он, бьет вовсю фрицев!

- Наверно, жив, но вот где он?.. Ну хорошо, друзья! Приносите материал, машинку я достану...

- Не знаю, сможем ли раньше чем через неделю снова к вам заглянуть... Вы все время здесь будете? Никуда не собираетесь?

- Буду конечно... Пока работа в селе есть.

Партизаны распрощались с Полиной Ивановной. Едва они отошли от хаты, как Виктор обрушился на Андрея с упреками:

- Сволочь ты, гад ты этакий, сердца в тебе нет! Разве можно так над женщиной издеваться? "Не приходилось встречать", "не видел"... Сказать надо было! Обрадовать!

- Не горячись, Витя, остынь... Ну сказали бы, а дальше что?

- Попросить в десятом батальоне сани, посадить на них Полину Ивановну с дочкой - и прямо к нам!

- Не очень-то прямо мы с тобой шли! А бандеровцы? А полицаи? А метель начнется?.. Нет, я все делаю, как политрук приказал... Ты уж моей линии держись, это тоже приказано.

- Я и то держусь.

- Вот все у нас и в порядочке! Теперь только поскорее бы в роту вернуться, доложить.

О результатах миссии Андрея Зозули и его напарника узнали в роте сначала лишь три человека - комбат, комиссар и политрук Вохмяков. Они сразу же начали совещаться, как быть дальше.

- Отправим за семьей самого Лащенко, это ясно, - говорил командир батальона. - Но я полагаю, что ему не надо знать главное прежде времени... Взбудоражится, полетит, еще по дороге в какую-нибудь неприятность сгоряча влезет...

- Вообще-то Павел человек спокойный, выдержанный, но от такой новости у любого характер перевернется! - заметил Сергей Петрович.

- Пожалуй, верно, придется нам и дальше темнить! - сказал, улыбнувшись, комиссар. - Пришлите к нам, товарищ Вохмяков, старшего лейтенанта.

Явившийся к начальству Лащенко получил приказ завтра утром в 8.00 отбыть на трех санях с десятью автоматчиками в село Вулька-Щетинская для выполнения особого задания. В чем состоит задание, он узнает по прибытии в село из дополнительного приказа, который ему там вручат на явочной квартире. Адрес явки известен партизану Зозуле, которого

следует включить в группу.

- От кого будет дополнительный приказ? - спросил Лащенко.

- От меня и от комиссара, - уточнил комбат. - Больше ничего вам сказать не могу... Предупреждаю, что задание очень важное. В попутных населенных пунктах нигде не задерживаться, ночевать на хуторе Гречаны или в расположении десятого батальона. Своим заместителем по роте оставьте политрука. Вопросы есть?

- Вопросов не имею.

- Выполняйте!

...Утром маленькая экспедиция тронулась к Любешову... "Что там может быть? - думал дорогой Лащенко. - Боеприпасы брать? Сказали бы! На связь? Тоже предупредили бы, пароль дали... Возможно, какую-то разведку предстоит вести! Впрочем, на месте все прояснится!" Огорчало командира роты лишь то, что нельзя задерживаться в селах, походить по хатам, порасспросить о беженцах из Бреста, из других мест...

Ночевали на маленьком хуторе Гречаны, а к середине следующего дня были уже в Вульке. Остановились в крайней хате, распрягли коней.

- Ну пошли, Зозуля! - обратился к Андрею командир роты. - Еще Харченко со мной, Татищев... Остальным здесь подождать. За старшего Максимкин... Пока отдыхайте, хлопцы!

До знакомого Андрею переулка было недалеко. Вот он уже, вот и та самая хатка!.. Один только Андрей знал, к кому они идут, какая встреча ждет командира. Сердце Зозули колотилось... Только бы Полина Ивановна оказалась дома!

Все четверо вошли в сени, старший лейтенант стукнул легонько в следующую дверь... "Прошу!" - раздался из комнаты голос, вдруг показавшийся ему знакомым. Лащенко распахнул дверь, на секунду застыл у порога, потом метнулся вперед, а Зозуля уже выпихивал товарищей из сеней на улицу.

- Подождать надо, ребята, - говорил он. - Тут дело семейное! Нашел ротный свою женку...

Павел Игнатьевич вышел к ним через несколько минут счастливый, взволнованный, недоумевающий и прежде всего вопросительно взглянул на Зозулю. Тот уже держал в руке вынутый из кармана пакет.

- Приказано вам вручить! - сказал Андрей и передал конверт старшему лейтенанту.

Лащенко прочел следующие строки:

"Дорогой Павло!

Прости нас, пожалуйста, но мы решили, что лучше тебя прежде

времени не тревожить. А теперь - поздравляем, радуемся

вместе с

тобой.

Дополнительный приказ таков: забирай Полину Ивановну и Верочку и

возвращайся в батальон. Передай им привет. Вот и все "особое

задание"!"

Дальше следовали крупная, размашистая подпись комбата и четко выведенная, без росчерка, фамилия комиссара.

- Павлик! Где же ты? - раздался голос Полины Ивановны, и она с еще не просохшими счастливыми слезами на лице показалась в дверях.

- Папа! Па-поч-ка! - кричала из комнаты Вера.

В глазах Лащенко мелькнула не то растерянность, не то смущение.

- Разрешите, товарищ старший лейтенант, быть пока свободными? невозмутимым тоном спросил Зозуля.

- Ну и хлопцы! - сказал, рассмеявшись, командир роты. - Да, свободны до особого распоряжения... Идите туда, к нашим. Вам спасибо, им спасибо, всем спасибо! Детали потом выясним...

Подробности розысков Полины Ивановны командир роты выпытал у Андрея на обратном пути.

А в батальоне уже готовились к торжественной встрече. Первым делом Вохмяков перебрался в другую землянку. Старшина приволок откуда-то перину и сказал, что это для девочки. От ротной кухни тянуло паленой щетиной зарезанного кабана и, кажется, даже самогонным духом.

Встреча старшего лейтенанта, его жены и дочери была шумной, сердечной.

Утром к супругам зашел Вохмяков. От старенького женского халата и тряпочной куклы, лежавших на табуретке, от перемытой до блеска посуды, от расчески с застрявшими между зубцами обрывками длинных волос повеяло на Сергея Петровича такой домашностью, чем-то таким хорошим, полузабытым, что у него защемило в груди.

После приветствий политрук заговорил о том, что его сюда привело:

- Вот ведь какое дело... Хочет рота Полину Ивановну видеть. Просит ее выйти, так сказать, познакомиться...

- Господи! Всех вчера, кажется, переобнимала! - всплеснула руками Полина Ивановна.

- Не всех, далеко не всех!.. А главное, что не все партизаны нашей роты вас видели... Многие вчера в наряде были, одна группа ночью из разведки вернулась.

- Надо тебе, Поленька, по землянкам пройти, - заметил старший лейтенант.

- Нет, не по землянкам! - твердо сказал Вохмяков. - А то опять получится - одни видели, другие не видели...

- Как же мне быть? - чуть растерянно спросила Полина Ивановна.

- Ко всей роте надо вам выйти. Сейчас! Люди уже построены.

Рота стояла двумя шеренгами на небольшой поляне за лагерем, ожидая ту, кого долго искала. Разные находились в этих шеренгах люди. Были среди них и парни с огрубевшей на войне душой, такие, для которых, казалось бы, все трын-трава, но не было среди них ни одного, кто не любил бы свой дом, своих родных, свою семью, кто пренебрегал бы законами партизанской дружбы.

Во имя этой дружбы искали партизаны жену и дочь командира. И каждый, возможно подсознательно, надеялся когда-нибудь тоже встретиться со своими близкими. "Особое задание" политрука удалось в конце-то концов выполнить, Полина Ивановна приехала. Может быть, сбудется и их мечта!

И вот разом, без всякой команды, партизаны в шеренгах подтянулись, выравнялись, приняли стойку "смирно". К ним приближались четверо. Справа шел старший лейтенант Павел Лащенко, защитник Брестской крепости, потом окруженец, затем хороший партизанский командир, уже завершающий свой тяжелый маршрут запад - восток - запад. Слева шагал ярославский рабочий Сергей Вохмяков, добрый, славный человек, тоже получивший от войны нелегкую нагрузку... А между ними шла женщина с широко открытыми сияющими глазами, придерживая за руку девочку в стоптанных валенках.

Вот все они подошли поближе к роте, остановились. Полина Ивановна увидела множество устремленных на нее глаз, взволнованных, потеплевших.

- Здравствуйте, родные! - сказала она негромко и как-то очень уж просто.

В ответ беспорядочно прозвучали ответные приветствия. Отвечали по-разному: "Здравствуйте, Полина Ивановна!", "С приездом!", "Поздравляем вас!" Жещина хотела сказать еще многое, поблагодарить всех, но слова застряли у нее в горле, углы губ дернулись, и Полина Ивановна, беспомощно махнув рукой, побежала к стоящим в строю. Она повисла на шее у растерянно заморгавшего глазами автоматчика Гладышева, что-то тихо причитая, совсем по-бабьи. Плечи ее вздрагивали.

Вот как закончилась эта партизанская быль. Добавлять, пожалуй, нечего... Нет, добавлю! Полина Ивановна не только

сшила, но и вышила рубаху Андрею Зозуле, да и не ему одному.

МАРИАН СТАНОВИТСЯ СОЛДАТОМ

При каждом появлении у нас в штабе комиссара польской бригады Виктора Кременицкого его обязательно спрашивали:

- Ну, как там поживает Мариан?

Наверно, и в этот приезд Виктору Александровичу ужо не раз задавали обычный вопрос. Во всяком случае, когда Кременицкий зашел ко мне и я поинтересовался самочувствием и успехами Мариана, лицо комиссара приняло страдальческое выражение.

- Опять! - воскликнул он. - Да что вы - смеетесь надо мной?! Дался всем наш Мариан! А в бригаде кроме Мариана сколько угодно таких же Казимиров и Франтишеков, Эдвардов и Мечиславов, Адамов и Тадеушев... Ничуть не лучше!

- Вот поэтому-то Мариан всех интересует... Он, так сказать, единица измерения! Помнишь, ты же сам сказал, что Мариан станет у вас настоящим солдатом?

- Отлично помню! - вздохнул Кременицкий.

Дверь распахнулась, и вошел, поеживаясь от холода, Владимир Николаевич Дружинин. Увидев гостя, он обрадовался:

- Здравствуй, Виктор! Ну, давай рассказывай... Как там у вас пан Мариан?

Мы с Кременицким расхохотались.

Партизан бригады имени Ванды Василевской двадцатидвухлетний Мариан Фалькевич и не подозревал, какой популярностью пользуется его имя в штабе соединения. Увы, эта популярность не была связана ни с воинскими подвигами Фалькевича, ни с его дисциплинированностью, ни с успехами в боевой подготовке. Еще в начале организации польской бригады Мариан Фалькевич запомнился тем, что за каких-нибудь два-три дня совершил целую серию совершенно недопустимых проступков. Он опоздал на перекличку, разговаривал в строю, дважды вступал в пререкания с командиром роты, без разрешения отлучился из лагеря, не вышел на занятия по изучению материальной части, ссылаясь на болезнь, которой у него не оказалось, и в заключение сладко заснул на посту у взводной землянки. Тогда-то, рассказав нам о похождениях Мариана, комиссар бригады и пообещал сделать из него хорошего солдата.

Не следует думать, что Фалькевич был каким-то злонамеренным нарушителем самых элементарных воинских порядков. Ничего подобного! Любой проступок молодого польского партизана возникал как бы сам собой, помимо воли Мариана, и для каждого проступка находилось у него множество оправданий.

От Кременицкого узнали мы и о диалоге, который произошел

у него с Марианом, после того как последний заснул на посту.

- Товарищ Фалькевич! Вам доверили охранять ночной покой всего вашего взвода...

- Пшепрашам, пане комиссар, я охронял, я бардзо добже охронял. Я ходил вкруг бункера, я обсервовал по стронам...

- Обождите, Фалькевич! Во-первых, нельзя перебивать разговаривающего с вами начальника. Во-вторых, называйте меня "товарищ комиссар", а не "пан комиссар". В-третьих, как это вы можете утверждать, что ходили вокруг землянки и посматривали по сторонам, когда командир взвода обнаружил вас сидящим на ящике, с опущенной на колени головой, с крепко закрытыми глазами?.. В таком положении можно видеть только сны!

- Какие сны? Какие сны, товарыж комиссар? Человеку уже нельзя закрыть на минуту глаза в самом конце дежурства!

- Спать часовому нельзя ни в начале, ни в середине, ни в конце дежурства. Если бы к вам подошел не командир взвода, а бандеровец или немец, он не стал бы, Фалькевич, вас будить, а сделал бы что-то гораздо похуже.

- Пшепрашам, товарыж комиссар, но немец к нам не пошел бы, он скорее пошел бы в бункер к минерам.

- А если и у минеров часовой будет спать? Впрочем, Фалькевич, ваше мнение на этот счет меня не интересует... Вы вступили в партизаны добровольно, вы торжественно обязались подчиняться партизанской дисциплине, а теперь на каждом шагу ее нарушаете. Просто стыдно за вас! Отправляйтесь к командиру роты и доложите, что получили от меня два наряда вне очереди. Пусть пошлет вас на кухню чистить картошку!

- На кухню я не можу, пане комиссар! Там працюют Бронька с Иреной, они будут смеяться...

- Правильно сделают! Скоро смеяться над вами будет вся бригада... Идите и доложите командиру роты о полученном взыскании.

Мариан с достоинством удалился. Командира роты он сначала "не нашел", а когда тот сам попался ему на глаза, доложить о приказании Кременицкого "забыл".

Вот каков был Мариан Фалькевич. Вместе с тем это совсем неплохой парень, очень неглупый, физически крепкий. Он сын местного крестьянина-середняка, хозяйство которого разграблено бульбашами. В патриотичности Мариана, в искренности его желания помочь Польше избавиться от оккупантов и обрести самостоятельность сомневаться никто не мог. Вступил Мариан в партизанскую бригаду с самыми лучшими намерениями, но вот стать настоящим, полноценным бойцом ему как-то не удавалось. Причем Виктор Кременицкий был совершенно прав: людей, очень

напоминавших Мариана, в бригаде набралось порядочно.

Собственно, никого из нас это не удивляло. Ведь любой человек, новичок, ранее не служивший в армии, вступив в один из наших отрядов, мог бы составить Мариану отличную компанию, решительно ничем от него не отличаясь. Но и Мариан, и всякий другой в любом из наших старых отрядов быстро отрешился бы от своих гражданских привычек, стал бы за какой-нибудь месяц хорошим партизаном.

С Марианом этого в польской бригаде не произошло. В чем же тут дело?

Догадаться нетрудно. Когда новичок попадает в среду более опытных, более умелых товарищей, он изо всех сил тянется за ними, старается ни в чем от них не отстать. И бывалые партизаны всячески ему в этом помогают советом, показом, собственным примером. Глядишь, новичок уже и не новичок! Многое восприняв от окружающей его среды, он уже и сам стал частицей этой среды, как бы растворился в ней.

Совершенно другое положение в новом партизанском формировании, в данном случае - в польской бригаде. Весь рядовой состав был здесь из новичков. Одни быстрее воспринимали воинские порядки, а другие медленнее, одни прилагали больше усилий в занятиях по боевой подготовке, а другие меньше, одни оказались дисциплинированными по натуре, а другие этим не блистали. Людей же, на которых Мариану следовало во всех отношениях равняться, в бригаде можно пересчитать по пальцам. Там их меньшинство, и они еще не в состоянии подчинить своему влиянию всю массу.

Пока что мы рассматривали бригаду имени Василевской не как боевое, а как учебное формирование, где польские партизаны проходили нечто вроде армейской "школы молодого солдата". Курс такой школы рассчитан на новобранцев. Но обычно в каждом учебном армейском полку есть постоянный, хорошо знающий свое дело командный состав, есть люди с большим опытом воспитательной работы. В нашей же польской бригаде таких командиров почти не было. И это - еще одна трудность.

Командовал бригадой бывший вахмистр польской армии Станислав Шелест, человек лет сорока, уже давно уволившийся в запас. Во главе двух отрядов бригады, рот и взводов стояли также бывшие польские офицеры и унтер-офицеры из запасников. Они сравнительно неплохо разбирались в военном деле, но во многом отстали, партизанского опыта не имели. Им самим приходилось учиться и переучиваться. Конечно, это сказывалось на состоянии бригады. Ее отрядам было еще далеко до других наших подразделений. Вот почему Кременицкий охал и вздыхал, отвечая

на расспросы об успехах Мариана Фалькевича.

В таком случае, не проще ли распределить всех поляков по нашим старым батальонам, переварить их там в партизанском котле, научить многому, а уже потом сформировать из готовеньких бойцов польскую бригаду? Да, проще, но не лучше. Мы считали, что это было бы узкоделяческим подходом к начинанию большого политического значения.

Поляки горячо любят и свято чтят свою родину. Захват территории Польши немецкими фашистами, превращение ими суверенного государства в генерал-губернаторство наполнили гневом и болью сердца поляков. Они верили в освобождение своего отечества, знали, что братский советский народ поможет изгнать оккупантов с их родной земли. Истинные польские патриоты хотели и сами участвовать в борьбе с нашим общим врагом. Огромный энтузиазм вызвала у поляков весть об образовании Временного демократического польского правительства. С радостью узнали они и о формировании в Советском Союзе боевых частей Войска Польского... "Ще Польска не згинела", - часто повторяли в те дни поляки слова своего народного гимна. Создание на контролируемой советскими партизанами территории самостоятельной бригады имени Ванды Василевской полностью отвечало настроениям и местных поляков, и тех, кто бежал сюда из-за Буга. Сам факт существования польской партизанской бригады как бы еще и еще раз говорил патриотам: "Польша жива! Польша борется!"

Немало поляков из местного населения и раньше воевало в наших батальонах. В польский же отряд они хлынули целым потоком. Желающих стать партизанами оказалось столько, что понадобилось сформировать не один отряд, а два, объединенных в бригаду.

Нет, конечно, не следовало разобщать поляков, распределяя их по старым батальонам. Польская бригада должна быть самостоятельной. А вот помочь ей мы были обязаны, несмотря на многие трудности. Впрочем, помогать можно по-разному. Нам ничего не стоило бы поставить во главе каждого подразделения бригады своего бывалого, испытанного командира. Формально это выглядело бы помощью, даже щедрой помощью, а на деле принесло бы вред. Ну что за национальная бригада, если поляками командуют русские и украинцы?! Да и лучше подойти к полякам, лучше на них влиять могут, разумеется, свои же польские командиры. Такие командиры нашлись, хотя они и нуждались в нашей поддержке.

Постепенно мы отзывали из бригады временно посланных туда наших советников. К началу 1944 года у поляков остались

лишь отлично сработавшиеся с Шелестом комиссар Кременицкий, начальник штаба Капорцев, инструктор по минноподрывному делу Руденко, заместитель комбрига по разведке Григорий Беда и несколько политруков. Думаю, что на бригаду из 400 человек это очень немного.

Порой у меня возникал вопрос: не допущен ли нами перегиб? Кременицкий все время плакался, что дела в бригаде идут неважно. О пресловутом Мариане он не мог сообщить ничего утешительного. Между тем связные доставляли нам все новые просьбы Армии людовой поскорее перебросить бригаду в Польшу.

Как-то еще в первой половине января решил я вместе с Дмитрием Ивановичем Рвановым наведаться к полякам. Выехали с утра. Мой застоявшийся Адам и белый норовистый конь начальника штаба соединения быстро домчали нас до лагеря бригады.

Встретивший нас у штабной землянки Станислав Шелест доложил, что во вверенных ему подразделениях никаких происшествий не случилось, а личный состав занят учебой согласно расписанию.

- Посмотрим-посмотрим, Станислав Павлович, как идут у вас занятия... Давайте пройдем вместе по землянкам, - сказал я. - А где комиссар?

Оказалось, что Кременицкий на полигоне, где сейчас практикуются минеры. Решили заглянуть туда.

Учебный полигон представлял собой лесную поляну, на которой было сооружено несколько метров железнодорожной насыпи со шпалами. Тут же стояли макеты различного типа мостов, стен, фундаментов и других объектов минирования. Партизаны диверсионного взвода расположились у насыпи. Шла тренировка в установке МЗД, конечно, без заряда: его заменял сверток с песком.

Занятиями руководили Петр Руденко, один из лучших наших минеров, и командир взвода поляк Игнаций Мендак, невысокий подвижный человек с энергичным лицом. После всех официальностей Мендак сказал мне:

- Совсем другие мины имела польская армия. Вот я есть командир, а учить все сначала надо. С перший клясс!

- У нас до войны тоже таких мин не имелось. И нам приходилось учиться... Только это не беда! Было бы у кого учиться. А вы своим инструктором довольны? - кивнул я в сторону Руденко.

- О! Профессор! - раздалось в ответ.

Понаблюдали за работой минеров. Несмотря на обилие внезапно нагрянувшего начальства, что, конечно, нервировало

новичков, они действовали достаточно уверенно и быстро. Не преувеличивает ли Кремешщкий трудностей, с которыми он столкнулся в бригаде? Я сказал ему об этом, когда мы вместе направились обратно в лагерь.

- Преувеличиваю? - удивился Виктор. - Да ведь Игнаций Мендак отбирал себе самых расторопных хлопцев... Вот вы посмотрите остальных!

Мы побывали в нескольких землянках, и всюду хлопцы как хлопцы. Занятия шли вполне нормально. Конечно, многим польским партизанам еще не хватало военной выправки, многие путались в ответах на не такие уж сложные вопросы, не очень-то хорошо справлялись с разборкой и сборкой оружия. Но ведь это люди, не нюхавшие пороху!

В том взводе, где находился Мариан Фалькевич, изучали ручной пулемет. Я спросил Мариана, какого рода задержки бывают у "дегтяря" и в чем их причина. Ответ последовал хотя и с запинками, хотя и с почесыванием затылка, но правильный. Со сборкой пулемета Фалькевич тоже справился, правда, возился с ним долго.

- Станет хорошим пулеметчиком, - заверил я Кременицкого. Поработайте с ним еще, - получите партизана хоть куда!.. А как у Мариана с дисциплиной? По-прежнему?

- Почти что... Вот недавно самовольно отлучался в цивильный лагерь.

- А зачем?

- Нареченная там у него.

- А ты, Виктор, к своей невесте самовольно не отлучился бы?

- Что-то вы сегодня больно мягкий, Алексей Федорович! Мы здесь не смотрим: к невесте ли ушел, к брату или свату, а греем, наказываем за каждую отлучку.

- Как же! Обязательно следует наказывать... Но нельзя ли устроить, чтобы ваши партизаны могли видеться со своими родными и близкими, так сказать, в организованном порядке? Подумайте об этом.

Хорошее впечатление произвели польские командиры Александр Фудалей, Станислав Матыс, Владислав Скупинский, Адам Козинога. Видно было, что они уже по-настоящему болеют за бригаду, всеми силами стараются поднять боевую выучку своих подчиненных.

На небольшом совещании с командным составом, которое мы провели, я отметил, что дела в бригаде заметно наладились. Побольше настойчивости, терпения, и скоро все окажется в полном порядке.

- Как по-польски "солдат"? - спросил я у присутствующих.

- Жолнеж! По-польски будет - жолнеж! - раздалось несколько голосов.

- Надеюсь, товарищи, что скоро все новобранцы станут хорошими партизанскими жолнежами! И тогда - в Польшу, за Буг!..

- Нех жие Польска вольна! - негромко, но торжественно провозгласил Станислав Шелест.

- Нех жие! Нех жие! - взволнованно повторили собравшиеся в штабной землянке.

Кременипкий решил немного нас проводить и тоже сел на коня. Когда мы отъехали от лагеря, Рванов вдруг спохватился:

- Алексей Федорович! Да ведь мы так и не видели ксендза, ставшего партизаном! Того, молодого, что из Любешова пришел... Помните?

- Видели! Антонина Малышицкого вы видели, - сказал, рассмеявшись, Виктор. - Ты же сам, Дмитрий Иванович, его за быструю сборку автомата похвалил!.. Во второй землянке... Худощавый такой, блондинистый...

- Так это и был любешовский ксендз? - спросил я недоверчиво.

- Он самый!

- Орел! Прямо орел! Не знаю, какого о нем мнения папа римский как о священнослужителе, но фашистам от Малышицкого достанется крепко... Вообще, Виктор, ноешь ты больше, чем следует! Дела идут неплохо.

- Эх, да разве так выглядит хотя бы наш первый батальон! До сих пор душа по нему плачет.

- Нашел с чем сравнивать, - отозвался Рванов. - Первому батальону третий год... Да и не пойдешь ты обратно в первый, если бы тебе и разрешили. Не пойдешь! Многое уже и в бригаду вложил.

- Это верно, - задумчиво подтвердил Кременипкий. - Но трудно, товарищи, трудно! О всех трудностях и не расскажешь. Они на каждом шагу...

- Поэтому тебя сюда и послали, что здесь трудно, - сказал я. - Тяните и дальше Марнана. У вас есть кому тянуть! Станислав за Мариана, Виктор за Станислава, Адам за Виктора... Вот и вытянете! Так, что ли?

- Так... Вытянем, конечно.

Мы попрощались с Кременицким на полпути к нашему лагерю.

В Лесограде прямо с коня направился я к Дружинину рассказать ему о польской бригаде. У комиссара сидел Шандор Ногради. Оба они склонились над небольшой картой Венгрии.

- Вот зовет нас к себе в Будапешт! - сказал Владимир Николаевич, кивнув в сторону гостя.

- Нет-нет... Не сразу в Будапешт! - запротестовал тот, рассмеявшись. - Сначала приглашаю к нам в лес, в горы. Венгерский партизан, советский партизан - вместе фашистов бить. Потом - победа, потом - Будапешт. Вы поняль, товарищ генераль?

- Как не понять! - ответил я. - Мы бы с удовольствием... Только далековато пока до Венгрии!

Смуглый, крепко сложенный, довольно еще молодой Шандор Ногради возглавлял прибывшую к нам по "коридору" группу венгерских антифашистов. В ней было двенадцать человек. Разными путями попали они в Советский Союз. Коммунисту Ногради, например, пришлось эмигрировать из хортистской Венгрии еще в довоенное время. Беспартийные офицеры Уста Дьюла и Пал Корныш перешли на советскую сторону, как только попали на фронт. Часть венгров мы взяли в плен, и уже в плену они поняли, что должны служить не Гитлеру и не Хорти, а своему народу. Все двенадцать венгров были людьми очень разными, но все двенадцать мечтали увидеть свою родину независимой, свободной и горели желанием помочь ей в трудную годину.

Венгерские товарищи прибыли к нам, так сказать, на практику. Они готовились стать в Венгрии организаторами партизанских отрядов.

"Практикантам" мы создали условия, позволяющие получше изучить советский опыт. Часть венгров временно зачислили в разведывательную роту, часть - в кавалерийский эскадрон, Ногради прикрепили к штабу. Венгры жили вместе с нашими бойцами, вместе с ними выполняли задания командования. Отношения между советскими и будущими венгерскими партизанами сложились превосходные, чисто дружеские. Пала Корныша, у которого и отец носил имя Пал, все вскоре стали называть Пал Палычем, а Шандора Ногради - дядей Сашей.

Венгры многим интересовались, ко многому внимательно присматривались, но заняты они были не только своей "практикой". Солдаты и офицеры венгерских оккупационных войск, расквартированных поблизости от нас, все чаще подбирали антифашистские листовки на родном языке. Те, что отпечатаны типографским способом, привез с собой Ногради, но были и рукописные листовки, составленные нашими "практикантами" по свежим, нередко местным материалам. Уверен, что многим подневольным союзникам немцев страстное убеждающее слово венгерских патриотов помогло выйти на правильный путь.

Разумеется, Шандор Ногради только шутил, приглашая нас

перебазироваться всем соединением в леса и горы Венгрии. Он отлично понимал, что сейчас это невозможно. Однако время, когда сам Ноградi и его товарищи смогут попасть на родную землю, несомненно, приближалось. Там они передадут соотечественникам многое из нашего опыта. А вот бригада имени Василевской двинется в Польшу, и совсем скоро.

Мы по-прежнему поддерживали связь с Армией людовой, а через нее и с Польской рабочей партией. Нас поторапливали, просили выслать бригаду побыстрее. И сами польские партизаны рвались за Буг. Но нам не хотелось, чтобы туда ушли люди, недостаточно подготовленные. Ведь на них будут смотреть как на воспитанников советской партизанской школы, они будут представлять за рубежом наше соединение. Это ко многому обязывало.

С конца января все учебные занятия у поляков шли в обстановке, максимально приближенной к боевой. После проведенных бригадой больших двусторонних маневров в штаб приехали Шелест и Кременицкий. Конечно, комиссара встретили обычными вопросами относительно успехов и самочувствия Мариана.

- Ого! С Марианом прошу теперь не шутить, - весело ответил Виктор. Не далее чем вчера ему объявили благодарность перед строем. Захватил и привез "языка"!

- Постой... Откуда? Какого "языка"? Почему мы об этом не знаем? нахмурился Рванов.

- Успокойся, Дмитрий Иванович! Пока что Фалькевич захватил лишь условного "языка", на маневрах, но и это кое-что значит!..

Нет, первое поощрение, полученное Марианом Фалькевичем, значило гораздо больше, чем кое-что. Если уж и его ставят в пример, значит, многого мы добились, значит, близки к поставленной цели.

После тщательных проверок бригады было решено, что она выступит за Буг во второй половине февраля. Как только объявили об этом польским партизанам, подтянулись и самые отстающие, а те, кто числился на хорошем счету, стали относиться к себе еще строже.

В бригаде наступили горячие дни. Продолжалась боевая учеба. Занятия шли слаженно, четко, с какой-то особой приподнятостью. Во всех управленческих звеньях велась подготовка к рейду. Штабники разрабатывали маршрут в нескольких вариантах. Начальники служб получали на складах соединения боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Хозяйственники прикидывали, как лучше сформировать обоз.

Соединение выделило своему детищу богатое приданое. Мы снабдили бригаду большим запасом мин и взрывчатки, отпустили много патронов, подобрали крепких лошадей, дали радиостанцию. С таким приданым начинать самостоятельную жизнь можно!

И вот наконец наступил день и радостный, и торжественный, и полный родительских тревог. Польская бригада покидала свой лагерь. Короткий митинг... Добрые пожелания и напутствия... В ответ - горячие слова благодарности советским партизанам, клятвы на верность нашему общему делу. Затем поляки прощаются со своими стариками, женами, невестами, детьми, остающимися под нашей опекой в цивильном лагере. Объятия и поцелуи. Слезы и улыбки.

Но пора по местам. Колонна строится... Станислав Шелест, приподнявшись на стременах, оглядывает ее и протяжно, по-кавалерийски, командует:

- Ма-а-арш!..

За реку Стоход польскую бригаду провожают один из наших батальонов и кавалерийский эскадрон. Некоторое время вместе с ними едем и мы с Дружининым. Скрипят полозья, цокают копыта, ритмично ударяют по мерзлой земле сотни валенок и сапог.

Остановив коней, мы с Владимиром Николаевичем пропускаем колонну мимо себя. Вот прошел наш батальон, а следом потянулись роты первого отряда польской бригады, которым командует Александр Фудалей. Поход, конечно, не бой, но сейчас поляки выглядят ничуть не хуже наших ветеранов. Все подтянуты, молодцеваты, идут хорошо, в колонне порядок. Надеюсь, что и в боевых делах не посрамят они своих воспитателей.

- Смотри! Смотри! - легонько толкает меня локтем Дружинин. - Вон тот крайний, в черном полушубке... Это же Мариан!

В самом деле, мимо нас шагает Мариан Фалькевич. Он идет не отставая, размеренным солдатским шагом, придерживая за ремень винтовку и высоко вскинув голову. Да, Мариан стал солдатом, настоящим жолнежем.

Жарких схваток с фашистами, трудных диверсионных операции, упорных оборонительных боев там, за Бугом, у бригады было немало. Вскоре мы начали получать первые радиограммы Шелеста и Кременицкого о подорванных немецких эшелонах, уничтоженных складах и мостах, поврежденных линиях связи. Польская бригада оказалась для нас и хорошим источником разведывательной информации.

Все это произошло позже, а сейчас мы только провожали поляков в боевой путь. Вот уже показался и замыкающий колонну

кавалерийский эскадрон. Среди знакомых лиц промелькнуло строгое задумчивое лицо Уста Дьюлы. Как замечательно, что среди провожающих польскую бригаду оказался венгр!

Наша борьба с фашизмом была интернациональной, она стала для многих народов делом их жизни.

Ратных успехов, больших удач и тебе, Мариан, в боях за свободную Польшу!

НА КОВЕЛЬ!

Высланные вперед квартирьеры провели нас к хате на окраине села Верхи. Первым вошел Рванов и накрыл стол большой, размеченной цветными карандашами картой. С этого момента обычная крестьянская хата превратилась в наш КП - командный пункт предстоящей операции. Рядом - через двор майор Маслаков уже развертывал узел связи.

- Доложите обстановку! - обратился я к Рванову, переступая порог.

Вместе со мной вошли Дружинин и несколько командиров. Сразу стало тесно. Дмитрий Иванович и в самом деле начал докладывать.

- Не надо. Шучу! - рассмеялся я. - Сейчас обстановку сам могу доложить... Все батальоны находятся на марше к исходным рубежам. Настроение отличное. Происшествий нет. Так, что ли?

- На четырнадцать ноль-ноль двадцать второго февраля точно так, Алексей Федорович! Все идет по плану, - ответил начальник штаба, кивнув на карту.

Я подошел к столу. Карта знакома до мельчайших подробностей! Последнее время все мы много над ней работали.

Две большие, идущие сверху красные стрелы, круто загибаясь одна к западу, другая к востоку, уперлись остриями в точку с надписью: "Ковель". Параллельно большим на карте нанесены маленькие красные стрелки, пересекающие выгнутые им навстречу синие дужки обороны противника. Условные значки отмечали будущие командные и наблюдательные пункты частей, подразделений, участки дислокации резервов, места ударов по коммуникациям врага и многое другое.

Задачу операции каждый из нас помнил наизусть: овладеть Ковелем, уничтожить гарнизон противника, разрушить железнодорожный узел и городские предприятия военного значения, захватить документы оккупационных учреждений. Удерживать город в своих руках мы не собирались. Сделать это партизаны смогли бы лишь при подходе и поддержке частей Красной Армии.

Как возникла идея нашей наступательной операции? До сих пор мы в основном занимались диверсиями на железнодорожных

путях, ведущих к Ковелю. С задачей парализовать их работу мы справились. В феврале количество подорванных эшелонов приблизилось к цифре 500. Вместе с тем поле нашей деятельности значительно сузилось. Красной Армией уже освобождены Сарны, Ровно, Луцк. Наступление продолжалось. Теперь в распоряжении немцев остались лишь куцые участки дорог, идущих от Ковеля к фронту. С прежним размахом мы могли действовать всего на двух магистралях: Ковель - Брест и Ковель - Хельм (Польша). Вот почему и родилась мысль завершить ваши дела на Волыни мощным ударом по самому центру железнодорожного узла, по Ковелю.

Украинский штаб партизанского движения одобрил этот наш план. Согласился он и с тем, что в операции будут участвовать вместе с нашими другие партизанские отряды. Помочь нам должны отряды В. А. Карасева и Н. А. Прокопюка, которые, совершая в эти дни переход дальше на запад, оказались по соседству с нами. Основную же поддержку обеспечит партизанское соединение подполковника Маликова, переброшенное на Волынь из Житомирской области.

Движение маликовцев обозначено на карте той большой красной стрелой, что упирается в Ковель с западной стороны, а сам Степан Федорович Маликов стоит сейчас рядом со мной, Прокопюком и Карасевым. Это спокойный приятный человек, крепко сколоченный, с умным волевым лицом. Он кадровый военный.

- Ну, товарищ подполковник, будем с вами во Владимирских казармах? спрашиваю я Маликова.

- Постараемся, товарищ генерал! А то я уже и забывать начал, как солдатские казармы выглядят... Все лес да землянки.

По плану операции партизанам Маликова предстояло разгромить фашистов во Владимирских казармах Ковеля, а нашим отрядам действовать прежде всего по своей железнодорожно-диверсионной специальности: взорвать мост через реку Турью, разрушить станционные пути, уничтожить депо, водокачку, железнодорожные мастерские. Затем бойцы обоих соединений встретятся в центре города.

Ковель мы разведали неплохо. Почти у самых его окраин некоторое время назад обосновалась наша разведывательная группа, возглавляемая капитаном Дроздовым. С помощью ковельских подпольщиков (их было несколько групп) Устин Дроздов сумел выяснить многое. Гарнизон Ковеля состоял из двух с лишним тысяч немецких и примерно четырехсот венгерских солдат. Нам известно также, по какой линии проходит передний край обороны города, где находятся минные поля, проволочные

заграждения, на каких именно перекрестках в самом Ковеле построены дзоты. Знаем мы и то, что передовое охранение противника расположено в селах Доротище, Облапы, Секуньи местечке Несухоеже.

Операция предстояла трудная. Нашему соединению уже приходилось выбивать фашистов из кое-каких городков. На Черниговщине мы захватили Корюковку, в Белоруссии вместе с отрядами С. А. Ковпака очищали от оккупантов Брагин, здесь, на Волыни, брали Камень-Каширский и Любешов. Но теперь перед нами орешек во много раз крепче! Веря в успех, мы возлагали большие надежды на внезапность нашего удара по Ковелю.

Ударные группировки партизанских подразделений пока продвигались к исходным позициям. Штурм города начнем 26 февраля. До этого одна из наших группировок порасшвыряет в Скулинских лесах притаившихся там бандеровцев, чтобы потом они не путали наших планов. Кроме того, завтра, в День Красной Армии, 9-й батальон займет местечко Несухоеже, где мы предполагаем разместить госпиталь и походные склады.

Местечко это в пятнадцати километрах от Ковеля. Немецкий гарнизон там, по данным на вчерашний день, не превышает роты. Выбить его не представит больших трудов. А немцы уже как-то привыкли, что партизаны вышибают их то из одного населенного пункта, то из другого, и вряд ли придадут потере местечка особое значение. На это мы, по крайней мере, рассчитывали.

Быстро подошел вечер. Батальоны время от времени сообщали по радио, что у них все в порядке, мы с Дружининым, в свою очередь, дали радиограмму такого же характера в Киев, как вдруг, уже поближе к ночи, пришла первая тревожная весть. Командир 9-го майор Григоренко докладывал, что, по только что полученным сведениям, в Несухоеже находится не рота, а до двух батальонов немцев.

Я прочел шифровку вслух и вопросительно посмотрел на командира нашей войсковой разведки Антона Сидорченко.

- Вчера там была рота, - спокойно подтвердил Антон.

- Откуда же взялись два батальона?

- Наверно, из Ковеля... Ведь у них тоже есть разведка.

Ответ звучал логично. Неужели фашисты пронюхали о наших намерениях? Весьма возможно. Иначе зачем им бросать в небольшой населенный пункт такое значительное подкрепление?!

Мы запросили Григоренко, не ошибается ли он в оценке сил противника. Майор подтвердил первую радиограмму, попросив одновременно разрешения атаковать врага собственными силами. Степан Григоренко пошел бы в атаку, только разреши ему это, но бросать один батальон против двух обороняющихся, конечно,

нельзя.

Тогда, быть может, отказаться от захвата Несухоеже? Нет, именно теперь оставлять немцев здесь не следует. Иначе два вражеских батальона окажутся в тылу наших подразделений, продвигающихся к городу. Вместе с подвижными бандеровскими шайками это весьма нежелательная комбинация. Гитлеровцев в Несухоеже надо разбить! Придется срочно направить Григоренко подкрепление.

Ближе всего к местечку находились 5-и и 7-й батальоны. Их командирам Николаю Николенко и Федору Лысенко мы послали по радио соответствующие приказы. Вскоре оба подтвердили, что приказы приняты и поняты.

- Ну вот и началось! - сказал Рванов, ваяв остро отточенный карандаш, придвинув линейку и склоняясь над картой.

* * *

Три партизанских комбата встретились, чтобы выработать план действий. Они решили, что Николенко будет наступать с севера, Григоренко с востока, а Лысенко с юга. Потом наступающие сомкнут фланги, и тогда Несухоеже окажется в кольце.

Прежде чем начать атаку, партизанам предстояло перебраться через реку Турью, отделяющую их от местечка. Это - серьезное естественное препятствие. По всему довольно широкому течению Турьи вдоль населенного пункта лед немцами предусмотрительно взорван. Переправа через реку выше или ниже местечка - тоже нелегкое дело. Там лед хоть и есть, но тонок, ненадежен.

- Ночью надо переходить, пока темно! Перебираться небольшими группами. Кто переправился - сразу к своим участкам! - сказал Лысенко.

- Все равно могут заметить! - покрутил головой Николенко. - А если ударят по переправам из минометов, такой получится компот! Отвлечь надо внимание немцев, тогда и переправляться.

- Николай Михайлович прав, - согласился Григоренко. - Сначала вышлю на тот берег одну роту. Она обойдет местечко и сосредоточится у западной его стороны. Немцы, конечно, рванутся туда... А у нас уже все должно быть готово к переправе!

Против этого плана никто не возражал. Условившись о деталях, комбаты распрощались. Подумав минуту-другую, майор Григоренко вызвал к себе командира первой роты Петра Садохина. Явился коренастый темноволосый человек лет за тридцать.

- Садись, Петр Ефимович, ноги сегодня еще пригодятся, - сказал майор. - Ты знаешь, что легких задач я тебе никогда не

ставил... И мне их никогда не ставили. А причина простая: оба мы с тобой коммунисты.

- Да ведь мы и не жалуемся! - чуть усмехнулся Садохин.

- А кому пожалуешься! Обязанность наша такая... Вот и сейчас задачка у тебя не из легких. Придется твоей роте первой на тот берег идти.

Садохин внимательно выслушал комбата, уточнил некоторые вопросы и попросил разрешения выполнять полученный приказ. Через час его рота начала переправу.

Темная ночь и партизанский навык пробираться скрытно, бесшумно помогли роте Петра Садохина без препятствий сосредоточиться у западной окраины Несухоеже. Местность тут ровная. Наскоро окопались в мерзлой земле. Изготовлены минометы, люди приникли к "ручникам" и "максимам", на боевом взводе винтовки и автоматы. Минеры протянули бикфордовы шнуры к толовым шашкам, чтобы с их помощью имитировать разрывы снарядов. Для того чтобы создать панику в стане врага, пригодятся и шашки.

Командир роты беспокойно смотрит на часы. Хуже всего начинать по часам, без ракеты. Вдруг батальоны еще не готовы к переправе? Но ракета с того берега может раскрыть немцам тактический замысел наступающих.

Маленькая стрелка подошла к цифре три, а большая к двенадцати. Пора! Петр Ефимович дал сигнальный выстрел. И сразу же рота грянула дружным огнем из всех видов оружия.

Немцы откликнулись быстро. Сначала они стреляли наугад, затем стали бить точнее. Две мины легли совсем близко от партизан. Тогда Садохин приказал рвануть несколько толовых шашек. И по-прежнему не умолкая продолжали стрелять партизанские пулеметы, винтовки, автоматы.

Впереди в предрассветных сумерках Садохин заметил неясные фигуры отважившихся на вылазку фашистов. Значит, пришло время сказать свое слово взводу коммуниста Василия Васильевича Васильева, "трижды Василия", как называли его друзья. Этот взвод начинает умышленно отодвигаться назад, выманивая противника из местечка. Когда выманит подальше, два других взвода обрушат на Врага боковой кинжальный огонь.

Больше всего беспокоила Садохина мысль о том, что делается сейчас на переправах. Идут ли батальоны к своим участкам? Сумеют ли замкнуть кольцо? Руководя боем, Петр Ефимович все время напряженно прислушивался, не загремят ли отдаленные выстрелы на противоположных окраинах местечка. Наконец долгожданная стрельба раздалась в южном направлении. Значит, пошел в наступление 7-й батальон.

Федор Ильич Лысенко, как и любой наш командир, опирался в бою прежде всего на коммунистов и комсомольцев. Они всегда впереди, всегда там, где труднее, они всегда пример. "Обязанность такая", - правильно сказал майор Григоренко. С честью, с доблестью выполняли свой долг партизанские вожаки и в этом бою.

На одном из самых опасных участков смело продвигался взвод коммуниста Петра Асабова. Метко накрывал минами огневые точки врага комсомолец Леонид Косинский. Пулеметчики Гриша Воскобойников, Степан Русый, Миша Давыдюк, тоже все комсомольцы, прижимали фашистов к земле смертоносными струями своих "дегтярей". Молодые коммунисты Федор Ткаченко и Дмитрий Коваленко не раз первыми поднимались в атаку, увлекая за собой остальных.

Почти совсем уже рассвело. Партизаны увидели на убитых немцах черные шинели, двойные серебристые молнии на петлицах. Эсэсовцы! Вот, значит, с кем довелось иметь дело в Несухоеже! Это не испугало, а только еще больше разозлило бойцов. У каждого из них с эсэсовцами особые счеты.

Наступал 7-й батальон, продвигались вперед и перебравшиеся через реку батальоны капитана Николенко и майора Григоренко. Кольцо вокруг эсэсовцев замкнулось. Однако самое трудное было еще впереди.

Несухоеже - местечко большое, разбросанное. Компактна лишь его центральная часть, а все остальное - это слободы, хуторки, огороды. Драться приходилось за каждую улочку, за каждую группу домов, сметая то здесь, то там очаги вражеского сопротивления. Эсэсовцы оборонялись отчаянно, зная, что им не будет пощады. Из центра местечка по боевым порядкам партизан неумолчно била артиллерия. Все же наше кольцо удалось не только сомкнуть, но и начать постепенно суживать.

В одиннадцатом часу утра Лысенко заметил низко летящий немецкий самолет. "Ну, не хватало еще бомбежки!" - подумал комбат. Партизаны открыли по самолету огонь из ручных пулеметов и противотанковых ружей. Кажется, подбили! Желтобрюхая птица с крестами на крыльях снизилась еще больше и под острым углом не то упала, не то села где-то в центральной части Несухоеже.

Нет, оказалось, не подбили. Минут через пятнадцать самолет снова круто взмыл над местечком и улетел в сторону Ковеля. Для чего он здесь опускался? Раздумывать над этим некогда... Хорошо, что хоть не бомбил!

Наши батальоны шагали через трупы эсэсовцев. Были потери и в рядах партизан. В 7-м погибли геройской смертью храбрец

Асабов, весельчак Леня Косинский, в 5-м смертельно ранен молодой коммунист Сергей Каменский, один из лучших взводных командиров. Всего раненых и убитых у нас свыше сорока человек. Но бой теперь идет уже на центральных улицах. Среди трофеев пушка, минометные батареи, два склада. Всюду видны подбитые автомашины.

Какая-то часть немецкого гарнизона прорвалась сквозь неплотное местами кольцо и отступила на юго-запад, к Ковелю. Эсэсовцы пытались вырваться из кольца и мелкими группами. Остатки гарнизона засели на чердаках, в подвалах, в каменных зданиях. Постепенно их оттуда выковыривают.

Это стоит нам новых потерь. Майор Григоренко перебегал улицу и вдруг рухнул на землю, скошенный посланной с чердака эсэсовской пулей. Погиб стойкий коммунист, прекрасный командир!

Партизаны ворвались на чердак, откуда прогремел выстрел. Там оказался наблюдательный пункт. Стереотруба, буссоль, развернутая карта... Четверо эсэсовцев разом, как по команде, подняли руки. Но простить им смерть любимого командира партизаны не могли. Всех четверых скосили автоматные очереди.

После гибели майора Григоренко общее руководство нашей группой в Несухоеже принял на себя Лысенко. Очистка населенного пункта от остатков немецкого гарнизона продолжалась. К двенадцати часам дня местечко было уже полностью в руках партизан. Лысенко сообщил об этом на КП мне и Дружинину.

К концу боя партизаны притащили к Николаю Михайловичу Николенко большой, но довольно легкий ящик, найденный ими на площади. Ящик оказался доверху наполненным коробочками с орденами Железного креста. Вот почему был он легким: Железные кресты немцы уже давно штампуют не из металла, а из пластмассы. Но как попал ящик на площадь? Не поинтересовавшись причинами этого немного странного обстоятельства, Николенко начал раздавать трофейные немецкие ордена своим хлопцам "на память".

Многочасовой бой за Несухоеже подошел к концу. Потрескивали лишь одиночные винтовочные выстрелы, да кое-где раздавались короткие пулеметные очереди. Появились на улицах крестьяне, прятавшиеся до этого в погребах и подвалах. Пленные эсэсовские солдаты понуро стаскивали в кучи наши трофеи... Трех пленных пришлось немедленно отправить под надежным конвоем в село Верхи, на КП. Это были уполномоченный службы СД по гарнизону в Несухоеже штурмбаннфюрер эсэсовских войск Гельмут Корхель и два его помощника.

* * *

СД - одна из ветвей немецко-фашистской тайной полиции, орган военной контрразведки, нечто вроде внутриармейского гестапо. Стоявший передо мной по стойке "смирно" представитель этой гнусной организации выглядел точно таким, какими обычно изображают гестаповцев газетные карикатуристы.

Тупая, упитанная физиономия. Тяжелый подбородок. Выпирающее из-под кителя брюшко... Начал эсэсовец с просьбы сохранить ему жизнь, поскольку у него есть фрау, ожидающая ребенка. Теперь следовало ждать традиционного заявления, что попал он на службу в контрразведку по чистой случайности, что в душе давно ненавидит Гитлера, которому скоро придет капут, и так далее и тому подобное. Но я перешел к делу, порекомендовав Корхелю отвечать правду в его же собственных интересах.

Майор-эсэсовец довольно сносно говорил по-русски, хотя и с ошибками, с акцентом. Не стану воспроизводить здесь эти ошибки, чтобы не сбивать читателя.

- Когда переброшены из Ковеля в Несухоеже два батальона войск СС? спросил я.

- Вчера, то есть двадцать второго февраля, во второй половине дня.

- Каков был гарнизон в Несухоеже до этого?

- Он состоял из одной стрелковой роты. Имелось еще около взвода местной полиции.

- Чем была вызвана необходимость укрепления гарнизона Несухоеже? Каков приказ, полученный батальонами СС?

- Приказ был лишь о переброске и расквартировании в данном пункте. Дальнейшие указания ожидались.

- Ну а сами вы что думали о причинах? Почему вдруг снимают из Ковеля два эсэсовских батальона и направляют в небольшое местечко? Что говорили об этом другие офицеры? Вы по своей должности должны знать о таких разговорах.

- Видите ли, господин генерал... Фронт близок. Обстановка стремительно меняется. Где-то могла прорваться и значительно продвинуться какая-нибудь дивизия Красной Армии. Мы так, по крайней мере, считали! Сегодня ночью, когда шел бой, все были в полной уверенности, что наши предположения подтвердились...

- Что именно подтвердилось?

- Предположения о прорыве. Все офицеры, в том числе я, были уверены, что Несухоеже окружено регулярными войсками Красной Армии.

- Почему регулярными?

- Маневр на окружение населенного пункта да и весь дальнейший бой проводились тактически очень правильно.

Только попав в плен, я понял, что селение заняли партизаны...

Это было любопытным и, не скрою, приятным для меня свидетельством. Выходит, что и враги признают высокую боевую выучку партизан! Я спросил пленного о судьбе командования разбитого нами гарнизона.

- Командиру группы майору Вирту, его адъютанту, начальнику штаба и раненому командиру одной из рот удалось улететь в Ковель, - ответил Корхель.

- Каким образом? - удивился я. - В Несухоеже не было самолетов...

- Так точно, не было! Но когда ваше кольцо сомкнулось и начало уплотняться, Вирт дал отчаянную радиограмму в Ковель. Он просил выслать самолет на предмет вывозки штабных документов. Однако для транспортной машины у нас не имелось посадочной площадки. Тогда начальник Ковельской группы ВВС приказал сесть в Несухоеже находившемуся в воздухе небольшому самолету связи. Он, кажется, вез на фронт какие-то ордена...

- Не какие-то, а Железные кресты. Могу вручить вам хоть целую дюжину! Но с самолетом получилось что-то для меня непонятное. Собирались вывозить документы, а вывезли Вирта и еще троих...

- Я не в курсе того, на каких основаниях майор Вирт изменил свое решение.

- Да это все ясно!.. Удрал ваш Вирт, спасая собственную шкуру. И войско свое бросил! А вы что же, не успели к самолету?

- Не успел, - ответил Корхель после некоторой паузы.

В ходе допроса выяснилось, что Гельмут Корхель до службы в СД работал в гестапо, причем в Киеве. Надо будет его в Киев и переправить! Такая фигура пригодится нашим следственным органам... Не успел я об этом подумать, как вошел Маслаков и передал Рванову, по-видимому, только что полученную радиограмму. Дмитрий Иванович, пробежав ее, повернулся ко мне:

- Семьсот шестьдесят четыре!

- Где? - спросил я.

- Несухоеже.

- Точно ли? Кто сообщает?

- Лысенко... Точно! Семьсот шестьдесят четыре.

При пленном Рванов не хотел говорить "открытым текстом", а новость была важная и весьма неприятная. По нашей телеграмме это означало: "тапки противника". Я передал Корхеля для дальнейшего допроса разведчикам, его увели. После этого Рванов прочел всю телеграмму.

- "Противник контратакует при поддержке пяти танков. Заняли оборону, один танк уничтожили. Жду приказаний. Лысенко".

- Пусть держит покрепче. Радируйте ему!.. А вообще-то танки нас мало устраивают, - сказал я.

- Надо на месте разобраться. Хочу съездить туда. Разрешите? - спросил Рванов.

- Давай!

Меня всегда радовало в Дмитрии Ивановиче великолепное сочетание многих качеств офицера-штабиста с качествами боевого командира. Он любил часами вычерчивать варианты тактических схем, любил организаторскую работу, был великим аккуратистом и педантом во всем, что касалось штабных дел, но в то же время Рванова всегда влекло в самую гущу событий. Вот и сейчас, как только положение в Несухоеже осложнилось, Дмитрий Иванович ускакал туда. Я не сомневался, что на поле боя он будет действовать смело, умно, расчетливо.

Место Рванова у стола занял первый его помощник, ПНШ-1, Яков Милейко.

Конечно, появление вражеских танков у Несухоеже никого не обрадовало. У нас там были две 45-миллиметровые пушки, противотанковые ружья. Это маловато. Правда, один танк уже подбит.

Владимир Николаевич Дружинин, хмурясь, шагал по хате. Остановился рядом с Маликовым.

- А как у вас дела, подполковник? По карте вижу, что продвигаетесь. Ну, а подробности есть? Слишком не увлекайтесь. Немцы могут и отрезать.

- Учитываем, - ответил Маликов. - Крупных боев пока не вели. Думаю, что сейчас немцы больше на Несухоеже поглядывают... Ваши отвлекают! Да-а, каша там заваривается все круче.

Я приказал Милейко запросить обстановку у 4-го и 11-го батальонов.

- Сами недавно сообщили, - последовало в ответ. - Володин и Тарасенко дерутся с бандеровцами в Скулинских лесах. Им помогает Федор Кравченко своим шестым. Потери у нас небольшие.

- А лагерь "Золотой роты"?

- Нашли. К золоторотцам сейчас Володин подбирается...

* * *

Штаб бандеровской "Золотой роты" помещался в одной из сторожек Скулинского лесничества, а личный состав рядом - в глубоких землянках-"схронах", прикрытых сверху для маскировки кучами хвороста.

"Золотая рота" принадлежала к числу самых отборных подразделений УПА и была укомплектована по очень своеобразным признакам. В нее входила сотня отпетых бандитов одинаково высокого роста и одного года рождения (1921-го). Притом в ее состав включались только "пострадавшие" от Советской власти. Нетрудно представить, что это были за страдальцы!

Сынки западноукраинских помещиков и кулаков, сбежавшие из тюрем уголовники, недобитые партизанами бульбаши - вот кто зачислялся в эту особую роту. Бандеровцы ее берегли, держали подальше от опасностей, используя главным образом для наиболее кровавых, террористических дел. Четвертовать заподозренного в помощи партизанам крестьянина, заживо распилить пилой советского активиста, устроить на польском хуторе "холодец", размозжить палицей голову еврею - на таких ужасающих преступлениях золоторотцы набили себе руку. О том, что "Золотая рота" скрывается где-то в Скулинских лесах, мы давно имели агентурные данные. Наступая на Ковель, оставлять ее у себя в тылу вместе с другими бандеровцами было бы по меньшей мере неосмотрительно.

Местонахождение "Золотой роты" партизаны установили утром 23 февраля при разгроме украинских националистов совсем в другом лагере. Располагался он поблизости от Несухоеже, всего в каких-нибудь трех-четырех километрах. Немцы, разумеется, знали о существовании этого бандеровского гнезда, но ничего против него не предпринимали.

Бандеровцы сами себя выдали, обстреляв партизанскую разведку. Батальон Тарасенко развернулся и двинулся прочесывать лес. Выстрелы бандеровцев гремели из-за кустов, из-за деревьев. Но и у наших партизан имелся уже солидный опыт боевых действий в лесных условиях. Засады и заставы противника сминались, дело доходило до рукопашных схваток.

У лагеря бой вспыхнул с новой силой. Часть бандеровцев полегла, часть разбежалась, немногие сдались в плен.

- Заставили! Не по своей воле в УПА служу, - говорил почти каждый из пленных Геннадию Мусиенко, заместителю командира 11-го батальона по разведке.

Так сказал ему и очередной из допрашиваемых.

- А ты докажи, что не по своей воле! - потребовал Геннадий.

- Як же мини доказать?! На хутори сусиди знають... Можыти спытаты.

- Некогда мне по хуторам лазить. Вот ты к "Золотой роте" проведи... Проведешь - значит, докажешь, кто ты есть на самом деле!

Пленный молчал, боязливо озирался.

- Ты эсбэ* не бойся... Вон где ваша "Служба беспеки" лежит! - кивнул Мусиенко на трупы бандеровцев, а затем, похлопав по автомату, добавил: Ты вот чего бойся!

_____

* Сокращение от слов "Служба беспеки" - названия бандеровской

контрразведки.

Два бандита согласились провести партизан к той самой лесной сторожке, около которой отсиживались золоторотцы. До нее было не близко.

В операции против "Золотой роты" участвовал и 4-й батальон. Людей требовалось много, чтобы еще с дальних подступов начать окружение бандеровского логова.

Еще недавно 4-й батальон был маленьким партизанским отрядом, пришедшим из Польши, "из-за Буга", как у нас говорили. В него входило с полсотни отчаянных хлопцев, сумевших вырваться из фашистского плена. Командовал ими лейтенант Василий Володин, тоже немало испытавший в концлагерях. Этим пылающим ненавистью к врагу храбрецам, людям сноровистым, выносливым, боевым не хватало, однако, крепкой воинской дисциплины. Там, за Бугом, привыкли они к своеобразной вольнице, действовали всегда лишь на собственный страх и риск, нападать или отступать решали чуть ли не голосованием.

Много пришлось нам поработать с этими людьми. Зато теперь володинцы никому не уступали в организованности, дисциплине. А уж на трудное дело бери в первую очередь их!

К становищу "Золотой роты" партизаны подобрались поздно вечером. Бандеровские заставы, стоявшие на пути, были сняты без выстрелов. В окнах сторожки горел свет, но на поляне безлюдно. Наверно, разбойничьих дел мастера сидят в своих "схронах".

Первой в атаку рванулась рота Андрея Алексеенко. Достигнув сторожки, Алексеенко швырнул в окно гранату, свалил пулей показавшегося в дверях часового и побежал к партизанам, уже ведущим бой с бандеровцами, которые засели в "схронах". Но десятка три золоторотцев, если не больше, успели выбраться из не замеченных сначала землянок на краю поляны. По бандитам дали несколько коротких автоматных очередей. В полутьме трудно разобраться, где свои, где чужие... Вскоре бой на поляне перешел в ожесточенную рукопашную схватку.

Здоровенный бандеровец, орудуя секирой на длинной рукоятке, убил одного партизана, ранил другого. К нему никак не могли приблизиться. Тогда Алексеенко с ходу бросился секирнику под ноги. Сбил. Но последний удар бандита пришелся

по голове командира роты. Не поднялся и никогда больше не поднимется с земли веселый и немного озорной Андрюша Алексеенко!

- Хлопцы! Командира убили... Круши бандитов! Бей их, стервецов! За Андрея!

Ярость партизан накалилась до предела. В плен золоторотцев не брали... И только немногим из них удалось прорваться в глубину леса.

Ночевали партизаны тут же: кто в сторожке, кто в "схронах", кто у костров. А утром к Геннадию Мусиенко, разбиравшему документы штаба "Золотой роты", привели пять девчонок, задержанных поблизости. Старшей лет семнадцать, не больше.

- Сюда шли... Кажуть, к женихам на свиданку! - доложил доставивший их боец.

Задержанные оказались не только "невестами" золоторотцев, но и активистками молодежного "провода" ОУН. Все они успели закончить какие-то подпольные ouновские курсы. Держались довольно смело, всячески подчеркивали свою "идейность". Но Мусиенко просто ужаснулся той унылой демагогической брехне, которую националисты вколотили в головы этим девчатам. Как заученный урок, повторяли они услышанные от бандеровских политвоспитателей обычные антисоветские сказки и клевету на русский народ.

- А разве не русские помогли западным областям воссоединиться со всей Украинец? - спросил Мусиенко.

Ответа не последовало.

- Эх, совсем вас задурили ваши политвыхованцы! - усмехнулся Геннадий. - А как воевать дальше УПА будет, они вам не говорили? Красная Армия совсем близко. У нее пушки, тапки, самолеты, а у вас что? Или на немцев надеетесь?

- Не на них... На друже Бандеру надеемся, на мудрого Степана! Он скажет, что делать.

А вся мудрость Бандеры заключалась в том, что, пока партизаны колотили его войско, сам он находился в полной безопасности на комфортабельной даче под Берлином, почему-то называвшейся тюрьмой!

Вскоре 4-й и 11-й батальоны получили приказ двигаться дальше, продолжая очистку Скулинских лесов. На следующий день они разгромили еще один лагерь приверженцев "мудрого Степана".

* * *

Очередная радиограмма, поступившая на КП из Несухоеже, была подписана не только Лысенко, но и Рвановым. Значит, Дмитрий Иванович действует! Но еще до его прибытия туда

танковая атака немцев была отбита. Партизаны подожгли второй немецкий танк. Остальные предпочли повернуть обратно.

Положение, однако, не улучшилось. По местечку открыли огонь с дальних дистанций немецкие самоходные пушки. В небе появилась авиация. После нескольких бомбежек в Несухоеже вспыхнули пожары. Лысенко и Рванов радировали, что под прикрытием самоходок гитлеровцы сосредоточивают пехоту для новой контратаки. Вопроса, удерживать ли дальше местечко, шифровка не содержала, но он напрашивался сам собой. Надо было его решать.

Однако все зависело от того, сможет ли нам помочь сейчас армия. Мы снова радировали об этом в Киев.

Незадолго до начала операции я побывал в штабе ближайшего к нам 2-го Белорусского фронта (1-й Украинский уже отодвинулся к юго-западу) и просил командование помочь нам в наступлении на Ковель. Большую поддержку могла бы оказать авиация, возможно, даже и выброской десанта. Кроме того, буквально рядом с нашим соединением находилась за очень неплотной линией фронта 143-я стрелковая дивизия, которая тоже могла бы подойти к нам на помощь. При совместных действиях с армейскими частями партизаны сумели бы не только захватить, но и удержать Ковель.

Принявший меня генерал-полковник внимательно слушал, во многом со мной соглашался, одобрительно отозвался о тактическом замысле нашего наступления, но затем развел руками. Оказать помощь он и рад бы, да не вправе: на участие в такой крупной операции требуется согласие Москвы, нужно запрашивать Ставку... В конце концов он посоветовал действовать официальным путем через Киев, через Украинский штаб партизанского движения. Но и оттуда относительно поддержки нас армейскими силами не ответили ничего определенного. Дали понять, что доложат в Ставку, а конкретная обстановка во время операции многое определит.

Сейчас как раз и сложилась такая обстановка, когда помощь с воздуха была особенно нужна.

- Смотрите, как оборачивается дело, - говорил Маликов, постукивая карандашом по карте. - Немцы, без сомнения, не разгадали нашего замысла. Они уверены, что направление главного удара партизан намечено по оси Несухоеже - Ковель. Поэтому и суют сюда все, что могут: танки, артиллерию, авиацию, пехоту... Это и позволяет моему западному флангу продвигаться относительно легко. Да и ваш, восточный, двигаясь к исходным позициям, встречает пока лишь бандеровцев. Плохо, конечно, что часть ваших батальонов завязла в Несухоеже. Но, если

разобраться, это не так уж и плохо...

- Ясно, Степан Федорович! Мысль совершенно правильная! - перебил я Маликова. - Надо поддержать у противника уверенность, что Несухоеже для нас очень важно. Следует немцев туда впустить, затем снова атаковать, словом, оттягивать к этому пункту их силы... С такой задачей справится Николенко, можно к нему и Балицкого подбросить. Он сейчас немного правее, в Облапах... А седьмой и девятый батальоны пусть дальше к югу идут... Но все это имеет смысл лишь при поддержке нас авиацией!

- Только! - согласился Дружинин. - Нужны удары с воздуха и по Несухоеже, когда немцев туда пустим, и у самого Ковеля авиация может подсобить.

- Особенно если штурмовая! - заметил Павел Васильевич Сысоев.

- Давай, Алексей, снова Киев тормошить, - сказал Дружинин, придвигая к себе бумагу для новой радиограммы.

Связь с Украинским штабом партизанского движения была четкой. Обстановка ему докладывалась каждый час. Однако в ответ ничего утешительного Киев пока не сообщил.

И все-таки мы еще надеялись получить поддержку армии. Решили пока морочить голову немцам у Несухоеже. КП дал указание Лысенко во избежание лишних потерь оставить этот пункт, если противник будет сильно напирать, однако ночью обязательно вести контратаки.

Затем, возможно, Лысенко пойдет на юг, а к Несухоеже мы передвинем Балицкого.

* * *

1-й батальон находился на окраине села Облапы, откуда еще два дня назад выбил небольшую заставу немцев. Теперь сюда двинулась самоходная артиллерия противника.

Командир батальона Балицкий, комиссар Михайлов, начальник штаба Решедько, заместитель командира по диверсионной работе Клоков и еще два-три человека наблюдали из узкого окопчика, как тяжелые "фердинанды", развернувшись в линию, медленно, с остановками, приближались к селу. Время от времени самоходки вели огонь по Облапам. Снаряды ложились где-то в стороне от занятой партизанами линии обороны.

Балицкий был вне себя от бессильной ярости:

- Ну, что могут сделать ПТР против лобовой брони! А боков они не подставляют... Батарейку бы сюда покрупнее калибром! Нет, вот что надо... Слышишь, Клоков! Как подойдут ближе, обвязаться толом, запал в руку, и под гусеницы... Найди охотников! Да я сам первым брошусь!.. Тащи сюда тол!..

- Так я тебе и дам броситься! Тоже мне - выискался смертник! спокойно сказал Михайлов.

- Что же тогда? Ждать, пока передавят батальон? Или отступать? Не отступим! Не было приказа! - кричал Балицкий.

- Не горячись, Гриша! - по-прежнему спокойно продолжал Аким Захарович. - Отступать - это если назад пятиться... Назад! А нам в сторонку, чуть в сторонку надо продвинуться. Сманеврировать по-партизански! Пусть себе "фердинанды" боекомплекты расходуют да в село входят... В конце-то концов придется немцам из-под брони вылезать, а мы тут будем, рядом.

- Дело комиссар говорит, - уронил Решедько.

Балицкий задумался, потом взглянул на Клокова:

- А если ночью, в темноте, к "фердинандам" подобраться и попробовать на шнур толом их рвать?

- Попробовать можно, - кивнул Всеволод.

Самоходки все ближе. Водят стволами, постреливают... К окопчику подполз адъютант комбата и протянул полученную шифровку с новым приказом командования.

* * *

Миновало еще больше суток. Несухоеже переходило из рук в руки. Тем временем наши батальоны начали сосредоточиваться у села Колодница, что в пяти километрах восточнее Ковеля. Партизаны Маликова ворвались на западную окраину города. Несмотря на долгие изматывающие бои, настроение у людей превосходное, все готовы к штурму.

И все же операцию пришлось прекратить.

Дмитрий Рванов вздохнул и, сделав последнюю отметку, убрал со стола карту.

- Но мы дерзали! - тихо произнес Дружинин.

Я понял, о чем думал сейчас Владимир Николаевич, и, наверно, не один он. Да, пришло время, когда партизаны уже могли вести наступление на такой крупный, стратегически важный пункт, как Ковель! Лишь неблагоприятно сложившаяся обстановка и желание сохранить свои силы, избежать лишних жертв заставили нас отказаться от штурма этого города.

Главная беда заключалась в том, что был утрачен момент внезапности нашего наступления. Противник успел приготовиться к обороне и наращивал свои силы. Из Польши гитлеровцы подтянули новые резервные части - один пехотный и один кавалерийский полки. По-прежнему против нас действовали артиллерия, танки, авиация, а мы поддержки так и не дождались. Наверно, где-то на других участках самолеты были нужнее...

К чувству досады, неудовлетворенности тем, что начатое не пришлось довести до конца, все же примешивалось радостное,

бодрящее ощущение нашей собственной силы, гордости за то, что нам удалось сделать. Как-никак мы здорово поколотили фашистов! Очень здорово! Не они нас, а мы их.

Вот доказательства. За время операции немецко-фашистские войска потеряли только убитыми 1103 солдата и офицера, пленными 30. Бандеровцы потеряли 118 человек. Потерн партизан - 95 убитыми (по нашему соединению 65), 115 ранеными (по нашему соединению - 84). Уничтожено партизанами в боях: вражеских танков - 2, автомашин - 58, складов с боеприпасами - 7, других складов - 10, понтонов - 2, автокухонь - 2, телефонный узел и так далее. Взяты солидные трофеи.

Рванов спрятал карту, Маслаков свертывал узел связи... Вот сейчас все мы выйдем на улицу, и наш КП в селе Верхи снова станет обычной крестьянской хатой. В окна видно, как мимо шагает партизанский батальон, шагает весело, бодро, с гармонью и песней.

Часть наших подразделений уже получила приказ расположиться на правом берегу Стохода, чтобы удерживать здесь переправы до подхода Красной Армии. Все мы были уверены, что очень скоро партизанам и армейцам все же доведется воевать вместе, плечом к плечу.

СМЫТОЕ ПЯТНО

О том, что в бою под Несухоеже в числе других равен Негнемат Маханов, доложил мне капитан Дроздов.

- Маханов... Маханов... - старался припомнить я партизана с этой фамилией.

- Севастополец, - подсказал капитан.

- Ах да, тот морячок! - кивнул я, сразу многое восстановив в памяти. - И хорошо он дрался?

- Отлично! По-севастопольски...

Неудивительно, что о ранении Маханова услышал я от капитана, возглавлявшего нашу группу дальней разведки. С Негнематом Махановым и Устином Дроздовым связана целая история, о которой хочется рассказать.

Осенью партизанская застава на Стоходе задержала и доставила к нам в штаб двух человек, одетых в немецкую форму. Оружия они не имели, знаки различия с кителей были сорваны. Оба задержанных говорили по-русски. Еще на заставе они сообщили, что дезертировали из РОА - "русской освободительной армии", как называл свое презренное войско предатель Власов.

При допросе старший из доставленных в штаб назвался Федором Прокофьевичем Силкиным, тридцати четырех лет, бывшим капитаном одной из стрелковых дивизий, оборонявшей

до последнего дня Севастополь. Силкин широк в плечах, нетороплив, его простоватое лицо изрезано глубокими морщинами. Второй перебежчик - на вид лет двадцати трех, стройный, черноволосый, с крепкими монгольскими скулами. Он назвал себя татарином Негнематом Хабибуловичем Махановым, бывшим лейтенантом морской пехоты, тоже участником Севастопольской обороны.

- С Федором мы познакомились еще на мысе Херсонес, когда фашисты прижали нас к самому морю, - рассказывал Маханов. - Вместе были в боях, вместе попали в плен, вместе прошли многие пересыльные пункты и лагеря. Последний концлагерь - самый страшный! Пленным там прямо сказали: или в РОА идите, или насмерть заморим голодом... Десять дней сидели без всякой жратвы... Чувствую, еще день - и протянемся! "Будем помирать, Силкин?" спрашиваю. "Обожди, брат, - отвечает. - Мертвыми мы России не нужны, мертвых у нее и так уже много... Вон в одном Севастополе сколько их осталось! А живыми, может, еще и пригодимся для дела". И решили мы пойти в это паскудное войско, лишь бы к партизанам нас поближе доставили... Понимаем, что на нас пятно. Смоем! Хотим смыть...

- Где находится полк, из которого вы дезертировали?

- В Бресте.

- Какие настроения в полку?

- Да в полку почти все не по своей воле и рады бы уйти к партизанам!

Подтвердил это и Федор Силкин.

Показания перебежчиков нуждались в тщательной проверке. Но пока мы могли проверить только одно: верно Ли, что Силкин и Маханов - участники обороны Севастополя.

В штаб вызвали Устина Дроздова.

Вошел молодой подтянутый капитан. Непослушные волосы цвета спелой соломы выбивались из-под его пилотки. Все 250 дней героической обороны Севастополя капитан Дроздов был среди ее участников. Когда немцы добрались до Херсонесского маяка, Устин с горсткой однополчан продолжал отстреливаться из пещер, вымытых водами Козацкой бухты у подножия мыса. Затем он с тремя товарищами пытался проскользнуть к своим через занятый фашистами Крым. Их схватили где-то под Симферополем. Плен... Пересыльные пункты... Два побега, последний - удачный... В Брянских лесах Устин Дроздов стал партизаном.

Наверно, Силкин и Маханов были немало удивлены, когда вошедший начал проверять их совершенно конкретными, точно поставленными вопросами, относящимися к Севастополю:

- Какая дивизия держала оборону на Инкермане? По какому склону Сапун-горы стояла седьмая бригада морской пехоты? Кто командовал седьмой бригадой, а кто восьмой? Когда последний советский корабль заходил в Козацкую бухту? Как он назывался?

Но и ответы следовали быстрые, точные.

- Севастопольцы! - убежденно заключил Дроздов.

Однако для нас Маханов и Силкин были пока еще и власовцами. Перебежчиков из вражеских формирований мы к себе принимали, хотя, естественно, строго за ними присматривали, проверяли в боевых делах. Надо оставить и этих двух, но дело ведь не только в них. Меня с Дружининым заинтересовало утверждение, что чуть ли не все солдаты находившегося в Бресте полка власовцев хотели бы перейти к партизанам.

Силкин и Маханов рассказали, что полк насчитывает 700 человек. Поскольку большинство из них вовлечено в РОА насильно, под угрозой смерти, гитлеровцы не очень-то полку доверяют. Поэтому и держат его в глубоком тылу на охране железных дорог. Командует полком некий Черкасский, но как он настроен - Силкин с Махановым не знали. Будучи всего лишь рядовыми, они находились от высокого начальства довольно далеко.

Полученные сообщения мы обсудили у себя в штабе.

- Есть перспектива перетянуть к нам весь полк целиком, надо ее использовать, - сказал я. - По вот давайте подумаем, как это лучше сделать.

Первым высказался Рванов:

- Весь полк не перетянешь, пока он расквартирован в городе. Под каким-то предлогом его нужно заставить выйти из Бреста, поближе к лесу. А тут не обойтись без содействия командира полка! Чем дышит этот Черкасский, мы не знаем. Надо прощупать его настроение.

- В душу к Черкасскому все равно не заглянешь, - покачал головой начальник войсковой разведки Антон Сидорченко. - Но скорее всего, Черкасский - полнейшая сволочь... Первому попавшемуся фашисты полк не доверили бы!

- Верно! - согласился Рванов. - Однако Черкасскому пора бы уже позаботиться о спасении собственной шкуры... Вот поэтому он, возможно, и поможет нам. Так или иначе, надо попытаться действовать через командира полка. Без него больше двух-трех мелких групп не перетащишь. Не может целый полк или хотя бы один батальон выйти без приказа из казарм, построиться и марш-марш к лесу!

- Правильно, Дмитрий Иванович! - кивнул Дружинин. - По-моему, следует поставить вопрос перед Черкасским прямо, сделав

это в письменной форме... Какой-то шанс имеется, и необходимо его использовать.

- Обязательно использовать! - подтвердил я. - Давайте свяжемся с командиром полка! Пожалуй, так лучше всего.

В адресованном Черкасскому письме мы предложили ему помочь переходу полка к партизанам. На основе имевшихся у меня полномочий я гарантировал амнистию всем перешедшим на советскую сторону солдатам и командирам РОА, в том числе и самому Черкасскому. Своим представителем для переговоров я назначил капитана Дроздова, которому вместе с группой дальней разведки предстояло выехать в район Бреста.

Дальних разведчиков партизаны других подразделений называли "сметанниками".

- Идут себе впереди и всю сметанку снимают! - говорили о людях Дроздова. - Для них - первый почет в селах, для них - первое угощение, у них и первые трофеи!

Так-то оно так, но нередко разведчики принимали на себя и первые вражеские пули, первыми сталкивались со множеством опасностей. Зато наши походные колонны всегда хорошо знали обстановку впереди себя. Во время рейда с Черниговщины группа Дроздова уходила вперед на сто километров и разведывала полосу шириной километров в десять - пятнадцать, непрерывно поддерживая радиосвязь со штабом. Именно поэтому во время рейдов мы продвигались успешно и почти не имели потерь.

В группу капитана Дроздова входило сорок отборных, закаленных во многих переделках конников. Храбрости каждому из них не занимать. Все они предприимчивы, находчивы, осторожны. Такими сделала их необходимость часто действовать в отрыве от основных сил соединения. Отличным боевым офицером был и командир дальних разведчиков коммунист Устин Феоктистович Дроздов. Мы не сомневались, что он справится и с новым заданием. Сделать же ему предстояло многое и помимо того, что было связано с письмом Черкасскому.

Ранним осенним утром маленький отряд тронулся в путь. Вместе с разведчиками ехали Федор Силкин и Негнемат Маханов. Оружия им пока не дали.

- Не обижайся, морская пехота! - сказал Дроздов на первом привале Маханову. - Дело тут такое, что полного доверия к вам еще нет.

- Будь на мне тельняшка и флотский китель, наверняка бы обиделся... А то вот ведь что! - Маханов дернул себя за рукав, на котором еще остался след от ромбика с буквами "РОА". - Все понимаем, капитан! Может, на ночь связать нас нужно? Вали! Не стесняйся.

- От нас и так не убежишь. Хлопцы будут поглядывать. Да и куда вам сейчас бежать?!

Маленький отряд ночевал в лесу, но днем заглядывал во многие села и хутора. Нет ли немцев? Когда были в последний раз? Сколько? Куда направились? Не шляются ли поблизости бандеровцы? Но не только эти чисто военные вопросы выясняли разведчики. Они интересовались настроениями крестьян, при каждом удобном случае проводили политическую работу раздавали газеты и листовки, беседовали с местными жителями о последних фронтовых новостях.

Через двое суток группа остановилась в тридцати километрах от Бреста. Дальше двигаться верхом нельзя. Партизаны находились в створе между железной и шоссейной дорогами, а створ этот чем ближе к Бресту, тем больше сужался. Да и лес уже почти кончился. Дорожная охрана могла заметить конников.

Разведчикам же надо было иметь базу именно где-то между шоссе и "железкой". Как раз в створе дорог, за восемь километров от города, находился хуторок, давно отмеченный на карте капитана Дроздова. На этом хуторке жила мать белорусской девушки Кати, официантки офицерской столовой власовского полка. Катя помогла побегу Маханова и Силкина. Теперь решено передать через нее письмо Черкасскому.

Вечер... Кони на привязи. Вокруг выставлены посты. Рядом с Дроздовым - политрук Борис Качинский, командиры отделений Петр Лаптев и Александр Шуман, несколько рядовых партизан, тут же Силкин, Маханов. Все внимательно слушают капитана.

- Наша база будет здесь, - сказал Дроздов. - Я с Качинским и десятью бойцами проберусь по кустам поближе к хутору. Остановимся от него километрах в трех. На равном расстоянии между группой и базой будет пост для связи. Вместе с нами пойдет один из севастопольцев, который отнесет письмо Кате... - Капитан, посмотрев на Силкина и Маханова, спросил: - Кто из вас пойдет? Решайте сами.

- Ты же лучше меня Катю знаешь, и мамаша ее тебя знает! - обратился Силкин к своему товарищу.

- Правильно! Я пойду, - сказал Негнемат.

- Хорошо, - кивнул Дроздов. - Тогда Силкин останется на базе заложником. Если Маханов нас в чем-нибудь подведет... В общем, Федор Прокофьевич, ты представляешь, что ждет заложника... Придется! Придется, хотя на мысе Херсонес и были мы все вместе.

- Заложник, он и есть заложник! - медленно произнес Силкин. - Он вам, конечно, нужен... А мне им быть, так мне! Ты слышал, Негнемат? Смотри же!

- О чем говорить! - уронил Маханов.

- Теперь дальше, - продолжал Дроздов. - Если Силкин сбежит, Шуман должен немедленно сообщить нам. Мы сразу же снимемся, но сначала... Ты понимаешь, Негнемат? Тоже придется... Законы войны!

- Там, у хутора, вздернуть не на чем... Одни кусты! - невесело усмехнулся татарин. - Петля меня в Бресте ждет, а вам только расстрелять останется...

- И пристрелим, - сказал Качинский. - Как же иначе быть?

- Нельзя иначе! - согласился Негнемат.

- Верно, нельзя... Справедливо решили! - подтвердил Федор Силкин.

Условились, что Дроздов с группой уйдет вперед на трое суток, а остальные партизаны затаятся тут, в лесочке.

К середине ночи двенадцать разведчиков и Маханов были уже неподалеку от хутора.

- Здесь оставайтесь... Дальше кусты еще реже, дальше я сам, предложил Негнемат.

- Можно здесь... Место нашей стоянки получше запомни! - сказал Дроздов и, вынув из планшета письмо в засургученном конверте, спросил: - А в Кате этой ты не сомневаешься?

- Человек верный! Ведь зачем она в официантки пошла? Только чтобы в Германию на работы не ехать. И фашистов, и власовцев настоящих ненавидит... Нам бежать помогла. И мамаша ее, тетка Марина, твердая женщина.

- Хорошо! Все же девушке надо быть очень осторожной. Вот ты говорил, что Черкасский обычно занимает в столовой отдельную кабину вместе с начальником штаба. Это не очень-то удобно! Пусть Катя постарается передать письмо командиру полка, когда он будет один. В крайнем случае, можно и при начштаба, но других чтобы никого не было.

- Ясно! - наклонил голову Маханов, хотел сказать еще что-то, но замялся.

- Ну, а что не ясно?

- Оружие мне теперь надо! Могут Катьку схватить и за мной на хутор нагрянуть... Чем обороняться? Или вдруг шлепнуться потребуется. Ты пойми правильно!

- Вот тебе мой пистолет... Осечек не дает. Вот еще и граната. Стреляться не торопись. Это уж в крайнем случае! Если сильно прижмут, прорывайся сюда, к нам. Огоньком прикроем!

- Спасибо, капитан.

- Только помни и о другой стороне дела - друга своего не забывай, Силкина.

- Эх-х! Все помню! - с глубоким вздохом сказал Маханов. -

Резрешите выполнять?

- Добро! Отваливай.

Негнемат Маханов улыбнулся этим морским словечкам, пощупал лежавшее за пазухой письмо, кивнул капитану и через минуту бесшумно исчез в темноте.

Прошли сутки, подходили к середине и вторые - Маханова не было. "Рано! Только этой ночью может вернуться!" - думал Дроздов. Он снова и снова высчитывал время... Пусть тетка Марина понесла письмо дочери сразу же, утром. Тогда Катя передала его в обед. Ответ могла получить в часы ужина. Затем надо доставить ответ на хутор. Лишь при самых благоприятных обстоятельствах Маханов мог бы вернуться на вторые сутки... А сколько непредвиденных случайностей может возникнуть в момент передачи письма и ответа! Дроздов отправил на базу записку о своей возможной задержке и о том, что пока все идет нормально.

Время тянулось неторопливо, но разведчики не теряли его зря. Из кустов хорошо просматривались железная и шоссейная дороги. Партизаны непрерывно наблюдали за ними, подсчитывали проходившие поезда, машины, засекали время появления обходчиков. Все это пригодится для минеров, да и не только для них! Конечно, велось самое тщательное наблюдение и за подходами к стоянке. В случае предательства Маханова немцы попытаются захватить партизан. Поэтому требовалось все время быть начеку.

"Нет, он не предатель, не лазутчик! - думал Дроздов. - Среди севастопольцев не может быть предателей... Уже стал однажды предателем? Нет, не предателем: через эту поганую РОА и ему, и Силкину приоткрылся путь к партизанам... Нет-нет, вернется Маханов, вернется или погибнет!"

Негнемата не было и к исходу третьих суток. Дроздов не спал всю ночь.

Поход к Бресту, на территорию Белоруссии, по-особому взволновал, тронул душу этого офицера. Устин Дроздов - белорус. Впервые за годы войны попал он в края, где родился, рос, познавал жизнь. Как всякий советский человек, Дроздов чувствовал себя сыном всей нашей страны. И все же капитана волновало сознание, что он находится в родной своей Белоруссии, где и леса какие-то особенно влажные и пахучие, где и люди выглядят как-то по-своему, где говорят на том языке, на каком и он говорил в детстве.

Так же приятно, радостно было бы, наверное, и разведчику Петру Лаптеву очутиться на берегу тихой речки где-нибудь в Подмосковье, казаху Сабиту Бергалиеву пройти по сухой знойной

степи, грузину Вартадзе взглянуть на сады и горы Закавказья... А для Негнемата Маханова, скорее всего, особенно милы приволжские откосы родной Татарии! Все они - русский и украинец, белорус и казах, грузин и татарин - заняты сейчас одним делом. "Все, в том числе и Маханов, потому что он прежде всего советский человек, - думал Дроздов. - Нет, он вернется, если не погиб... Но только что сейчас с ним?"

Капитан лежал на спине и все думал свою думу, глядя, как в светлеющем небе гаснут одна за другой далекие звезды.

В кустах зашуршало... Или это почудилось? Дроздов приподнялся, положил руку на автомат. Шуршанье, треск сухих ветвей все приближались. Затем донесся тихий условный свист. Еще через минуту-другую из кустарника вышел Негнемат Маханов, а вместе с ним перепуганная, заплаканная девушка, в которой Дроздов угадал официантку Катю.

- Сволочь! Вот сволочь! Шкура! Гад! - очередью пустил Негнемат и злобно добавил что-то по-татарски, вероятно тоже ругательство.

- Козюля болотная! - тонким голосом добавила девушка и всхлипнула.

- Черкасский - шкура и гад? - спросил капитан.

- Черкасский, - подтвердил Маханов.

Рассказ Негнемата и Кати был торопливым, непоследовательным, часто прерывался вопросами Дроздова. Вот что произошло за эти трое с лишним суток, если все расположить по порядку.

На хуторе Маханов вручил письмо тетке Марине, попросил сразу же отнести его в Брест и объяснить дочери, как передать Черкасскому. Перед уходом хозяйка спрятала ночного гостя на чердаке, дав ему про запас кружку воды и несколько лепешек. Оставшаяся дома сестренка Кати двенадцатилетняя Юлька про спрятанного человека ничего не знала. Разбудив ее, мать сказала: "Пойду в город на базар, захвачу еще в столовой помои для поросенка, к вечеру буду обратно".

Маханов немного вздремнул. Из полузабытья его вывели раздавшиеся внизу стук в дверь и какие-то голоса. Через щель Негнемат увидел вошедших в сени двух немецких солдат и трех власовцов; последних он даже узнал рядовые 4-й роты. Сердце екнуло... Неужели?.. Он прислушался. Нет, не за ним! Судя по разговору внизу, это был обычный патруль, проверяющий, нет ли на хуторах кого-либо из посторонних.

- Маты в город пошла... Катя в охфицирськой столовой робыть, доносился голос Юльки.

Хорошо, что девочка не знает о нем! И не желая того, Юлька

могла бы выдать его своим беспокойством, непроизвольно брошенным на чердак взглядом. А если патрульные сами вздумают подняться сюда? Маханов решил встретить их броском гранаты, а затем выбраться через слуховое оконце на крышу... Восемь патронов в пистолете, есть еще и запасная обойма! Негнемат весь напрягся, стиснул зубы, приготовился действовать.

Но опасность пронесло. Потоптавшись в сенях и поговорив с Юлей, патрульные пошли дальше.

Поздно вечером вернулась тетка Марина. Покормив и уложив младшую дочь, она поднялась к Маханову.

- Передала и сказала все, что ты велел... После обеда еще раз к ней заходила. Ничего не могла Катя сделать. Какие-то немцы в полк понаехали! Начальство! Вместе с Черкасским завтракали и обедали... Никак нельзя было письмо незаметно от них сунуть!

- Когда уедут немцы, Катя не говорила?

- Ей же не докладывают... Ждать надо! Завтра опять в город пойду... А вот это тебе от Катьки, чтобы легче ждать было!

Женщина сунула в руку Маханова пачку сигарет.

И на другой день тетка Марина вернулась из Бреста ни с чем. Немецкое начальство по-прежнему находилось в полку. Передать письмо Черкасскому без лишних свидетелей Катерина все еще не могла. Мать она просила пока не приходить, чтобы не вызвать подозрение ежедневными визитами. Как только Черкасский прочтет письмо и даст ответ, Катя вызовет тетку Марину через кого-нибудь из своих подружек.

И вдруг сегодняшней ночью девушка с плачем сама прибежала домой. Немцы наконец уехали. Черкасский обедал один, даже без обычного своего сотрапезника - начальника штаба. Убирая посуду, официантка молча положила перед командиром полка письмо. Удивленно взглянув на Катю, тот взял конверт и начал его вскрывать. "Ответ дайте за ужином", - шепнула девушка, выскальзывая из кабины.

Те несколько часов, что оставались до вечера, стоили Катерине многих волнений. Каждую минуту ее могли арестовать, отправить в гестапо. Наконец наступило время ужина. Черкасский пришел в кабину вместе с начальником штаба. За ними последовала официантка, чтобы принять заказ.

Черкасский перечислил нужные ему блюда, не сказав больше ни слова. Вернувшись с кушаньями и расставляя их на столе, Катя вопросительно взглянула на власовского полковника.

- Обожди! - сказал он лениво. - Дам тебе ответ...

- Что за ответ? - удивился начштаба.

- Да вот получил сегодня письмо от Федорова с предложением переходить к нему всем полком.

- А кто передал?

- Эта вот дура, а ей наверняка Махмутка-татарин, что недавно сбежал. Переходить предлагают, амнистию сулят... Думаю, пока рановато! Кривая еще не показывает...

Черкасский помолчал немного, что-то прикидывая в уме, потом тихо сказал официантке:

- Чтобы через два часа тебя здесь не было! Кончится ужин - и айда... Понятно? А татарчуку своему передай: попадется - повесим.

Катя кончила рассказывать, всхлипнула и опять выругала Черкасского болотной козюлей.

- Не хнычь! - бросил ей Дроздов. - Ты точно запомнила его слова: "рановато", "кривая еще не показывает"?

- Господи! Как сейчас слышу! И пальцем по воздуху туда-сюда провел...

- Действительно, мерзавец отпетый! - сказал капитан. - Значит, на кривую поглядывает... Куда вывезет! Нос по ветру держит! Кто сильней окажется, с теми будет и Черкасский...

- Как бы мне вешать его не пришлось! - ударил по земле кулаком Маханов.

- А куда же теперь нам с мамой и Юлькой? - спросила Катя.

Этот вопрос решался сам собой. Кате с матерью и сестренкой надо поскорее уходить к партизанам, а пока где-нибудь спрятаться. Но и разведчикам нельзя оставаться поблизости от хутора. Никак нельзя!

Капитан Дроздов отлично понимал, почему командир власовцев отпустил Катю. Такой случай Черкасский использовал бы в своих интересах, попадись он в руки советского правосудия. Негодяй не только держит нос по ветру, посматривает на "кривую", но и думает о будущем. Но ведь этот растленный тип может и пожалеть, что позволил официантке скрыться, может донести немцам о письме. Тогда розыски девушки и Маханова начнутся, конечно, прежде всего в окрестностях хутора. Необходимо отойти к базе еще и по другой причине. На базе - радиостанция, можно связаться со штабом, доложить обстановку.

Вместе с тем Дроздову очень не хотелось удаляться от города. Отказ Черкасского вести переговоры предусматривался приказом, полученным капитаном. В этом случае выход к Бресту требовалось использовать для разведки его гарнизона. Маханов и Силкин сообщили, что кроме власовцев в гарнизон входят два разбитых на фронте и вновь формирующихся немецких полка, немецкая разведочно-диверсионная школа и госпиталь. Надо было проверить, уточнить полученные данные. В таком деле не обойтись без помощи местных жителей.

- Катерина! - обратился Дроздов к шептавшейся с Махановым девушке. Скажи, есть ли у тебя хорошие подружки, такие, кому ты как самой себе доверяешь?

- Есть, конечно... Вот Лида с нашего хутора, тоже в столовой работает... Потом Ольга, Нина из городских девчат...

- За Лиду и я ручаться могу! - сказал Маханов. - О Лиде мы сейчас как раз и говорили... Нельзя ли, капитан, мне с ней записку ребятам передать?

- Каким ребятам? И о чем записку?

- Ребятам из взвода, в котором я состоял. Они ведь знают, куда мы с Силкиным ушли! Весточки ждут. Они же и сами хотят к партизанам! Не получается сразу всем полком, так пусть хоть поодиночке или мелкими группами концы рвут... Сообщить им в записке надо, как партизаны принимают, каким курсом лучше идти.

- Обожди... Подумаем и об этом.

Посовещавшись с политруком Борисом Качинским и командиром отделения Петром Лаптевым, капитан принял решение. Разведчики немедленно оттягиваются на свою базу, откуда будут продолжать наблюдение за железной и шоссейной дорогами. Лида и другие надежные подруги Кати уточняют состав Брестского гарнизона. Девушкам сообщат лишь адреса расположенных в городе частей и воинских учреждений, а что это за части и учреждения, они должны разузнать сами. Полученные от них данные будут сопоставлены с имеющимися. Нужные разведчикам сведения Лида и Катя должны доставить не позже чем через четыре дня на определенный пункт в районе базы. Кроме того, Лида передаст друзьям Маханова его записку с указаниями, как добираться к Любешову и найти партизанские заставы.

- Ну, а ты с нами пойдешь? - спросил капитан Катю.

- Я пошла бы! Но вот маманя... Может, поближе куда захочет?.. Партизан всюду много...

- Сами решайте! Захотите с нами идти, сразу все и являйтесь. Одежду возьмите... Значит, или тебя одну ждем, или с матерью и сестрой, а не сможешь, так присылай Лиду.

- Нет-нет, я сама постараюсь! Если мы к белорусским партизанам уйдем, так с вами хоть попрощаться надо...

Девушка сказала "с вами", но вскинула глаза на Маханова.

И вот уже зашуршали кусты, в которых она скрылась. Вскоре в противоположную сторону тронулись разведчики.

На базе Силкин и Маханов радостно бросились друг к другу.

- Да мы же с ним от самого Херсонеса не расставались! Все вместе и вместе! - как бы оправдываясь, объяснил этот порыв

старший из севастопольцев.

- Врешь, Федор! В карцеры-то нас эсэсовцы по одному загоняли! усмехнулся Негнемат. - А в остальном, конечно, вместе... Вот видишь, Силкин, и не пришлось ребятам тебя вешать, а у меня стреляться не было необходимости!.. Да, кстати... - Вспомнив что-то, Маханов подошел к капитану и протянул ему пистолет: - Вот, пожалуйста!.. Спасибо, что одолжил.

- Придется взять... Привык к нему, пристрелял, - сказал Дроздов, забирая ТТ. Затем, подозвав к себе кивком Лаптева, продолжал: - Вот что, Петро! Подбери для Маханова карабинчик или винтовку...

- Мы для него и автомат мигом найдем! - пообещал Лаптев.

- Эх, Петро, вечно у тебя автоматы припрятаны! Ну дай автомат... А Шуману скажи, чтобы вооружил Силкина.

Под смуглой кожей Негнемата еще резче обозначились скулы, губы его чуть дрогнули. Сдерживая волнение, Маханов тихо сказал:

- Спасибо, капитан, а за что спасибо, сам знаешь... Жалеть тебе не придется! Не подведем.

- Знаю! И давай, браток, не возвращаться к этому вопросу.

Радист уже искал в эфире позывные штаба. Когда связь была установлена, к рации подошел Дроздов. В ответ на свою шифровку он получил приказ довести до конца разведку дорог и гарнизона, а затем возвращаться в соединение.

Через три дня в условное место пришли Катя, Лида и еще одна девушка. Лицо Кати опять было заплаканным.

- В чем дело? - встревожился Качинский, пришедший встречать девчат.

- Мать не захотела с вами идти... Они с Юлькой уже к Сикорскому* в отряд ушли... И мне туда завтра надо! Нельзя же родную мать бросить...

_____

* С. И. Сикорский - командир Брестского соединения партизанских

отрядов и секретарь подпольного Брестского обкома партии.

- Правильно, нельзя! А партизаны всюду фашистов бьют, партизаны везде одинаковые.

- Не одинаковые, - сказала Катя и поискала кого-то взглядом.

Девушек отвели на базу. Все сведения, которые они собрали, полностью сходились с теми, что сообщили Силкин и Маханов.

Заседланы кони, выслана вперед походная застава, наступила пора прощаться. Чего уж дальше скрывать! Катерина тихо вскрикнула и повисла на шее Негнемата. И молодой татарин,

уронив прядь своих смоляных волос на головку белорусской девушки, шептал ей что-то хорошее, утешающее.

Отряд медленным шагом двинулся вперед. Маханов быстро его догнал.

По пути разведчики остановились в одном из сел, жители которого время от времени бывали в Бресте. С их помощью Дроздов еще раз проверил данные о Брестском гарнизоне. По дороге удалось установить также местонахождение довольно крупной бандеровской шайки под предводительством какого-то Хмурого. Как обычно, не забывали партизаны при встречах с населением и о своих обязанностях агитаторов, пропагандистов.

Сразу после возвращения в Лесоград капитан Дроздов явился ко мне с подробным докладом. Из его сообщения впервые узнал я о предельно циничной фразе Черкасского - "кривая еще не показывает". Одна лишь фраза, даже незакопченная, а в ней весь человек, насквозь растленный, насквозь продажный, чудовищно подлый.

Маханову и Силкину тоже пришлось служить в РОА. Но какая глубокая пропасть отделяет их помыслы и поступки от мерзких расчетов Черкасского, с кем выгодней быть. Маханов и Силкин оказались в РОА, чтобы сохранить свою жизнь не для себя, а для Родины, для борьбы с врагом. Они это доказали, бежав к партизанам при первой же возможности. Но и вынужденную, преследующую совершенно определенную цель свою службу у власовцев они считали тяжелым преступлением и ценой собственной крови старались смыть это пятно. А Черкасский - убежденный изменник, мерзкий холуй гитлеровцев, циничный торгаш своим телом и душой. Такому негодяю, конечно, выгодней и дальше оставаться в стане врага, что бы ни показывала "кривая". От советских людей таким нечего ждать, кроме позорной смерти.

- Подготовьте шифровку о Черкасском для Генштаба, - сказал я Дроздову. - И еще одну туда же! В нее включите данные о гарнизоне Бреста и загрузке дорог... Как быть дальше с власовским полком, еще посмотрим.

Примерно через неделю после возвращения разведчиков на заставу у Любешова явились три новых перебежчика, те самые солдаты из взвода Маханова, которым отправлялась записка. Они рассказали, что дезертировать из полка к партизанам готовятся еще несколько групп, хотя побеги сопряжены с огромными трудностями.

Как облегчить эти трудности? Не связаться ли нам теперь с командирами рот, батальонов? Не попытаться ли выманить часть полка из Бреста ложной атакой на какой-нибудь пригородный пункт? Были разные предложения.

И вдруг во всей этой истории произошел неожиданный поворот. По агентурной цепочке пришла весть, что стоявший в Бресте полк власовцев расформирован, солдаты его отправлены обратно в концлагеря, а на охрану железнодорожного узла поставлены немцы.

Радоваться нам или огорчаться? Мы радовались. Прежде всего подтвердилось, что власовское войско набирается в принудительном порядке, что среди солдат идет брожение, что очень многие из них не хотят воевать против Родины. Не менее отрадно и другое. На охрану Брестского узла брошен немецкий полк. Значит, он отвлечен от непосредственных боевых действий против Красной Армии, значит, на каком-то участке фронта вражеская оборона станет слабее.

Путь Федора Силкина и Негнемата Маханова в ряды партизан оказался необычным, особенно тяжким, но не поколебал их мужества. Смело, доблестно, не щадя себя, сражались они с врагом и здесь, в лесах на Волыни...

- Что с Махановым? Вернется ли в строй? - спросил я Дроздова после боя за Несухоеже.

- Ранен навылет в плечо. Вернется обязательно. Он еще повоюет!

И я мысленно пожелал Негнемату Маханову успешно довоевать до часа полной нашей победы и встретиться после войны с белорусской девушкой Катей.

АРМИЯ РЯДОМ

Зима кончилась. В лесу снег лежал еще плотным, лишь кое-где осевшим полуметровым слоем, но проезжие дороги давно раскисли. Под половицами землянки командира 5-го батальона плескалась вода. Столик, за которым сидел комбат, украшала консервная банка с пучком вербы. Каждая почка покрыта серой пушистой шкуркой и до того набухла, что готова вот-вот лопнуть.

- А хорошо на Украине эти почки называют: "котики"! Верно, на котят похожи... И веселые такие! - сказал Николаю Михайловичу комиссар Караваев.

- Вообще весна - дело веселое, - отозвался Николенко. - Вот, скажем, "жаворонков" в первый день весны мать напечет... Попадется тебе с монетой - радости-то сколько!

- Да-а... Только, пожалуй, нынче у матерей муки на "жаворонки" не найдется. Гривенники в картошке будут запекать.

- Хоть и в картошке! Тут принцип важен - кто вытянет счастье...

В дверь землянки постучали. Николенко крикнул: "Давай смелей!" - и на пороге появился командир взвода разведки Яков Пугачев.

- Гости к нам, - сообщил он, широко улыбаясь. - Ну, не гости, так я их все равно хоть ненамного погостить завернул... Разведчики из Красной Армии.

- Молодец, Пугачев! - одобрил комиссар.

- Так где же они? - спросил, вскинув брови, Николенко.

- Наши бойцы перехватили. Прямо стеной вокруг встали и не пускают... Разговоры там разные, совместный перекур.

- Выходит, не молодец ты, Пугачев, а обыкновенная шляпа, - сказал комбат, поднимаясь. - Пошли, комиссар, выручать Красную Армию!

Вернулись они в землянку вместе с четырьмя армейцами в маскировочных халатах. У каждого - автомат последнего выпуска, не дисковый, а с "рожком". Разведчики - двое рядовых и два сержанта - оказались молодыми, но успевшими пройти хорошую фронтовую школу парнями. Начались расспросы, обычные при первом знакомстве. Выяснилось, что дивизия, из которой посланы разведчики, воевала на Уборти, на Горыни и в других отлично известных партизанских местах. Сейчас она стоит совсем близко: на левом берегу Стыри.

Рядом с букетиком распушившейся вербы мгновенно появилось все необходимое для ужина, включая и бутылку прозрачной жидкости. Принесли и баян. Выпили, закусили, сплясали...

- Ну, спасибо, товарищи дорогие, а теперь нам пора! - сказал сержант, возглавлявший группу.

- Что значит - пора? - прикинулся непонимающим Николай Михайлович.

- У нас разведывательное задание...

- Какая может быть разведка, если вы находитесь у партизан? Да мы вам дадим любые данные о положении на пятьдесят километров вокруг. А то и на сто!

- Конечно, дадим, - подтвердил Караваев. - Оставайтесь, хлопцы! Сейчас начштаба карту принесет, всю обстановку вам в точности обрисуем.

- От данных не откажемся. Но ведь нам надо еще и "языка" взять! - с оттенком многозначительности в голосе сказал сержант.

- "Языка"! Нашли о чем говорить! - усмехнулся Николенко. - Можем предоставить и "языка"... А для вас, братцы, уже банька топится. Хорошая у нас банька! А веники-то какие - березовые, отборные!

Николенко был великим соблазнителем. А в отношении "языка" он немедленно перешел от слов к делу.

- Требуется доставить в кратчайший срок фрица, - сказал Николай Михайлович командиру взвода разведки. - И аккуратно

доставить, культурно! Дырок в нем не делать, морду не портить. Ариец должен быть первого сорта! Для верности пошли Чечукова.

Невзрачный с виду и застенчивый по характеру, Вася Чечуков считался в батальоне лучшим специалистом по добыванию "языков". Когда красноармейцы только начинали нахлестывать себя веничками, Чечуков вместе с Пугачевым и еще двумя партизанами уже подползали к немецкому дзоту возле станции Польска Гура.

Далее Василий действовал по своему обычному, многократно испытанному методу. Оставив Пугачева и вооруженного "дегтярем" Тараса Глушко для прикрытия, он в паре со своим другом Мишей Бураковским осторожно двинулся дальше. Партизаны подползли к самому брустверу проложенной у дзота траншеи и стали ждать.

Фашисты не слишком долго испытывали их терпение. Из укрытия вышел долговязый немец и зашагал по ходу сообщения, бренча котелком. Все остальное произошло в несколько мгновений. По знаку Чечукова здоровяк Бураковский всей тяжестью своего тела обрушился на немца, подмяв его под себя. Почти одновременно с Бураковским прыгнул вниз Василий, на лету втискивая в рот гитлеровца кляп. Затем без малейшей паузы оба партизана приподняли свою добычу и передали пленного подползшему к окопу командиру взвода. Все делалось молча, с быстротой и согласованностью акробатов. Волокли пленного по очереди. Немец попался сообразительный: понял сразу, что сопротивление не в его интересах.

Армейские разведчики, ублаготворенные баней, попивали чаек. Из вежливости они не спрашивали у хозяев, как там обстоит дело с "языком". Однако по взглядам, какими украдкой обменивались гости, Николенко понял, что им не сидится на месте.

- Не волнуйтесь! Будет вам пленный! - заверил Николай Михайлович.

В душе-то он и сам волновался. Конечно, Чечуков никогда не подводил... Но мало ли что могло произойти! Поэтому Николенко очень обрадовался, когда появился Пугачев и доложил по всей форме:

- Товарищ командир батальона! Ваше приказание выполнено: "язык" доставлен в полной сохранности.

- Давай его сюда.

Пленного ввел Чечуков и сразу стыдливо потупился. Уж такой был стеснительный этот Вася Чечуков! Немец представлял собой типичный экземпляр оккупанта образца 1944 года: отощавший, с подмороженным носом, в грязной короткой

шинелишке.

- Вот вам самый настоящий гитлеровец! - сказал Николенко профессорским тоном. - Лучших теперь и не бывает! Нос у него подморожен, но зато перед вами ефрейтор. Вон на левом рукаве ефрейторская нашивка углом.

- Чего ж, "язык" вполне подходящий! - обрадованно заявил один из сержантов.

- Постой, не торопись! Надо еще выяснить, насколько он умственно подкован, - сказал Николай Михайлович, а затем обратился к пленному: - Ну как, ефрейтор? Гитлер капут?

- Капут! - с готовностью подтвердил немец, держа руки по швам.

- А партизан - капут?

- Нихт, нихт... Партизан ист гут! Партизан нихт капут!

- Во всем прекрасно разбирается, - отметил Николенко. - Таким образом, ребята, вопрос ясен: остаетесь у нас ночевать.

- Как бы не сбежал этот вояка! - сказал командир красноармейцев. Связать надо. Веревка у нас припасена.

- Береги, солдат, веревочку до Берлина, может, Гитлера еще вешать будешь! - подмигнул разведчику Караваев. - А у этого обрежем на штанах все пуговицы, и никуда он не денется.

- Когда пуговицы обрезаны, фашист о побеге и не мыслит. Ему лишь бы портки удержать! - объяснил Николенко.

Армейцы остались, побывали еще во многих землянках, хорошо выспались и только утром со всеми нужными данными и с пленным, поддерживающим нижнюю часть обмундирования, тронулись в обратный путь.

Мне поведал эту историю Иван Иванович Караваев. Между прочим, он считал, что 5-й батальон первым принимал у себя армейских разведчиков. Я не стал его разочаровывать. К тому времени армейцы уже побывали и в других батальонах, и у нас в штабе, всюду получая интересовавшие их сведения.

Однако дело не ограничивалось сообщением нужных данных соседним частям Красной Армии. В штабы ближайших фронтов мы регулярно направляли разведывательную информацию по всему нашему району, да и не только по нашему.

В начале марта, например, соединение получило задание провести глубокую разведку в районе города Дубно, Ровенской области. Немцы успели создать здесь мощную линию обороны, преграждавшую путь Красной Армии к Тернополю и Львову. Естественно, что этот район очень интересовал советское командование. Подойти с тыла к Дубно было удобнее всего нашим партизанам. Мы направили туда большую группу разведчиков. Поработала она неплохо, собрав обширные и ценные

данные, которые помогли советским войскам выбить фашистов из Дубно и погнать их дальше.

Наступление Красной Армии развивалось и на Волыни. Гитлеровцы пятились назад, прижимаясь к железной дороге. Мы стояли севернее, в лесах. Мимо партизанских лагерей начали "проскакивать" одна за другой наши регулярные части. И вот мы вдруг оказались уже не в немецком, а в советском тылу.

Это, так сказать, официально. А фактически партизаны нескольких батальонов соединения еще продолжали подрывать немецкие эшелоны и действовали, следовательно, в тылу противника. Дело в том, что далеко не везде линия фронта стабилизировалась, местами она была довольно условной. В связи с этим происходили необъяснимые на первый взгляд вещи.

Получаю, например, радиограмму от командира 38-й гвардейской стрелковой дивизии с благодарностью нашему 8-му батальону за участие в бою у деревни Тур и с просьбой представить отличившихся к наградам.

Ничего не понимаю! Что за деревня Тур? Как туда попал 8-й батальон? Почему он вдруг участвовал в бою, когда, по нашим сведениям, этот батальон продолжает успешные диверсии на железной дороге? В последней шифровке командир 8-го Никифор Халимон доносил о пяти подорванных эшелонах, а об участии в бою - ни слова...

Быть может, армейцы что-нибудь спутали? Тем более, судя по карте, гвардейская дивизия находится в одном месте, наш батальон - в другом, а деревня Тур - далеко в стороне.

Несколько позже все объяснилось. Оказывается, диверсионная группа 8-го батальона, причем достаточно крупная - из сорока человек, просочилась в немецкий тыл, чтобы поискать там "работенки". Минерам удалось подорвать пять вражеских эшелонов, о которых и сообщил нам Халимон. Возвращаясь к себе в лагерь, партизаны встретили один из полков 38-й дивизии. Полк этот был далеко не полного состава. Он ждал подкреплений, чтобы затем атаковать в деревне Тур мадьярский гарнизон, насчитывающий более трехсот штыков.

- А чего ждать! - сказали партизаны командиру полка. - Чем мы для вас не подкрепление? Двенадцать ручных пулеметов имеем, один станковый, автоматов хватает... Обойдем эту деревню стороной, подберемся к мадьярам с тылу да как ударим, а вы в лоб атакуйте!

Командир полка согласился, и все развернулось дальше по совместно разработанному плану. Удар с двух сторон был для оккупантов неожиданностью. 72 вражеских солдата полегли убитыми, 67 сдались в плен, остальные разбежались. Партизаны

захватили два тяжелых пулемета, два ручных, с полсотни винтовок и автоматов. У нас потерь не было, лишь один человек получил ранение.

- Почему не сообщили об этой операции? Почему штаб узнает о ней от армейского генерала? - укорял я Халимона.

- Так чего же, Алексей Федорович, зря писанину разводить! Об эшелонах всегда сообщаем, эшелоны - наше дело, а деревня Тур, можно сказать, случайно подвернулась...

Подобных случайностей было не так уж мало. Партизаны помогали армейским частям очищать от врага отдельные населенные пункты, обезвреживать бандеровские отряды, а три наших батальона совместно с подразделениями 38-й гвардейской дивизии провели довольно серьезную операцию у села Речица.

Это село, с его ближайшими окрестностями, находилось на правом берегу Припяти, на одном из небольших плацдармов, которые удерживали в своих руках отступавшие в брестском направлении гитлеровцы. Овладеть Речицей и расположенной за ней переправой - значило открыть дивизии путь дальше на Брест. Вот почему фашисты прикрыли село линией окопов, сосредоточили здесь немало артиллерии, минометов и довольно крупный гарнизон. 38-я дивизия могла действовать здесь лишь силами одного полка. Несколько его атак оказались безуспешными. Полк понес значительные потери. Штаб дивизии тогда обратился за помощью к нам. Под общим командованием Николенко мы направили к Речице его батальон вместе с батальонами Ковалева и Халимона.

После длительного перехода по весенней распутице порядком утомившиеся партизаны прибыли к исходным позициям. Уже надвигалась ночь. Николай Михайлович связался с командиром дивизии, затем с командиром полка, ознакомился с обстановкой, получил участок для наступления. Очередная атака должна была начаться в 6 часов утра после артиллерийской подготовки.

- Да и немцы обычно огоньком отвечают, - предупредил командир полка. - Плохо, брат, что нет у вас лопаток! Чем будете окапываться?

- Верно, лопат нам на парашютах не сбрасывали. Но ведь, если люди лягут да окопаются, поднять их будет трудно. Рывком село надо брать! Единым духом!

- Пробовали. Что ж, вместе теперь попытаемся! А лопаток тебе я, может, с полсотни найду.

Условившись обо всем, Николенко поехал обратно на свой командный пункт. Разговор о лопатках напомнил Николаю Михайловичу предвоенные времена, когда был он помощником начальника штаба 330-го стрелкового полка. Сколько приказов

приходилось писать насчет окапывания! Как попадало командирам, у которых красноармейцы не умели на маневрах хорошо пользоваться саперными лопатками!

Затем Николенко подумал о том, что вот наконец снова он хоть и не в армии, но рядом с нею. Вместе, плечом к плечу, пойдут солдаты и партизаны на эту Речицу. И партизанские командиры вместе с армейскими офицерами будут руководить боем... Да, армия рядом, и он с армией!

Воевать Николенко начал с 4 часов утра 22 июня 1941 года. Километрах в двухстах от Речицы, если взять строго на север, находится небольшой белорусский городок Слоним, возле которого попал в окружение и был разбит 330-й стрелковый полк. Вспомнил Николай Михайлович, как с крохотной группой израненных советских офицеров начал он пробираться на восток, пытаясь догнать наши отступающие части. Из леса было видно, как безостановочно движутся в том же направлении немецкие танки, артиллерия, мотопехота. Тяжелые были времена! И нелегко пришлось маленькой группе окруженцев...

Но вскоре, через какой-нибудь месяц, группа превратилась в небольшой партизанский отряд, и Николенко стал его командиром. Отряд двигался все дальше; вел бои, пополнялся, дошел до Черниговщины, где стал частью нашего партизанского соединения... Сколько боев, сколько диверсионных операций, сколько дней и ночей позади! Зато теперь и до памятного Слонима рукой подать, и армия рядом, а фашисты все пятятся, отступают. Не удержать им и Речицы. Вопрос лишь в том, удастся ли взять ее завтра.

Возвратясь на свой командный пункт, Николай Михайлович, как только слез с коня, сразу же ушел с головой в подготовку к предстоящему бою. Провел совещание с комсоставом и политработниками. Побывал в ротах. Проверил, хороша ли позиция у минометчиков. Приказал не будить бойцов раньше четырех утра, а старшинам иметь к этому сроку горячую пищу.

- Ну, Иван Иванович, все у нас как будто в порядке! - сказал Николенко комиссару уже в третьем часу ночи, когда прилег немного отдохнуть.

- Думаю, что в порядке, - согласился Караваев. - Пока ты в дивизии был, я тут настроениями интересовался. Прямо рвутся все в бой! Или перед армейцами хотят себя показать?

- Еще бы! Есть и это! - усмехнулся Николенко, закрывая глаза.

Артиллерийская подготовка началась ровно в 6.00. Басовито рявкнули скрытые в лесу пушки, загрохотали минометы... Плотно прижимаясь к земле, цепи наступающих двинулись к Речице. До вражеских окопов - километра полтора. Со стороны Речицы

засверкали вспышки встречного артиллерийского огня, плотного, яростного.

Немцы бьют через головы наступающих - по советским батареям. Пока продвигаться можно, и люди одолевают еще сотню-другую метров, готовясь к атаке. Вдруг наши орудия смолкли. Били они минут пятнадцать, не больше. Реже стали и минометные выстрелы. А гитлеровцы продолжали огонь, перенося его ближе к своим траншеям. Снаряды и мины рвались совсем рядом с цепями наступающих. Красноармейцы и партизаны попытались ползти дальше, но из немецких окопов застрочили пулеметы, образовав плотную завесу огня. Атака сорвалась. Не захлебнулась, а просто сорвалась, так и не начавшись.

Цепи оттянули назад, к исходным позициям.

Вскоре у Николенко собрались командиры партизанских рот и батальонов.

- Да что же это за артподготовка?! - вопрошающе оглядел всех Халимон. - По-моему, ни одной точки у фашистов не подавили... По такой обороне надо минут сорок долбать! Зря людей потеряли. У меня трое убито, четверо ранено.

- У меня шестеро ранено и один контужен! - вздохнул Николенко. Артподготовка, конечно, слабая... Снарядов у полка не хватает... Но дело не только в этом! Вот точно так же, говорят, и без нас пять раз начинали. В одно время, как по расписанию. Вроде побудки немцам на рассвете устраивают... А немцы уже приучены: отоспятся, а к утру - начеку. И все у них вокруг великолепно пристреляно. Думаю, ночью бы лучше наступать, в полной темноте. На голову им свалиться!..

- Правильно говоришь, Николай Михайлович! - поддержал командир 10-го батальона Ковалев. - Хорошо бы еще в тыл противнику хоть одной ротой зайти, но вот река не пускает, разлилась сильно, не перепрыгнешь...

- Я тоже считаю, - вступил в разговор Караваев, - что могут быть лишь два варианта наступления. Или после крепкой, массированной артподготовки, такой, чтобы все у немцев разнесла, или ночью, внезапным ударом, по-партизански. Ну и наши же батальонные минометы немного поддержат...

Других мнений не было, а решать предстояло Николенко вместе с командиром полка. К нему Николай Михайлович и поехал.

- Видел теперь, как на этом плацдарме наступать? - невесело спросил подполковник. - Завтра, может быть, лучше дело пойдет. Снарядов обещают подкинуть, еще одну батарею хотят дать...

- Артподготовка в шесть ноль-ноль? - с чуть уловимой

иронией осведомился Николенко.

- Точно! Уже и приказ в дивизии подписан. Да ты это к чему?

- А к тому, дорогой товарищ подполковник, что после таких, как сегодня, артподготовок в наступление идти нельзя. И если чуть покрепче будет, тоже нельзя.

- С ума сошел! - вскипел подполковник. - Как это ты можешь отказываться, когда есть приказ командира дивизии?! Вы нам приданы и обязаны во всем нашему генералу подчиняться.

- Не горячись, друг, не горячись! - успокаивающе поднял руку Николенко. - Мы подчинялись и будем подчиняться, но выяснить кое-что все-таки надо... Скажи мне прямо: артподготовку минут на сорок, да поплотнее, сможешь завтра обеспечить?

- Вряд ли... Даже если подвезут снаряды, не хватит их на такой срок. Новая батарея тоже особой погоды но сделает.

- И неизвестно, будет ли еще эта батарея. Ведь только обещают! напомнил Николенко.

- Но приказ есть приказ!

- Знаю, устав проходил когда-то... Но свой приказ командир дивизии может еще изменить. Вашему генералу что, собственно, надо - Речицей овладеть или чтобы мы после артподготовки опять перед немецкими окопами залегли?

- А как же овладеешь без подготовки?

- Вот мы к делу и подошли! Теперь прошу выслушать меня повнимательней.

Николенко развил перед командиром полка идею внезапного ночного удара.

- Все это выглядит соблазнительно, - сказал подполковник, - но не очень-то привыкли наши солдаты к ночному бою, да еще в населенном пункте. Ведь народ у нас главным образом из нового пополнения... Не согласится командир дивизии, нет!

- Что у него, голова хуже, чем у нас с тобой?! Постараемся убедить... А насчет солдат правильно заметил: в таком бою особая сноровка нужна. Вот поэтому мы вперед и пойдем, таранить будем, а ваше дело - покрепче поддержать нас, зачистить все концы в Речице и организовать оборону на случай немецких контратак... Тем временем мы метнемся захватывать переправу.

- Нам бы только войти в Речицу, зацепиться.

- И войдем, и пройдем! Давай связывайся с генералом.

- Нельзя о таких вещах по телефону. Лучше съездим!

Против ожиданий подполковника командир дивизии отнесся к предложению партизан очень благожелательно. Задав Николенко несколько вопросов и немного подумав, генерал сказал:

- Согласен! Но ответственность вы берете на себя огромную.

Если только растревожите противника, заставите его подтянуть к плацдарму новые силы - этим испортите все дело. Будем тогда ругаться!

- Не придется ругаться, товарищ генерал! Только скажите вашим людям, чтобы покрепче закреплялись в селе.

- Это мы обеспечим. Желаю успеха нашим помощникам-партизанам!

Едва вернулся Николенко к себе, как снова началась подготовка к бою. Захватила она в первую очередь командный и политический состав батальонов. Рядовые партизаны пока отдыхали, знакомились с красноармейцами, искали среди них земляков, вели с ними бесконечные разговоры. И у бойцов с погонами на плечах, и у бойцов с красными ленточками на шапках было о чем порасспросить друг друга, о чем порассказать.

Вот молоденький партизан в черной эсэсовской шинели, добытой, наверно, в Несухоеже, повествует подсевшим к нему солдатам:

- А работала та Маруся на станции писарем по мелкой переписке - пол подмести, дров принести, а короче говоря - уборщицей. Ей-то мы и послали через связных мину с взрывателем натяжного действия. Задание Маруся получила простое: уничтожить начальника станции. Ну, сами понимаете, заложить мину в кабинете уборщице ничего не стоит! Тут вопрос другой. Кто, спрашивается, за взрыватель потянет? А пусть сам фашистский начальник и тянет, у нас же для этого лишних людей нет. Положила Маруся мину в ящик стола, а проволочку от взрывателя к соседнему ящику подвела и с задней стороны прикрепила. Теперь какой из ящиков ни выдвинешь, все равно мина грохнет...

- Ловко! Ну и как? Взорвался начальник?

- Попробуй тут не взорвись!.. Хоронить было нечего.

- А Маруся?

- Что ей сделается! В партизаны ушла... Поварихой у нас в третьей роте.

В другой группе партизан тоже упоминается женское имя, хотя и не о женщине идет речь. Красноармеец никак не может объяснить нашим партизанам, как действуют реактивные установки - "катюши".

- Нет у нее никакого ствола, это же не пушка! - говорит армеец. Снаряды у "катюши" своим ходом летят, да не по одному, а целой шеренгой, стрелами такими огненными...

- А почему "катюшей" назвали? - интересуются партизаны.

- За голос! - усмехается солдат. - Грохот от залпов протяжный, будто кто песню заводит... Немцы одного голоса ее боятся! Запела

бы тут "катюша", заиграла, так сразу бы всех фашистов из Речицы вымело.

- Посмотреть бы на нее!

- Еще посмотришь! На вид-то ничего особенного: автомашина, а сверху платформочка под брезентом... Зато в бою хороша!

Два парторга, армейский и наш, сидят в стороне и ведут свой большой и серьезный разговор.

- Ну, а как же вы относитесь к коммунистам окруженцам или бежавшим из плена, если у них партбилетов нет? - спрашивает армеец. - Я понимаю, многим зарыть свои партбилеты пришлось или совсем уничтожить, но ведь и на слово нельзя верить, что партийный!

- Конечно, нельзя! Но ведь видно человека, как он себя ведет. Ведь воюет каждый не для того, чтобы умереть, а для того, чтобы жить. Он за Родину борется, за народ, но и за себя тоже, он уцелеть надеется... А уцелеет, так все равно после войны выяснится, если соврал! И разве коммунист льготу какую-нибудь на войне получает? Будь впереди, будь на самых опасных местах - вот тебе и вся льгота.

- Это правильно, - кивнул армеец.

- Мы верим людям, по и кое-что уточняем. У товарищей того, кто заявил себя коммунистом, о нем справляемся, иной раз и на Большую землю запросы шлем... А когда картина ясна, обком наш подпольный постановляет: такому-то подтвердить стаж. Но для обкома мало удостовериться, что действительно вступал человек в партию. Важно, как себя он в плену или в окружении вел, показал ли себя стойким коммунистом, важно, и как теперь, у нас, он воюет.

- Подход у вас всесторонний! Но вот насчет стажа не всегда свидетелей найдешь.

- Не всегда. Расскажу тебе такой случай... Пришел к нам еще в сорок первом году красноармеец минометчик Сергей Мазепов. Из окружения выбрался... Говорит, что коммунист, по билет уничтожил, опасаясь, как бы врагу не достался. И никак мы не можем это проверить! Вышел Мазепов из окружения в одиночку, знавших его раньше людей у нас нет, область, из которой Мазепов, под оккупацией находится, райком не запросишь... Так свою партийность Сергей и не смог официально подтвердить, а все равно и я, и все у нас считали его коммунистом.

- Воевал хорошо?

- Это само собой! Но тут еще и другое... Человек не только из окружения вышел, но и свой ротный миномет вынес! Ты представляешь миномет?! Были люди, что даже пистолеты в

окружении бросали, а он миномет и кассету с минами на себе сотни километров тащил. И к нам в отряд доставил! Разве не по-большевистски? Разве только уже в этом не виден коммунист? Так со своим минометом и воевал у нас Мазепов. Лучший был минометчик.

- Был?

- Погиб Сергей, когда сюда, на Волынь, шли. С честью погиб, геройски...

- Значит, коммунист, - тихо произнес армеец. - А все же как-то странно. Вот есть у вас парторганизации, партийный комитет соединения, обком, а билетов члены партии не имеют...

- Почему не имеют? Вот где наши партбилеты! - сказал партизан, положив руку на левую сторону груди.

Армеец не понял и взглянул удивленно.

- В сердце у нас партбилеты... В сердце! - добавил партизан.

Парторги продолжали беседовать, пока их не вызвали к комиссарам. И армейский и партизанский комиссары говорили с каждым об одном и том же - о задаче коммунистов в предстоящем бою. А разъяснять ее долго не требовалось. Задача коммунистов всегда известна.

Наступление началось в двенадцатом часу ночи.

Для партизан ночь - надежная, испытанная союзница. Под ее черным покровом проскальзывали наши минеры в двух шагах от охраны к железнодорожному полотну. При скупом блеске звезд отряды народных мстителей совершали дальние переходы. Бесшумно пробирались во мгле партизанские связные и разведчики. Молчаливые темные ночи помогали нам окружать полицейские и фашистские гарнизоны, появляться неожиданно у вражеских застав, опрокидывать, бить и гнать ошеломленного, растерявшегося противника.

Вот и теперь безлунная ночь стала помощницей партизанских батальонов, словно прикрыв всех бойцов разом одним огромным маскировочным халатом.

С трех сторон ползли к немецким окопам люди Николенко, Ковалева и Халимона. Ползли и сами командиры. Надо обладать унаследованным от казаков-пластунов особым искусством, чтобы двигаться вот так, приникнув всем телом к земле, не нарушая тишины ни одним звуком. Если и прислушается немецкий дозорный, ничего не услышит он на советской стороне, кроме пиликающей в отдалении гармошки и обрывков заунывной песни.

На гармошке играет по специальному распоряжению комбата-5 легко раненный в неудачной утренней вылазке Костя Крутояров... Хитер Николенко!

А цепи наступающих все ползут и ползут. До брустверов

траншей осталось не больше двухсот метров. Дальше нельзя! Николенко поднял ракетницу. Огненная полоска взметнулась в небо и рассыпалась красными звездами. Грянули залпом партизанские минометы. Еще залп. Еще один. Четвертого не было, чтобы не зацепить своих.

Вместе с первым залпом, с первыми разрывами мин партизаны поднялись и рванулись вперед. Вперед, как можно быстрей вперед! Достигнув окопов, где по ходам сообщения уже мечутся немцы, каждый швыряет вниз по гранате, автоматчики добавляют по короткой очереди - и опять вперед. Не задерживаться! Прыжком через окоп - и дальше, дальше, к селу, которое совсем рядом.

Другой задачи наступающим в первой цепи и не ставилось.

Фашисты в траншеях испуганы, ошеломлены, но потерь у них больших нет, и они уже готовятся открыть огонь в спины проскочившим вперед партизанам. Тут-то и обрушился на них удар второй наступающей цепи. В этой цепи партизаны наступали вместе с красноармейцами. Вместе, плечом к плечу, повели они труднейший бой во вражеских окопах. Короткие автоматные очереди, разрывы гранат, звон и скрежет холодного оружия. И фашисты уже не поднимутся, они сломлены, уничтожены налетевшей бурей.

Армейцы и партизаны снова рвутся вперед, теперь на подмогу тем, кто успел завязать бой в самой Речице. Село прочесывалось хата за хатой. Сначала гранату в окно, затем огонь по выбегающим на улицу гитлеровцам. Быстрота, натиск и тут решали дело.

Обогнув село по западной его окраине, партизанский батальон под командованием Никифора Халимона вышел к Припяти и захватил паромную переправу. На противоположном берегу у немцев имелась лишь небольшая застава. Несколько снарядов, выпущенных армейскими артиллеристами, подавили ее пулеметы. Наступающие смогли на лодках, затем на пароме начать переправляться через по-весеннему полноводную реку.

Село было очищено от врага за какой-нибудь час с минутами. Еще час понадобился, чтобы захватить плацдарм на левом берегу Припяти и занять там оборону. Но фашисты не предпринимали контратак, видно отлично понимая, что потерянного не вернешь.

Да и какими силами могли они контратаковать? Для этого пришлось бы подтягивать резервы из тыла. Гарнизон же Речицы почти полностью был уничтожен. Уцелело лишь несколько десятков полумертвых от страха гитлеровцев, успевших разбежаться в одном нижнем белье. Они бродили мелкими группами в окрестностях села, ожидая рассвета, чтобы сдаться в

плен. Ведь сдаваться ночью рискованно: поднятых рук могут и не заметить.

Николенко столкнулся с командиром полка возле переправы.

- Будем ли ругаться с вашим генералом? - улыбаясь спросил Николай Михайлович.

- Ох, за это не поручусь! Нет-нет! - рассмеялся подполковник. - Лихо воюете! Прямо по-суворовски!.. Потери у тебя велики?

- Трое убитыми, девятнадцать ранеными.

- И только? Невероятно. Вот уж действительно - храброго пуля боится!

- А ты думал!

- Ладно, ладно, не заносись! А помогайте уж до конца... На этом берегу я артиллерию размещаю и тылы, а на том надо окопы полного профиля вырыть. Людей у меня, как ты знаешь, маловато...

- Не уговаривай! Лучше лопатки нашим хлопцам подбрось. Помнится, есть у тебя с полсотни лишних.

- Теперь и трофейных сколько угодно!

Трофеи в Речице были взяты большие. Одни только партизаны захватили у немцев пушку, пятнадцать пулеметов, сотни две винтовок, склад боеприпасов, много продовольствия.

Конечно, партизаны не заносились. Они прекрасно понимали, что армейский полк, с которым вместе довелось воевать, прошел огромный путь, вынес много тяжких боев, нуждался в отдыхе, в пополнении. Маловато осталось в нем старых, обстрелянных солдат. Лишь поэтому и потребовалась полку помощь.

С лучшей стороны проявил себя под Речицей наш славный 5-й батальон. Не один год закалялся он в больших боевых делах, креп и мужал, накапливая опыт. Еще по ту сторону Днепра, в Софиевских лесах, 5-й прокладывал соединению путь из кольца вражеской блокады. Во время рейда на правобережье штурмовал он город Брагин, оставался один у незримых стен Лесограда, когда мы уходили за Стырь, совсем недавно громил эсэсовцев, засевших в Несухоеже. Отсюда и выучка 5-го батальона, и наступательный дух его бойцов.

Днем под яркими лучами сияющего в небесной голубизне весеннего солнца выстроились армейские и партизанские подразделения. К ним обратился прибывший в Речицу командир дивизии.

- Вот и нет у фашистов еще одного плацдарма на Припяти, а у нас есть еще один! - сказал генерал победителям. - К Бресту отсюда, к Бресту, дальше на запад!.. Большую роль в боях за Речицу сыграли партизанские батальоны. Выражаю им за это от лица Красной Армии благодарность... Спасибо, товарищи

партизаны!

- Служим Советскому Союзу! - прогремело в ответ.

И хорошо, весело на душе было у каждого стоявшего в строю. Вообще, как сказал Николенко, весна - дело веселое!

ДОКУМЕНТЫ РАЗОБЛАЧАЮТ

В начале марта, когда часть наших батальонов вместе с армейским полком выбивала немцев из Речицы, свободные силы соединения были брошены против бандеровцев.

Активность этих бандитов усилилась по всему течению Стохода. Шайки украинских националистов нападали на тыловые учреждения Красной Армии, мешали восстановлению Советской власти в освобожденных от оккупантов районах и стремились продвинуться дальше на восток. Воевать с бандеровцами было нелегко прежде всего потому, что эта мразь избегала боев. При первом же столкновении националисты рассеивались по хуторам, прятались там или маскировались под местных жителей, а когда партизаны уходили, опять восстанавливали свои "сотни" и "курени", чтобы сделать новый рывок на восток. Мы уже хорошо знали, с какой целью банды движутся именно в этом направлении. Приходилось перехватывать их засадами, брать в клещи, загонять в мешки.

После одного из боев с бандеровцами работник особого отдела Василий Зубко положил передо мной письмо на украинском языке. Нижнюю часть листка покрывало расплывшееся буроватое пятно крови.

- Почитайте! - сказал Зубко. - Найдено в кармане убитого сотника... Любопытный документ!

Я пробежал письмо. Содержание его действительно представляло значительный интерес, а имя получателя показалось знакомым.

- Не тот ли это Богдан, о котором недавно упоминалось в радиограмме из района Радехова? - спросил я.

- Мартынюк нам сообщал о Богдане Давыдовиче, по должности кошевом, а этот был только сотником... Но возможно, что убитый не получатель, а автор письма, которое просто не успел отослать. В таком случае не исключено, что послание предназначалось Давыдовичу по кличке Железняк. С другой стороны, сомнительно, чтобы кошевой атаман занимался отправкой каких-нибудь пятнадцати человек... Все это мы сейчас выясняем!

- Правильно, надо выяснить. А пока дайте мне серую папку! И захватите донесение Мартынюка...

В серой папке наш особый отдел хранил документы, изъятые у бандеровцев. Конечно, совершенно случайно папка оказалась

такого цвета, но партизаны-чекисты шутили, что случайности тут нет, поскольку шпионская кличка Степана Бандеры в абвере тоже Серый.

Мне принесли папку и расшифровку недавней радиограммы, полученной из-под Радехова. Освежив в памяти донесение нашего разведчика, я убедился, что сообщенные им факты как бы предваряли содержание письма с бурым пятном крови. Из серой папки я вынул еще два документа: лист почтовой бумаги, заполненный плотным косым женским почерком, и фотокопию официального отношения со штампом немецкого коменданта города Камень-Каширского.

Теперь передо мной лежало четыре документа. Они могли служить прекрасной иллюстрацией к тому, как украинские буржуазные националисты, скатываясь все ниже, достигли предела своего падения. Об истории этих документов стоит рассказать, и я начну с письма, написанного женской рукой.

* * *

Один из районных центров Волынской области - город Камень-Каширский расположен в 54 километрах севернее Ковеля, с которым связан железнодорожной веткой. Ветка заканчивалась тупиком и военного значения почти не имела. Поэтому наши минеры ее не трогали.

Население Камень-Каширского достигало всего десяти тысяч человек. Весь городок состоял из нескольких улиц, пыльной торговой площади и одной или двух церквей. В центре высился Народный дом, построенный незадолго до начала войны владельцем ближайшего сахарного завода и другими польскими богачами. Паны-благотворители не пожелали слишком близко общаться с "черной костью" и для своих собственных развлечений оборудовали на крыше Народного дома танцевальную площадку, куда простому люду вход был строжайше запрещен.

Летом 1943 года Камень-Каширский находился в руках бандеровцев. Немцев это беспокоило мало. Их вполне устраивала деятельность обосновавшегося в городке представителя ОУН некоего Устина Кузьменко по кличке Ярослав.

Каждый вечер этот бандеровский фюрер местного значения взбирался на бывшую танцевальную площадку, где для него и для его приближенных устроили теперь питейное заведение, нечто вроде кабака. Тут на свежем воздухе бандитские атаманы глушили крепчайший, двойной очистки самогон, бахвалились друг перед другом своими кровавыми похождениями и орали пьяными голосами "Полесское танго":

Все Полесье в болотах и реках,

Пол-Полесья вода залила...

Кое-где хуторок одинокий,

Только кое-где хаты села.

Ярослав-Кузьменко часто пускался в пляс, подпевая нестройному хору своим хрипловатым испитым тенорком:

Что нам тропики, пальмы, пампасы,

Что Ривьера, и Крым, и Кавказ!

Если видеть хотите красоты,

Приезжайте в Полесье. Ждем вас!

Кузьменко не только пьянствовал здесь, но и вел деловые разговоры, принимал доклады, давал директивы... Доклады были все на один манер: там-то убили столько-то поляков, там-то насильно взяли в банду столько-то крестьян, там-то за связь с партизанами казнены такие-то. Выслушав доклад, Кузьменко ронял только одно слово: "Мало!" И все его директивы сводились к однообразному требованию усилить террор, расширять вооруженные оуновские шайки.

Нам пришлось принять свои меры. Партизаны выгнали из Камень-Каширского бандеровцев и пробыли там с месяц. Десятки бандитов уничтожили мы в бою за городок, но еще важнее для нас было показать населению всего района, что мы гораздо сильнее бандеровцев, хорошо вооружены, дисциплинированны. С жителями городка проводилась большая политическая работа.

Само собой разумеется, что с пребыванием партизан в Камень-Каширском оккупанты примириться не могли. Против нас двинулся из Ковеля целый немецкий полк. Ввязываться в драку и стараться удерживать город нам не было смысла. Занимавший его батальон отошел в лес. Немцы оставили в Камень-Каширском свой гарнизон и учредили здесь комендатуру.

Тем временем представитель ОУН Кузьменко скрывался в одном из самых глухих углов района, именуя себя "руководителем украинской боевой группы Камень-Каширского округа". Вскоре партизаны добрались и до новой его берлоги. На этот раз бегство представителя Бандеры было настолько поспешным, что нам в руки попала вся его канцелярия. Вот каким путем оказалось у нас адресованное Кузьменко письмо, написанное женским почерком. Привожу его целиком:

"Друг Ярослав!

Несколько дней назад приехал в Камень-Каширский новый военрук

ОУН по Камень-Каширскому округу. Он считает, что мы с немцами обязаны

найти общий язык и вместе выступить на борьбу с большевиками. Немцы,

как мне заявил их комендант, полны настойчивого желания

договориться

с украинским народом, а так как с украинцами можно говорить через их

руководителей, то немцы обращаются к вам с предложением встретиться.

Измены нечего бояться. Вы же знаете, что немцы не обманут. Напишите,

когда и где может состояться встреча.

Слава Украине!

И р и н а

6 ноября 1943 г.

Камень-Каширский".

Как вскоре мы установили, автором письма являлась активная оуновка И. Демьяненко, оставленная Кузьменко-Ярославом в "подполье". Насколько условным было это "подполье", можно судить уже по тому факту, что Демьяненко запросто встречалась с немецким комендантом эсэсовцем Альвенслебеном и ручалась за его, если так можно выразиться, благонадежность.

Да и самому Устину Кузьменко нечего было бояться гитлеровцев. Бандера требовал от него лишь создавать иллюзию, что украинские националисты относятся враждебно к немецким фашистам, всячески маскировать их подлинные взаимоотношения. Поэтому-то свидание между Кузьменко и Альвенслебеном состоялось на конспиративной основе.

Они прекрасно договорились обо всем. Самозваный "руководитель украинцев" обязался вести в пользу оккупантов шпионаж и помогать им получать в селах "контингент" - определенное количество рабочей силы для атправки в Германию. В свою очередь представитель оккупационных властей пообещал и в дальнейшем не трогать бандеровцев, снабжать их оружием. Обе стороны сочли за благо хранить достигнутое соглашение в строжайшей тайне.

Но немец не сдержал слова. Уже через несколько дней на совещании председателей волостных управ в Ратном он разболтал о своей встрече с Кузьменко. Бандеровец был возмущен и отправил немецкому коменданту письмо, полное горьких упреков. Альвенслебену пришлось оправдываться, а попутно выложить встречные претензии к союзнику. Вот его письмо, адресованное Кузьменко-Ярославу:

"Камень-Каширский, 80 ноября 1943 г.

Сегодня подтверждаю получение вашего письма от 22.XI.43 г. Таким

образом, письмо шло 8 дней.

1. Ваше обвинение необоснованно. Я в Ратном говорил не о нашем

разговоре. В Ратном я лишь пояснил, что переговоры между немецкими и

украинскими организациями ведутся с целью общей борьбы с красными. Об

отношениях между вами и мной не было упомянуто.

2. Вы мне пообещали детально информировать меня о передвижениях

красных. Я жалею, что ваше обещание до сего времени не оправдалось, и

прошу вас как можно скорее дать мне исчерпывающие сведения о

пребывании в вашем округе красных.

3. Наши обязательства выполняются во всех отношениях и нигде не

ухудшились. Только обязательства доставки контингента еще в целом

ряде сел не выполнены. Я обязан в случае необходимости принять

строгие меры. Сообщаю вам об этом для сведения.

4. Мне бы хотелось еще раз поговорить с вами, и поэтому

приглашаю вас навестить меня дружески здесь еще раз. Я буду считать

вас своим гостем и ручаюсь за вашу полную безопасность.

Фон Альвенслебен, штурмбаннфюрер СС".

Не правда ли, идиллия - штурмбаннфюрер СС приглашает представителя пана Бандеры к себе в гости на чашку чая?! Отношения между друзьями лишь несколько омрачены в силу объективных причин. Нужной эсэсовцу информации о батальонах нашего соединения Кузьменко дать не может. Собрать ее, да еще "как можно скорее", не так-то просто. Я уже рассказывал о печальной, но заслуженной участи Стального и других бандеровско-немецких лазутчиков. Выколачивать "контингент" тоже нелегко. И с вывозкой продовольствия весьма туго. Все, что есть у крестьян лишнего, они с радостью отдают партизанам. Немало продуктов из тех, на которые зарился фон Альвенслебен, попадало на склады моего заместителя по хозяйству Малявко.

В данном случае дело не в этом. Важно отметить, что в ноябре 1943 года оккупанты договорились с бандеровцами лишь по таким вопросам, как разведка и поставка "контингента". Правда, еще и раньше ими проводились совместные карательные экспедиции против партизан, однако для неискушенного глаза они могли выглядеть не совместными, а параллельными, случайно совпавшими.

Но вот прошло три месяца. Красная Армия очистила от захватчиков большую часть Волынской области. Гитлеровцы продолжали отступать. И тут-то мы узнали через подпольщиков, что в еще не освобожденном Глобском районе должна собраться какая-то конференция представителей немецкого командования и представителей УПА. Зачем? Для чего? В нашем штабе решили, что "осветить" предполагаемую конференцию лучше всех сможет Григорий Федорович Мартынюк.

Этот человек обладал многими ценнейшими качествами, в том числе и достоинствами великолепного разведчика.

Он был коренным волынцем, родившимся в лапотной, вечно полуголодной крестьянской семье. С шестнадцати лет Грицко Мартынюк активно работал в подпольной ячейке западноукраинского комсомола. В 1924 году, в год смерти Ленина, он стал членом Коммунистической партии Западной Украины.

Коммунист всюду и всегда коммунист. Живя у себя дома, в селе, Мартынюк работал с крестьянами, вооружал их идеями Ленина, пропагандировал дело Ленина. Когда Мартынюка призвали на военную службу, он и в казармах создал подпольную коммунистическую организацию. Жандармы поверить бы не смогли, что голубоглазый красавец улан, блестящий рубака, лучший стрелок в полку как раз тот человек, которого они ищут.

Вернувшись из польской армии на родину, Мартынюк был избран коммунистами-подпольщиками Глобского района своим секретарем. Сразу окунулся он в большую кипучую работу... Однако на этот раз полицейским ищейкам удалось его схватить. За "подрывную деятельность" Мартынюк получил от польских панов четыре года тюрьмы.

Почти пятьдесят месяцев, около полутора тысяч дней, провел Григорий Федорович в тюремной камере. Тяжкое испытание не сломило его волю. Выйдя на свободу, Мартынюк возобновляет свою активную работу в коммунистическом подполье. Через год с небольшим он снова арестован и предан суду. Теперь, как для неисправимого, приговор строже: восемь лет заключения. И отбывать наказание Мартынюка отправляют в Равичскую тюрьму с особо строгим режимом. В этой тюрьме находилось много видных польских революционеров.

Отсидеть свой срок до конца Григорию Мартынюку не пришлось. В 1939 году, в те дни, когда обанкротилось польское буржуазное правительство и советские войска уже спешили на помощь населению западноукраинских земель, рабочие города Равичи сбили замки с тюремных ворот и освободили политзаключенных.

Вторичное возвращение Григория Федоровича в родной Глобский район было особенно радостным. Волынь воссоединилась с Украиной! Пришла Советская власть! Мартынюк становится в первые ряды строителей новой жизни. Он получает партийный билет советского коммуниста, его избирают заместителем председателя местного райисполкома...

Как это ни странно, впервые я услышал о Мартынюке еще в начале войны у себя в Чернигове. Неизбежность временной

оккупации Черниговщины стала в те дни очевидной. Обком партии подбирал людей для партизанских отрядов. Мне доложили, что среди желающих стать партизанами есть коммунист Григорий Мартынюк, который с частью советского актива Волыни эвакуировался к нам в Чернигов.

Ознакомясь с биографией Мартынюка, я понял, что такой человек и нам бы, конечно, пригодился, но у себя на Волыни, хорошо зная местные условия, имея большие связи, к тому же свободно владея польским языком, он принесет гораздо больше пользы. Не ясно лишь, почему его не оставили в подполье волынские организации? Впрочем, там эвакуация проходила в особых приграничных условиях, в большой спешке, да и никто не думал, что война затянется...

Выяснилось, что в первый же день нападения гитлеровцев на Советский Союз райком партии получил от Мартынюка заявление с просьбой отпустить его в армию. Не отпустили, эвакуировали на восток. И вот теперь Григорий Федорович добивался разрешения вступить в партизанский отряд.

Мы сообщили о Мартынюке в Киев, Центральному Комитету Коммунистической партии Украины. Оттуда немедленно распорядились направить его для подпольной работы в родные места. С фальшивыми документами в кармане, заучив на память адреса явок, Мартынюк долго, со множеством опасных приключений пробирался в Глобский район. Там он стал организатором партизанского отряда и целого куста небольших, но очень активных антифашистских групп. Люди хорошо знали коммуниста Мартынюка, верили ему, шли за ним.

Григорий Федорович принадлежал к тому типу народных вожаков на оккупированной врагом территории, чью подпольную деятельность невозможно отделить от деятельности партизанской. Сегодня он дает на конспиративной квартире задание подпольщику, а завтра ведет во главе отряда бой с фашистами или минирует железную дорогу. Сегодня он в селе или городе, завтра - в лесу. Но в любой день и час, в любом обличье, в любых обстоятельствах остается он верным солдатом партии, выполняющим ее приказ о борьбе с врагом.

Мартынюк действовал со своим отрядом не только в Глобском, но и в соседних районах, и там он был крепко связан с антифашистским подпольем. Всюду у него имелись верные люди, надежная агентура. Мы пришли к выводу, что Григорий Федорович, как никто другой, сможет многое разузнать о предстоящем где-то возле Глоб немецко-бандеровском сборище.

Мартынюк отлично справился с ответственным заданием. Вот поступившее от него по радио донесение:

"3.III.44. Передаю из района Радехова.

26 февраля 1944 года в деревне Малый Порск, Глобского района,

состоялась конференция украинских националистов совместно с немцами.

Со стороны украинских националистов присутствовали: Давыдович Богдан,

кличка Железняк, по должности кошевой, прибыл из Львова, а также

местные националисты (кто именно - пока неизвестно). От немцев

присутствовали командующий группой обороны по реке Стоход полковник

Рубин, майор Шток и другие офицеры.

На конференции договорились о совместных действиях. Основной вид

действия украинских националистов - диверсионная работа в советском

тылу.

Во исполнение решений конференции 29 февраля 1944 года группа

националистов в количестве 60 человек с советским вооружением,

немецкой рацией и радистом, прибывшим из Ковеля, направлена в район

Софьяновки, 12 км юго-западнее станции Маневичи.

По агентурным данным, в районе Радехова зафиксировано около 250

бандеровцев, которые также готовятся немцами для диверсионной работы.

М а р т ы н ю к".

Разумеется, всего этого следовало ждать. От застольных бесед с глазу на глаз представители оккупантов и бандеровцев перешли к объединительным конференциям. Немцы требуют от ОУН и УПА уже не только разведывательных данных или помощи в заготовках. Вопрос ставится о более широких совместных действиях, в частности о подрывной работе бандеровцев в советском тылу. Предатели украинского народа охотно на все соглашаются. С немецкой радиостанцией и немецким радистом они отправятся в район Софьяновки, не подозревая, что там им ужа подготовлена партизанами достойная встреча.

Теперь мы стали подстерегать бандеровские отряды по всему течению Стохода. Ведь с немецким командующим именно этим участком обороны сговаривались украинские националисты в

Малом Порске. Дальнейшие события показали, что бандиты действительно главным образом здесь старались проскочить в советский тыл. Их контакт с немцами становился все более откровенным и тесным. Об этом свидетельствовал и последний из лежавших передо мной документов - письмо с пятном крови, найденное у бандеровского сотника. Приведу его, сохраняя в неприкосновенности стиль и безграмотные обороты речи:

"Друг Богдан, пошлите 15 человек нам в курень, которые должны

прибыть 6.III.44 г., какие будут работать на постройке моста.

3.III.44 г. я в Любязи с Черным договорился с немецким капитаном

Офит, что мы построим мост для переправы немецких войск, за что они

дадут нам подкрепление - два батальона со всей техникой. Вместе с

этими батальонами 18.III мы очистим лес по обе стороны Стохода от

красных и дадим свободный проход в тыл Красной Армии своим войскам

УПА, каких там ждут.

На переговорах мы пробыли 15 часов. Нам был сделан обед.

Слава Украине!

О р е л

5.III.1944".

Все от первой до последней строки красноречиво в этом письме! Оказывается, немецкие капитаны и бандеровские сотники уже легко договариваются по любому вопросу и безо всяких конференций. Немцам нужен мост - бандеровцы с удовольствием его построят... Бандеровцам требуются батальоны со всей техникой - немцы дадут и технику, и батальоны... А чего стоит хвастливое заявление Орла о том, что 18 марта, ни раньше и ни позже, леса по обе стороны Стохода будут очищены от красных! Ему мерещится уже и "свободный проход" в советский тыл и что там ждут не дождутся бандеровцев.

Предатель, кощунственно возглашающий славу Украине, спешит похвастать, что сидел за одним столом с гитлеровцами. Однако в берлинских кабаках и гестаповских школах он и говорить-то правильно по-украински разучился. Никогда украинец не скажет - "сделан обед", это типично немецкий оборот речи.

Забегая вперед, скажу, что, как установило расследование, убитый являлся не автором, а получателем письма. Это был главарь любешовской сотни бандеровцев, его кличка Богдан

случайно совпала с именем приезжавшего из Львова кошевого атамана. Автор письма Орел пока оставался в живых. Подобных бандитов подвизалось на Волыни немало. Сколько их было только с птичьими кличками - Коршун, Ворон, Дятел, Ястреб, Голубь, Сорока! Вся эта стая находилась теперь в ничем уже не прикрытом военном союзе с немецкими фашистами. Руководили же местными оуновцами политические авантюристы и бандиты более высокого полета.

Не так давно исчез с нашего горизонта атаман распавшейся "Полесской сечи" Степан Боровец, он же Тарас Бульба. Где он теперь? Знали мы об этом: в Германии, в Саксентаузене, под мнимым арестом... Еще в ноябре 1943 года он сдался немцам, сам поднял руки, и нисколько на этом не проиграл по сравнению с членами своего штаба.

Владимир Комар, начальник штаба "сечи", - убит партизанами.

Юрий Гамлий, бывший петлюровский офицер, член штаба, - убит партизанами.

Петр Кухарчук, бывший петлюровский полковник, советник Бульбы, - убит партизанами.

Лиходько, бывший петлюровский полковник, личный советник Бульбы, недавно умер, и, вероятно, не от хорошей жизни.

Петр Смородский, бывший петлюровский полковник, член штаба "сечи", жив, перебежал к немцам, работая в Ровенском СД начальником концлагеря и теперь отступает с оккупантами на запад, рискуя получить пулю в затылок.

А вот предусмотрительный господин Бульба-Боровец находится под надежной охраной, и ничего решительно ему пока не угрожает!

Кроме того, ловкий политиканский ход Боровца позволил ему лишний раз сыграть на патриотических чувствах определенной части своих приверженцев. Он предстал перед ними в ореоле страдальца, преследуемого немцами. Но атаману жилось в Саксенгаузене совсем неплохо. На Волынь и в Полесье шли оттуда к бывшим "сечевикам", влившимся в УПА, директивы Бульбы, одобренные СД и абвером.

Точно в таком же положении находился главный фюрер оуновцев Степан Бандера. Этот поповский сынок с Тернопольщины еще в довоенное время числился у гитлеровцев на лучшем счету. Он был завербован германской разведкой в середине тридцатых годов, окончил шпионско-диверсионную школу в Италии, затем успел оказать немецким фашистам множество ценных услуг. Поэтому-то и помогли немцы Бандере, с

благословения самого Гитлера, захватить власть в ОУН, а теперь помогали ему выступать перед рядовыми членами своей организации в роли страдальца. Бандера продолжал руководить украинскими националистами из Германии, заодно делая вид, что имеет разногласия с Боровцом по тактическим вопросам.

Часть украинских националистов поддерживала еще и третьего "вождя", не признававшего ни Бандеру, ни Боровца. Это был Андрей Мельник, в прошлом петлюровский полковник, а затем управляющий имениями небезызвестного графа Шептицкого, львовского митрополита. В свое время Мельника тоже завербовала германская разведка и дала ему кличку Консул-первый. Мельник всегда занимал настолько пронемецкую позицию, так всегда пресмыкался перед оккупантами, что гитлеровцы даже не могли устроить ему фиктивный арест.

Военные формирования мельниковцев действовали главным образом на Львовщине, но иногда проникали и на Волынь. Никаких исключений партизаны для них не делали. Мельниковцев били наравне с другими бандитами.

Все разногласия между атаманами украинских националистов были, по существу, разногласиями при дележе шкуры неубитого медведя. Борьба шла за власть в будущем, за право стать на Украине главным приказчиком Гитлера. Теперь, когда над фашистской Германией нависла угроза поражения, украинские националисты всех оттенков, позабыв о распрях, стали еще активнее помогать своим общим хозяевам. Маскировку они почти отбросили.

Приближалось время (ноябрь 1944 года), когда гитлеровцы выпустят на свободу и Бандеру, и Боровца, как спускают с цепи верных, хорошо натренированных псов. Пока же на украинской земле подвизались лишь эмиссары Бандеры-Серого. В наших краях таким эмиссаром являлся гнуснейший субъект, выступавший под двумя кличками - Клим Савур и Охрим.

Тогда мы еще не знали его настоящего имени и фамилии, не знали, что Дмитрий Клячковский, называющий себя волынско-полесским краевым проводником (руководителем) ОУН, командующим группой УПА-1 "Север", генерал-хорунжим УПА, всего-навсего сбежавший из тюрьмы уголовный преступник. Не знали, но догадывались. Ведь кого из руководителей бандеровцев ни возьми - он либо немецкий шпион, либо убийца, либо жулик, а то и все вместе.

Например, двадцатитрехлетний Юрий Стельмашук (клички Рудый, Кайдаш) тоже ходил в бандеровских генералах и был военным руководителем Ковельского "провода" ОУН. Он лично инструктировал подосланного в наше соединение шпиона

Стального. А кто такой этот Рудый-Стельмашук? Сбежавший из Советского Союза в Польшу уголовник, взятый там в немецкую офицерскую школу, а затем на курсы диверсантов. В июне 1941 года его перебросила на Волынь немецкая разведка.

Вот подобные типы и торговали интересами украинского народа, вступали в сговор с немецкими фашистами, толкали своих подчиненных все дальше по пути предательства. Но за предательство, за измену Родине издавна расплачиваются кровью! Такую цену уже заплатил сотник Богдан. Об этом напоминало лежащее передо мной письмо с расплывшимся буроватым пятном.

* * *

Я все еще размышлял над документами, когда вошел Дружинин и бросил на стол пачку свежих газет.

- Вот что надо читать! - воскликнул комиссар. - Здесь материалы сессии Верховного Совета Украины...

- А ты уже прочел?

- Вместе будем читать. Откладывай свои бумаги!

Мы развернули по экземпляру киевской газеты от 6 марта. Доклад, который обсуждался на сессии, волновал уже своим названием - "Освобождение украинских земель от немецких захватчиков и очередные задачи восстановления народного хозяйства Украины".

Читать мы начали не вслух, а каждый про себя, то и дело обмениваясь шумными восклицаниями. Вероятно, Владимир Николаевич читал немного быстрее меня, потому что он вдруг вскочил с места и почти закричал:

- Смотри, да тут целый подраздел о бандеровцах! И какое с самого же начала убийственно точное определение: украинско-немецкие националисты!..

На сессии разоблачался мнимый уход бандеровцев в подполье, их лживые сказки о враждебном отношении к оккупантам, разоблачался с фактами в руках. Вскоре снова раздался громкий взволнованный голос Дружинина:

- Алексей! Да здесь же есть о сговоре в Камень-Каширском... Это по нашим документам! Читай!..

Верно, с трибуны народного парламента было рассказано всему миру о соглашении между представителем оуновцев и камень-каширским немецким комендантом, причем делались ссылки на документы, имеющиеся в распоряжении правительства Украины. Ведь почти вся захваченная нами переписка Кузьменко-Ярослава была в свое время отправлена в Киев.

- Конечно, по нашим! - подтвердил я и, приподняв со стола газету, добавил: - Вот, в частности, и по этому документу!

Владимир Николаевич взглянул на фотокопию письма Альвенслебена к Ярославу с величайшим удивлением.

- А почему это у тебя здесь? Или ты уже прочел доклад?

- Нет, просто понадобился документ... Совпадение! - ответил я, рассмеявшись.

Дружинин подозрительно огляделся по сторонам, надеясь заметить где-нибудь другой экземпляр свежей газеты, но ничего не обнаружил. Мы снова погрузились в чтение отчета о сессии.

Верховный Совет и правительство Украины обратились к членам ОУН и УПА с призывом вернуться на честный путь, гарантируя им полное прощение. Вместе с тем сделано предупреждение, что те из участников украинско-немецких националистических банд, которые не порвут связей с гитлеровцами-оуновцами и станут продолжать борьбу против советских партизан и Красной Армии, против украинского народа, - те будут беспощадно наказаны как изменники народа, как враги нашей Родины.

Беспощадно наказаны!

Газета лежала поверх письма, запачканного черной кровью изменника Богдана...

Голосом депутатов Верховного Совета Украины говорил весь украинский народ, говорили и мы - партизаны.

СЕКРЕТНАЯ КНОПКА

Советские войска продвигались вперед так стремительно, что на железных дорогах восточнее Ковеля мы уже не ставили мин замедленного действия. Следом за боевыми порядками наступающих шли поезда с военными грузами. МЗД-5, при всех ее качествах, не разберет, свой это эшелон или вражеский, и сработает в положенное время. С начала февраля на близких к фронту участках применялись только мгновенно взрывающиеся мины.

- А сколько не сыграло эмзеде из поставленных зимой или еще раньше? спросил я своего заместителя по диверсионной работе Егорова.

- На сегодняшний день нет сведений о взрыве восемнадцати из четырехсот двадцати двух с прошедшими сроками. Можно допустить, что часть из восемнадцати снята противником.

- Черта лысого их снимешь! А если допустить такую возможность, значит, плохо работали, товарищ Егоров! С брачком.

Старший лейтенант промолчал. Он знал, что насчет плохой работы я сказал для пущей строгости. Алексей Егоров работал блестяще. Совсем недавно он был представлен к званию Героя Советского Союза.

Мины замедленного действия отказывали в редчайших случаях, да и то по причинам заводского брака, не поддающегося выявлению заранее. Могла разрядиться батарейка, могли нарушиться контакты в электроцепи. Под влиянием низких зимних температур капризничали кислотные замедлители, как мы их ни утепляли. Последний дефект представлял сейчас наибольшую опасность. Промерзшая, утратившая было способность разъедать металл кислота могла с потеплением эту способность восстановить, и тогда проволочка, удерживающая замедлитель, растворится, исчезнет, мина будет приведена в боевую готовность и взорвется под первым же паровозом. А вдруг паровоз этот ведет уже наш, советский поезд?!

- Вот что, товарищ Егоров, - сказал я, - все невзорвавшиеся эмзеде нанесите на крупномасштабные карты соответствующих участков. О каждой такой мине ставить в известность наши войска, занимающие дороги. Все до единой необходимо будет убрать, обезвредить. И вот еще что... Хотя я не сомневаюсь в точности вашего учета, пусть повсюду дополнительно проверят, только ли восемнадцать не сработало.

Егоров все сделал, все проверил. Оказалось, что на самом ближайшем к фронту железнодорожном участке Маневичи - Рафаловка невзорвавшихся МЗД нет.

События развивались быстро. В начале марта произошла радостная встреча партизан нашего соединения с наступающими частями Красной Армии. Вскоре после этого нам пришлось расстаться с лучшими минерами. Украинский штаб партизанского движения потребовал откомандировать их в Киев. По-видимому, оттуда наших славных подрывников собирались послать в места, где они были сейчас очень нужны.

Первой распрощалась с Лесоградом группа, в которую вошли Алексей Егоров, командир взвода диверсионной роты Григорий Мыльников, политрук этой роты Николай Денисов, заместители командиров батальонов по диверсиям Всеволод Клоков, Дмитрий Резуто и опытный минер Павел Строганов. Подводой они отправились на станцию Маневичи, чтобы дальше, на Киев, ехать по железной дороге. До Маневичей только-только начали курсировать первые наши поезда.

Весна в тот год была на Волыни ранняя и дружная. Щедро светило солнце, по буграм успела зазеленеть трава, в лесу неумолчно и радостно щебетали птицы. Охваченные чудесным праздничным настроением, ехали к Маневичам партизаны. Впереди - Киев, новая интересная боевая работа. И хотя война еще не кончилась, для них завершился какой-то большой ее этап.

По дороге до станции балагурили, смеялись, пели. А когда

показались Маневичи, каждый почувствовал волнение. Сколько воспоминаний! В этом районе еще недавно минеры действовали особенно активно. Железнодорожные пути на подступах к станции всегда притягивали наших подрывников хорошими подходами по болотцам, прикрытым довольно густым лесом.

Правда, лес на сто метров по обе стороны от полотна оккупанты вырубили. Усилили они и охрану в окрестностях Маневичей. Неподалеку от восточного семафора был даже сооружен огромный дзот с бойницами, обращенными к лесу. Вокруг этой долговременной земляной оборонительной точки был построен бревенчатый бруствер, выкопаны траншеи, ходы сообщения. В общем, целая крепость, или редут, как называли ее партизаны. Но минеры умели незамеченными пробираться к полотну возле самого редута, успешно ставили МЗД там, где было надо.

Дмитрий Резуто, шагая рядом с подводой, вдруг показал на одинокий, будто выскочивший из леса куст:

- Вот, хлопцы, как раз напротив этого куста поставил я сразу две мины - с замедлением и на шнурке. Когда пошел контрольный поезд, подорвал его шнуровой, а когда привели здесь все в порядок, моя эмзедуха подняла эшелон!

- Летом дело было? Помню! - кивнул уралец Всеволод Клоков. - Летом, Митя, работать с эмзеде одно удовольствие... А я здесь со своим взводом зимой тыркался. Только и ставили "под погоду", чтобы замело след.

Непривычно почувствовали себя партизаны, когда подъехали к самой станции. Маленький вокзал и перрон были густо забиты народом. Тут и военные, и гражданские, особенно много женщин с детишками, с узлами. Суета, крики, а где-то в стороне дробный топот танцующих ног и пиликанье гармошки.

Егоров с трудом пробился к охрипшему рыжеватому коменданту с капитанскими погонами и тряхнул перед ним командировочными предписаниями. Уважительно просмотрев партизанские бумаги, капитан сообщил, что поезд в сторону Сарн, где можно пересесть на киевский, уже формируется, но пойдет после того, как пропустят воинский эшелон к Повурску.

- Как? Уже и до Повурска ходят? - удивился Егоров.

- А ты думал! - подмигнул капитан. - Скоро и до Ковеля пропускать будем.

Эшелон ожидался только часа через два - два с половиной, и партизаны решили погулять за станцией. Кстати, надо было пристроить куда-то лошадь с подводой.

- Давайте подарим их отцу Николая Слупачека, - предложил Денисов. Он тут где-то близко живет!

Все одобрили предложение. Коля Слупачек был отличным парнем, любимым проводником минеров. Недавно его сразила вражеская пуля. Отыскали отца погибшего, вручили подарок. Встретили еще знакомых, посидели у них, выпили молока... Потом вернулись на станцию.

Теперь в помещении вокзала никого не было. Все пассажиры толпились на платформе, у самого ее края, и, повернув головы в сторону семафора, вглядывались во что-то напряженно, с явной тревогой.

- Мина!.. Мину нашли!.. - услышали партизаны.

Протиснувшись вперед, они увидели, что у семафора, на путях и далеко вокруг нет ни одного человека, будто ветром всех сдуло, а рыжеватый капитан бежит оттуда к вокзалу, придерживая одной рукой пилотку, а другой полевую сумку. Комендант еще издали заметил на платформе Егорова с товарищами, остановился и помахал им рукой:

- Эй, ребята! Вы нужны... Давай сюда!

Все шестеро спрыгнули с перрона и направились к капитану.

- Беда-то какая! - сообщил тот. - Ремонтники у самого семафора нашли мину. Что теперь делать? Это ведь по вашей части. Пойдем, посмотрите.

Партизаны переглянулись и молча пошли за комендантом.

Мина находилась метрах в пяти от семафора, но не в направлении перегона, а, наоборот, поближе к станции. Осыпавшийся по откосу полотна балласт обнажил желтоватую просмоленную стенку небольшого ящика, стоящего под шпалой. Партизаны с первого взгляда определили, что это мина замедленного действия.

- Она неснимаемая? - спросил комендант.

- Почти неснимаемая, - ответил Егоров. - Взорвать надо!

- А эшелон? Через час эшелон придет. Если взорвать, она же рельсы поднимет?!

- Не без этого.

- Вот видишь! - сказал упавшим голосом капитан. - Рельсы, шпалы менять, насыпь ремонтировать... Разве за час управишься? Нельзя задерживать эшелон.

- Наверно, нельзя! - кивнул Егоров.

- Ты же сказал - почти неснимаемая, - продолжал капитан. - А вдруг снимется... Попробуйте, ребята! Сделайте милость!

- Какая уж тут милость! - усмехнулся Егоров. - Обожди, капитан. Обсудить кое-что требуется.

Минеры отошли подальше. Чудесное их настроение мгновенно испарилось. Теперь все были мрачны, угрюмы.

- Не наша это мина, - сказал Клоков. - Наши у Маневичей все

сработали.

- Возможно, соседи поставили, - согласился Егоров. - Но дело не в этом. Снимать надо!

Никто ничего не ответил. Наступила неприятная, тягучая пауза. Прервал ее старший лейтенант; Оглядев товарищей, Егоров остановил взгляд на Денисове и негромко сказал:

- Иди поработай.

Лицо Денисова сразу поблекло, сделалось каким-то серым, нижняя губа чуть дернулась. Денисов стоял молча и недвижимо, словно окаменев. Егоров понял, что Николай не сможет сейчас снять мину.

Тогда старший лейтенант взглянул на розовощекого блондина Григория Мыльникова.

- Ты, Гриша?

Мыльников опустил глаза. Егоров был уверен, что стоит вторично обратиться к Мыльникову, теперь уже тоном приказа, и Григорий немедленно пойдет к полотну. Но нельзя приказывать человеку сделать почти невозможное. Это "почти" может обернуться реальным шансом извлечь мину лишь в том случае, если человек настолько собрав, спокоен, уверен в себе, что готов добровольно поспорить с поджидающей его смертью.

Алексей посмотрел на Дмитрия Резуто и встретил злой, немигающий взгляд третьего минера. "Раздражен! Не снимет, если и пойдет!" - подумал Егоров. Он знал, что происходит с товарищами. Ни одному из них нельзя отказать в смелости, хладнокровии, понимании своего долга. Личная храбрость каждого испытана в боевых делах сотни раз. Но сейчас нет той боевой, напряженной, мобилизующей обстановки, которая помогает людям собрать свои душевные силы, сжать их в кулак, направить к одной цели. Сияет весенней голубизной небо, ликующе поют птицы, толпятся пассажиры на станции... Всего полчаса назад хлопцы смеялись, шутили, пили молоко, думали о том, как, сядут в поезд и завтра будут в Киеве... И вдруг иди играй в поддавки с хитрой, коварной штукой, способной свалить и паровоз. Нет, никому неохота умирать!

Ну, а что делать? Нельзя задержать эшелон. И зачем обращаться еще к Всеволоду или к Пашке, когда лучше пойти самому?! Передать товарищам пакет в Киев, документы и самому пойти попытаться спять мину... Но тут Егоров услышал голос Клокова:

- Давай я!

Всеволоду Клокову тоже не хотелось умирать под птичий гомон в этот весенний, пронизанный солнцем, казалось бы, совеем мирный день. Он и потом не мог дать себе отчет - почему

вызвался снимать мину. Что послужило непосредственным толчком? Досада ли на ребят, затягивающих дело? Или, может быть, вдруг вспомнил, что здесь, у Маневичей, последнее время особенно много работали его минеры?.. Так или иначе, Клоков решился.

- Только осторожней! - сказал Егоров.

- Не напоминай!

Сбросив плащ-палатку, Всеволод в одной гимнастерке направился к полотну. Обернувшись через несколько шагов, он показал рукой, чтобы остальные минеры отошли подальше. Коменданту и пассажирам ничего не надо было объяснять. Они и так все поняли и издали следили за худощавой фигурой Клокова, медленно пересекающего пустынную лужайку.

Всеволод Клоков был очень знающим минером. К опасной и точной работе подрывника он пристрастился еще на Черниговщине, с первых же месяцев пребывания в партизанском отряде. Довоенная специальность инженера-железнодорожника помогла Клокову изучить все тонкости диверсионной техники. Девяносто шесть раз участвовал Всеволод в подрыве вражеских поездов, шесть эшелонов он пустил под откос лично. Многое сделал молодой инженер-партизан и для усовершенствования самых разнообразных мин. Сколько экспериментальных образцов прошло через его руки! Но вот та, лежащая у семафора, может стать его последней миной.

Клоков подошел к желтоватому ящичку и осторожно присел рядом на скате полотна.

Пока он видел то, что уже успел определить и раньше: работал здесь мастер своего дела. МЗД поставлена не между шпал, а под шпалу, что много труднее, но дает больший эффект. Минер был смел, дерзок, расчетлив. Он заложил снаряд не за семафором, а перед семафором, фактически на территории станции, правильно предположив, что охрана тщательнее осматривает путь уже дальше, на перегоне.

Итак, тут действовал подрывник умелый, храбрый и умный. Но когда он действовал? Полуобнаженная стенка ящика не успела потускнеть, ее просмоленную поверхность лишь местами тронули подтеки. Мина относительно новая... Значит, поставлена она месяц-полтора назад. Вряд ли замедлитель отрегулирован на больший срок! Скорее всего, произошла обычная зимняя история: тормозилась работа кислотного устройства. Теперь же, с потеплением, кислота могла и вчера, и сегодня догрызть проволочку замедлителя.

Впрочем, нет, вчера замедлитель был еще на весу! Иначе проходившие поезда включили бы ток. Предположим, что

проволочный стерженек замедлителя сохранился и до этой минуты. Тогда с величайшей осторожностью можно снять мину. Но эта возможность существует, если только мина "чужая", то есть поставлена соседним или проходившим поблизости отрядом. Если же "своя"?.. Клоков стиснул челюсти. Он знал, что каждая наша мина снабжена тщательно замаскированными кнопками неизвлекаемости.

Всеволод был одним из тех, кто изобретал, совершенствовал эти хитроумные кнопки, кто учил минеров их применять. Сам же он вместе с Егоровым, Павловым, Калачом, Резуто добился того, чтобы кнопки неизвлекаемости действовали безотказно, чтобы обнаруженные противником МЗД рвали в клочья пытавшихся проникнуть в их тайну вражеских саперов.

Итак, прежде всего надо было выяснить, своя ли это мина или чужая. Не трогая ящика с механизмом, Клоков начал отгребать руками прикрывающий заряд грунт. Форма заряда, его обертка скажут многое. Вскоре показался парашютный шелк, перехваченный парашютными же стропами. Знакомая упаковка, знакомая вязка! Не могут они быть точно такими же и у других. Своя мина! Своя... С кнопками.

Но почему в журнале учета отметили, что она сделала свое дело? Клоков догадался. Вероятно, где-то здесь, неподалеку от семафора, взорвалась чужая мина, причем в срок, совпадающий с заданным этой, вот и записали, что сработала своя. А она вот где! Лежит!.. Только и ждет, чтобы громыхнуть сокрушительной силой мгновенно воспламенившегося тола.

Всеволод поднялся с насыпи, засунул руки в карманы и не отрываясь смотрел на парашютный шелк, на просмоленную стенку ящика...

- Эй, Вовка!

Клоков оглянулся. Товарищи почему-то называли его не Всеволодом, а Вовкой, Володей. Кричал Гриша Мыльников:

- Ну что там?

- Наша! - ответил Клоков.

- Бросай! Будем взрывать! - крикнул Егоров.

Всеволод отрицательно покачал головой и снова опустился на колени. Он вынул штык-тесак, достал из кармана гимнастерки и положил на шпалу маленькие ножницы. Пожалуй, пока можно обойтись и этими инструментами! А дальше? Не стоит думать, что будет дальше... Интересно, сколько же времени прошло? Он ничего еще не сделал, а эшелон где-то на ближнем перегоне.

Между шпалой и крышкой ящика была небольшая щель, плотно заполненная грунтом. Кнопка, скорее всего, на крышке. Пальцами правой руки Всеволод начал понемногу сгребать с

фанеры землю и гравий, предварительно прощупывая каждый миллиметр поверхности.

Главная трудность заключалась в том, что кнопка неизвлекаемости это, собственно, вовсе не кнопка.

В крышку, днище или стенки минного механизма вставлена узкая трубка. В трубке утоплен пружинящий стерженек с поперечной металлической полоской на конце. Грунт удерживает стерженек в утопленном положении. Но стоит стержню подняться, как нижняя металлическая полоска замкнет электроцепь, мина будет приведена в готовность и при небольшом сотрясении взорвется.

Клокову предстояло нащупать не выпуклость кнопки, а лишь отверстие трубочки с концом стержня. Он всегда учил минеров лучше обтачивать этот конец, закреплять его обязательно на одном уровне с поверхностью доски, чтобы труднее было найти. Минеры успешно восприняли инструкцию. Теперь Всеволод лишний раз в этом убедился.

Пальцы Клокова все прощупывали и прощупывали крышку, отгребали понемногу землю, но кнопки не было. Работать становилось труднее. Зазор в три-четыре сантиметра между миной и шпалой не позволял свободно просунуть в него ладонь. Вдруг показался лежащий на доске краешек сухого древесного листа. Сильнее заколотилось сердце. Наверно, минер сначала накрыл отверстие трубки листочком, а потом присыпал сверху грунтом. Так сделал бы и сам Клоков. Еще осторожнее он стал продвигать пальцы дальше, прощупал всю поверхность листка, но кнопки не оказалось.

Где находится кнопка, знал только человек, установивший МЗД. Расположение кнопок произвольное, зависит лишь от фантазии минера, который хочет, чтобы его снаряд, если и окажется обнаруженным, не был бы извлечен. Где только не прилаживают партизаны смертоносные кнопки, желая обмануть врага! Вот почему у подрывников существует твердое правило: когда по каким-то особым, чрезвычайным причинам надо снять мину, делает это тот, кто монтировал ее и ставил.

Теперь Клоков нарушал это правило, отлично зная, как опасно не только снимать, но и устанавливать МЗД, подготовленную другим. Однажды мина, смонтированная товарищем, чуть не взорвалась в руках Всеволода.

Как-то осенью Резуто заболел, и Клоков отправился на операцию с его миной: своей готовой не было. Уже на рельсах, заканчивая установку, он вытащил из заряда детонатор, сунул рядом в песок и начал проверять проводку. Кнопка неизвлекаемости была выключена. И вдруг раздался треск, сбоку

взметнулся снопик искр, правую руку ожгла боль от впившихся песчинок. Сработала вторая кнопка неизвлекаемости, искусно скрытая в корпусе мины и не замеченная Клоковым. Он спас себя только тем, что вынул взрыватель из заряда. Но ведь мог бы в спешке и не вынуть.

Клоков продолжал исследовать крышку. Он видел на своих пальцах синеватые отметины, словно нататуированные теми песчинками, что ожгли осенью кисть. Где же эта проклятая кнопка? Нервы напрягались все больше. Лоб взмок от пота. Ну, еще немного вперед, еще чуть-чуть!..

Кнопку все же удалось нащупать. Вот она, под средним пальцем правой руки! Чувствуется отверстие канала. Уперся в кожу податливый стерженек... Наконец-то!

Но теперь Всеволод оказался как бы привязанным наглухо к мине. Свободна лишь одна рука.

А дрозды все свистят, свистят в лесу, и малиновки где-то заливаются веселыми трелями...

Мучительно напрягая мысль, он искал выхода. Нельзя ли воспользоваться кнопкой самосохранения? И как раньше это ему не пришло в голову! Нервы, конечно. Нервы остаются нервами! Только вряд ли воспользуешься. Минер был опытный. Но посмотрим, посмотрим! Клоков начал прощупывать свободной рукой торцовые стороны ящика.

Кнопка самосохранения в МЗД-5 напоминает кнопку неизвлекаемости, хотя имеет совсем иное назначение. Тоже канал, идущий к механизму. В него вставлена деревянная чека-палочка. Чека отсоединяет один из контактов, что дает возможность устанавливать снаряд, не опасаясь взрыва. Когда работа почти закончена, минер вытаскивает чеку и тем самым восстанавливает звено в электроцепи. Палочка-чека заканчивается головкой, которой каждый подрывник обычно придает какую-нибудь определенную форму. Кто делает ее круглой, кто треугольником, иные выстругивают квадратиком, иные овалом. Возвратясь с операции, минер сразу же сдает чеку командиру как доказательство, что дело выполнено до конца.

Не забыл вынуть чеку и тот партизан, что минировал здесь. Отверстие Клоков нашел. Но канал забит камушками, запрессован землей. Правильно! Так и нужно!.. Если бы МЗД извлекал вражеский сапер, даже знающий ее устройство, вставить бы новую чеку он не мог.

Не мог этого сделать и Клоков.

Кто же так классически тут минировал?! Воловик? Казначеев? Или Володька Павлов?.. Да это неважно! Мало ли мастеров! Вот что теперь делать дальше? Ведь эшелон идет, эшелон!.. Одному

не закончить. Помощь нужна. Всеволод обернулся, помахал призывно рукой.

Ему было видно, как с места сорвались одновременно Мыльников и Резуто, но Егоров что-то крикнул, и Дмитрий вернулся назад. Бежал к полотну только Гриша Мыльников, размахивая саперной лопаткой. Правильно! Лучше рисковать сейчас двумя жизнями, чем еще и третьей.

- Нашел? - спросил подбежавший Мыльников.

- Держу!

Теперь Григорий был совершенно спокоен. Он заглянул в щель между ящиком и шпалой, туда, где была рука Клокова, и все понял. Мыльников расстегнул свой планшет и вырвал из него прикрывавший карту целлулоид. Затем они начали действовать молча, понимая друг друга без слов.

Мыльников втискивал под пальцы Клокова целлулоидную пластинку, а тот постепенно убирал онемевшую ладонь. Ее заменила пластинка, придавленная сверху лезвием тесака. Лезвие плотно заклинили камнем.

- Будем шукать вторую? - спросил Григорий, отбрасывая с лица белокурую прядь.

- Поищем!

Нащупать вдвоем еще одну кнопку неизвлекаемости было намного легче. Она оказалась на левой торцовой стороне ящика. Отверстие трубки плотно закрыли, предварительно утопив стержень поглубже.

Минеры присели на полотно.

- Ну, теперь давай рассуждать: есть ли третья? - сказал Клоков.

- Не должно быть! - решительно крутанул головой Мыльников. - Где ему взять время на третью? Да и к чему? Эти две отлично бы сработали...

- Я тоже считаю, что третьей нет. Выходит, поднимать будем?

- Ничего не остается! - согласился Мыльников. - Но ведь просто так ее не поднимешь... Мина наша! Значит, наверняка есть еще и взрыватель от полевого фугаса.

- Конечно, что-нибудь в этом духе есть. Приготовь ножницы и держи тесак, пока я поднимать буду... Эх, до чего хорошо птицы поют, Гриша!

Егоров и остальные минеры, стоявшие в зоне безопасности, видели, как Клоков и Мыльников немного посидели и опять принялись за работу.

- Заряд поднимают... Пойти помочь? - взглянув на Егорова, спросил Строганов.

- Теперь-то помощников сколько угодно! Постой. Нужны

будем - позовут.

От станции торопливо шел комендант.

- Ну как, братцы? - начал он еще издали. - Эшелон у меня на подходе... Пропускать можно?

- Когда он будет?

- Минут через пятнадцать - двадцать.

- Возвращайся на станцию и смотри на хлопцев, что работают у семафора, - сказал Резуто. - Сам поймешь, можно ли пускать! Догадки хватит.

Кивком головы Егоров подтвердил этот мудрый совет.

Рыжеватый капитан не перечил и побежал обратно, держась за пилотку и сумку.

Клоков и Мыльников искали еще один сюрприз, приготовленный вражескому саперу.

На тот случай, если бы кнопки неизвлекаемости были обнаружены, партизаны часто вставляли в заряд не только электродетонатор, но и дополнительный взрыватель натяжного действия. Предположим, вражеские саперы найдут кнопки, механизм мины выключат, но когда они будут поднимать ящик, то потянут за проволочку, идущую от него к фугасному взрывателю, и заряд все равно воспламенится. Эту проволочку и надо было теперь найти.

Встав на колени, Всеволод взялся за ящик, а Мыльников убрал камушек и удерживал штык-тесак рукой. Затем Клоков приподнял ящик на свободные три-четыре сантиметра до шпалы, прижал к ней крышку. Теперь Мыльников мог опустить тесак: кнопку удерживала шпала.

Пространство, появившееся между днищем ящика и зарядом, было слишком узким для работы здесь ножницами, да и никаких проводов не было видно. Страшно напрягаясь из-за неудобной позы, Клоков продолжал держать на весу механизм. Мыльников торопливо расчищал прикрывавший заряд грунт.

- Держи, Вовка, держи! Сейчас, сейчас...

- Быстрее, Гриша!

- Сейчас... Момент! Проводка видна! Еще что-то тянется.

- Режь подряд!

Прошла минута, и Мыльников смог дотянуться к проволочкам. Раз-два! Перерезаны обе.

- Есть! Все! - сказал Мыльников.

- Отбой! - выдохнул Клоков.

Они вынули из-под шпалы ящик, подняли заряд и понесли все это подальше от полотна. Навстречу уже бежали товарищи.

- Ну, что там было? - спросил Денисов.

- Две кнопки и фугасный взрыватель, - ответил Всеволод.

- Сильно! - покачал головой Строганов.

- Чего же она, стерва, вовремя не сработала? - спросил, ни к кому в отдельности не обращаясь, Дмитрий Резуто и поднял ящик с механизмом.

Все обступили Резуто, всех интересовал этот уже чисто технический вопрос.

Дмитрий начал открывать крышку, но тут раздался паровозный гудок, и минеры обернулись в сторону железнодорожного полотна. К открытому семафору приближался воинский эшелон.

- Успели! - сказал Клоков.

Митя Резуто снял с ящичка крышку. Все контакты были в порядке, кнопки действовали, замедлитель в свое время сработал и замкнул цепь.

- Батарейка! Чертова батарейка иссякла! - догадался Павел.

Проверили вынутую батарейку: она действительно разрядилась и не давала тока.

- Зря, выходит, потели! - как-то растерянно улыбнулся Всеволод.

- Кто же знал?! - воскликнул Егоров.

- А фугасный взрыватель все-таки был! - напомнил Денисов.

- Молодцы вы, и Вовка, и Гриша! Прямо герои! - сказал Строганов.

- Эх, надо обмыть это дело! - добавил Резуто.

Глоток-другой, конечно, не помешал бы. Всеволод Клоков чувствовал себя усталым, разбитым... Прошедший час показался ему одним из самых трудных в жизни.

Прежде чем партизаны направились к поезду. Клоков вытащил из взрывного механизма трубочку верхней кнопки неизвлекаемости и положил ее в карман на память. Он долго таскал с собой эту трубочку, пока где-то не потерял.

НОВЫЕ РУБЕЖИ

Вешние воды начинают звенеть тонкими струйками еще под снегом. С каждым днем воздух прогревается сильней, снег все больше рыхлеет, подтаивает, и вскоре вода уже выбивается на его грязноватую, источенную теплом поверхность. Торопливые ручьи весело бегут между осевшими сугробами, сплетая и ширя свои потоки. Они спешат к рекам. Но русла рек давно переполнены. Тогда и реки, и ручьи выходят из берегов, широко разливаясь по долинам. Один за другим рушатся, исчезают последние снежные наметы. Только в тени снег еще белеет небольшими островками. Скоро не станет и его, потому что солнце светит все ярче, а вода все поднимается, прибывает.

Картина весеннего половодья напоминала мне ход советского

наступления на Волыни. Последние снежные островки - это обложенные нашими войсками Ковель, Владимир-Волынский, Заболотье. Почти вся остальная территория области освобождена от захватчиков.

Через широко разлившуюся Стырь, через вышедшую из берегов Горынь, через переполненные клокочущими вешними водами безымянные ручьи и речушки ехали мы с Дружининым в Киев. Радиограмма, срочно вызывавшая нас в Украинский штаб партизанского движения, пришла вчера утром.

- Наконец-то кончится эта неопределенность! - сказал, прочитав ее, Владимир Николаевич. - Ручаюсь, что нас перебросят в Польшу, на помощь Армии людовой.

- Не думаю, - возразил я. - В Польшу уже отправилась бригада имени Василевской, ушли отряды Карасева, Прокопюка, есть там и белорусские партизаны... Нет, скорее всего, получим путевку куда-нибудь в Карпаты или еще дальше.

- Фронт за последнее время уплотнился, трудно будет пробиваться и на запад, и на юг. А что, если нас расформируют? Ведь многие соединения уже расформированы!

- Не будем гадать, Владимир! Сам же сказал: неопределенность кончится... Завтра-послезавтра все узнаем.

Согласно телеграмме, я временно передал командование Дмитрию Рванову, а исполняющим обязанности комиссара мы оставили секретаря партийного комитета Ивана Кудинова. Попрощались с ними наскоро: ведь вряд ли долго задержимся в Киеве, через неделю-другую вернемся...

До Сарн добирались подводами, оттуда до Коростеня - маленькими самолетами-"кукурузниками", предоставленными нам штабом 2-го Белорусского фронта, затем дальше - на "виллисе", взятом в Коростенском горкоме партии. Километрах в тридцати от Киева американская техника подвела: "виллис" испортился, и у шофера не было надежды быстро его исправить. Мы пошли пешком по Житомирскому шоссе.

Это шоссе было прифронтовой магистралью. По обе его стороны еще громоздились подбитые немецкие танки, остовы сожженных автомашин, перевернутые вверх колесами повозки. Навстречу нам двигались нескончаемым потоком колонны с военными грузами. Они спешили к тем участкам фронта, которые назывались в сводках тернопольским и львовским направлениями...

Вскоре мы остановились у обочины, поджидая попутный грузовик. Из лесочка, что тянулся совсем рядом, вышла какая-то женщина и, узнав в нас партизан, протянула каждому по букетику подснежников. Так с этими первыми весенними цветами в руках и

подъехали мы вскоре к украинской столице.

Один из прекраснейших городов мира - древний Киев всегда был особенно хорош весенней порой. Всегда, но не весной 1944 года. Мы увидели обезображенный, израненный Киев, непохожий на тот красивый, веселый город, каким его знали. Мы, конечно, слышали по радио, читали в газетах о варварских разрушениях, произведенных здесь гитлеровцами. Тогда эти горькие вести постигались умом, а вот сейчас все, что предстало перед нашими глазами, отозвалось мучительной болью в сердце.

Проезжаем мимо руин жилых домов, видим развалины заводов "Красный экскаватор", станкостроительного, "Большевик"... Много разрушений на Шевченковском бульваре. Вот обгоревшие корпуса университета, зияющие пустотами окна гостиницы "Украина"...

Сходим с грузовика на углу бульвара и Крещатика. Но Крещатика нет! Главная и лучшая улица Киева разрушена полностью, дом за домом. Вдоль обоих тротуаров тянутся сплошные завалы битого кирпича, погнутых взрывами балок, искореженной арматуры.

Подавленные этим зрелищем, молча доходим до площади Калинина. И тут со всех сторон обступают нас руины. По узкой Софиевской поднимаемся вверх. Бронзовый Богдан Хмельницкий на вздыбленном коне сжимает в руке булаву... А дальше, за памятником, снова видим развалины.

- Враг ответит! - роняет Дружинин.

- Расплата уже идет! - добавляю я.

Нам надо торопиться в Штаб партизанского движения. Он помещался в большом доме на Старо-Подвальной улице, хорошо известном всем киевлянам. Многое в этом доме сразу напомнило мне штабы времен гражданской войны.

Документы у входа проверяли не красноармейцы, а два человека в штатском, перетянутые ремнями, увешанные оружием, с алыми ленточками на шапках. И дальше по лестницам, по коридорам сновал все больше наш брат партизан. Ватники, полушубки, а то и куртки, перешитые из явно трофейных шинелей... Бороды, от широких - лопатой до узких - клинышком... Усы всевозможных фасонов: от висячих запорожских до закрученных тонкими щегольскими стрелками... Бьют по бедрам маузеры в деревянных коробках-прикладах, звякают на груди автоматы, сверкают на поясах треугольные лакированные кобуры с отнятыми у немцев парабеллумами... Чуть ли не на каждом шагу происходят встречи друзей. Люди тискают друг друга в богатырских объятиях, сыплют шутками и радостными восклицаниями, делятся новостями. Судя по долетающим

обрывкам разговоров, большинство прибывших сюда партизан волнует, как и нас, дальнейшая судьба их отрядов.

- Теперь в Словакию...

- Будут расформировывать...

- Хотелось бы подальше, за Вислу...

- Наши уже в армии...

- Район приземления неизвестен...

- Дрались в болотах, сумеем драться и в горах...

Я оборачиваюсь к Дружинину:

- А тебе что больше улыбается - болота или горы? Говори в последний раз - куда нас пошлют?

- Ты же против гадания! Сейчас все узнаем.

Через несколько минут входим в кабинет начальника Украинского штаба партизанского движения генерал-майора Тимофея Амвросьевича Строкача. Он все такой же спокойный, строгий, невозмутимый, каким был одиннадцать месяцев назад, когда прилетал к нам на Уборть. Генерал сердечно поздоровался, предложил сесть. Разговор начался самый обыкновенный расспросы, как доехали да как дела в соединении, но ни слова о том, что нас волновало. Наконец я не выдержал и поинтересовался, зачем нас с Дружининым вызвали.

- Не имею представления, - чуть пожал плечами начальник штаба. - Я вызвал вас по распоряжению Центрального Комитета. Вот завтра обо всем там и узнаете.

- Ну а все-таки?.. Переброска? Расформирование? - спросил Дружинин.

- Не знаю, право, не знаю, - опять повел плечами Строкач.

Он-то, конечно, знал... Но нашел Владимир у кого выпытывать! Нет, как видно, до разговора в ЦК ничего не узнаем!.. Мы условились, что снова будем у Тимофея Амвросьевича завтра в десять ноль-ноль, получила направление в гостиницу и пошли отдыхать, памятуя, что утро вечера мудренее.

Последний раз спал я на кровати с пружинным матрацем, и не в землянке, не в избе, а в хорошей городской комнате, больше года назад, в Москве. Сколько пройдено, сколько пережито за эти тринадцать месяцев! Тогда фронт был под Вязьмой, теперь он под Одессой. Тогда наше соединение воевало на берегах Десны, теперь оно вместе о армейскими частями у берегов Западного Буга... В тот мой приезд, точнее прилет, на Большую землю решался вопрос о разделе Черниговского соединения и нашем рейде за Днепр. А какова будет судьба соединения сейчас?

В половине одиннадцатого утра мы вместе со Строкачем уже поднимались по широкой лестнице хорошо знакомого здания Центрального Комитета Коммунистической партии Украины.

Встретили нас с Дружининым тепло. Поздравили с победами партизан на Волыни. Сказали, что мы свое дело сделали, и притом очень большое дело. Поблагодарили от вмени партии, народа за хорошую службу, а затем объявили, что и для меня, и для Владимира Николаевича война как бы уже закончилась. Центральный Комитет решил использовать нас на восстановительной работе.

Освобождение от врага родной украинской земли завершалось, но почти все наши города и села лежали в развалинах. Во всей республике не было ни одного полностью уцелевшего и нормально действующего предприятия. Начинался весенний сев, а во многих местах приходились пахать на коровах. Все надо было восстанавливать или строить заново, все налаживать - работы в тылу масса. Вот и нам с Дружининым предстояло перейти на хозяйственные рубежи.

А как поступить с Черниговско-Волынским партизанским соединением? Его решили разделить на два самостоятельных: одно под командованием Рванова, а другое под командованием Балицкого. Благодаря разукрупнению каждая из единиц станет более маневренной и получит больше шансов проскользнуть через фронт в Польшу. А жаль, очень все-таки жаль, что уже не придется вернуться к людям, вместе с которыми я провоевал больше двух с половиной лет и прошел огромный боевой путь!

Получить новое назначение нам предстояло те сразу. По настоянию генерала Строкача нас оставили в его распоряжении еще на месяц. За это время надо было написать подробный отчет о боевых делах нашего соединения. Кроме того, нам с Дружининым предоставлялся трехдневный отпуск для поездки к семьям, которые находились по соседству, в Чернигове.

Выходя из здания ЦК, я сказал Дружинину:

- Вот мы с тобой уже и бывшие... Бывший командир и бывший комиссар!

- Приказ не подписан! - бросил Строкач. - А когда и подпишем, все равно, пока не сдадите отчета, вы для меня не бывшие... Дисциплинку не забывайте!

- С вами как-нибудь поладим, Тимофей Амвросьевич! - пообещал я.

На следующее утро мы с Дружининым отправились в Чернигов. Это было 29 марта, накануне дня моего рождения. Хорошо провести такой день в кругу семьи! Лучшего подарка себе и не придумаешь.

Мы быстро доехали до города, который я покинул два года семь месяцев назад, где зародилось наше соединение. Вспомнился мой отъезд из Чернигова, кружащие в небе

"хейнкели", грохот бомбежки и дым пожаров, скачущая по улице хромая лошадь, взятый мною в машину сумасшедший... Чернигов с тех пор еще не раз бомбили, обстреливали. Разрушений в городе много. И с первого взгляда видно, что жизнь здесь только начинает налаживаться.

Знакомый, чудом уцелевший дом. Покидая Чернигов, я так и не зашел сюда, чтобы прихватить с собой хоть что-нибудь в дальнюю военную дорогу. Волнуясь, стучу раз-другой. За дверью - торопливые шаги жены и ликующий визг дочерей.

Нечего говорить, что отпущенные мне на побывку три дня прошли славно. Много радостей принесла не только встреча с семьей. Приятно взволновали, растрогали и многочисленные встречи с друзьями-партизанами, с теми, кто не принимал участия в нашем рейде на запад, остался на Черниговщине и теперь впрягся в нелегкую работу по восстановлению народного хозяйства. Повидал жену, детей, обнял боевых товарищей и Владимир Николаевич Дружинин.

Через три дня мы вернулись в Киев.

Нас несколько пугало предстоящее составление отчета. Мне казалось, что ничего не может быть скучней, чем сидеть в гостиничном номере, перебирать копии собственных же донесений, рыться в старых приказах, вспоминать, подсчитывать, - в общем, заниматься канцелярской канителью. В действительности же эта работа захватила нас, оказалась живым, интересным делом.

Итоговые цифры, характеризующие боевую деятельность Черниговско-Волынского партизанского соединения, были внушительными. Подорвано 683 вражеских эшелона, убиты многие сотни врагов - фашистских солдат и офицеров, полицейских и бандеровцев... Цифр масса - больших, красноречивых, и за каждой из них - отвага и боевая выучка наших славных партизан, их самоотверженность и любовь к Родине!

В процессе работы над отчетом некоторые цифры приходилось переделывать, прибавлять к ним все новые и новые единицы. В Польше продолжала подрывать фашистские эшелоны бригада имени Василевской, на Волыни дрались то с немцами, то с бандеровцами отряды под командованием Рванова и Балицкого.

В конце-то концов этим отрядам так и не удалось пробиться во вражеский тыл. Штаб партизанского движения решил их расформировать. Более трех тысяч наших партизан влилось в ряды Красной Армии, сотни пошли на партийную и советскую работу. Партизаны передали армии много легкого и тяжелого вооружения, колхозам - 1200 лошадей и 500 подвод, нашу

козочку Зойку и ту пристроили в Ровенский зоосад.

И вот уже отчет подписан... Вручая его генерал-майору Строкачу, я спросил:

- Можем ли теперь считать себя свободными от воинской дисциплины?

- От воинской, пожалуй, свободны. Но есть еще и другая дисциплина! Вам с Дружининым надо сегодня зайти в ЦК. Звонили оттуда...

В тот же день Владимир Николаевич получил назначение на партийную работу в Тернополь, а я в Херсон.

А на следующее утро, уже с путевкой ЦК в кармане, зашел я в партизанский штаб, чтобы попрощаться с друзьями. Шагаю по шумному, полному людьми коридору и вдруг слышу откуда-то сбоку знакомые голоса:

- Здравия желаем, товарищ генерал!

Смотрю в ту сторону и вижу одетых в новехонькое десантное обмундирование Всеволода Клокова и Дмитрия Резуто. Интересуюсь, куда это они собрались.

- Военная тайна! Но вам, Алексей Федорович, мы ее доверим! - блеснул зубами Клоков. - Ночью летим в Чехословакию... С выброской! Там наших минеров уже много - Егоров, Глазок, Машуков, Калач, Ярыгин, Грибков, Мерзов... Все самые отборные "крокодилы"! А вот теперь и мы летим. С нами Садиленко, Грачев, еще кто-то...

- Лишь бы эшелончиков у фашистов на всех хватило! - подмигнул Резуто.

- Там пока хватит, - сказал я. - Ну, желаю удачи, товарищи! Передавайте нашим привет... А наказ всем один: не посрамите на чехословацкой земле славы и чести советских партизан!

- Не посрамим. Будьте спокойны, Алексей Федорович! - ответил, глядя мне прямо в глаза, Всеволод.

И я подумал о том, что, хотя нашего соединения уже нет, люди, им воспитанные, им закаленные, продолжают сражаться за дело, которому верны. Только теперь они на новых - военных и мирных - рубежах. Эти рубежи всюду, где ты больше всего нужен.

МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Месяц за месяцем, год за годом наши часы отсчитывают мирное время.

Стрелки делают по циферблату все тот же круг, двигаются с обычной своей равномерностью, но уже давным-давно не отмечают они сроков атак, взрывов, конспиративных свидании. На часы смотрит сталевар, комбайнер, строитель, ученый, космонавт. А время все идет вперед и вперед, изменяя нас, преображая нашими руками землю, на которой мы живем,

отбрасывая все дальше в прошлое боевые годы.

Это прошлое дорого советским людям, как и наши сегодняшние дни, как и наше будущее. Радостно было для меня побывать в хорошо знакомых, навсегда памятных местах, где прошла наша последняя партизанская зима. В первых числах марта 1962 года я выехал из Киева в Ровенскую и Волынскую области для встречи с избирателями, выдвинувшими мою кандидатуру в Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

Из тихого переулка "Волга" вырвалась на шумный простор площади Калинина. В марте 1944 года мы с Дружининым безмолвно стояли здесь среди мрачных развалин. Теперь площадь обступили монументальные здания светлых нарядных тенов: почтамт, красивые жилые дома, консерватория, стройная громада гостиницы "Москва". Но вот машина свернула на Крещатик. Чуть изогнувшись, он уходил вдаль, необычайно широкий, величаво-прекрасный, с опушенными снегом каштановыми аллеями.

Архитекторов, восстановивших главную улицу Киева, подчас упрекают, что они придали излишнюю парадность новым ансамблям Крещатика. Мнение это весьма спорно. Крещатик возрожден из пепла, из руин, он и должен быть вот таким - торжественным, величавым, волнующим. Для меня, как, вероятно, и для многих, Крещатик - не просто городская магистраль, а еще и улица-памятник, воплотившая в себе пафос послевоенного созидания, пафос тех гигантских усилий, с какими восстанавливал наш народ все разрушенное войной.

По обновленному Шевченковскому бульвару, через площадь Победы машина выбегает на Брест-Литовское шоссе. Квартал за кварталом тянутся здесь новые жилые корпуса. А вот и завод "Большевик" с его огромными цехами, гораздо более крупными, чем взорванные оккупантами. Рядом метростроевская вышка. Сюда протянется вторая очередь Киевского метро, которого до войны вовсе не было. Опять заводы - и восстановленные, и новорожденные. Справа - недавно выросшие корпуса Медицинского и Политехнического институтов, а дальше за ними - новые жилые массивы. Город давно вышел из довоенных своих границ.

Наконец Киев остался позади. Спидометр отщелкивает километры по бывшей прифронтовой дороге. Сколько уже лет несет она мирные грузы! Почти не узнать подросшего леска, из которого женщина вынесла нам с Дружининым по букетику подснежников.

Первая остановка в Житомире. И этот город был почти полностью разрушен войной, и он восстал из развалин. Захожу в обком партии, оттуда в облисполком. У себя ли председатель? У

себя. Да вот и он выходит навстречу из кабинета - высокий, густоволосый, удивительно моложавый - Виктор Александрович Кременицкий, бывший комиссар нашей польской бригады.

Уже не первый год работает он председателем исполкома Житомирского областного Совета депутатов трудящихся. Наш разговор о сегодняшних делах часто переходит к партизанским воспоминаниям, к взаимным расспросам о судьбах боевых друзей.

Кременицкий закончил войну в Польше, где бригада имени Василевской стяжала себе прочную боевую славу. Связей со своими соратниками Виктор Александрович не теряет - с кем переписывается, а с кем и встречается, бывая в Польше. Он о многих рассказывает: живы-здоровы, хорошо трудятся, счастливы. Вот только командир бригады Станислав Шелест скончался вскоре после войны. Славный был человек!

- А как там наш знаменитый Мариан? - спросил я. - Как его успехи и самочувствие?

- Все бардзо добже! - ответил Кременицкий с улыбкой. - Работает зоотехником, женат, двое детей... Между прочим, женился на той самой Фране, к которой ходил на свидания в цивильный лагерь.

- Вот видишь! А ты ему за это еще наряды давал...

На следующий день трогаюсь дальше, к Ровно. Оставшийся позади Житомир - в прошлом центр Волынской губернии. Конечно, на территории Житомирской области следов старой - нищей, отсталой и безграмотной Волыни нет и в помине, но особенно отрадно, что нет их и на Ровенщине, ставшей советской много позже.

Я еду по западной стороне древней украинской земли, где борьба с иноземными захватчиками велась в течение нескольких столетий.

Уже на моей памяти, в годы первой мировой войны, был осуществлен в этих местах знаменитый Брусиловский прорыв. Наши партизаны не раз встречали в Волынских лесах братские могилы русских солдат, отражавших натиск кайзеровской Германии. Позже, в годы гражданской войны, сражалась здесь с белополяками знаменитая Первая Конная армия. Именно на Волыни, на ее пропитанных кровью полях, пали в боях за свободу легендарный герой украинского народа Николай Щорс и славный сын братской Югославии, человек с сердцем льва, как его называли, Олеко Дундич. Похоронен Дундич в Ровно, в том городе, где во время последней войны действовал бесстрашный партизан-разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Погиб Кузнецов тоже на Волыни, у села Вербы.

Павшие герои могут спать спокойно в своих могилах. Дело, за

которое они боролись, победило, их мечты стали явью.

В Ровно первая моя встреча с избирателями проходила в актовом зале недавно открывшегося Института инженеров водного хозяйства. Институт размещен в отличном новом здании, здесь учатся около трех тысяч человек. Всего же в Ровно, где при ясновельможном польском панстве было лишь две гимназии, сейчас двадцать две общеобразовательные школы, одиннадцать высших и средних специальных учебных заведений. Большинство будущих специалистов - местные уроженцы, дети тех горемык в прошлом, которые вместо подписей ставили крестики.

Вторая встреча с избирателями - во Дворце культуры Здолбуновского цементного завода. В рабочем поселке вырос действительно настоящий дворец, красивый, просторный, с великолепным зрительным залом, сверкающим паркетом фойе, многочисленными комнатами для кружковых занятий.

Здолбуновский завод сейчас предприятие коммунистического труда. После войны его пришлось восстанавливать, расширять, переоборудовать, чтобы довести производительность до сегодняшней. По соседству выстроен уже и Ново-Здолбуновский цементный завод, оснащенный новейшей техникой. Ходишь-ходишь по этому громадному заводу и почти не видишь рабочих. Все подчинено здесь автоматике.

Новых предприятий в области создано и создается множество. За послевоенные годы Ровенщина стала индустриальной, растут ее успехи и в сельском хозяйстве.

Беседуя с председателем колхоза "Украина" Иваном Ивановичем Яковцем, говорю:

- Вот на круг взяли вы с гектара по сто двадцать пудов зерновых, по тридцать одному центнеру кукурузы, почти по двести шестьдесят центнеров бурака... Откуда такие урожаи? Землица у вас, знаю, не особенно-то важная, солнце не всегда балует...

В ответ Иван Иванович, показывая свою широкую сильную ладонь, восклицает:

- А это у нас на что!

- Согласен: настойчивость, труд могут сделать многое. Но суглинки остаются суглинками!..

- Э-э, нет! - качает головой Яковец и придвигает ко мне стопку книг. - А на что это?

На обложке верхней книги крупно оттиснуто: "Агрономия".

Среди ровенских избирателей немало бывших партизан нашего соединения. После первого же собрания ко мне подошел худощавый мужчина в форме связиста. Лицо очень знакомое, но вот синяя форма сбивает с толку. Подошедший, по-видимому,

понимает мое состояние, улыбается и вместо фамилии произносит два слова:

- Первый батальон!

Этого достаточно... Семянников! Конечно же это Василий Георгиевич Семянников, командир взвода подрывников у Балицкого. Оказывается, теперь он работает в Ровно начальником областной конторы связи. Среди здолбуновских цементников встретился наш разведчик Николаев. Секретарем Сарненского райкома партии работает Тихон Кравчук, которого я помню совсем молоденьким партизаном. Чем дальше еду на запад, тем больше происходит таких встреч.

За Цуманью начинается Волынская область. В Цуманских лесах долго действовали наши батальоны. Тогда, почти двадцать лет назад, подводя итоги боевых операций, мы считали подорванные эшелоны, убитых оккупантов... Суровый военный счет велся всем нашим народом. Армейцы знали, сколько пройдено с боями километров, сколько освобождено от врага сел и городов. Труженики тыла вели счет отправленным на фронт танкам, пушкам, снарядам, самолетам. Теперь нас радуют иные цифры. Хороший мирный счет и у Волынской области!

За послевоенные годы здесь построено 111 новых промышленных предприятий. На полях Волыни работает 4000 тракторов и 1000 зернокомбайнов. В панские времена во всем Луцком воеводстве было 13 гимназий, а теперь на этой же территории свыше 300 полных средних школ. По сравнению с 1939 годом количество врачей увеличилось здесь в 18 раз. Медицинских учреждений на Волыни сейчас больше, чем во всей Турции с ее тридцатимиллионным населением*.

_____

* Напомню, что эти цифры относятся к началу шестидесятых годов.

За последние двадцать лет они значительно выросли.

В области набирают силы совершенно новые для нее отрасли промышленности - угольная, машиностроительная, станкостроительная, льноперерабатывающая. Возникают новые поселки и города. Был я на встрече с избирателями в Ново-Волынске. Этому городу шахтеров всего несколько лет. Весь он чистенький, красивый, благоустроенный.

Побывал я и в Лупке, Владимире-Волынском, Ковеле. Всюду - стройки, всюду жизнь хорошеет, и везде люди довольны своей жизнью. Встречаться с ними было приятно, радостно. И все же в каком-то особо приподнятом настроении, в предчувствии еще более волнующих встреч, выехал я на север от Ковеля, в районы бывшего партизанского края.

Каких-нибудь двадцать минут езды, и вот оно - Несухоеже, раскинувшееся на берегу Турьи местечко! Отсюда в феврале 1944 года партизаны выбивали эсэсовцев, здесь показали свою доблесть наши батальоны, тут погибли майор Григоренко и веселый Сережа Каменский, был ранен Негнемат Маханов. Ничто не напоминает сегодня об упорных боях, которые вели мы в Несухоеже трое суток. Местечко давно отстроилось, залечило все раны да еще и заметно разрослось.

Еду дальше на север по занесенной снегом равнине. Следующая остановка в селе Верхи. Село это очень разбросано, вокруг центра кустятся отдельные хуторки. Долго не могу найти тот из них, где размещался при наступлении на Ковель наш командный пункт. В одном месте вышел из машины, хожу, присматриваюсь к хатам - и здесь вроде бы, и не здесь. И вдруг подбегают ко мне две женщины - пожилая и совсем молоденькая, и та, что уже в годах, говорит:

- Здравствуйте, Алексей Федорович! Не узнаете? Вы же стояли у меня со своими командирами... Вон в той хате! Рядом радиостанция ваша была... Я еще борщ вам готовила.

Сразу вспоминаю и хату, и хозяйку, и ее вкусный борщ. Женщина показывает на стоящую рядом молодицу:

- А это дочка моя! Ей тогда еще и двух лет не минуло. Вы на руки ее брали, все подкидывали... Помните?

Где уж тут удержать в памяти такие подробности! Но говорю, что помню, и молодица, которую сейчас уже никак к потолку не подкинешь, застенчиво улыбается. Разговорились. Мать потеряла на войне мужа, дочь - отца. Сейчас обе работают в колхозе, живут хорошо.

- Хоть бы только войны больше не было! - сказала старшая на прощание.

От многих и при самых различных обстоятельствах приходилось слышать эту фразу.

Вскоре я уже подъезжал к городу Камень-Каширскому. Знакомые улицы, площадь, знакомое здание с маленькой танцевальной площадкой, где сначала прохлаждались паны и паненки, а потом пьянствовал самозваный "представитель украинцев" Кузьменко-Ярослав, друг немецкого коменданта-эсэсовца Альвенслебена. Прогнали панов, разгромили оккупантов, бежал без штанов, растеряв свою канцелярию, и бандеровец. Теперь в здании с маленькой площадкой на крыше - районный Дом культуры, а в нем уже собрались мои избиратели.

Зал полон... Тут мастера высоких урожаев и знатные животноводы, искусные строители и опытные механизаторы, агрономы и зоотехники, учителя и врачи. Кем были они или их

родители до Советской власти? Нищими, безграмотными, темными, забитыми людьми. Но как только пришла Советская власть, поняли каменькаширцы, что эта власть самая правильная, самая справедливая. Ее-то они и защищали, не жалея своей жизни.

Среди собравшихся, судя по орденским ленточкам, немало бывших солдат. Встречаюсь глазами и с бывшими партизанами, подпольщиками. Вот сидит Петр Кистенюк, там дальше - Адам Невара и Макар Макарчук. Постарели, заметно постарели мои боевые друзья! Вижу Николая Букало, Марию Шпанчук, узнаю медицинскую сестру Любовь Ильиничну Мациюк. Многие из каменькаширцев во время войны носили на шапках красную ленту или помогали тем, кто ее носил.

Слушаю выступления доверенных лиц, отмечаю в блокноте требования, наказы, адресованные будущему депутату. Что заботит волынских избирателей? Там-то построить школу... Там-то расширить больницу... Туда-то проложить дорогу... Туда-то и туда послать специалистов... Сколько уже строили, расширяли, прокладывали, посылали! Но народ хочет, чтобы завтра было лучше, чем сегодня, народ смотрит вперед.

Из Камень-Каширского поехал в село Большой Обзырь, где председателем колхоза бывший наш партизан Карп Константинович Бабич. Колхоз крупный, многоотраслевой. Карп Константинович справляется со всеми делами так же успешно, как справлялся когда-то со многими отраслями своей партизанской деятельности - разведкой и диверсиями, налетами на фашистские гарнизоны и борьбой с бандеровцами.

В селе - хорошие клуб, школа, больница, много новых построек. После предвыборного собрания большой и шумной партизанской семьей рассаживаемся мы в доме Карпа Константиновича за столами, накрытыми к ужину. Бойцы вспоминают минувшие дни... Как же без этого?! Но всем хочется рассказать и о сегодняшних своих делах. Говорят о них бывшие партизаны сдержанно, скупо, должно быть опасаясь показаться нескромными, только, право же, скромничать тут нечего. Один неплохо наладил работу в мастерской, которой руководит, у другого бригада собрала отличный урожай, третий окончил после войны техникум, затем был прорабом, а теперь возглавляет строительную контору.

Почти у всех подросли дети, стали хорошими, трудовыми, образованными людьми. На детей никто не жалуется. Видно, выросли такими, что отцов и матерей своих не посрамят.

- А как ваши дочки, Алексей Федорович? - интересуется Бабич.

- Спасибо, живы-здоровы! Старшая - директор школы, средняя работает в Доме партийного просвещения, младшая теперь инженер-химик. Да у меня уже и внуки есть!

Есть они и у других сидящих за столом.

Кто-то затянул любимую партизанами старинную песню:

По-над лугом зелененьким

Брала вдова лен дрибненький...

Ее сразу подхватили несколько голосов. Как и тогда, в землянках или у костров, звучала песня раздольно в мощно, вызывая думы, волнуя сердца.

Из Большого Обзыря еду дальше на север, в Любешов - партизанский городок. Его жители помнят, как в 1943 году долго стоял в городе наш гарнизон, восстановивший здесь Советскую власть. Заглядываю в парк, где я делал доклад любешовцам, отыскиваю здание, в котором помещалась наша комендатура... Много у меня в Любешове встреч с людьми, уже постаревшими, поседевшими, но как приятно, что теплым словом вспоминают они партизан!

И еще одна волнующая встреча произошла у меня в ту мартовскую поездку, встреча с партизанским другом - густым, старым лесом за рекой Стоход.

Молчаливы, недвижимы густые чащи, подступившие к узкой просеке. Но вот по обе стороны от нее словно попятились огромные сосны и ели, дубы и березы, образовав две поляны. Здесь был Лесоград! Все завалено снегом. Летом, возможно, удалось бы обнаружить остатки наших землянок, но сейчас приходится лишь прикидывать, что вон там был штаб, левее располагались минеры, рядом - связисты, еще дальше стояли разведчики... А лес тот же могучий, суровый, красивый, высоко поднявшийся к небу, глубоко ушедший корнями в землю. Только на полянах и между старыми стволами уже появился и крепнет стройный молодой подлесок.

Он хорошо защищал партизан, этот лес у Стохода! Вспомнилось начало последней партизанской зимы, когда оккупанты вместе с бандеровцами пошли против нас в наступление. Хвастливых обещаний врага раздавить, уничтожить партизан было столько же, сколько и обещаний уничтожить Красную Армию. Известно, чем все это кончилось! Но когда фашистская Германия уже лежала поверженной в прах, оуновские бандиты еще пытались здесь, на западе Украины, пакостить нам, мешать.

Разбойничали они недолго. Народ помог Советской власти обезвредить их шайки. В 1945 году возле села Суск во время облавы с участием колхозников было уничтожено несколько

вооруженных до зубов националистов. В одном из них опознали Клима Савура-Клячковского, руководителя Волынско-Полесского "провода" ОУН, командующего группой УПА "Север", самозваного генерал-хорунжего. Быстро покончили и с другими атаманами, рангом пониже, а люди, обманутые, сбитые ими с пути, сами приносили повинную. Большинство получило прощение и теперь честно трудится.

Степан Бандера кончил свою грязную жизнь на дне лестничной клетки захудалого мюнхенского отеля. Несостоявшегося "фюрера всея Украины" столкнули туда его же сообщники, с которыми он чего-то не поделил... Жалкие остатки украинско-националистического сброда обивают сейчас с протянутой рукой пороги капиталистических разведок. Согласны на все и берут недорого.

А вот украинский народ, который оуновцы собирались "спасать", здравствует, процветает, полный силы. Народ наш стоит, как этот вековой могучий лес, и хороший у него зеленеет подлесок.

Объехал я Волынь, Ровенщину. Народ здесь, хотя и был надолго оторван от Родины, идет теперь в ногу со всеми советскими людьми, ничуть от них не отставая. Это тоже один из величайших итогов нашей победы над силами фашизма.

Возвращаясь в Киев, я думал о моих товарищах по борьбе во вражеском тылу. После последней нашей партизанской зимы большинство черниговo-волынцев продолжало громить фашистов, влившись в армейские части. Многие дошли до Берлина, до Эльбы, а кто и погиб со славой. Вернувшиеся с фронтов продолжали и продолжают наше общее дело, за которое сражались с оружием в руках.

Всех не вспомнишь, о всех не расскажешь. Хочу познакомить читателя с послевоенными судьбами лишь некоторых партизан, упомянутых в этой книге и в книге "Подпольный обком действует", прежде всего с судьбами тех, кто заслужил высокое звание Героя Советского Союза*.

_____

* Все сказанное ниже о деятельности моих боевых соратников и друзей на мирном поприще относится к первым послевоенным десятилетиям. К началу же восьмидесятых годов многих из упомянутых, к великому сожалению, уже не осталось в живых.

Из партизан нашего соединения, воевавших на Волыни, стали Героями кроме В. И. Бондаренко, получившего это звание

посмертно, еще десять человек - Г. В. Балицкий, В. Н. Дружинин, А. С. Егоров, Б. Ф. Калач, В. И. Клоков, Ф. И. Кравченко, П. А. Марков, В. В. Павлов, Д. М. Резуто и автор этих строк.

С нашим бывшим комиссаром Дружининым встречаюсь я часто. Несколько лет Владимир Николаевич работал председателем исполкома Крымского областного Совета депутатов трудящихся, затем стал заместителем министра пищевой промышленности УССР.

Вскоре после окончания войны Алексей Семенович Егоров стал заместителем председателя исполкома Кировоградского областного Совета депутатов трудящихся. Живет в Кировограде и Григорий Балицкий, бывший командир 1-го батальона. Он заведует административным отделом обкома партии. Бывший командир 3-го батальона Петр Андреевич Марков вернулся в родные края, на Брянщину, где, как и до войны, руководит заводом. Бывший командир 6-го батальона Федор Иосифович Кравченко - в Москве. Он продолжал служить в армии и лишь недавно по состоянию здоровья вышел на пенсию. Но не в характере Феди (для меня Кравченко и в 50 лет - Федя!) сидеть без дела. Он ведет большую общественную работу в Советском комитете ветеранов войны, всегда занят.

Интересно сложились судьбы наших героев-минеров, этих храбрецов, настоящих людей подвига, и в то же время простых, скромных, душевных товарищей. Токарь-инструментальщик Черниговской МТС, затем командир одного из наших диверсионных взводов Борис Филиппович Калач после войны партработник в Гомельской области. Дмитрий Миронович Резуто трудится в одном из киевских научно-исследовательских институтов. Вместе с Клоковым партизанил он в Высоких Татрах, помогая освобождению Чехословакии. На груди у Резуто и Клокова рядом с Золотыми Звездами Героев Советского Союза - боевые чехословацкие ордена. Резуто и Клоков - почетные граждане селения Угровец в Чехословацкой Социалистической Республике. Их именами названа школа.

Ну, а где теперь и чем занят Всеволод Иванович Клоков? Он в Киеве. Все такой же стройный, синеглазый, улыбающийся, но уже с серебром в волосах. Изменил Всеволод своей довоенной профессии инженера железнодорожного транспорта. После демобилизации Клоков увлекся историей Великой Отечественной войны, а затем историей борьбы славянских народов с фашизмом. Да еще как увлекся! Ныне Всеволод Клоков - доктор исторических наук.

Владимир Владимирович Павлов - самый молодой из наших минеров. Я шутя часто говорил Володе, что после всех дел,

которые он натворил на железных дорогах, его не примут обратно в транспортный институт. Почти так и получилось. Правда, Владимир Павлов институт закончил, но по инженерной специальности почти не работал, а стал журналистом, и притом отличным журналистом.

Не торопились уходить на покой многие наши партизаны. Взять хотя бы доктора Гнедаша (ныне он - заслуженный врач УССР, кандидат медицинских наук). После войны Тимофей Константинович принялся за разработку интересной и важной проблемы. Очевидно, толчок его поискам дал тот случай, когда Гнедаш провел мучительную ночь у изголовья своего раненого коллеги Кривцова, нуждавшегося в срочном переливании крови. Вместе с другими киевскими медиками Тимофей Константинович нашел способ обработки и консервации крови животных, делающий ее вполне пригодной для переливания человеку.

От бывшего нашего главного хирурга узнал я о Павле Антоновиче Мышлякевиче. Когда-то находившийся на грани смерти, минер чувствует себя превосходно, он давно вернулся к своей довоенной профессии агронома. Дочь Мышлякевича - маленькая партизанка Тома - окончила балетное училище.

Возвратился к педагогической работе Федор Ильич Лысенко, в прошлом командир 7-го батальона. На культурном поприще трудится Василий Яковлевич Коновалов, бывший наш ротный политрук и руководитель художественной самодеятельности. А вот связист Анатолий Васильевич Маслаков и минер Григорий Сергеевич Мыльников остались в армии, оба дослужились до звания полковников. Возглавлявший нашу группу дальней разведки капитан Устин Феоктистович Дроздов ныне генерал-майор.

- Ну как, товарищ генерал, а сильны у тебя "сметанники"? Помнишь, дальних разведчиков называли у нас "сметанниками"? - как-то спросил я Дроздова.

- Еще бы не помнить! - воскликнул, рассмеявшись, Устин Феоктистович и уже серьезно добавил: - Не беспокойтесь, у современной армии все в полном порядке, и разведчики у нее отличные... Только сидят они теперь не в кавалерийских седлах, а у радаров и вычислительных установок!

Недавно уволился из армии в запас и занялся мирным трудом Михаил Максимович Глазок, младший представитель славной партизанской фамилии. Он сейчас в Харькове.

Сразу же после войны пошли на советскую и партийную работу бывшие партизанские командиры Д. И. Рванов, Н. М. Николенко, А. С. Сидорченко, Н. В. Денисов и многие другие. Партийные и советские работники - это прежде всего

организаторы. Откуда же взялись организаторские способности и таланты у наших штабников, комбатов, разведчиков, минеров? Не только воевать, но и быть хорошими организаторами, уметь работать с народом, всегда опираться на народ научила их наша партизанская борьба.

Какая это огромная жизненная школа! Война в тылу врага требовала от человека многого, но и давала ему многое. Она ставила людей в условия, развивающие все их способности, помогала проявиться всем их лучшим человеческим качествам, что характерно и для партизанского движения в других странах.

В послевоенные годы я не раз бывал в Чехословакии, Венгрии. И здесь бывшие партизаны стали прекрасными организаторами, передовыми бойцами мирного, созидательного фронта. В Будапеште я встретился и крепко расцеловался с нашими "практикантами" Шандором Ногради, Уста Дьюлой, Пал Палычем Корнышем и другими. Многое из советского партизанского опыта они успешно использовали в последний период войны у себя. Теперь же мои боевые венгерские друзья хорошо работают на самых разнообразных мирных постах.

Летом 1963 года побывал я на острове Свободы, в Гаване, возглавляя делегацию советской общественности на празднествах в честь 10-летия с начала национального восстания кубинского народа.

На огромной, залитой ярким тропическим солнцем площади имени Хосе Марти собрался миллион, не меньше миллиона, кубинцев.

Фидель Кастро обращается к народу с речью. Она волнует даже нас, не знающих языка, зажигая своим пафосом, темпераментом. Вокруг премьер-министра Кубы его соратники. Почти все они в прошлом - партизаны. С партизанской войны началась на Кубе борьба против кровавой диктатуры Батисты. Из партизанских отрядов начала складываться революционная армия Кубы. И вот теперь многие бывшие партизаны, так и не сбрив отпущенных в горах и джунглях бород, уверенно справляются с руководящей работой.

Часто слышишь по радио, читаешь в газетах о партизанах Южного Вьетнама, Южной Кореи, некоторых латиноамериканских и африканских стран. Партизанское движение возникает всюду, где идет освободительная борьба, где народ поднимается против поработителей. Народы победят и там! Немеркнущими путеводными звездами сияют для них огни социалистического содружества.

О том, как много значили для кубинцев эти путеводные звезды, рассказывал нам Фидель Кастро, когда мы гостили в

Гаване. Фидель был еще полон впечатлений от первой своей поездки по Советскому Союзу. "И это мы сделаем! И это!" - говорил он о многом из увиденного у нас.

А однажды советские делегаты сидели с Фиделем на просторной террасе, и под шум прибоя Мексиканского залива, под шелест пальм он вдруг вспомнил Ленинград, Неву, крейсер "Аврора", на котором побывал. "Аурора", произнес Кастро немного по-своему. И вот тогда там, на Кубе, сразу же подумал я о вольшеком партизане Георгии Ивановиче Головие.

Был он совсем молоденьким матросом, служил на "Авроре", познакомился с большевиками, потом услышал и самого Ленина. И на всю жизнь запали в душу волынского крестьянина ленинские идеи борьбы за справедливость, за лучшую долю. Никто не мог сломить матроса с "Авроры": ни польские жандармы, ни германские оккупанты, ни злодеи бандеровцы.

На старости лет пошел Георгий Иванович в партизаны, пошел с теми, кого вела Коммунистическая партия и кого привела она к победе.

...Я думал об этом, прислушиваясь к рокоту прибоя, к шороху пальмовых листьев, но перед взором опять вставал наш старый партизанский лес, могучий, непоколебимый, с подрастающими меж кряжистых стволов молодыми дубками и березами.